

БАТЫЙ



Алексей
Карпов



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Вниманию читателей предлагается биография одного из самых жестоких завоевателей в истории европейского Средневековья, разорителя Руси и создателя Золотой Орды. Само его имя звучит зловеще, заставляя вспомнить ужасы Батыевщины — кровавого монгольского нашествия XIII века и двухвекового ордынского рабства. Но история Батыя, хотим мы того или нет, есть неотъемлемая и очень существенная часть нашей истории, а потому и биография его, несомненно, заслуживает того, чтобы быть представленной в серии «Жизнь замечательных людей», в ряду биографий других ключевых фигур нашего прошлого.

- [Алексей Карпов](#)
 - [Несколько слов в защиту автора](#)
 - [Наследие Чингисхана](#)
 - [Западный поход](#)
 - [Разгром Руси](#)
 - [«Силою Вечного Неба...»: ссора с царевичами](#)
 - [Завершение Западного похода](#)
 - [Золотая Орда](#)
 - [«Глухое царство»: русские в ставке Батыя](#)
 - [На вершине могущества](#)
 - [«Саин-хан»](#)
 - [Примечания](#)
 - [Основные даты жизни Бату \(Батыя\)](#)
 - [Краткая библиография: источники и литература](#)
 - [Указатель имён](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
 - [47](#)
-

Алексей Карпов
Батый

Несколько слов в защиту автора

Признаюсь: не без содрогания решился я на то, чтобы издать эту книгу. Всё бы ничего, если бы не вторая буква в аббревиатуре знаменитой молодогвардейской серии. Поставить в ряд «замечательных людей» одного из самых свирепых завоевателей в истории европейского Средневековья, разорителя Руси, человека, залившего кровью едва ли не бóльшую часть Европы — от Урала, Волги и Камы до Адриатического моря? Возможно ли это? И не оскорбительно ли для нашей исторической памяти и патриотического чувства? Понимая, что упрёки такого рода, по всей вероятности, неизбежны, считаю нужным предварить дальнейшее повествование некоторыми пояснениями — не столько в защиту героя, сколько в защиту автора этой книги.

Прежде всего стоит, наверное, напомнить о том, что серия «Жизнь замечательных людей» отнюдь не является некой «доской почёта», куда имеют право быть допущены одни лишь «положительные» исторические персонажи. Хотя бы потому, что степень «положительности» того или иного исторического лица — вещь весьма субъективная и относительная, и попытка высчитать её (и, соответственно, определить право на то, чтобы занять место в ряду «положительных» и «замечательных» героев) изначально обречена на неудачу. Кто может скачать, например, насколько «замечательными» и достойными включения в этот ряд являются Иван Грозный или Наполеон, Пётр I или Александр Македонский, Карл XII или русский князь Святослав? Не говорю уже о Чингисхане и Тимуре (Тамерлане), типологически наиболее близких герою настоящей книги. Между тем представить без них серию «ЖЗЛ» едва ли возможно. Существует иной критерий включения исторических деятелей в ряд «замечательных людей» — их роль в истории, влияние на ход событий, происходивших в той или иной стране или в той или иной части света, их значимость наконец. Этот критерий кажется

более объективным и более обоснованным — и вот ему-то все названные лица, включая Батыя, несомненно, отвечают.

Возразят: личность Батыя занимает особое место даже в ряду других кровавых завоевателей, ибо с его именем связано страшное монгольское нашествие, обрушившееся на Русь в конце 30-х годов XIII века. По силе разрушительного воздействия на ход русской истории оно не имеет себе равных. Это нашествие унесло жизни огромного числа людей, стёрло с лица земли сотни, если не тысячи городов и селений, до основания разрушило экономику страны, свело на нет целые отрасли ремёсел, безвозвратно сгубило бесценные памятники культуры, на два столетия поставив Русь на колени и едва не уничтожив саму русскую государственность. Почти двухвековое ордынское иго — самая чёрная, самая страшная глава нашей истории. А потому и личность Батыя в нашем сознании предельно демонизирована. В силу генетической памяти поколений русских людей Батый однозначно воспринимается как носитель некоего абсолютного зла, как некая всеразрушающая тёмная сила, поистине порождение преисподней. Но субъективизм и заданность восприятия — не лучшее подспорье в работе историка. Тем более что эта книга — не только о жестоком и кровавом завоевателе, но и о политике и государственном деятеле, не только о разрушителе, но и о созидателе — как ни парадоксально звучит это слово применительно к Батыю. Ибо нельзя забывать, что Батый, помимо прочего, был создателем огромного и оказавшегося весьма жизнеспособным государства — Золотой Орды, просуществовавшей около двух столетий и оставившей неизгладимый след в истории всей Восточной Европы. Влияние Золотой Орды ощущается в нашей жизни и по сей день, и многие родовые черты нашей государственности, политической системы, ментальности могут быть объяснены через историю вхождения русских земель в состав этого государственного образования. Было бы принципиально неверно разделять в Батые две эти ипостаси — разрушителя и созидателя, противопоставлять одно другому, выбирать, кем он был в большей степени. Так

в истории не бывает. Созидатель вполне уживался в Батые с разрушителем, а жестокий завоеватель — с умелым политиком, находившим возможность управлять подвластными ему территориями не только с помощью страха, но и с помощью законов, и снискавшим себе славу справедливого и даже милостивого правителя, — во всяком случае, именно так отзываются о нём многие современные ему хронисты. В исторической памяти тюркских народов (например, в хивинских преданиях, записанных в XVI–XVII веках) Батый, напротив, предстаёт идеальным правителем, которому стремятся подражать другие ханы, даже не принадлежащие к числу его прямых потомков. Более ста лет тому назад выдающийся русский востоковед академик Насилий Владимирович Бартольд отметил этот удивительный парадокс. «Батый в глазах русских летописцев был только “лютым зверем”, — писал он, — между тем он не только получил от самих монголов прозвище “доброего хана” (*Саин-хан*), но прославляется за свою кротость, справедливость и мудрость мусульманскими и армянскими писателями, нисколько не расположенными хвалить монголов»¹. И этот парадокс, несомненно, нуждается в объяснении — в том числе и для русского читателя, привыкшего к однозначному, сугубо отрицательному, демоническому восприятию «окаянного» и «злочестивого» Батыя.

Должен сказать, что, приступая к работе, я вовсе не стремился к тому, чтобы вынести какой-либо приговор герою книги — не важно: обвинительный или оправдательный. Это вообще не дело историка. («... Произнесение приговоров над деятелями и народами на основании отдельных фактов и отдельных сторон их деятельности — приём безусловно ненаучный», — писал по этому поводу тот же Бартольд.) Свою задачу я видел в другом: через биографию Батыя постараться понять эпоху, в которую он жил, — эпоху переломную во всех отношениях. При этом книгу о Батые я писал прежде всего как человек, занимающийся русской историей. И потому лично для меня эта книга оказывается в ряду других книг, посвящённых

правителям средневековой Руси, — начиная с княгини Ольги и князя Владимира Святого, чьи биографии также выходили в серии «Жизнь замечательных людей». Впрочем, все эти книги только условно могут быть названы биографическими: через биографию того или иного исторического лица я стремился проникнуть в понимание той или иной эпохи русской истории. И если книга о Батые стоит особняком или даже выпадает из этого ряда, то это прежде всего объясняется исключительностью эпохи — эпохи переломного для Руси XIII столетия, взорванного монгольским завоеванием. Понять то, что происходило тогда в России, можно лишь через обращение к истории всей Монгольской империи, через «соответствующее исследование всего монгольского фона», как выразился крупнейший историк русского зарубежья Георгий Владимирович Вернадский, посвятивший истории монгольского завоевания одну из книг своей многотомной «Истории России» — «Монголы и Русь»². Поразительно, но страшное Батыево нашествие, навсегда изменившее ход нашей истории, явилось лишь частью, эпизодом Западного похода монгольских армий. Покорение Северо-Восточной Руси, включение её в состав Улуса Джучи (будущей Золотой Орды) — всего лишь эпизод завоевательной политики монголов. Всё, что происходило на Руси в середине и второй половине XIII столетия, определялось вне её границ — в Орде или ещё дальше, в Каракоруме, столице Великой Монгольской империи — *Еке Монгол улус*, как называли своё государство сами монголы. Русские князья превратились в «улусников» и «служебников» монгольских «царей» (само слово свидетельствует о том, что легитимность их власти не ставилась в русских землях под сомнение). На Руси действовали монгольские законы; сюда являлись монгольские, уйгурские и хорезмийские чиновники, творившие свою волю; тысячи русских людей угонялись в Орду и ещё дальше, в Монголию и Китай. А потому и понять эту эпоху через биографию кого-либо из русских князей, увы, не получится; для этого нужен иной взгляд — взгляд, так сказать, *извне*. Биография Батыя такую возможность

предоставляет. Вот ещё одна причина, по которой я взялся за написание книги.

И ещё несколько необходимых пояснений. Исследователь, погружающийся в эпоху монгольских завоеваний, сталкивается с очевидной трудностью, связанной с состоянием дошедших до нас письменных источников. Батый не был великим ханом, а потому сохранившиеся хроники не содержат его более или менее развёрнутой и связной биографии. Зато отрывочные свидетельства о нём разбросаны в самых разнообразных по происхождению источниках. XIII столетие — это время грандиозного столкновения Запада и Востока, когда мир пришёл в движение, нарушив все существующие границы и преодолев изолированность отдельных регионов и культур. Поэтому география свидетельств о Батые оказывается исключительно широкой. Здесь и собственно монгольские и китайские хроники, и сочинения на персидском, арабском, древнерусском, латинском, старофранцузском, сирийском, армянском, грузинском, греческом языках. Естественно, что в подавляющем большинстве случаев я пользовался не оригинальными текстами, а их переводами. Впрочем, русскоязычный исследователь находится в этом плане в выигрышном положении, ибо основной массив текстов восточного происхождения уже давно имеет весьма качественные, выверенные, можно сказать, классические переводы на русский язык. В числе сочинений, имеющих первостепенное значение для понимания биографии героя книги, назову прежде всего так называемое «Сокровенное сказание» — священную монгольскую хронику, или, точнее, свод монгольских преданий, записанных около 1240 года или несколько позже (русскому читателю «Сокровенное сказание» доступно в переводе С. А. Козина)³; двухтомное собрание выдержек из арабо- и персоязычных сочинений о Золотой Орде, подготовленное к изданию выдающимся русским востоковедом В. Г. Тизенгаузеном⁴; многотомное издание «Сборника летописей» персидского ученого и государственного деятеля конца XIII — первых двух десятилетий XIV века Фазлаллаха Ибн Абу-л-Хейра Рашид

ад-Дина⁵; «Историю завоевателя мира» персидского историка XIII века, современника событий Ала ад-Дина Ата-Мелика Джувейни⁶; китайскую официальную хронику «Юань-ши», полный текст которой за время правления первых четырёх ханов монгольской династии Юань, а также выборочные жизнеописания различных лиц доступны ныне благодаря переводу Р. П. Храпачевского⁷; сочинения более позднего времени среднеазиатских (преимущественно хивинских) историков⁸, а также весьма ценные армянские хроники XIII-XIV веков⁹ и «Всеобщую историю» сирийского христианского историка XIII века Абу-л-Фараджа, иначе именуемого Мар Григорием (в крещении Иоанном) или Бар-Гebreem¹⁰. Исключительную ценность для нашей темы имеют сочинения латинских авторов, лично общавшихся с Батыем и оставивших отчёты о своих путешествиях к монголам: посла римского папы Иннокентия IV итальянца Джиованни дель Плано Карпини¹¹ и его спутника поляка Бенедикта (рассказ последнего был записан неким анонимным монахом, назвавшим себя лишь первой буквой имени и потому известным как брат Ц. де Бридиа)¹², а также посла французского короля Людовика IX Гильома (Вильгельма) Рубрука¹³. Эти и другие латинские сочинения XIII века, повествующие о монгольском нашествии на Европу и нравах и обычаях монголов¹⁴, я также использовал преимущественно по существующим русским переводам. Что же касается древнерусских письменных источников — различных летописей, агиографических памятников и т. п., то их я, как правило, цитировал либо в собственном переводе, либо в подлиннике, иногда слегка упрощая или поновляя текст.

В России личность Батыя неизменно вызывала и вызывает интерес. Правда, по большей части интерес этот удовлетворяется за счёт беллетристики, свидетельством чему служат многочисленные переиздания знаменитой трилогии о Чингисхане и Батые писателя Вл. Яна. Что же касается исследований на эту тему, то на них, похоже, было наложено табу — иначе трудно объяснить тот факт, что на

протяжении долгих лет (более чем полутора столетий) по существу единственной работой, посвящённой биографии Батыя в целом, оставалась небольшая, всего в несколько страниц, статья В. В. Бартольда, написанная на немецком языке для «Энциклопедии ислама» (1908) и лишь в 1968 году переведённая на русский язык¹⁵. К настоящему времени ситуация кардинально изменилась. Помимо статей, затрагивающих отдельные аспекты биографии Батыя и его военную, политическую и государственную деятельность, в последние годы вышли две книги биографического характера: монгольского журналиста и историка Чойсамбы Чойжилжавына¹⁶ и исследователя из Санкт-Петербурга Р. Ю. Почекаева¹⁷. Последняя работа (представляющая собой часть масштабного исследования биографий правителей Золотой Орды¹⁸) заслуживает самой положительной оценки: это весьма квалифицированное, добротное исследование, с опорой на широкий круг источников. Не соглашаясь со многими положениями этой работы и иначе представляя себе многие аспекты биографии Батыя (в том числе касающиеся русско-ордынских отношений), я не могу не признать, что книга Р. Ю. Почекаева служила для меня своего рода ориентиром, позволявшим сверять собственные выводы с выводами её автора.

Последнее замечание, которое необходимо сделать, касается формы передачи многочисленных имён собственных — монгольских, тюркских и т. д. Понятно, что при таком разнообразии письменных источников формы написания одних и тех же имён и названий весьма различны. Это разнообразие читатель встретит в цитатах из разных источников. В авторском же тексте в тех случаях, когда существовала определённая традиция написания того или иного имени или названия в отечественной литературе, я, естественно, следовал ей (так, например, везде пишется Менгу, а не Мунке, Угедей, а не Огодай, и т. п.). В других случаях приходилось принимать написание того источника, который, как мне казалось, передавал форму имени, более близкую к аутентичной. Определённую трудность вызывали различия в написании одних и тех же имён в различных

переводах памятников, принадлежащих одной традиции. Здесь я позволял себе, не оговаривая это, унифицировать названия (например, вместо Чингиз-хан в цитате может стоять Чингисхан, вместо Шейбан — Шибан, и т. п.). Особо следует сказать об имени героя книги. Батый — русская форма монгольского имени Бату. В книге оба эти варианта используются как равнозначные (в источниках встречаются и другие варианты: Бат, Бати, Бато, Пату и т. д.). В тех случаях, когда речь шла о событиях, связанных с Русью, предпочтение отдавалось русской форме; когда речь шла о событиях, происходивших в Монголии или получивших освещение преимущественно в монгольских источниках, — соответственно, монгольской. Однако какого-то жёсткого правила здесь нет. Единственная форма, которую я старался избегать (хотя она тоже постоянно встречается в источниках), — это Бату-хан. Как известно, Батый так и не принял этот титул. В соответствии с монгольскими законами и установлениями Чингисхана пышные титулы в Монголии были вообще запрещены: к имени самого великого хана прибавлялось лишь сочетание «-хан», или «-каан»; что же касается его братьев и сыновей, членов «Золотого рода» наследников Чингисхана, то к ним обращались «по именам, полученным при рождении, — как в присутствии их, так и в отсутствие»¹⁹. Это правило строго соблюдалось, в том числе и Батыем, который вообще старался не нарушать предписаний своего великого деда. Правда, в последние годы жизни его, кажется, всё-таки стали именовать *Бату-ханом* — но это отдельная история, связанная с тем особым положением, которое он занял в Монгольской империи, став по существу соправителем великого хана Менгу. Однако об этом мы поговорим позже, ближе к концу повествования.

Наследие Чингисхана

Знание своей родословной — основа существования любого кочевого сообщества. Встречаясь в степи с незнакомцем, кочевник должен был точно определить своё отношение к нему, выяснить, не является ли тот его родичем — пусть даже очень далёким, высчитать возможную степень родства — если, конечно, таковое имелось, определить старшинство родов и их взаимоотношения в прошлом — враждебные или, наоборот, дружественные. Незнание всех этих подробностей порой грозило смертью или рабством и неизбежной потерей имущества.

Родословное древо Бату (Батыя) насчитывало 25 колен и восходило к легендарным основателям рода Борджигинов Борте-Чино («Пегому волку»), «родившемуся по изволению Вышнего Неба», и его супруге Гоа-Марал («Прекрасной лани»). Точные сведения об этом, с росписью всех потомков божественной пары, содержатся в «Сокровенном сказании» монголов — своде монгольских преданий, повествующих о подвигах великого представителя рода Борджигинов, основателя Монгольской империи и «покорителя Вселенной» Чингисхана, деда Батыя. Для самого Батыя дело, однако, осложнялось тем, что его родство с Чингисханом, сама принадлежность к Чингисову потомству могли быть поставлены под сомнение. История эта весьма давняя, и связана она с женитьбой Чингисхана (тогда ещё Темучжина, сына Есугай-Баатура) и женитьбой самого Есугай-Баатура, отца «покорителя Вселенной» и прадеда героя нашего повествования.

В те далёкие времена кият-борджигины воевали со многими соседними племенами — татарами, меркитами, найманами и другими. Однажды, рассказывает «Сокровенное сказание», Есугай-Баатур, охотившийся на реке Онон за птицей, повстречал меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из олхонутского племени. Заглянув в возок, Есугай поразился

редкой красотой девушки. Он вернулся домой и, захватив с собой братьев, напал на меркита и отнял у него невесту. Сам Эке-Чиледу убежал. Братья гнались за ним, но, миновав семь увалов, вернулись. Так Оэлун-учжина, девушка из олхонутского племени, стала женой Есугай-Баатура и матерью его сына Темучжина, будущего Чингисхана. Но у Эке-Чиледу были братья, и они, конечно, не забыли нанесённого их роду оскорбления. В то время, когда Есугай-Баатур был в силе, они не смели ничего предпринять. Но Есугай вскоре умер, оставив малолетних сыновей. Прошло ещё немало времени, и старший из них, Темучжин, женился на огнеокой Борте-учжине, девушке из унгиратского племени, дочери Дэй-Сечена, когда-то, ещё ребёнком, сосватанной для него отцом. Тогда-то и настало для меркитов время вспомнить о старой обиде. Однажды, когда Темучжин вместе со своими братьями, матерью и женой кочевал в верховьях монгольской реки Керулен, на его стан напали 300 меркитов во главе со старшим братом Чиледу Тохтоа-беки. У будущего «покорителя Вселенной» оказалось под рукой всего девять лошадей: на одну вскочил он сам, других отдал матери, братьям и двум самым близким из своих друзей; ещё одну «приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины, — рассказывает «Сокровенное сказание», — не оставалось лошади». Конные стремительно умчались; Борте же попыталась спасти старуха служанка, упрятав её в крытый возок, запряжённый пегой коровой. Увы, тщетно — меркиты нашли молодую жену Темучжина и увезли её с собой. Тохтоа-беки передал пленницу своему младшему брату Чильгир-Боко; «в его-то воле она всё время и находилась»¹. Случившееся стало поводом для большой войны, в результате которой меркиты были почти полностью истреблены. Сумел Темучжин выволить из меркитского плена и свою Борте. Вскоре после освобождения она родила первенца Чингисхана Джучи, отца Бату.

Сам Чингисхан (это имя-титул он получил уже после войны с меркитами) никогда и ничем не попрекал жену и неизменно и многократно во всеуслышание именовал Джучи своим родным сыном. Впоследствии утверждалось, что

Борте попала в плен уже беременной; больше того, вопреки действительности стали говорить, будто она вовсе и не задержалась у меркитов, но сразу же была отослана ими Ван-хану, или Тогрул-хану, могущественному правителю кереитов, с которыми меркиты тогда находились в мире (как считают, его имя отразилось в имени знаменитого «пресвитера Иоанна», легендарного христианского правителя Центральной Азии). Ван-хан некогда был побратимом отца Чингисхана Есугай-Баатура, а к самому Чингисхану пока что — до их разрыва и жестокой, кровопролитной войны — относился как к сыну; с подобающим уважением он отнёсся и к пленнице, содержал её наравне с остальными своими невестками и вскоре в целостности и сохранности, не притронувшись к ней, передал мужу. На пути домой Борте и родила сына, причём родила внезапно, когда никто этого не ждал. Не имея возможности устроить колыбель для младенца, верный слуга Чингисхана, сопровождавший её, замесил тесто из небольшого количества муки и завернул в него сына своего повелителя; потому-то Джучи, родившийся в дороге, и получил своё имя (по-монгольски оно означает нового гостя, появившегося с дороги). Эта история приведена в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, официального историографа правителей монгольского Ирана и одного из первых биографов Чингисхана и его ближайших преемников². Но разговоры о том, что настоящий отец Джучи — меркит Чильгир, велись в семье «покорителя Вселенной». Особенно должно было это задевать трёх остальных его сыновей от Борте, имевших право наследовать отцу, — прежде всего Чагатая и Угедея и в меньшей степени младшего, Тулуя. По крайней мере однажды дошло до открытого столкновения, случившегося в присутствии отца и вельмож. В 1219 году, во время подготовки к Среднеазиатскому походу, на семейном совете Чингисхан повёл речь о своём преемнике и первым назвал имя Джучи, предложив тому высказаться на сей счёт. Но не успел тот открыть рот, как его опередил Чагатай.

— Ты повелеваешь первому говорить Чжочию (Джучи. — А. К.)! — воскликнул он, обращаясь к отцу. — Уж не хочешь

ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться наследнику меркитского плена?

Это было оскорбление, стерпеть которое старший из Чингисидов не мог. Братья схватились друг с другом, едва не завязалась драка, и вельможи насилу сумели растащить их. Оскорблён был и Чингисхан.

— Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи?! — обратился он к сыновьям. — Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!³

Но нарекать Джучи наследником своей державы после этого случая он не решился. Не стал отцовским наследником и оскорбивший брата Чагатай. Своим преемником Чингисхан объявил третьего сына от Борте Угедее, сделав возможным в дальнейшем вступление на престол любого достойного потомка — но только от четырёх старших братьев.

Вражда между Джучи и братьями Чагатаем и Угедеем давала о себе знать и позднее. (Между ними «всегда были препирательства, ссоры и несогласие», — сообщает Рашид ад-Дин; с Тулуем же, напротив, Джучи ладил.) Затем вражда эта перейдёт по наследству к их сыновьям и внукам. С её проявлениями мы столкнёмся и в биографии Джучиева сына Бату. Правда, нам не известно ни одного случая, когда Бату открыто бы попрекали происхождением отца, — что и неудивительно, ибо после смерти Чингисхана подобные попреки могли быть восприняты как оскорбление памяти великого основателя рода. И всё же тень «меркитского плена», несомненно, витала над старшим из Чингисовых внуков.

Не только обстоятельства появления на свет, но и обстоятельства смерти отца Бату Джучи загадочны. Известно о том, что в конце жизни он рассорился с отцом. Как рассказывает Рашид ад-Дин, после совместного завоевания братьями Хорезма в 1221 году Чагатай и Угедей прибыли с дарами к отцу в крепость Таликан (в Афганистане), в то время как старший, Джучи, направился в

сторону Иртыша, «где находились его обозы, и присоединился к своим ордам». По словам персидского историка, уже тогда Чингисхан поручил своему старшему сыну выступить в поход на северные страны, однако Джучи «уклонился от участия в этом деле». Это вызвало гнев отца. Но всё объяснялось, оказывается, болезнью Джучи. Ещё несколько раз отец призывал его к себе, но Джучи, ссылаясь на болезнь, не приезжал. А дальше старший сын «повелителя Вселенной» стал жертвой не то недоразумения, не то ловко подстроенной интриги. Некий человек из племени мангутов проезжал вблизи его кочевий; Джучи же, «перекочёвывая, шёл от юрта к юрту и таким же больным достиг одной горы, которая была местом его охоты. Так как сам он был слаб, то послал охотиться охотничьих эмиров». Увидав скопище знатных охотников, мангут решил, что среди них находится и Джучи. А потому, когда он прибыл к Чингисхану и тот спросил его о болезни сына, отвечал: «О болезни сведений не имею, но на такой-то горе он занимался охотой». Вообразив, что Джучи открыто пренебрегает отцовскими повелениями, Чингисхан «приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угедей, и сам собирался выступить в поход вслед за ними». Но тут пришло скорбное известие о смерти Джучи, крайне опечалившее отца, а затем, после проведённого расследования, открылась и ложь мангута «и было доказано, что Джучи был в то время болен и не был на охоте». Так рассказывает Рашид ад-Дин⁴, и это, надо полагать, более или менее официальная версия смерти Джучи. Но не всё из рассказанного внушает доверие, и мы в точности так и не знаем, была ли болезнь Джучи действительной или мнимой и она ли на самом деле стала причиной его внезапной смерти.

Другой персидский историк, современник нашествия монголов на Среднюю Азию и Афганистан ал-Джузджани, сообщает о том, что Джучи действительно восстал против отца. Впрочем, и его рассказ кажется слишком тенденциозным. Вынужденный бежать от монголов в Индию

к делийскому султану, ал-Джузджани ненавидел разорителей своей родины, а рано умерший Джучи, победитель хорезмшаха, проливший море крови при взятии Хорезма, представлен у него едва ли не другом мусульман, готовым пойти на союз с побеждёнными, что вряд ли может соответствовать действительности. Когда Джучи «увидел воду и воздух Кипчакской земли, — пишет ал-Джузджани, — то он нашёл, что во всём мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих. В ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближённым: “Чингисхан сошёл с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммедом (хорезмшахом, то есть правителем Хорезма. — А. К.), привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам”». О замыслах брата стало известно Чагатаю. Тот донёс обо всём отцу. Узнав об этом, Чингисхан послал своих доверенных лиц отравить Джучи, что и было исполнено⁵. Намёк на отравление Джучи по повелению отца видят и в поздней монгольской летописи — так называемом «Алтан Тобчи» («Золотом сказании»), составленном учёным ламой Лубсаном Данзаном в XVII столетии⁶.

Навязчивое упоминание в этих, столь различных по содержанию рассказах имени Чагатая позволяет предположить, что последний и в самом деле имел какое-то отношение к гибели брата или по крайней мере к возбуждению ненависти между ним и отцом. О насильственной смерти старшего сына Чингисхана — но не об отравлении! — косвенно может свидетельствовать и исследование предполагаемого мавзолея Джучи (находящегося на реке Кенгир, в Улытауском районе Карагандинской области Казахстана, в 50 километрах к северо-востоку от Джекказгана): при вскрытии захоронения были обнаружены останки человека, у которого отсутствовали кости правой руки. Впрочем, подтверждает это и ещё одну версию смерти старшего сына Чингисхана,

сохранившуюся в народных, степных преданиях о нём; рассказывали, будто Джучи погиб во время охоты на куланов: то ли всё-таки от руки подосланного к нему убийцы, то ли от неудачного падения с коня, то ли растерзанный каким-то особенно могучим куланом, который стащил его с коня и оторвал ему руку⁷.

Смерть Джучи случилась в феврале — марте 1227 года, за полгода до смерти самого Чингисхана. К тому времени Бату было, вероятно, немного за двадцать — по монгольским меркам, возраст ещё весьма молодой. (Точная дата его рождения неизвестна; с наибольшей вероятностью её следует отнести к 1205/06 году или немного более позднему времени⁸.) Бату был вторым сыном Джучи; имя, данное ему при рождении, значило по-монгольски «сильный», «крепкий»⁹ — очевидно, именно таким хотел его видеть отец. Бату уступал старшинство своему брату Орде, первенцу Джучи. Тем не менее по воле самого Чингисхана именно он был провозглашён наследником отца и главой его улуса. «Чингисхан посадил» Бату «на престол на место его отца», — кратко сообщает ал-Джувейни. По сведениям более поздних тюркских источников, Чингисхан послал в улус Джучи своего младшего брата Тэмугэ-Отчигина — хранителя семейных традиций — с тем, чтобы тот возвёл Бату на отцовский престол и исполнил все положенные при этом церемонии. «...Младшим его братьям и эмирам вели быть в повиновении у него, — так будто бы наставлял Отчигина Чингисхан. — Если его братья и эмиры не будут держаться этого распоряжения, то ты останься там и мне доноси о тамошних делах; мы примем на себя заботы об устройстве их». Отчигин прибыл во владения Бату и был принят со всеми подобающими почестями. «По прошествии трёх дней, — рассказывает в «Родословном древе тюрков» хивинский хан и историк XVII века Абу-л-Гази, широко использовавший тюркские предания и родословные, — Отчигин посадил Бату-хана на отцовском престоле, младшим братьям и эмирам Бату-хановым передал слова, сказанные Чингисханом; весь народ изъявил покорность им. При этом сделали большой пир: по монгольскому обычаю

Бату-хану поднесли чашу, и также Бату-хан подал им чашу и раздал много даров»¹⁰.

Что стало причиной такого выбора? В исторических сочинениях и публикациях новейшего времени можно встретить рассказы о том, как Чингисхан заметил своего внука, когда тот был ещё ребёнком, — за будто бы проявленные им бойкость, смекалку, успехи в овладении ратным делом. Рассказывают, например, что некий уйгур поведал Чингисхану в присутствии маленького Бату о подвигах знаменитого Александра Македонского — Искандера, завоевавшего весь мир. «Я отберу у него все его завоевания!» — вскричал Бату, выскочив с горящими глазами из-за спины деда и тем приведя Чингисхана в восторг. (Похожую историю привёл в своём романе «Чингисхан» писатель Владимир Ян.) Писали, что Бату проявил себя умелым воином, прекрасно стрелял из лука... Но всё это, увы, — не более чем фантазия. Во всяком случае, никаких сведений на этот счёт в источниках не обнаружено — ни об особых успехах на поле брани будущего покорителя Руси, ни об особой любви к нему царственного деда. Известно, что Чингисхан привечал своих внуков, рассказы об этом записывались в летописях. Так, например, однажды он заметил, как ловко стреляют из лука юные сыновья Тулуя Хулагу и Хубилай. По обычаю монголов, после первой удачной охоты над мальчиками совершали особый обряд — их пальцы натирали мясом и жиром. Чингисхан сам совершил обряд над внуками, при этом Хулагу так сильно ухватил его за большой палец, что Чингисхан громко вскрикнул. Заметил Чингисхан и чернью Хубилая, бросавшуюся в глаза на фоне его рыжих братцев, — и повелел приискать для внука хорошую кормилицу; этот факт тоже попал в летописи. Подобных историй, посвящённых Батыю, нет.

Иногда полагают, что предпочтение, оказанное Бату перед братом, объясняется происхождением его матери, Ука-учжины, или Ука-хатун, дочери Ильчи-нойона, из унгиратского племени. Не исключено, что она находилась в близком родстве с женой Чингисхана Борте-учжиной, а

значит, последняя могла похлопотать за внука перед самим Чингисханом¹¹. Но действительно ли было так? И оказывалось ли Ука-учжине предпочтение, например, перед матерью Орды Сартак, старшей из жён Джучи и тоже унгирачкой? Известно, что у Ильчи-нойона имелись и другие дочери; одна из них, одарённая какими-то особыми прелестями, стала старшей женой Хубилай-хана, сына Тулуя. Монголы из Чингисова рода вообще охотно брали себе в жёны девушек из племени унгирачков. Но влияли ли происхождение и родственные связи последних на выбор наследников — этого мы не знаем.

Зато знаем, что власть в Монгольской империи совсем не обязательно наследовалась старшими сыновьями. В этом отношении история Бату не уникальна. Какого-то установленного, определённого порядка передачи власти у монголов, по-видимому, вообще не существовало: всё зависело от воли и желания отца. (Так, например, сам Чингисхан завещал свою державу третьему сыну Угедю; Угедей объявил наследником третьего сына Кучу, а после его смерти — его первенца Ширамуна; наследником Чагатая после гибели его первенца Мутугэна стал четвёртый сын последнего Кара-Хулагу; брату Батыя Шибану наследовал его второй сын Бахату; и т. д. Этот перечень можно продолжить.) Судя по поздним тюркским преданиям, Бату был любимым сыном Джучи и именовался его «баловнем»¹². Стоит обратить внимание и на другое. Старший брат Бату, Орда, вошёл в историю с прозвищем «Ичен», или «Эджен» (Орда-Ичен). Этим словом, означающим по-монгольски «хозяин», или «владыка», как правило, именовали младших (или четвёртых по счёту) сыновей, которые всегда находились при отце и наследовали его основное имущество, собственное хозяйство, юрту, но не претендовали на наследование всей власти¹³. (Такими «иченами» были, например, младший брат Чингисхана Тэмугэ-Отчигин или четвёртый сын самого Чингисхана Тулуй.) Орда и в самом деле унаследовал внутренний юрт, собственные владения отца. Почему Джучи «назначил» его «иченом», мы тоже не знаем, но после этого «старшим»

становился любимец Джучи, его «баловень» Бату. Так или иначе, но выбор был сделан именно Джучи, а Чингисхан лишь утвердил его. Братьям Бату оставалось этот выбор принять. «Когда скончался Джучи-хан, его второй сын, Бату, в качестве преемника отца воссел в своём улусе на ханский престол, — свидетельствует Рашид ад-Дин. — Его братья подчинились ему и покорились».

В упомянутых тюркских преданиях, записанных в XVI веке хивинским историком Утемиш-хаджи, рассказывается о споре, возникшем между Бату и его старшим братом по поводу того, кому из них после смерти отца надлежит принять власть над отцовским улусом. Оба с готовностью уступали это право другому. «Ты мой старший брат, который заменил мне отца. Значит, ты мне отец... Ты будь ханом» — с такими словами Бату будто бы обратился к Орде. Но тот решительно отказался от власти: «Верно, что я старше тебя летами. Но наш отец очень любил тебя и вырастил баловнем. До сих пор я лелеял тебя и покорялся тебе. Но может статься так, что я, если стану ханом, уже не смогу по-прежнему покоряться тебе, так что между нами возникнут война и ненависть. Так будь же ханом ты. Я снесу твоё ханствование». Спор решено было передать на усмотрение самого Чингисхана. Слова братьев растрогали великого хана. Он вспомнил своего старшего сына, прослезился и «воздал им обоим ещё бóльшую хвалу». На следующий день Чингисхан «в соответствии с ханской ясой» отдал Бату «правое крыло с вилайетами на реке Идил» (Волге), а «левое крыло с вилайетами вдоль реки Сыр» (Сырдарьи) отдал Орде¹⁴. Это, конечно, всего лишь предание, легенда, но в ней, пожалуй, можно расслышать отзвуки действительного соперничества между Бату и его старшим братом.

Спустя шесть месяцев после смерти Джучи, 9 сентября 1227 года, умер «покоритель Вселенной», великий основатель Монгольской империи Чингисхан¹⁵. Понадобилось ещё два года, чтобы собрались вместе все представители династии, военачальники и сподвижники усопшего и, выполняя его волю, подняли на белом войлоке,

провозглашая ханом, его наследника и третьего сына Угедея. На этом курултае, собравшемся на реке Керулен, присутствовал и Бату — его имя тогда было впервые упомянуто в «Сокровенном сказании», и притом сразу же поставлено на второе место, вслед за именем старшего из оставшихся в живых сыновей Чингисхана Чагатая. С этого времени во всех официальных решениях, принимаемых от имени «Золотого рода» наследников Чингисхана, имя Бату возглашалось рядом и наравне с именами старших Чингисидов — Чагатая, Угедея и Тулуя.

«В год Мыши^[1] в Керуленском Кодеу-арале собрались все полностью: Чагатай, Бату и прочие царевичи правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичи левой руки; Толуй и прочие царевичи центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Угедей-хана, которого нарёк Чингисхан. Старший его брат Чагатай, возведя своего младшего брата Угедея на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего... Точно таким же образом он передал во власть Угедея удел центра».

Церемонию поставления великого хана красочно описал Рашид ад-Дин. На реку Керулен вместе с Бату прибыли и многие из его братьев — Орда, Шибан, Берке, Беркечар, Тука-Тимур, Тангут. В течение трёх первых суток все были заняты «удовольствиями, собраниями и развлечениями». Затем состоялась сама церемония. «Все сняли с головы шапки и перекинули пояса через плечо... Чагатай-хан взял Угедей-каана за правую руку, Тулуй-хан за левую руку, а дядя его Отчигин за чресла и посадили его на каанский престол. Тулуй-хан поднёс чашу, и все присутствующие внутри и вокруг царского шатра девять раз преклонили колена и провозгласили здравицу державе с восшествием его на ханство, и нарекли его кааном. Каан приказал представить богатства сокровищниц и оделил каждого из родных и чужих, соплеменников и воинов соразмерно своему великодушию. И когда он кончил пировать и дарить, то приказал, согласно их обычаю и правилу, последующие три дня раздавать пищу ради души Чингисхана. Выбрали

сорок красивых девушек из родов и семей находившихся при нём эмиров и в дорогих одеждах, украшенных золотом и драгоценными камнями, вместе с отборными конями принесли в жертву его духу». Впоследствии при жизни Бату подобные церемонии будут проходить ещё дважды или трижды. Но сам он, даже оказавшись старшим среди наследников своего деда, решительно откажется взойти на престол великого хана.

Став главой отцовского улуса, Бату, однако, не обладал всей полнотой власти и вынужден был делить её с братьями, и прежде всего со своим старшим братом Ордой. «При жизни отца и после него», пишет Рашид ад-Дин, Орда «был весьма уважаем и почитаем». Он «был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца именно он его возвёл». Но в ярлыках, которые писались на имя братьев, имя Орды ставилось выше, чем имя Бату. Более того, старшему из братьев досталась и основная часть отцовского войска. «Бату, который отличался пронизательностью, правосудием и щедростью, сделался наследником царства отцовского, а четыре личные тысячи Джучиевы... составлявшие более одного тумана (десяти тысяч. — А. К.) живого войска, находились под ведением старшего брата Хорду (Орды. — А. К.)», — читаем в сочинении младшего современника и протеже Рашид ад-Дина Ибн Фазлаллаха, получившего почётное прозвище Вассаф-и-хазрет («панегирист его величества»), или просто Вассаф¹⁶. Были разделены и земли: Бату ведал «правым крылом», то есть западной частью улуса, а Орда — «левым», то есть восточной, совпадавшей с коренным юртом отца. При этом из отошедших ему владений Бату должен был наделить и большинство своих братьев (а у Джучи, по некоторым сведениям, было до сорока сыновей). Исследователи справедливо полагают, что завоевания Батыя в Европе не в последнюю очередь объясняются его желанием увеличить собственные владения, завладеть землями, которые принадлежали бы ему лично, которые он мог бы оставить своим наследникам и на которые другие представители

рода не могли претендовать. И, как мы знаем, ему это вполне удалось.

Улус Джучи превосходил размерами прочие улусы Монгольской империи. Он был изначально обращён на запад — принадлежал «правой руке», по выражению монгольских хроник того времени. Чингисхан включил в него земли завоёванного им Хорезма, верховьев Сырдарьи, части Семиречья и Прииртышья, восточные области Дешт-и-Кипчак — великой Половецкой степи, — доходившие до Волги (Итиля), а также все те территории к западу от Волги, которые ещё не были завоёваны монголами. А потому улус не имел границ на западе. Он простирался до крайних пределов мира, охватывая земли тех народов, о которых монголы знали, и даже тех, о которых им только предстояло узнать. По-видимому, монгольский обычай требовал, «чтобы степень отдалённости удела каждого сына соответствовала его возрасту, — писал по этому поводу В. В. Бартольд. — Джучи, как старший сын, получил самый отдалённый удел; после расширения пределов империи к нему и его потомкам перешли все монгольские завоевания на крайнем северо-западе, “до тех мест, куда доходили копыта татарских коней”»¹⁷.

Решение о походе на запад было принято ещё Чингисханом, но Джучи — то ли из-за болезни, то ли по каким-то иным причинам — так и не приступил к завоеваниям на этом направлении. Приняв власть над империей монголов, Угедей подтвердил отцовское распоряжение. На том же курултае 1229 года он, посоветовавшись со старшим братом Чагатаем, принял решение продолжить военные действия, «не законченные ещё при его родителе, Чингисхане». В первую очередь речь шла о завоевании Китая, а также о продолжении войны с сыном хорезмшаха Мухаммеда Джелал ад-Дином, бежавшим от монголов сначала в Афганистан, а потом в Иран, Азербайджан и Грузию и много и успешно воевавшим с ними (он будет окончательно разбит и погибнет в 1231 году). Но одновременно с этим Угедей объявил о выступлении в поход

против «северных стран», ещё не покорившихся монголам, «Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей».

Так рассказывает священная летопись монголов — «Сокровенное сказание». Однако рассказ этот, несомненно, требует комментариев.

Ещё в начале 1220-х годов, в разгар войны с хорезмшахом Мухаммедом, Чингисхан отправил по следам бежавшего хорезмшаха своих лучших полководцев, «цепных псов» Джебе и Субедея, с тридцатью тысячами воинов. Преследуя врага, монголы вторглись в Иран, затем, сея повсюду разрушения и смерть, прошли Северный Азербайджан, Грузию, нанесли жестокое поражение аланам (предкам нынешних осетин) и кипчакам (половцам), захватив в числе прочих город Судак в Крыму. Половцы обратились за помощью к русским. 31 мая 1223 года состоялась печально знаменитая в нашей истории битва на Калке, в которой погибли девять русских князей, в том числе великий князь Киевский Мстислав Романович и черниговский князь Мстислав Святославич, и несколько тысяч простых воинов. Монголы дошли тогда до города Новгорода-Святополча на Витичевском холме на Днепре, в непосредственной близости от Киева и Переяславля; жители городов, оказавшихся на их пути, не зная, что ждать от неведомых завоевателей, выходили с крестами им навстречу, «они же, — по словам летописца, — перебили их всех»¹⁸. На этот раз монголы ушли из русских пределов — они выполняли волю своего повелителя Чингисхана, который поручил им в трёхлетний срок покончить с хорезмшахом и через степи Дешт-и-Кипчак вернуться на соединение с главными монгольскими силами. Тогда русским казалось, что этот неведомый и страшный народ ушёл навсегда и больше не вернётся в их пределы. «...О сих же злых татарах... не ведаем, откуда пришли на нас и куда опять делись, только Бог весть», — записывал русский книжник. На обратном пути войска Джебе и Субедея потерпели поражение от волжских болгар, чьё государство было расположено на Средней Волге; по свидетельству восточных хронистов, монголы попали в устроенную

болгарами засаду и потеряли едва ли не бóльшую часть своего войска. Впрочем, для самого Чингисхана этот поход носил разведывательный характер, и он не жалел о потерях: важнее было выяснить силу будущего противника, узнать, с кем предстоит сразиться монголам, когда придёт пора выступить в поход на запад.

Ко времени курултая 1229 года Субедей воевал на западе Дешт-и-Кипчак, вблизи границ Волжской Болгарии. Царевичам «правой руки», и прежде всего Бату, и было поручено выступить на помощь ему, «так как Субетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов, завоевание которых ему было поручено ещё при Чингисхане». В «Сокровенном сказании», откуда взяты эти строки, приведён перечень одиннадцати народов, завоевание которых было поручено Субедею Чингисханом и завоевать которые предстояло теперь Бату: «канлин» (то есть канглы, племенное объединение, обитавшее в Приаральских степях и Заволжье и возникшее, как считают, в результате смешения местного огузско-печенежского населения с половцами), «кибчаут» (то есть собственно кипчаки — половцы), «бачжигит» (башкиры или уральские венгры), «орусут» (русские), «асут» (асы, то есть аланы), «сесут» (по-видимому, жители Саксина, города в устье Волги, возникшего на месте прежней столицы Хазарского каганата, то есть в основном те же половцы, торки-огузы и остатки прежнего хазарского населения), «мачжар» (венгры-мадьяры), «серкесут» (черкесы, или адыги), «булар» (волжские болгары), а также какие-то неведомые нам «кешимир» и «келет» (в другом перечне того же источника названные «рарал»; возможно, «келар» — те же венгры). Указаны были и две многоводные реки, через которые предстояло переправиться во время великого Западного похода, — Идил (Адил) и Аях (Джаях), то есть Волга и Яик (Урал), а в числе городов, обозначенных как цель похода самим Чингисханом, значился Кивамен-кермен, то есть Киев. Как видим, слава о главном и самом богатом городе Руси достигла Монгольских степей раньше, чем посланное на запад войско выступило в поход.

Субедей действительно встречал «сильное сопротивление» на западе. Около 1229 года его войска разгромили половцев, живших в низовьях Волги, и вынудили их бежать из своей земли, а также разбили болгарские заставы на Яике. Об этом сообщил русский летописец, записавший под 1229 годом (6737-м от Сотворения мира): «В том же году саксины и половцы прибежали снизу к болгарам, спасаясь от татар; и сторожи болгарские прибежали, разбитые татарами у реки, называемой Яик»¹⁹. Однако развивать свой успех монголы пока что не стали.

На востоке всё делается медленно и неспешно. Здесь не принято торопить события. Решение о выступлении в поход Бату и других царевичей означало лишь подготовку к походу, не более. Для того чтобы завоевать названные одиннадцать народов (а также и другие народы, которые должны были встретить монголы на своём пути), требовались силы не одного Субедея и даже не одного только Улуса Джучи, но всей Монгольской империи. Между тем ко времени курултая на реке Керулен главным врагом монголов оставался Китай, точнее, государство чжурчженей — династии Цзинь, занимавшее земли современного Северо-Восточного и Северного Китая. Летом 1230 года Угедей вызвал с запада Субедея — лучшего полководца времён Чингисхана и его ближайших преемников. Субедей участвовал во всех решающих сражениях китайской кампании. По всей вероятности, в этой войне принял участие и Бату. Великий хан Угедей «дал повеление, чтобы и Бату-хан был вместе с ним в этом походе, — читаем в «Родословном древе тюрков» хивинского хана Абу-л-Гази. — Бату-хан с пятью своими младшими братьями участвовал в этом походе»²⁰. Абу-л-Гази и сам был Чингисидом, потомком младшего брата Бату Шибана, а потому мог достоверно знать о данном эпизоде в биографии своего предка. Известно, что по окончании Китайской войны, когда Угедей-хан раздавал земли в собственность своим родичам, членам «Золотого рода», а также виднейшим нойонам, участникам кампании, он первым оделил Бату, выделив ему подворья в округе Пинъянфу (в современной провинции Шаньси)²¹.

Однако особыми подвигами в ходе войны Бату не отличился: его имя ни разу не упомянуто в связи с Китайской войной в официальной китайской хронике «Юань-ши» и других китайских и монгольских источниках.

Китайская война оказалась не такой уж простой для монголов, но — как и прежние их войны — закончилась полным разгромом врага. Под ударами Субедея пала южная столица государства Цзинь город Кайфын; император бежал в свой последний оплот Цайчжоу, но монголы осадили его и там. В феврале 1234 года «владелец Цзинь передал престол отпрыску своей династии Чэнлиню, а затем повесился и тело его было сожжено. Город был взят, схватили Чэнлиня и убили его... Государство Цзинь пало»²².

Это событие стало вехой не только в истории Китая, где воцарилась новая, монгольская, династия Юань. В конечном счёте оно решило участь многих стран и народов, расположенных на другом конце великого Евразийского материка. Ибо монголы высвободили силы для похода на запад, в страны Восточной и Центральной Европы, и готовы были всей своей мощью обрушиться на новых врагов.

Западный поход

Для русского историка биография Бату по существу начинается с весны 1235 года, когда на курултае, созванном великим ханом Угедеем, было объявлено о начале Западного похода. «Когда каан во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были ещё окончательно покорены и гордились своей многочисленностью, — читаем в «Истории завоевателя мира» персидского историка Ала ад-Дина Ата-Мелика Джувейни, жившего в середине XIII века и находившегося на службе у правителя монгольского Ирана Хулагу-хана. — Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угедей) назначил царевичей: Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута, и нескольких других царевичей, а из знатных эмиров был Субатай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в своё становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга»¹.

Бату вместе с братьями отправился в свой удел — Дешт-и-Кипчак. Но ещё до этого, исполняя монгольский обычай, он устроил пир и угощение для своих родичей и будущих соратников по Западному походу. «Бату-хан в продолжение сорока суток угощал всё это собрание, — рассказывает Абул-Гази, — во все эти сорок суток ни на одну минуту не были они свободны от утех и удовольствий. После сего Бату разослал по областям знаменщиков для набора войска; на этот раз собралось войска так много, что ему не было счёта». Войско Бату и оснащено было лучше других: по сведениям китайских источников, его воины получали в походе на двоих такой же паёк, какой в остальных частях армии давался на десятерых человек². Они первыми

вторгнутся в пределы Волжской Болгарии, и уже здесь осенью 1236 года Бату встретится с остальными царевичами, назначенными для участия в походе.

Названные царевичи принадлежали к следующему поколению Чингисидов, поколению внуков (а отчасти даже правнуков) Чингисхана. Они представляли все четыре ветви, идущие от четырёх старших сыновей «покорителя Вселенной», имевших право наследовать власть в Монгольской империи. Из сыновей Тулуя (скончавшегося ещё до начала похода, в сентябре-октябре 1232 года) Джувейни называет старшего, будущего великого хана Менгу (Мунке), и седьмого, Бучека (или Буджака); Гуюк, также впоследствии ставший великим ханом, был старшим сыном Угедая, а Кадан (Кадаган) — шестым сыном; линия Чагатая была представлена его старшим внуком Бури, вторым сыном первенца и любимца Чагатая Мутугэна (считавшегося любимцем также Чингисхана и погибшего ещё при жизни деда и на его глазах при осаде крепости Бамиан в Афганистане), и шестым сыном Байдаром; рядом с Бату были его старший брат Орда и младшие Берке (третий сын Джучи), Шибан (пятый сын) и Тангут (шестой). Наконец, среди участников похода назван и один из младших сыновей Чингисхана Кулкан (Кулькан); он родился от второй жены «покорителя Вселенной» Кулан-хатун (из меркитского племени) и хотя в отличие от четырёх старших братьев не имел права наследовать отцу, ещё при жизни отца был в остальном приравнен к ним. Как видим, всё это были не просто представители четырёх старших родов Чингисидов, но *старшие* представители этих родов — старшие сыновья или лица, их заменявшие.

На этот счёт имелось особое предписание великого хана. «В отношении всех посылаемых в настоящий поход, — читаем в «Сокровенном сказании», — было поведено: “Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своём ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний обязаны точно так же выслать на войну

старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятя... По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи (едва ли не отголосок рассказов мусульманских писателей о древних руссах и франках. — А. К). Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Угедей-хан, повсеместно оповещаю о том, чтобы нам, со всей ревностью к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие”»³. Поход на запад становился общим делом всех наследников Чингисхана, в полном смысле слова исполнением священной воли основателя Монгольской империи.

Особая роль в походе отводилась старшему сыну Угедея Гуюку и внуку Чагатая Бури. На первого было возложено «начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса»; Бури же был поставлен «над всеми царевичами, отправленными в поход», — то есть фактически встал во главе почти всего монгольского войска, за исключением собственных сил Бату. Это делало Бури, человека молодого, но весьма амбициозного, едва ли не центральной фигурой всего предприятия. Родившийся от некой простолюдинки, жены домашнего слуги его отца, Бури был смел до дерзости. К тому же он ненавидел Бату, унаследовав ненависть к сыну Джучи от отца и деда, и это не могло не привести к их столкновению. Не менее амбициозен был Гуюк, также питавший откровенную неприязнь к Бату. При этом Гуюк успел проявить себя в ходе предшествующих войн, в частности в китайской кампании; летописи не раз называют его имя (как и имя Менгу), рассказывая о взятии отдельных китайских городов. Бату ничем подобным похвастаться не мог. И хотя его имя называлось первым среди имён участвовавших в походе

царевичей, хотя основной целью похода было расширение его удела — Улуса Джучи, ему ещё только предстояло завоевать первенство не на словах, а на деле, стать подлинным предводителем монгольского войска. Забегая вперёд скажу, что Бату удастся добиться этого — но не столько военными, сколько политическими методами, используя такие свои качества, как хладнокровие, выдержка, а также умение использовать промахи и невоздержанность соперников.

Из всех старших царевичей, участвовавших в походе, лишь с одним у Бату с самого начала установились более или менее доверительные отношения. Это был Менгу, старший сын Тулуя. И дело не только в том, что Джучи при своей жизни не враждовал с Тулуем, как враждовал он с Чагатаем и Угедеем. Отношения внутри «Золотого рода» наследников Чингисхана были весьма сложными. Мать Менгу, ханша Соркуктани-беги, ставшая после смерти мужа главой его многочисленного семейства и весьма влиятельная в Монгольской империи, нуждалась в некоторой опоре вне своего клана и нашла эту опору в Бату, главе клана Джучи. Известно о трениях, возникших между Соркуктани-беги и великим ханом Угедеем. Так, последний вознамерился сделать Соркуктани женой своего сына Гуюка, но ханша нашла в себе силы воспротивиться этому брачному проекту⁴. Кроме того, Угедей самовольно передал второму своему сыну Кудэну часть того войска (две тысячи воинов), которое принадлежало Тулуу и его сыновьям. Естественно, что Менгу видел в Гуюке — своём несостоявшемся отчиме! — прямого соперника, а в Бату — соответственно, союзника. И расчёты Менгу оправдались: именно поддержка Бату впоследствии обеспечит ему ханский престол.

Рашид ад-Дин рассказывает, что первоначально Угедей намеревался и сам выступить в поход против кипчаков. Великий хан был известен любовью к роскоши и удовольствиям. По словам персидского историка, большую часть времени он «был поглощён различными наслаждениями с красивыми жёнами и луноликими

пленительницами сердец»; кроме того, он «очень любил вино и постоянно находился в опьянении и допускал в этом отношении излишества» — Угедей и сам признавался в этом своём пороке. Тем не менее заботы об устройении державы тоже увлекали великого хана. После того как он собрал курултай и «целый месяц непрерывно родственники в согласии пировали с раннего утра до звезды», хан «обратился к устройению важных дел государства и войска. Так как некоторые окраины государства ещё не были полностью покорены, а в других областях действовали шайки бунтовщиков, он занялся исправлением этих дел. Каждого из родственников он назначил в какую-нибудь страну, а сам лично намеревался направиться в Кипчакскую степь». Это, однако, пришлось не по вкусу его младшим родственникам. Общее мнение выразил Менгу, который, «хотя и был ещё в расцвете молодости», тем не менее, по словам Рашид ад-Дина, обладал и разумностью, и опытносью. «Мы все, сыновья и братья, стоим в ожидании приказа, чтобы беспрекословно и самоотверженно совершить всё, на что последует указание, дабы каану заняться удовольствиями и развлечениями, а не переносить тяготы и трудности походов, — так передаёт его слова персидский историк. — Если не в этом, то в чём же ином может быть польза родственников и эмиров несметного войска?» Речь Менгу была одобрена всеми родичами; тогда-то, рассказывает Рашид ад-Дин, «благословенный взгляд каана остановился на том, чтобы царевичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар, маджар, башкирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали; и они занялись приготовлениями к этому походу»⁵.

Трудно сказать, насколько этот рассказ достоверен в деталях. Но он может свидетельствовать о том, что между старшими и младшими Чингисидами наметились серьёзные расхождения. Менгу, представитель младшего поколения наследников Чингисхана, открыто указывал великому хану, чем ему надлежит заниматься, а во что не стоит

вмешиваться. Опираясь, в частности, на это свидетельство, исследователи полагают, что выступление в поход столь значительного числа царевичей, и особенно старших сыновей тех «великих князей-царевичей», «которые управляли уделами», может отчасти объясняться желанием Угедей-хана обезопасить свою власть и избавиться на время от присутствия в центральном улусе молодых, но уже слишком влиятельных и амбициозных племянников⁶.

Ко времени подготовки к походу относятся несколько важнейших мероприятий центральной власти. Во-первых, с целью сбора средств для похода были установлены налоги: копчур — налог со скота, определяемый как одна голова скота с каждых ста голов, и налог с зерна: один тагар (мера) пшеницы с каждых десяти тагаров «для расходования на бедных». Во-вторых, «для того, чтобы происходило непрерывное прибытие гонцов как от царевичей, так и от его величества каана в интересах важных дел», во всех странах, завоёванных монголами, были поставлены особые почтовые станы со сменами лошадей, вьючных животных и людей — так называемые ямы (по-монгольски «джам», от китайского «чжань» — «станция»). Для выполнения этого указа и учреждения ямов были отправлены гонцы и назначены четыре особых чиновника, по одному от каждого из четырёх старших представителей рода — самого великого хана, его старшего брата Чагатая, Бату и вдовы Тулуя Соркуктани-беги. (Бату представлял некий Суку-Мулчитай, имя которого в источниках более не упоминается.) «При настоящих способах передвижения наших послов, — объяснял это своё распоряжение Угедей, — и послы едут медленно, и народ терпит немалое обременение». А посему был установлен следующий неперменный порядок: «повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — ямчины и верховые почтари — улаачины; в определённых местах устанавливаются станции — ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу». Указ Угедея определял нормы содержания ямов и грозил

жестокими карами за их нарушение: «... На каждом яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определённое число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочёте хоть коротенькая верёвочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого неостанет хоть спицы колёсной, тот поплатится половиною носа»⁷.

Учреждение ямов сыграло огромную роль в истории не одной только Монгольской империи. Пройдёт время, и ямская служба, столь необходимая на громадных пространствах Евразии, будет унаследована Московским царством, а затем и Российской империей. Значение ямов понимали и сам Угедей, ставивший себе это в особую заслугу, и его брат Чагатай. «Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов», — сообщал он великому хану И добавлял, упоминая выступившего в Западный поход Бату: «Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим». Так, практически одновременно, создавались становой хребет и кровеносная система великой Евразийской империи.

Большая часть монгольского войска двигалась весьма неспешно. Оказавшийся в Монгольских степях как раз перед началом Западного похода, в 1235–1236 годах, китайский посол Сюй Тин встретил многочисленное монгольское войско, двигавшееся мимо него безостановочно в течение нескольких дней. Китайского посла особенно удивило то, что большинство в этом войске составляли юноши, даже подростки, в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. Когда он спросил, чем это объяснить, ему ответили, что войско послано «воевать мусульманские государства, куда три года пути. Тем, кому сейчас 13–14 лет, будет 17–18 лет, когда достигнут тех мест, и все они уже будут превосходными воинами»⁸. Название «мусульманские государства» было для китайцев синонимом далёких западных земель. Кто

знает, возможно, именно встреченные Сюй Тинем юнцы и были теми, кто спустя несколько лет обрушит свой удар не только на мусульманские земли Волжской Болгарии, Ирана или Малой Азии, но и на христианскую Русь?!

Так начинался завоевательный поход монголов в Европу. Впрочем, завоевательным он называется нами сегодня; таковым он стал для народов, разорённых, уничтоженных и завоёванных монголами. Сами же монголы несколько иначе смотрели на происходящее. Для них это было не столько завоевание чужого, сколько утверждение своей власти на те страны и народы, которые принадлежали им по праву — праву силы и праву установлений «покорителя Вселенной» Чингисхана.

В этом смысле наследников Чингисхана можно назвать и наследниками великого «золотого царя» — «алтан-хана» — китайского императора, империя которого была завоёвана ими. Само её название — «Поднебесная», или «Срединное царство», — точно определяло её положение в мире как единственной империи, власть которой распространяется на всё земное пространство, осеняемое небом. Ещё и в XVII–XVIII веках (не говоря о более ранних временах), и даже позднее китайские богдыханы смотрели на приезжавших в их страну чужеземцев — купцов и послов иностранных держав — исключительно как на своих подданных и принимали посольские дары и подношения как изъявление покорности, как дань, привозимую с отдалённых краёв «Поднебесной» империи. Для китайцев окружающие их народы были «варварами», и они отгораживались от них Великой стеной, но когда «варвары» заняли императорский трон, ситуация изменилась только отчасти. Монголы с таким же презрением относились к китайцам, как и к другим покорённым народам (хотя многому научились у них). Но представление о том, что их империя — единственная, что мир принадлежит им, было присуще им в не меньшей степени. («Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам» — так утверждал в своём послании римскому папе

великий хан Гуюк в ноябре 1246 года⁹.) Монголы считали своими любые земли, «куда доходили кони их полчищ» (по выражению арабского учёного-энциклопедиста первой трети XIV века ан-Нувейри). А потому земли кипчаков, русских, болгар и других народов и представлялись им той «некоторой окраиной» их государства, которая «ещё не была полностью покорена» ими. При этом, в отличие от китайцев, монголы были кочевниками, а значит, изначально привычны к набегу, к поиску новых мест для кочевий, к овладению ими в кровопролитных войнах с другими племенами. Китайцы настолько презирали окружающих их «варваров», что считали войны с ними, завоевание их земель делом абсолютно бессмысленным. Монголы же были рождены для войны, и война надолго стала главным и единственным способом их существования.

Вся держава Чингисхана была построена как один военный лагерь. Она делилась на «центр» и «правое» и «левое» «крылья». Последние, в свою очередь, были поделены на «тьмы», или «тумены» (способные выставить 10 тысяч воинов), а те — на тысячи, сотни и десятки, так что ни один монгол в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет не мог находиться вне своего подразделения. Во главе каждого из этих подразделений стояли, соответственно, темники, тысячники, сотники и десятники. При этом был установлен весьма жестокий порядок: если во время военных действий из десяти человек бежали один или двое, то казнили весь десяток. Так же поступали и в том случае, если один или двое смело вступали в бой, а остальные не следовали за ними; если кто-то из десятка попадал в плен и не был освобождён своими товарищами, то последних также могла ждать смерть. Военачальники монголов, как правило, непосредственно не участвовали в битвах — что было отличительной чертой монгольского войска и позволяло умело руководить им на любом этапе сражения. Но при этом соблюдалось правило: если темник или тысячник погибал в бою, то его дети или внуки наследовали его ранг, а если он умирал своей смертью, от болезни, «тогда его дети или внуки опускались на один ранг ниже».

Точно так же если сотник умирал от старости или же темник перемещал его на другую должность, «то обе эти должности не подлежали наследованию»¹⁰. Подобные установления скрепляли монгольское войско невиданной для иных племён и народов дисциплиной. Монголы очень редко сдавались в плен, были неустрашимы и неудержимы в бою.

Превосходили они своих врагов и технической оснащённостью и тактической выучкой. Монголы, можно сказать, рождались всадниками. Их с младенчества накрепко привязывали к спине коня, и в таком положении они повсюду следовали за матерью. «В три года их привязывают верёвками к луке седла, так что рукам есть за что держаться», и пускают коней «нестись во весь опор, — доносил своему правительству в 1233 году китайский посол к «чёрным татарам» (монголам) Пэн Да-я. — В четыре-пять лет им дают маленький лук и короткие стрелы, вместе с которыми они и растут. Круглый год они занимаются охотой в поле. Все они стремительно носятся на лошадях, при этом они стоят на носках в стременах, а не сидят, поэтому основная сила у них находится в икрах... Они быстры, как идущий смерч, и могучи, как давящая гора. Поскольку в седле они поворачиваются налево и переворачиваются направо с такой скоростью, как будто крылья ветряной мельницы, то могут, повернувшись налево, стрелять направо, причём не только туда — целятся ещё и назад. Что касается их стрельбы в пешем положении, то они становятся, широко раздвинув ноги, делают широкий шаг и изгибаются в пояснице, наполовину согнув ноги. Поэтому они обладают способностью пробивать панцирь своей стрельбой из лука»¹¹. Это же отмечали и современники-европейцы: «Стреляют они дальше, чем умеют другие народы»; «Они отличные лучники»; «...более искусные... чем венгерские и команские (половецкие. — А. К.), и луки у них более мощные»¹². Для устрашения врагов монголы применяли особые «свистящие», или «гремучие», стрелы — с просверленными наконечниками, издававшими при полёте ужасающий свист. Их копья были снабжены специальными

крючьями, при помощи которых они стаскивали вражеских всадников с коней. Панцири у монголов были изготовлены из кожаных ремней, сплетённых в несколько слоёв (на Руси такие панцири называли «ярицами») и в отдельных случаях снабжённых металлическими пластинами. Лёгкие и удобные, они были неуязвимы для стрел противника на том расстоянии, на котором сами монголы пробивали вражеские доспехи насквозь. Для эпохи Средневековья подобное преимущество сопоставимо с тем, какое уже в Новое время, после изобретения огнестрельного оружия, получат европейцы над «варварами» и дикарями, не знающими «огненного боя». Но мало того что монголы обладали врождёнными качествами воинов-наездников. Они многому научились у завоёванных ими тангутов, китайцев и мусульман-хорезмийцев, переняли их опыт, их способы ведения боевых действий, овладели передовой по тем временам военной техникой — камнемётными машинами, мощными самострелами, передвижными башнями, таранами, катапультами, а от китайцев научились использовать при осаде порох, которого в Европе ещё не знали. Огненные стрелы монголов и зажигательные и разрывные снаряды на основе нефти и пороха сеяли панику среди врагов. В войске монголов находились инженеры из числа китайцев и тангутов; они и руководили осадными работами при взятии среднеазиатских и европейских городов.

Выносливость монголов не знала пределов. Они были привычны и к жестокому зною, и к лютой стуже (ибо и то и другое не редкость для Монголии), могли проводить в походе по несколько дней без отдыха, не возили за собой обозов и провианта. Обычной их пищей служила баранина, реже конина; пили они также кобылье и овечье молоко, но вообще могли питаться всем, что находили, не делая никаких различий между «чистой» и «нечистой» пищей и не брезгуя даже внутренностями убитых ими животных, выдавливая кал руками и съедая всё остальное. Во время стремительного похода они могли вообще обходиться без еды, в крайнем случае для поддержания сил пили свежую

конскую кровь — а она была всегда, что называется, под рукой. «Их пищу составляет всё, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо, — писал о монголах монах-францисканец Джиованни дель Плано Карпини, отправившийся с посольством в их землю. — ...Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы могут с трудом жить на это». Монах-итальянец знал, о чем писал, поскольку почти полтора года провёл среди монголов, довольствуясь выдаваемым ему скудным пайком, недостаточным даже для него, привыкшего к посту и воздержанию. Не кажутся фантастическими и его слова о вынужденном каннибализме монголов. Рашид ад-Дин, автор официальной истории Чингисхана и его ближайших преемников, рассказывает об одном эпизоде китайской кампании: когда войска сына Чингисхана Тулуя находились в пути, «у них не осталось провианта, и дошло до того, что они ели трупы умерших людей, павших животных и сено». И тем не менее поход продолжился и увенчался очередной победой над войсками китайского императора. Другую историю (вероятно, уже расцвеченную легендой) приводит Плано Карпини: во время осады главного китайского города монголам «не хватило вовсе съестных припасов», и тогда Чингисхан приказал своим воинам, «чтобы они отдавали для еды одного человека из десяти»!¹³ Подобные истории, передаваемые из уст в уста, внушали противникам монголов ещё больший ужас, нежели многочисленные истории о зверствах монголов по отношению к врагам.

Нечто необыкновенное представляли собой и монгольские лошади — главная движущая сила любых завоевательных походов того времени. Низкорослые, но невероятно выносливые, они могли добывать себе пропитание сами — даже там, где другие лошади умирали от голода, например, в заснеженной степи, разгребая копытами снег. Эти лошади «очень крепкие, имеют спокойный покладистый нрав и без норова, способны переносить ветер и мороз долгое время, — писали

побывавшие в Монгольских степях китайские дипломаты, большие знатоки лошадей. — ...Во всех случаях быстрой скачки у татар нельзя досыта кормить лошадей, их всегда (после скачки) освобождают от сёдел, непременно связывают так, чтобы морда была задрана вверх, и ждут, пока их *ци* (жизненная сила. — А. К.) придёт в равновесие, дыхание успокоится и ноги охладятся». Каждому монгольскому воину полагалось иметь не одну, а нескольких лошадей: обычно двух-трёх, а для начальников — по шести-семи и больше. Уставшую лошадь никогда не осёдлывали вновь, но давали ей отдохнуть. Ещё и поэтому монгольское войско было значительно мобильнее любого другого. В бою лошадь также была защищена кожаным панцирем — «личиной» (прикрывающей морду) и «коярами» (прикрывающими грудь и бока). Это не стесняло движений лошади, но хорошо защищало её от стрел и копий. Монголы и их лошади умели переправляться через самые широкие и глубокие реки. Для этой цели каждый монгол имел особый кожаный мешок, накрепко завязывающийся и наполняемый воздухом; туда складывали всё необходимое для войны, а иногда помещались и сами воины (такие импровизированные судна из бычьей или воловьей кожи могли служить для нескольких человек). Эти мешки привязывали к хвостам лошадей и заставляли их плыть вперёд наравне с теми лошадьми, которыми управляли люди. Причём лошади плыли в строго определённом порядке, позволявшем сразу же по завершении переправы вступить в сражение.

Огромное внимание монголы уделяли разведке, тщательному изучению противника и местности, в которой предстояло воевать. Прирождённые степняки, они обладали поистине орлиным зрением, исключительным глазомером, легко находили ориентиры в любой, даже совершенно незнакомой им местности^[2]. «Их движущееся войско всё время опасается внезапного удара из засады», сообщают китайские дипломаты, а потому «даже с флангов... в обязательном порядке прежде всего высылаются во все стороны» конные дозоры. «Они внезапно нападают и

захватывают тех, кто или живёт, или проходит там, чтобы выведать истинное положение дел, как то: какие дороги лучшие и можно ли продвинуться по ним; какие есть города, на которые можно напасть; какие земли можно воевать; в каких местах можно стать лагерем; в каком направлении имеются вражеские войска; в каких местностях есть провиант и трава». В зависимости от полученных сведений монголы и действовали, применяя различные хитрости и уловки — то охватывая противника с флангов, то заманивая его в заранее подготовленную ловушку. Как правило, они опережали противника на несколько ходов. Начиная войну, они уже всё знали о своих врагах, в то время как их собственные намерения оставались неизвестными. Словом, это были идеальные воины, обладавшие какими-то непостижимыми, сверхъестественными способностями к войне, к уничтожению себе подобных. Не знающие ни жалости, ни сострадания, превосходящие силой, свирепостью и скоростью передвижений все известные тогда племена и народы, они казались выходцами из какого-то совсем иного мира — да они и были представителями иного, неведомого европейцам мира, иной, неведомой им цивилизации. Сегодня их, наверное, назвали бы *сверхлюдьми*. В категориях же Средневековья нашлось другое выражение, более ёмкое и определённое. Современники увидели в неведомых пришельцах посланцев преисподней, выходцев из ада — «тартара», предвестников приближающегося — и уже вплотную приблизившегося! — конца света.

Но, пожалуй, главной особенностью войн, которые вели монголы, было использование ими покорённых народов в качестве авангарда своих войск, живого щита или тарана. «Во всех завоёванных странах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя, — сообщал накануне вторжения монголов на Русь венгерский монах-миссионер Юлиан. — ...Воинам... которых гонят в бой, если даже они

хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее...»¹⁵ Именно эти многотысячные массы людей и посылались прежде всего на штурм крепостей, в том числе и тех, которые принадлежали их собственным правителям; естественно, что они первыми и гибли от стрел и камней осаждённых. «Всякий раз при наступлении на большие города они сперва нападают на маленькие города, захватывают в плен население, угоняют его и используют на осадных работах, — писал в 1221 году побывавший у монголов посол южнокитайского Сунского государства Чжао Хун. — Тогда они отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей захвачено достаточно, то каждый человек обязан набрать сколько-то травы или дров, земли или камней. [Татары] гонят их день и ночь; если люди отстают, то их убивают. Когда люди пригнаны, они заваливают крепостные рвы вокруг городских стен тем, что они принесли, и немедленно заравнивают рвы; некоторых используют для обслуживания колесниц... катапультных установок и других работ. При этом [татары] не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей они все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, [татары] убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады»¹⁶. Чудовищная жестокость, парализующая всякую волю к сопротивлению, — вот ещё одна страшная черта монгольских войн. При взятии вражеских городов действовало жёсткое правило, откровенно сформулированное знаменитым китайским министром первых монгольских ханов Елюй Чуцаем: «Как только враг, отклонив приказ о сдаче, выпускал хотя бы одну стрелу или метательный камень по осаждающим войскам, в соответствии с существовавшей государственной системой все убивались без пощады во всех случаях». Так, накануне

падения китайской столицы Кайфын командовавший войсками Субедей прислал к великому хану донесение: «Этот город долго сопротивлялся нам, убито и ранено много воинов, поэтому [я] хочу вырезать его весь»¹⁷.

Так было при завоевании Китая; так будет и при завоевании Волжской Болгарии, Руси, Венгрии... Войска покорённых стран («погибших государств», по терминологии китайских историографов) составляли значительную часть и собственно монгольского войска. Это повелось ещё с тех пор, когда воины Чингисхана воевали с соседними, родственными им племенами — найманами, татарами, меркитами, керейтами и прочими, вошедшими в состав их армии; это продолжилось и в ходе последующих завоевательных походов. А потому по мере продвижения на запад монгольское войско не ослабевало, как это обыкновенно бывает во время длительных военных кампаний, особенно на чужой, вражеской территории, а, наоборот, усиливалось, становилось многолюднее. Впрочем, мы ещё поговорим об этом подробнее, когда речь пойдёт об участии кипчаков-половцев, асов-аланов, «морданов», да и русских в завоевательных походах Батыя и его полководцев.

Упомянутый выше венгерский монах Юлиан привёл ещё одно любопытное свидетельство на сей счёт: всех тех людей, которых монголы заставляют служить себе, они «обязывают... впредь именоваться татарами». Таково одно из объяснений названия, под которым монголы выступают почти во всех средневековых источниках — не только русских, но и китайских, арабских, персидских, западноевропейских и т. д. В действительности монголы сами себя татарами никогда не называли и с татарами издавна враждовали: так, именно татарами некогда был убит отец Чингисхана Есугай-Баатур; впоследствии Чингисхан жестоко отомстил за смерть отца и в кровопролитной войне истребил почти всех татар. И тем не менее их имя прочно соединилось с именем его собственного народа. И дело здесь не в желании самих монголов называть этим именем поверженных врагов, как полагал Юлиан; и даже не в том, что оставшиеся в живых

татары будто бы составляли авангард их армии и потому повсюду «распространилось их имя, так как везде кричали: “Вот идут татары!”», как ошибочно думал побывавший у монголов монах-францисканец Гильом Рубрук¹⁸. Современные исследователи акцентируют внимание на том, что татарские племена были историческими предшественниками монголов и последние со временем заняли их место. Монголоязычные татары жили в Восточной Монголии; их коренной юрт располагался у озера Буир-Нур, вблизи кочевий собственно монголов. Во времена, предшествовавшие рождению Чингисхана, татары господствовали во всём этом регионе, так что «из-за их чрезвычайного величия и почётного положения другие тюркские роды... стали известны под их именем и все назывались татарами», — замечает в своём экскурсе в историю монголов Рашид ад-Дин. Ещё в XI веке обширные пространства между Северным Китаем и Восточным Туркестаном именовались по их имени «Татарской степью» (подобно тому как «Кипчакской степью» — Дешт-и-Кипчак — именовали пространства между Западным Туркестаном и Нижним Подунавьем). И когда полтора столетия спустя монголы заняли эти громадные территории, подчинили их своей власти, в тюркской и мусульманской среде они и сами стали именоваться татарами. От половцев это название стало известно на Руси и в Венгрии, а затем и во всей латинской Европе¹⁹. Оно и закрепилось в исторической традиции за монголами и всем разноэтническим населением их империи. Так что к современным татарам это название имеет весьма отдалённое отношение. Земли же, завоёванные монголами, — огромные пространства Восточной Европы и Центральной Евразии, включая Русь — будущее Московское государство, — на долгие столетия стали обозначаться на европейских картах зловещим словом «Тартария», в котором легко можно расслышать не только имя самих татар — то есть монголов, но всё то же название преисподней — чудовищного «тартара» — обители демонов и прочей тёмной силы...

Но вернёмся к событиям, непосредственно предшествовавшим великому Западному походу. Войска центральных улусов Монгольской империи «все сообща» пришли в движение в феврале — марте 1236 года. Большую часть весны и летние месяцы они провели в пути, сообщает Рашид ад-Дин, «а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордой, Шибаном и Тангутом, которые также были назначены в те края». «От множества войска земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные» — так описывает начало похода Джувейни.

Незадолго до вторжения монголов в Волжскую Болгарию, 3 августа 1236 года, случилось солнечное затмение, наблюдавшееся по всей Восточной Европе и отмеченное летописцами. Тьма накрыла солнце сначала с запада, оставив лишь узкий серп («словно месяц четырёх дней»), а затем ушла на восток²⁰. В этом небесном знамении многие увидели предвестие будущих грозных событий: «...И были страх и трепет на всех видящих и слышащих сие...» Первый удар монгольского войска пришёлся по Волжской Болгарии — сильнейшему мусульманскому государству Восточной Европы. Напомню, что ещё в 1223 году болгары нанесли поражение отряду Джебе и Субедея, возвращавшемуся домой после первого похода на запад. Тогда болгары применили излюбленную тактику самих монголов, сумев заманить их в заранее подготовленную ловушку. И позднее болгарам приходилось постоянно сталкиваться с монгольскими отрядами, нападавшими на их земли. Так было в 1229 году, когда монголы захватили Саксин и разбили болгарские заставы на Яике; так было и три года спустя, в 1232 году, когда монголы вновь появились в их пределах и «зимовали, не доходя до Великого города Болгарского». Ещё в 1230 году, вскоре после поражения на Яике, болгары заключили мир с владими́ро-суздальским князем Юрием Всеволодовичем, сильнейшим из русских князей того времени, и тем обезопасили свои западные рубежи. До времени казалось, что им удаётся сдерживать натиск грозного врага^[3]. Но то

были лишь передовые, разведывательные отряды. Когда монголы всей своей мощью обрушились на болгар, участь их была решена.

Лето 1236 года войска Бату и его братьев провели у самых границ Болгарской земли. Именно в это время здесь оказался венгерский монах-доминиканец Юлиан, направлявшийся с миссионерскими целями к венграм-язычникам (уграм), жившим в Приуралье. Помимо миссионерских Юлиан преследовал и иные, секретные цели; во всяком случае, он и тогда, и позднее действовал очень умело, добывая важные сведения о передвижениях и намерениях монголов²¹. Юлиану удалось отыскать своих давно потерянных сородичей, но здесь же он нашёл и «посла татарского вождя» — едва ли не посла самого Бату, который вёл с уграми какие-то переговоры. От этого посла Юлиан узнал, что монгольское войско находилось по соседству, на расстоянии пяти дневных переходов; оно намеревалось «идти против Алемании» (Германии) и только дожидалось «другого, которое послали для разгрома персов»²². Упоминание о персах, равно как и об Алемании как о главной цели Западного похода монголов, не вполне верно (не исключено, что это результат целенаправленной дезинформации монгольского посла). Но вот то, что «другое войско» должно было соединиться с первым, — факт несомненный. И мы знаем, что во главе этого «другого» войска, шедшего из глубин Азии, были старшие царевичи Монгольской империи, а вёл войско лучший полководец империи Субедей-Баатур, прекрасно знавший и местность, в которой монголам предстояло воевать, и все повадки и уловки противника.

Происходивший из монгольского племени урянхаев, Субедей, «отважный храбрец, отличный наездник и стрелок», очень рано перешёл на службу Чингисхану²³. Он начинал карьеру в качестве «сына-заложника», потом был десятником, сотником и так прошёл все ступени воинской службы, в конце концов породнившись с Чингисидами через брак с принцессой из их рода Тумегань. «Опорой и поддержкой в кровавых битвах» называл его Чингисхан, а

враги именовали «псом», «откормленным человеческим мясом» и готовым на всё ради достижения поставленной цели. У них «...железные сердца, сабли вместо плёток. Они питаются росой, ездят верхом на ветре. В дни битв они едят человеческое мясо, в дни схваток им пищей служит человечина» — такими казались недругам монголов полководцы Чингисхана, и первый из них — Субедей-Баатур²⁴. «Им молвишь: “ Вперёд, на врага!” / И кремень они сокрушат. / Назад ли прикажешь подать — / Хоть скалы раздвинут они, / Бел-камень с налёту пробьют, / Трясины и топи пройдут» — а это уже слова самого Чингисхана о людях, подобных его верному «цепному псу»²⁵. 61-летний Субедей (он родился в 1175 году) фактически возглавил Западный поход, как возглавлял он прежние походы и во времена Чингисхана, и при Угедей-хане. Остальные царевичи могли чувствовать себя спокойно «под его крылышком», как выразится позднее сам Угедей, подводя итоги военной кампании Бату на Руси и в других странах Запада. Впрочем, свой отличный полководец имелся и у Бату — вместе с ним (а отчасти вместо него) его войсками в Западном походе предводительствовал Буралдай (или Бурундай, как будут называть его русские летописи), сородич и преемник знаменитого Боорчи-нойона, первого сподвижника и эмира Чингисхана и предводителя «правого крыла» всего монгольского войска.

Объединившись, войска приступили к решительным действиям. «Бату с Шибаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против буларов (здесь: болгар. — А. К.) и башгирдов (башкир; здесь, вероятно: уральских венгров. — А. К.)... и в короткое время, без больших усилий, овладел ими и произвёл там избиение и грабёж», — сообщает Рашид ад-Дин²⁶ и далее добавляет: «Они (монголы. — А. К.) дошли до Великого города и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться». Правда, приложить усилия монголам, конечно, пришлось. У болгар было сильное войско, в стране имелось множество крепостей, некоторые из них, по словам современника, могли выставить до 50 тысяч воинов. Особенно укреплена

была столица страны — Великий город, как одинаково называли его русские летописцы и восточные хронисты. Город располагался на реке Малый Черемшан, на месте Билярского городища (в нынешнем Алексеевском районе Татарстана), примерно в 40 километрах южнее Камы²⁷. К началу XIII века он входил в число крупнейших городов Европы. Город был окружён несколькими валами и рвами, в центре располагалась цитадель, защищённая мощной, до 10 метров толщиной, деревянной стеной. Имелись и колодцы с хорошей питьевой водой, так что город казался прекрасно приспособленным и к отражению вражеского штурма, и к длительной осаде. Увы, именно в этих колодцах археологи и находят трагические свидетельства последних минут жизни защитников города: людей сбрасывали сюда ещё живыми, обрекая на мучительную смерть... «Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населённостью, — сообщает современник событий Джувейни. — Для примера подобным им жителей (частью) убили, а частью пленили». О том же писал и русский летописец: «Той же осенью пришли от восточной страны в Болгарскую землю безбожные татары, и взяли славный Великий город Болгарский, и перебили оружием от старца и до юного и до сущего младенца, и взяли товара множество, а город их пожгли огнём и всю землю их полонили»²⁸. Как свидетельствуют археологи, столица Великой Болгарии так и не возродилась: новое поселение возникнет здесь по соседству со старым, превратившимся в пепелище²⁹.

Та же участь будет ждать и другие города, оказавшиеся на пути монгольского войска. Завоеватели щадили лишь тех, кто сразу и безоговорочно признавал их власть, да и то не всегда. Любые же попытки сопротивления, как мы знаем, подавлялись безжалостно. Когда осенью 1237 года уже известный нам монах Юлиан вторично направится для проповеди к язычникам-венграм, он, достигнув пограничья Русской и Болгарской земель, с ужасом узнает, что ему некуда дальше идти и некому проповедовать: «О, горестное зрелище, внушающее ужас всякому! Венгры-язычники, и

булгары, и множество царств совершенно разгромлены татарами».

Впрочем, полное истребление жителей не входило в планы завоевателей. В этом случае некому было бы работать на них, выплачивать дань, обеспечивать их всем необходимым. Бату и другие царевичи с готовностью приняли тех болгарских князей, которые изъявили им покорность. Таковых оказалось двое — некие Баян и Джикун: «они были щедро одарены» и «вернулись обратно», то есть возвратили себе власть, ограниченную, правда, признанием власти монгольских ханов. Точно так же будут вести себя монгольские завоеватели и на Руси, и в других захваченных ими странах. Беспощадное разорение страны, чудовищная жестокость, насилие — и в то же время признание за князьями, выразившими свою покорность новым властителям, всех ранее принадлежавших им земель, вполне милостивое обращение с ними, включение их в существующие в Монгольской империи структуры власти.

Покорение Болгарии оказалось, однако, далеко не окончательным. Когда монголы покинут пределы страны и обрушатся на русские земли, болгарские князья — очевидно, те же Баян и Джикун — восстанут против завоевателей. Понадобятся новый поход в их земли самого Субедея, новые кровавые расправы. В конечном же счёте Великая Болгария на Волге прекратит своё существование как самостоятельное государство, а её земли войдут в собственный улус Бату и его потомков.

Разгромив Болгарию, монгольское войско разделилось. Сам Бату, его братья, а также царевичи Кадан и Кулкан двинулись в земли соседних с Болгарией поволжских народов — мокши и эрзи (мордвы), а также буртасов (этническая принадлежность которых точно не определена) — и, как сообщает Рашид ад-Дин, «в короткое время завладели ими». Воинственные мордовские племена в то время враждовали друг с другом; один из мордовских князей, Пуреш, правитель мокшан, был союзником владимиросуздальского князя Юрия Всеволодовича; его противник Пургас (правитель эрзян) делал ставку на

волжских болгар и жестоко враждовал с Русью. Разные пути выбрали они и в отношении вторгшихся в их страну монголов. «Там было два князя, — сообщал о «царстве морданов» (мордвы) венгр Юлиан. — Один князь со всем народом и семьёй покорился владыке татар (по-видимому, Пуреш. — А. К.), но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил». Этим вторым князем, по всей вероятности, был Пургас; войну с ним монголы возобновят позднее, уже после разорения Северо-Восточной Руси. Что же касается Пуреша, то возглавляемые им мокшане примут самое активное участие в последующих войнах Бату в Венгрии и Польше. Юлиан свидетельствует о том, что «в течение одного года или немного большего срока», то есть за 1236–1237 годы, монголы «завладели пятью величайшими языческими царствами», в число которых он включал Волжскую Болгарию, земли уральских венгров-язычников, «царство морданов», а также какие-то другие государственные образования — Сасцию, или Фасхию (в которой видят либо Саксин в низовьях Волги, завоёванный монголами ещё в 1229 году, либо земли башкир), Меровию (вероятно, марийцев — черемисов русских летописей) и совершенно неопределяемые Ведин и Пойдовию. Они «взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти 50 тысяч вооруженных воинов», — добавляет венгерский монах.

Другая часть монгольского войска во главе с царевичами Гуюком и Менгу и эмиром Субедеем обрушилась на половецкие кочевья, оттесняя половцев к Каспийскому побережью.

Трудно сказать, по какой причине, но монголы с крайней враждебностью относились к кипчакам — половцам, считая их своими злейшими врагами. «Вначале они подчинялись» монголам, писал о кипчаках упоминавшийся выше китаец Пэн Да-я, но «потом взбунтовались, бежали в теснины и за реки, чтобы там сопротивляться». Монголы упорно именовали их своими «рабами» и «конюхами» и преследовали где только могли. Именно помощь, оказанная

половцам русскими князьями в 1223 году, стала причиной первого вторжения войск Джебе и Субедея на Русь; впоследствии достаточным поводом для вторжения в Венгрию монголы посчитали тот факт, что венгерский король принял у себя орду половецкого хана Котяна. Собственно, весь Западный поход именовали в Монголии «Кипчакским» — и по названию «Кипчакской степи», в которой царевичам предстояло прежде всего действовать, и по имени главных врагов.

После жестокого разгрома 1223 года бóльшая часть половцев вернулась к своим кочевьям. Однако оказать организованного сопротивления монголам они не смогли и на этот раз. Половецкая земля была раздроблена, различные орды враждовали друг с другом. Одни делали ставку на союз с русскими князьями или правителями Венгрии, другие действовали сами по себе, третьи сразу же переходили на сторону более могущественного врага. Монголы сумели воспользоваться противоречиями внутри половецкого общества. Сохранились сведения о том, что один из половецких родов — Токсобичи (хорошо известные русским летописям) — вступил в жестокую войну с сильнейшим из половецких ханов того времени Котяном (тем самым, который договаривался о союзе с русскими князьями в 1223 году). Потерпев поражение, Токсобичи обратились за помощью к монголам, обещая, что если те двинутся в Степь, то не встретят на своём пути «ни одного противника». Монголы не замедлили воспользоваться приглашением. Их предводитель, рассказывает арабский историк ан-Нувейри, «двинулся на них (половцев. — А. К.) со своими войсками, напал на них и бóльшую часть их избил и захватил в плен»³⁰.

Кипчакские степи идеально подходили для действий монгольской конницы. «Царевичи, составив совет, пошли каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшие им по пути области», — сообщает Рашид ад-Дин. Кому-то из половецких вождей удалось бежать (так Котян во главе 40-тысячной орды откочевал в Венгрию); оставшиеся же были истреблены монголами или

уведены в рабство. Исследователи отмечают, что с середины XIII века мы не встречаем в источниках ни одного имени половецких ханов; тогда же в европейских степях исчезают и многочисленные каменные изваяния — знаменитые «половецкие бабы»: их попросту некому стало ставить, ибо не осталось ни заказчиков, ни тех, в чью память воздвигались святилища³¹. Степи нужны были самим монголам, а конкурентов они не терпели. Что же касается основной массы кипчаков, то они, оставшиеся без своих предводителей, влились в состав монгольского войска.

Лишь немногие нашли в себе мужество продолжить борьбу. Сопротивление монголам возглавил некий половецкий князь Бачман из племени олбурлик (также известного русским источникам). Китайские хроники называют его главным противником монголов и даже объясняют назначение в Кипчакский поход Субедея необходимостью противостоять столь опасному противнику. «Мы услышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу. Субедей тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его» — такие слова будто бы произнёс Угедей-хан, отдавая приказ Субедею «быть в авангарде» монгольского войска³². Субедей разбил Бачмана в сражении и захватил его жён и детей. Пленение же главаря кипчаков стало заслугой Менгу, который со своими туменами действовал с левого крыла монгольских войск и «шёл облавой» вдоль берега Каспийского моря. Здесь он и столкнулся с наиболее сильным сопротивлением. Подробный рассказ об этом сохранился в «Истории завоевателя мира» Джувейни и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Оба автора рассказывают обо всём, естественно, с позиций победителей-монголов, всячески очерняя их главного врага.

Когда «все эти земли были очищены от смутьянов и всё, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием высшего повеления, — сообщает Джувейни, — то между кипчакскими негодьями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удальцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было постоянного местопребывания и убежища, где

бы он мог остановиться, то он каждый день оказывался на новом месте... и из-за своего собачьего нрава бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска монгольские ни искали следов, нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым...Убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля (Волги. — А. К.), он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирая что-нибудь и опять скрывался». Такова обычная тактика партизанской войны против завоевателей. Но оседлого населения в низовьях Волги было немного, страх перед монголами был велик, и постоянно получать поддержку своих единоплеменников Бачман не мог. Где-то близ устья Волги монголы нашли «следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего навоза и помёта». Некая оказавшаяся здесь же старуха сообщила преследователям, что Бачман и его люди скрываются на одном из островов посреди реки. У монголов не оказалось подходящего судна, «а река волновалась подобно морю», так что «никому нельзя было переплыть туда, не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь». В дельте Волги действительно есть где укрыться: ориентироваться среди многочисленных протоков и рукавов реки очень трудно, острова скрыты густыми зарослями, в которых легко может заблудиться даже местный житель. Поэтому Бачман считал себя в полной безопасности. Однако случилось нечто необычное. «Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону, и обнажилась земля». Какое природное явление описывается здесь, сказать трудно, но известно, что отливы и приливы воды в дельте Волги порой кардинально меняют пейзаж, деля доступными ранее недоступные места и наоборот. Как бы то ни было, данный природный катаклизм решил участь половецкого князя. «Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать на остров. Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жён и

детей, забрали с собой множество добра и имущества». Монголы едва успели уйти с острова, как вода снова поднялась. Что же касается Бачмана, то его ждала жестокая смерть. Менгу приказал своему брату Бучеку разрубить половецкого князя надвое³³.

Та же история приведена в китайской официальной летописи «Юань-ши». Многие подробности схожи, однако поведение правителя Кипчакской земли описывается здесь иначе, с нескрываемым уважением. Так, приведён гордый ответ захваченного в плен Бачмана на требование Менгу-хана поклониться ему: «Я являюсь владельцем страны и разве стал бы любыми путями искать спасение? Моё тело не имеет горба, и разве от стояния на коленях он появится?»³⁴

Как рассказывает Рашид ад-Дин, вместе с Бачманом против монголов воевал и некий Качир-укулэ, эмир из племени асов (аланов); он также был взят в плен на том же острове и казнён. Однако завоёвывать страну аланов монголы пока не спешили. Это случится только несколько лет спустя, уже после завоевания ими Северо-Восточной Руси.

Разгром Руси

Покорение поволжских народов и Половецкой степи позволило монголам перенести удар на русские княжества. «Осенью упомянутого года (1237-го. — А. К.) все находившиеся там царевичи сообща устроили курултай и, по общему соглашению, пошли войною на русских», — сообщает Рашид ад-Дин.

Именно в это время на границах Руси и Волжской Болгарии вновь появился венгерский монах-миссионер Юлиан, совершавший своё второе путешествие к сородичам, уральским венграм. Во второй раз он оказался в эпицентре грозных событий, на направлении главного удара огромного монгольского войска. «Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что всё войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части», — доносил он легату апостольского престола, епископу Перуджи. Правда, текст его послания дошёл до нас в несколько испорченном виде и имеет немало тёмных мест. Так, Юлиан упоминает лишь три, а не четыре группировки монгольских войск, сосредоточенных у русских рубежей, и не все из приведённых им географических названий могут быть точно определены. «Одна часть у реки Этиль (Волги. — А. К.) на границах Руси с восточного края подступила к Суздаю (то есть к границам Владимиро-Суздальского княжества. — А. К.), — сообщал он. — Другая же часть в южном направлении уже нападала (текст неясен; вариант: «на которое никогда не нападала». — А. К.) на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дон, близ замка *Ovcheruch* (вариант: *Orgenhusin*. — А. К.), также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замёрзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских»¹. Это писалось в ноябре-декабре 1237 года². Три части монгольского войска

под общим командованием Бату готовились действовать сообща. Суровая русская зима не пугала их — в Монголии случаются морозы и пострашнее, чем в России. Лёд же, который должен был сковать реки, открывал их коннице прямой и удобный путь ко всем главным городам страны.

Завидная осведомлённость Юлиана проявилась и в том, что он — единственный из современных ему авторов — указал точную численность монгольского войска. По его словам, у русских границ было сосредоточено 135 тысяч «отборнейших воинов их закона» (то есть собственно монголов) и 240 тысяч «рабов не их закона» (то есть представителей иных, завоёванных монголами, народов)³. Историки, правда, скептически относятся к названным им цифрам. И действительно, одной из целей пропаганды и дезинформации монголов было запугать противника, подавить его волю к сопротивлению. («Татары утверждают также, что у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причём не найдётся мощи на земле, какая была бы в силах противостоять одной их части», — сообщал тот же Юлиан.) Так что данные венгерского монаха более или менее верно могут отражать лишь соотношение в татарском войске собственно монголов и их вынужденных союзников — представителей «покорённых государств», — но не абсолютные цифры⁴. Однако не вызывает сомнений тот факт, что войско это было поистине огромным. Оно значительно превосходило те силы, какими располагали в то время русские князья, — даже в случае их объединения.

Но что же сами русские? Что предпринимали князья Северо-Восточной Руси для отражения нависшей над ними смертельной опасности? Ответ на этот вопрос представляет собой одну из самых больших загадок в истории русского противостояния монголам.

Если мы обратимся к летописям — главному источнику наших сведений о нашествии Батыя на Русь, — то с удивлением обнаружим, что здесь, на Руси, словно бы и не ждали нападения: жизнь шла своим чередом, и ни о каких военных приготовлениях или переговорах князей относительно совместных действий против общего врага

ничего не сообщается^[4]. Зимой 1236/37 года, когда войска Батыя громили Волжскую Болгарию, великий князь Владимиро-Суздальский Юрий Всеволодович женил двух своих сыновей — Владимира и Мстислава; весной епископ Митрофан поставил киот (иконостас) во владимирском Успенском соборе «над трапезою» (то есть над алтарём) «и украсил его золотом и серебром»; в том же году был расписан «притвор» Успенского собора. И это всё, что сообщают летописи Северо-Восточной Руси о событиях, непосредственно предшествовавших завоеванию!

Однако нет сомнений в том, что и в Рязани, и во Владимире, и в других городах внимательно следили за всем происходящим к востоку и югу от русских границ. Хотя князья Северо-Восточной Руси не принимали участия в несчастной для русских битве на Калке в 1223 году, они хорошо понимали, какую опасность представляют собой татары (с этого момента будем называть воинов Батыя этим именем, принятым на Руси и в других странах). Что называется, из первых уст знали здесь и о трагической судьбе Волжской Болгарии, многовекового соседа, торгового партнёра и соперника Руси на Волге. Именно на Русь в 1236/37 году хлынул поток беженцев из болгарских и других поволжских земель. По словам монаха-доминиканца Юлиана, общавшегося с этими беглецами где-то на восточных границах Владимиро-Суздальского княжества, вся страна русских пришла в движение и ожидала чего-то страшного. «Видя, что страна (здесь, видимо, Болгария. — А. К.) занята татарами, что области укреплены (?) и успеха делу не предвидится», Юлиан и его спутники решили вернуться в Венгрию, но и это оказалось делом далеко не простым: «И хотя шли мы среди многих войск и разбойников, но ради молитв и заслуг Святой церкви благополучно и невредимыми добрались до братьев наших и обители».

Известно также, что великий князь Юрий Всеволодович вёл какие-то переговоры с татарами (сведения на этот счёт сохранились в источниках). Послы Батыя побывали у него, и не однажды. Монголы вообще уделяли большое значение

дипломатическому обоснованию своих действий (равно как и разведке и сбору необходимой информации, что по существу означало одно и то же) и почти всегда вступали в переговоры с вероятным противником, прежде чем на него напасть. Ещё в 1236 году, накануне вторжения войск Батыя в Волжскую Болгарию, Юлиан встретил монгольского посла в стране уральских венгров; показательно, что посол этот владел языками всех будущих противников монголов, в том числе и тех, с кем монголы намеревались воевать лишь в отдалённом будущем: Юлиан называет шесть языков, которые знал посол, — венгерский, русский, куманский (половецкий), тевтонский (немецкий), сарацинский (персидский?) и татарский (монгольский). Напомню, что тогда посол заявил Юлиану, будто монгольское войско «хочет идти против Алемании», что было очевидной дезинформацией. Возможно, к подобной дезинформации монголы прибегли и год или полтора спустя. Некоторые основания для того, чтобы судить об этом, даёт письмо того же Юлиана. Правда, венгерский монах упоминает только о послах, направленных Батыем к венгерскому королю Беле IV (1235–1270). Но действовали эти послы через «суздальского князя», то есть через Юрия Всеволодовича, и было таких посольств не одно и не два, а значительно больше.

«Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днём и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего», — доносил Юлиан епископу Перуджи, а через него и другим европейским монархам и князьям церкви. А далее уточнял, откуда ему стало известно о таких далекоидущих намерениях монголов: «...Он (Батый. — А. К.) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными». Я не берусь сказать, почему князь Юрий задержал у себя монгольских послов. Впрочем, нет

уверенности и в том, что монах Юлиан правильно истолковал его действия. Во всяком случае, полученное от Батыя письмо Юрий передал Юлиану, с тем чтобы тот отвёз его по назначению — к королю Беле. По словам Юлиана, письмо было написано «языческими буквами» на татарском, то есть монгольском, языке (монголы использовали уйгурский алфавит), а потому, когда оно дошло до короля Беле, то «король нашёл многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашёл никого». Однако когда Юлиан и его спутники проезжали через половецкие степи, они встретили «некоего язычника», который и перевёл им письмо. Написано оно было от имени хана Угедея, хотя составлял его, возможно, Батый. Текст письма, насколько верно и точно передал его венгерский монах, был следующим:

«Я, Хан (этот титул Юлиан понимал как собственное имя верховного правителя монголов. — А. К.), посол царя небесного, которому он дал власть над землёй возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский (титул передан с явным пренебрежением, как «королёк». — А. К.): хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь? Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов (половцев. — А. К.) ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?»⁶

Надо сказать, что послы, всё-таки добравшиеся до венгерского короля, изъяснялись и на вполне понятном ему языке. Монголы охотно доверяли посольские миссии иноземцам. Позднее, уже в 1241 году, в руки к правителю

Далмации Коломану (младшему брату и соправителю короля Белы IV) попал некий выходец из Англии, когда-то оказавшийся в плену у монголов и перешедший к ним на службу «по той причине, что они нуждались в толмачах», то есть переводчиках. По собственным словам англичанина, он дважды побывал у венгерского короля «как посол и толмач и угрожал, предварительно приведя достаточно примеров, злодеяниями, которые они (татары. — А. К.) учинят, если он (король. — А. К.) не отдаст себя и королевство своё в рабство татарам»⁷.

Общий смысл претензий к венгерскому королю, несомненно, был известен и князю Юрию Всеволодовичу. Но мог ли он и в самом деле рассчитывать на то, что следующий удар монгольского войска обрушится не на его княжество, не на русские земли, а на Венгерское королевство? Я полагаю, что да, мог. На Руси знали о вражде между монголами и половцами. Когда-то русские князья поддержали половцев, несмотря на прямые угрозы татар, — и поплатились за это страшным поражением на Калке. Юрий Всеволодович не хотел повторять прежних ошибок — да его и не связывали с половцами столь тесные политические и династические узы, которые установились с ними у князей Южной Руси. Зато половцев — и именно одного из главных врагов монголов, хана Котяна, — принял король Бела. Наверное, монголы умело разыгрывали «половецкую карту» — в том числе и перед князем Юрием; не исключено, что они заверяли его в своей готовности выступить вслед за бежавшим от них Котяном — и суздальскому князю так хотелось им верить! Возможно, что и его не вполне понятные для нас действия — он задержал послов у себя, но письмо всё-таки передал венгерскому королю — объясняются его желанием поскорее направить татар против венгров, не допустить какого-либо соглашения между ними. Позднее, уже после того как татары вторгнутся в Центральную Европу, современники-европейцы будут писать о их коварстве и вероломстве и вспомнят, что «некоторые из доверчивых королей, заключив с ними союз, разрешали им свободно проходить по своим землям, но всё

равно погибли, так как они союзы не соблюдают»⁸. Возможно, слова эти — хотя бы отчасти — могут быть отнесены и к суздальскому князю?

Конечно, всё это не более чем предположения и догадки. Но они, пожалуй, лучше других объясняют видимое бездействие князя Юрия Всеволодовича, его очевидное нежелание хоть чем-то спровоцировать монголов на военные действия. Когда же войско Батыя вторгнется в русские пределы, суздальский князь уже ничего не успеет предпринять. Если монголы и вели с ним переговоры, то лишь для отвода глаз, чтобы внести раскол в ряды своих противников. Русь была обречена. Она должна была быть завоёвана — таково было предписание Чингисхана, которое его преемники не могли нарушить. Мир с русскими князьями был невозможен и ещё по одной причине. Весной 1223 года, накануне битвы на Калке, русские князья убили татарских послов, присланных к ним для переговоров. Этого монголы никому не прощали. И хотя ни Юрий Всеволодович, ни другие князья Северо-Восточной Руси не имели к тому давнему преступлению никакого отношения, оно должно было горько отзываться им: монголы не делали различий между отдельными русскими князьями, рассматривая страну русских («орусут») как единое пространство и в этническом, и в политическом отношениях.

«Замок Ovcheruch», или «Orgenhusin», о котором писал монах Юлиан как об одном из первых объектов татарской агрессии на Русь, скорее всего, может быть отождествлён с неким городом или крепостью Нузла (Нуза, Онуза, Нухла), упомянутым в той же связи русскими летописцами.

«В то лето пришли иноплеменники, глаголемые татары, на землю Рязанскую, бесчисленное множество, словно саранча, — сообщает новгородский летописец, — и сперва, придя, встали у Нузлы, и взяли её, и остановились станом тут»⁹. «Зимовали окаянные татары под Чёрным лесом (?), — уточняет другой книжник, — а оттуда пришли безвестно на Рязанскую землю...»¹⁰

Где находилась упомянутая летописцем Нузла, или Онуза, мы, к сожалению, не знаем: историки и археологи помешают этот предполагаемый южный форпост Рязанского княжества либо где-то в бассейне Верхнего Дона, между реками Лесной и Польной Воронеж, или чуть восточнее, в водоразделе Польного Воронежа и реки Челновой, либо на реке Цна (всё это в пределах нынешней Тамбовской области), либо ещё восточнее, на реке Суре или её притоке Узе (в нынешней Пензенской области)¹¹. Именно этим путём Батый, по-видимому, и шёл на Русь. Во всяком случае, так считали в XVII веке. Описывая пути набегов татар на Русь в прошлые века, некий дьяк, автор выписи в Разряде о построении новых городов (1681 год), сообщал вполне определённо: «И в те времена ординские цари... с татары приходили в росийские места войною сакмами (дорогами. — А. К.)... По 2-й (сакме. — А. К.) перешод реку Волгу, а Дону реки не дошод, промеж рек Хопра и Суры, чрез реки Лесной и Польной Воронежи, на Ря[ж]ские, и на Рязанские, и на Шацкие места... и Батый в войну на Русь шол»¹².

Владения рязанских князей в первой трети XIII века простирались далеко на юг: как считают современные археологи, граница княжества проходила по правому берегу Дона — едва ли не до устья реки Воронеж, а на юго-востоке достигала верхнего течения реки Цны¹³. Где-то здесь, на значительном удалении от столицы княжества (более 200 километров), и разворачивались события, приведшие в конце концов к гибели не одной только Рязани, но и всей Руси.

Захватив Нузлу, Батый отправил своих послов к рязанским князьям. Некоторые историки считают это особенностью монгольской дипломатии, по крайней мере дипломатии Батыея в ходе его Западного похода: захват пограничной крепости, своеобразная демонстрация силы предшествовали началу переговоров, ход которых зависел от того, какую тактику выберет правитель той области, которая подверглась нападению монгольских войск¹⁴. В роли переговорщиков выступили некая «жена-чародейца и два мужа с нею». В чём выражалось «чародейство»

татарской посланницы, мы не знаем, но известно, что мои юлы неизменно обставляли все свои действия различными гаданиями и волхованиями и женщины-колдуньи играли при этом весьма заметную роль¹⁵.

Сам выбор женщины в качестве посла (если «жена-чародеица» действительно была послом), несомненно, должен был покоробить рязанских князей. Женщины у монголов своим видом и поведением мало чем отличались от мужчин: они так же ловко скакали на лошади и стреляли из лука, носили штаны и другую мужскую одежду, так что сторонний наблюдатель с трудом различал их в массе воинов. Немало женщин наравне с мужчинами приняли участие и в Западном походе Батыя. Подобным образом одетая женщина в глазах русских выглядела по меньшей мере оскорбительно. Но ещё более оскорбительными оказались условия, выставленные татарами. Они потребовали от рязанских князей «десятину во всём: в князьях, и в людях, и в конях», причём последняя «десятина» была озвучена с максимальной точностью: «десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих», — монголы действительно знали толк в лошадях. Всё это означало полное и безоговорочное подчинение Рязанской земли татарам. Возможно, прими рязанские князья предложенные им условия, и их земля не подверглась бы столь страшному разорению. Но подчиниться такому требованию, и притом без всякого сопротивления, было конечно же невыносимо. Хотя и сил для отражения удара у князей не было.

Рязанская земля к тому времени едва оправилась от страшной трагедии, разыгравшейся двадцатью годами раньше, когда в июле 1217 года в селе Исады, близ Рязани, двое рязанских князей, братья Глеб и Константин Владимировичи, злодейски убили шестерых своих родичей — родного брата Изяслава и пятерых двоюродных братьев. Ещё один их двоюродный брат, князь Игорь Ингваревич, благодаря счастливой случайности не успел приехать в Исады, куда братья-убийцы зазывали и его; ему и удалось занять рязанский престол. Два года спустя, в 1219 году,

«беззаконный» Глеб со множеством половцев приходил к Рязани, но был разбит Игорем и навсегда покинул Рязанскую землю. Сам Игорь Ингваревич умер незадолго до нашествия татар, в 1235 году. Его сыну Юрию¹⁶ с родичами — князьями рязанскими, муромскими и пронскими — и предстояло принять непростое решение.

Князья выступили навстречу татарам к «Воронежу» — так называлась местность в бассейне реки Воронеж и двух его соименных притоков — Лесного и Польного Воронежа. Здесь, по-видимому, и проходили переговоры с «женой-чародейцей» и её спутниками. Одновременно рязанский посол отправился просить помощи у великого князя Юрия Всеволодовича^[5].

В начале XIII века Рязанское княжество на время оказалось в полной зависимости от Суздаля, и великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (отец Юрия Всеволодовича) распорядился в Рязани, как у себя дома. Сам Юрий Игоревич в числе других своих родичей ещё в 1207 году оказался в плену у Всеволода и пробыл в заточении до самой смерти суздальского князя в апреле 1212 года. Сын Всеволода Юрий выпустил рязанских князей, а смута в самом Владимиро-Суздальском княжестве и начавшаяся здесь междоусобная война между братьями Всеволодовичами, сыновьями Всеволода Большое Гнездо, привели к возрождению былой самостоятельности Рязанской земли. Но в случае необходимости рязанские князья по-прежнему обращались за помощью в Суздаль, видя во владими́ро-суздальском князе своего защитника и покровителя¹⁸. Однако на этот раз Юрий Всеволодович помощи Рязани не оказал. Или, точнее, сильно задержался с нею — суздальские полки появятся в Рязанской земле уже после того, как будет сожжена столица княжества. Враждебно настроенный к Юрию новгородский летописец прямо осуждал его за это: «Юрий же сам не пошёл, ни послушал князей рязанских мольбы, но сам хотел отдельно брань сотворить». Но истинных мотивов поведения великого князя мы не знаем. Что двигало им? Простая ли нерешительность? Или же присутствие сильных

монгольских отрядов у границ его собственного княжества, которое он должен был защищать в первую очередь? Вполне вероятно, что одновременно с рязанским посольством князь принимал и послов от татар, которые предлагали ему мир (разумеется, лишь на словах, выигрывая время и выводя из игры сильнейшего из своих противников). Позднее, уже после трагической гибели Юрия Всеволодовича на реке Сити, суздальский летописец, автор его посмертного некролога, будет воздавать ему хвалу за отказ от «постыдного» мира: «...ведь прежде присылали послов своих окаянные те кровопийцы, говоря: “Мирись с нами!”; он же того не пожелал»¹⁹. Но татарские послы уехали тогда от великого князя «одарены», то есть с богатыми подарками, которыми Юрий, наверное, хотел откупиться от них. Надо полагать, что он по-прежнему выжидал, не зная, как обернётся дело, надеясь, что ему удастся отвести удар от собственного княжества и всё ещё не желая понять, что гибель Рязани означает и неизбежную гибель его земли.

Так в решающий момент рязанские князья остались один на один с грозными завоевателями. Отпуская послов обратно к Батыю, они передали с ними такой исполненный чувства собственного достоинства ответ: «Когда нас всех не будет, тогда всё то ваше будет». Наверное, князья понимали, что слова их могут сбыться, и очень скоро. Но другого пути у них попросту не оставалось.

Существует ещё один рассказ о переговорах рязанских князей с Батыем. Он читается в так называемой «Повести о разорении Рязани Батыем» (XVI век), включённой в цикл повестей о Николе Зараском. (Цикл этот связан с почитаемым в Рязанской земле образом святого Николая Чудотворца, хранившимся в городе Зарайске, или Зараске.) Согласно этому позднему и во многом легендарному источнику, «безбожный царь Батый» остановился на реке Воронеж, откуда и прислал к «великому князю Юрию Ингоревичу» своих послов «безделных», прося десятину во всём — «в князьях, и во всяких людях, и во всём». (Упоминание «царского» титула Батыя, как и

великокняжеского Юрия Игоревича указывает на позднее происхождение текста.) Юрий, посоветовавшись со своими родичами, отправил к Батыю сына, княжича Фёдора, «с дарами и молениями великими, чтобы не воевал Рязанской земли». Фёдор поднёс Батыю дары, и тот, «льстив бо и немилосерд», принял их и лживо пообещал не нападать на Рязанскую землю. Сам же «яряся хваляся воевати Русскую землю». А далее приведены подробности переговоров татарского «царя» с рязанским князем, рисующие крайне отталкивающий образ «безбожного и немилосердного» Батыя, обуреваемого, помимо прочего, плотскими страстями. Батый начал просить у рязанских князей дочери или сестры «себе на ложе». В самом этом требовании ничего необычного не было: взятие в жёны дочерей или сестёр правителей покорённых или союзных народов было непременным условием вхождения той или иной области в состав Монгольской империи. Как и «десятина во всём», это означало покорение Рязани власти татар. Однако «дщери или сестры» рязанских князей Батыю показалось мало. Один из вельмож «завистию» начал наговаривать ему на жену самого Фёдора Юрьевича, приведённую из Греческой земли: «яко имеет у себя княгиню от царского рода, и лепотою телом красна зело». Батый, «лукав есть и немилостив в неверии своём, пореваем в похоти плоти своя», обратился к Фёдору:

— Дай мне, княже, видеть жены твоей красоту!

Смысл сказанного не оставлял места для сомнений относительно намерений «безбожного царя». И Фёдор с мужеством отвечал ему:

— Не подобает нам, христианам, тебе, нечестивому царю, водить жён своих на блуд — если нас одолеешь, то и жёнами нашими владеть начнёшь!

Разъярившись, Батый повелел убить князя, а тело его бросить на растерзание зверям и птицам; тогда же были перебиты и иные князья и «нарочитые люди воинские», прибывшие в посольстве вместе с Фёдором Юрьевичем (в действительности татары весьма терпимо относились к послам и никогда не убивали их). Тело убиенного князя

сумел тайно схоронить некий из его «пестунов», то есть воспитателей, по имени Апоница; он спасся от расправы и поспешил с горестной вестью в Рязань — но не к князю Юрию Игоревичу, как можно было бы подумать, а к княгине Евпраксии, жене Фёдора. В то время она стояла в «превысоком храме своём» (то есть в тереме), держа на руках сына-младенца Ивана. «И услыша таковые смертоносные глаголы и горести исполнены, и абие (тотчас. — А. К.) ринуся из превысокого храма своего с сыном своим, со князем Иваном, на средю земли и заразися (разбилась. — А. К.) до смерти»²⁰.

Весь этот трагический эпизод представляет собой распространение краткой записи о том же событии из «Сказания о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань» — центрального памятника «Заразского цикла». Возник же он, очевидно, для объяснения названия чтимой рязанской иконы — по имени города, в котором она хранилась, именуемой Заразской (то есть Зарайской): «И от сия вины (по этой причине. — А. К.) да зовётся великий чудотворец Николай Зара[з]ский, яко благоверная княгиня Евпраксея с сыном князем Иваном сама себя зарази»²¹. Но это свидетельствует об очень позднем, не ранее XVI века, происхождении самой легенды, положенной в основу повествования, — ведь новое название города — Заразск, или, точнее, Никола Заразский, — приходит на смену прежнему — Осётр, или Новгородок на Осетре, — лишь в 30-е годы XVI века²².

Между тем громадное татарское войско выступило по направлению к Рязани. «И начали воевать землю Рязанскую, и пленили её до Пронска», — сообщает летописец²³. Остальные отряды татар если и действовали на других направлениях (в частности, у границ Владимиро-Суздальского княжества), то лишь для отвлечения сил противника от места нанесения главного удара. Город Пронск, расположенный к юго-западу от Рязани, на берегу реки Прони, притока Оки, сумел продержаться дольше других рязанских городов. Судя по свидетельству

южнорусской Ипатьевской летописи, татары захватили его уже после того, как пала Рязань, и притом захватили «лестью», то есть обманом, а не штурмом.

16 декабря татары осадили Рязань. Старая Рязань, столица княжества, располагалась на правом, крутом берегу Оки, немного ниже впадения в неё Прони (в 60 километрах ниже нынешней Рязани — древнего Переяславля-Рязанского). Заново отстроенный после 1208 года (когда он был сожжён суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо), город был защищён мощным земляным валом и деревянными стенами с башнями. Но монголы за время своих походов научились брать и не такие крепости. «Тогда же поганые иноплеменники обступили Рязань и острогом огородили её, — свидетельствует летописец, — князь же рязанский Юрий затворился в граде с людьми». В осаде Рязани участвовали все главные царевичи, выступившие в Западный поход. Рашид ад-Дин, в сочинении которого имеется отдельное упоминание об этом русском городе, называет царевичей поименно: «Бату, Орда, Гуюкхан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан и в три дня взяли его (в действительности осада Рязани длилась дольше. — А. К.)»²⁴. Особо отличился Менгу, который, по свидетельству китайских источников, «самолично сражался в рукопашной»²⁵. Камнемётами и прочими осадными машинами руководили китайские и тангутские инженеры. Источники называют среди них Сили Цяньбу, «человека из тангутов», который «сопровождал чжувана Бату в походе на русских» и дошёл до Рязани²⁶.

Город был взят на пятый день осады, 21 декабря 1237 года. Судьба его трагична: Рязань была полностью сожжена, население вырезано или уведено в плен. «Татары же взяли град Рязань того же месяца в 23 — й день и сожгли весь, — пишет летописец, — и князя их Юрия убили, и княгиню его, а тех, кого схватили: мужей, и жён, и детей, и чернецов, и черниц, и священников — одних мечами рассекали, а других стрелами расстреливали и в огонь бросали; иных схваченных связывали. И поругание [сотворили] черницам, и попадьям, и добрым жёнам, и девицам пред матерями и

сёстрами... Много же святых церквей огню предали, а монастыри же и сёла сожгли...»²⁷ Ещё более жуткие, леденящие кровь подробности приводит другой русский книжник: «...иных схваченных вязали, и груди взрезывали, и желчь вынимали (татары использовали вытопленный из людей жир в зажигательных смесях. — А. К.), а с иных кожу сдирали, а иным иглы и щепы под ногти вбивали (очевидно, стремясь выведать у пленников, куда они спрятали сокровища. — А. К.)...»²⁸ Современник событий не скрывал слёз, описывая картину всеобщего бедствия: «...И кто, братия, из нас, оставшихся в живых, о сем не восплачется — какую страшную и горькую смерть приняли они. Да и нам бы, видящим это, утрашиться бы и о грехах своих плакаться с покаянием день и ночь!» Груды замёрзших трупов, остовы обуглившихся церквей — такой предстанет Рязань взорам возвратившихся на пепелище. Исследования археологов подтверждают эту страшную картину: толстый слой пепла покрывает почти всю территорию городища; под фрагментами сгоревших зданий во множестве найдены останки тел защитников города — многие со следами сабельных ударов, проломленными черепами...²⁹ Старая Рязань так и не возродится к прежней жизни, не вернёт себе былого величия, хотя жизнь ещё долго будет теплиться в ней. Впоследствии столицей княжества станет другой город — Переяславль-Рязанский, на который и перейдёт старое название Рязани.

Сведения о судьбе рязанских князей в источниках разнятся. Юрий был убит. Но когда именно? В цитированных выше летописях говорится, что он погиб во время штурма города. Легендарная «Повесть о разорении Рязани Батыем» сообщает по-другому: князь Юрий Ингоревиич вместе с другими князьями и многими воинами — «удальцами и резвецами рязанскими» — принял смерть в бою близ пределов рязанских. (Об этой битве ещё до начала осады стольного города сообщают лишь поздние летописи, в частности Никоновская, XVI века.) Южнорусская же Ипатьевская летопись изображает осаду Рязани и гибель рязанского князя иначе: по сведениям её авторов, татары,

взяв город «копьем», «вывели лестью (обманом. — А. К.) князя Юрия и вели его к Пронску, ибо была в то время княгиня его в Пронске, и, выведя княгиню его лестью, убили Юрия князя и княгиню его, и всю землю избили, и не пощадили детей, даже до сосущих молоко» (то есть до грудных младенцев)³⁰. Монголы нередко действовали подобным образом при взятии вражеских городов, а потому известие Ипатьевской летописи кажется весьма похожим на правду.

Как видим, военные действия в Рязанской земле продолжались и после падения Рязани. Отзвуки героической борьбы рязанцев с жестоким врагом явственно слышны в фольклоре, в частности в знаменитой легенде о Евпатии Коловрате — рязанском боярине-богатыре, выступившем со своим отрядом из Чернигова (где он тогда находился) и отважно напавшем на «станы Батыевы» уже в суздальских пределах. Богатыри Евпатия сражались с такой отчаянной храбростью, что «сметоша все полки татарские», так что те «мняша, яко мертвии воссташа»! Самого Евпатия татары сумели одолеть лишь с помощью «тмочисленных пороков», из которых открыли по нему прицельную стрельбу (использование стенобитных машин в условиях полевого сражения — вещь немыслимая, но в былинах такое встречается). Когда же тело убитого русского богатыря принесли Батыю, тот поразился, глядя на него, и будто бы произнёс слова, которые должны были сильно польстить самолюбию русских: «Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, ни отцы наши възвестиша нам. Сии бо люди крылатые и не имеющие смерти... бяшесе един с тысящею, а два — с тмою!.. Аще бы у меня такой служил, держал бы его против сердца своего». По преданию, Батый отдал тело Евпатия оставшимся в живых воинам из его отряда и повелел отпустить их³¹.

Такой рассказ читается в «Повести о разорении Рязани Батыем». Его легендарный характер не вызывает сомнений (достаточно сказать, что здесь в качестве действующих лиц упоминаются умершие ещё до монгольского вторжения

князя Игорь Ингваревич Рязанский и Кир Михаил Всеволодович Пронский, а черниговским князем назван знаменитый князь-мученик Михаил Всеволодович, в то время занимавший киевский, а не черниговский престол). В основе рассказа, несомненно, лежит народное предание, обработанное позднейшим книжником под явным влиянием других памятников «военного жанра». Однако следует согласиться с давно уже высказанным суждением историка: у нас, к сожалению, «нет никаких данных для того, чтобы попытаться установить, какие реальные события это предание отразило»³².

Из упомянутых в летописи братьев рязанского князя Юрия Игоревича один, Олег, прозванный Красным (то есть красивым), попал в плен к татарам. Та же «Повесть о разорении Рязани Батыем» рассказывает о том, что его нашли чуть живого на поле сражения — того самого, в котором, по версии этого источника, погиб и Юрий Рязанский. Увидев князя «велми красна и храбра и изнемогаючи от великих ран», Батый будто бы захотел вылечить его и обратить в свою веру; князь же Олег «укори царя Батыя и нарек его безбожна и врага христьянска». «Окаянный Батый...дохну огнём от мерзкого сердца своего и вскоре повеле Олега ножи на части раздробити» — так князь принял мученическую смерть, уподобившись первым христианским мученикам за веру. Но это тоже легенда, имеющая лишь отдалённое отношение к действительности. Олег и вправду оказался в плену, но ему была сохранена жизнь; он провёл у татар долгих 15 лет, совершил вынужденное путешествие в Каракорум, а в 1252 году был отпущен домой. Умер Олег рязанским князем 20 марта 1258 года. Убит же татарами много позже, в 1270 году, был его сын Роман, тело которого действительно было разрублено на части; вероятно, в представлении русского книжника XVI века, автора «Повести...», трагическая судьба сына ретроспективно наложила на судьбу отца.

Ещё один Игоревич, Роман, не участвовал в обороне Рязани, но отступил со своей дружиной к Коломне — городу на севере Рязанской земли, у границы с Владимиро-

Суздальским княжеством. Здесь Роман соединился с войсками, посланными наконец-то Юрием Всеволодовичем в помощь рязанцам; эти войска возглавляли старший сын Юрия Всеволод и опытный воевода Еремей Глебович.

К Коломне после взятия Рязани двигались и главные силы монголов. У самых городских стен произошло сражение, исход которого был предрешён. «И обступили их татары у Коломны, — свидетельствует летописец, — и бились крепко, и была сеча велика, и прогнали их к надолбам (то есть к городским укреплениям. — А. К.), и тут убили князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еремея, и иных много мужей побили, а Всеволод в малой дружине побежал во Владимир»³³. Иначе рассказывает о битве автор Ипатьевской летописи. Южно-русский книжник ничего не знал о судьбе Романа Игоревича, но зато привёл сведения о не названном по имени (и неизвестном из других источников) рязанском князе Кир Михайловиче — сыне знаменитого рязанского князя начала XIII века Кир Михаила Всеволодовича Пронского, убитого в Исадах в 1217 году (почётная приставка «Кир» означает по-гречески «господин»); именно он и принёс весть Юрию Суздальскому о вторжении татар: «Кир Михайлович же утёк со своими людьми до Суздаля и поведал великому князю Юрию о пришествии безбожных агарян (татар. — А. К.); то слышав, великий князь Юрий послал сына своего Всеволода со всеми людьми и с ними Кир Михайловича. Батый же устремился на землю Суздальскую, и встретил его Всеволод на Коломне; и бились они, и пали многие с обеих сторон. Потерпев поражение, Всеволод поведал отцу о случившейся брани [и об] устремлённых на землю и грады его...»

Битва у Коломны оказалась и в самом деле кровопролитной с обеих сторон. Это, возможно, самое крупное полевое сражение за всю историю Батыева нашествия на Русь. Если верно, что именно Коломна упоминается в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина под названием «Ике» (то есть «город на Оке»), то здесь погиб один из главных военачальников монголов Кулкан, младший сын Чингисхана. «После того они (монголы. — А. К.)

овладели также городом Ике, — пишет персидский историк. — Кулкану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман (Роман. — А. К.), выступил с ратью против монголов, но его разбили и умертвили». Заметим, что Роман Игоревич — единственный из рязанских князей, чьё имя попало в восточные хроники.

За смерть Чингисида, к тому же одного из старших царевичей, участников похода, монголы не могли не отомстить самым жестоким образом. Известно, например, как жестоко отомстил в своё время Чингисхан за смерть любимого внука Мутугэна, погибшего при осаде афганской крепости Бамиан: он приказал убивать не только людей, но и «всякое живое существо», включая домашний скот, диких животных и птиц, не брать ни единого пленного и никакой добычи и превратить город в пустыню, чтобы «впредь его не восстанавливали и ни одно живое создание в нём не обитало»³⁴. Подобное безумие было, вероятно, чуждо Батыю. Но Коломну он разрушил. Более того, отмщение за гибель Кулкана должны были принять на себя жители и других городов и сёл, оказавшихся на пути Батыевой рати.

В сражении у Коломны участвовал и московский полк. Он дрогнул первым. «Москвичи же побегоша ничегоже не видевше» (то есть не разбирая дороги), — с нескрываемым презрением писал новгородский книжник³⁵. Прямой путь к Москве — первому, пограничному городу Владимиро-Суздальского княжества — вёл от Коломны по льду Москвы-реки. По этому пути вслед за отступающими в беспорядке русскими полками и устремилось монгольское войско.

В Москве в то время княжил младший сын Юрия Всеволодовича Владимир. «Той же зимой взяли татары Москву, и воеводу убили Филиппа Нянька за правоверную христианскую веру, — читаем в летописи³⁶, — а князя Владимира, сына Юрьева, в полон взяли, а людей избили от старца и до сущего младенца, а град и церкви святые огню предали, и монастыри все, и сёла пожгли, и, много добра захватив, отошли»^[6].

Сведения о взятии Москвы сохранились и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Как выясняется, осада города

продолжалась пять дней — не так уж и мало, если учесть, что у города стояло всё монгольское войско. Упомянуто здесь и имя князя Владимира Юрьевича: «...Потом сообща в пять дней взяли также город Макар (Москву? — А. К.) и убили князя этого города, по имени Улайтимур (Владимир. — А. К.)». Правда, это последнее сообщение не совсем точно: Владимир был убит не сразу. Вместе с другими пленниками его повели к стольному городу княжества. Сын великого князя Юрия Всеволодовича должен был ещё пригодиться татарам.

Москву соединял с Владимиром удобный, наезженный путь — по Яузе и Клязьме. Прошло немногим более месяца после падения Рязани — и первые разъезды татар появились уже в окрестностях стольного города. Стремительность врага, его подавляющее превосходство над русскими, победы, следовавшие одна за другой, беспощадная жестокость по отношению к побеждённым — всё это вызывало ужас, страх, трепет, подавляло всякую волю к сопротивлению. Отчаяние овладело и великим князем Юрием Всеволодовичем, которому пришлось пожинать плоды своей прежней политики. Только теперь он начал наконец действовать — однако время было упущено безвозвратно.

Юрий решил уехать из Владимира на северные окраины княжества и собирать там войско для войны с татарами. Оборону города он поручил сыновьям Всеволоду и Мстиславу, а также воеводе Петру Ослядюковичу; вместе с ними во Владимире остались жена Юрия великая княгиня Агафья Всеволодовна и другие представительницы женской части великокняжеского семейства. Стены крепости должны были уберечь их — так, во всяком случае, казалось Юрию. С собой князь взял лишь небольшую дружину: он рассчитывал соединиться со своими родичами, князьями Северо-Восточной Руси. Его путь лежал через Ростов к Ярославлю и далее к Угличу, и по дороге к нему действительно присоединились со своими дружинами племянники Константиновичи (сыновья его покойного старшего брата Константина Всеволодовича) — Василько,

княживший в Ростове, Всеволод Ярославский и Владимир Угличский. Князья отступили ещё дальше на север, за Волгу, и встали на берегу небольшой реки Сити, притока Мологи (ныне река Сить впадает в Рыбинское водохранилище). Здесь, защищённые лесами и болотами, они должны были дожидаться двух других князей, братьев Юрия Всеволодовича Ярослава, князя Переяславского, и Святослава Юрьевского. Забегая вперёд скажу, что Святослав присоединился к старшему брату, но вот Ярослава Юрий так и не дождался. Летопись не объясняет причин этого, как не сообщает и того, где пребывал в то время Ярослав Всеволодович. Опытный полководец и один из сильнейших князей своего времени, Ярослав вёл весьма беспокойный образ жизни. Известно, что в 1236 году он занял Киев, изгнав оттуда князя Владимира Рюриковича (из рода смоленских князей), однако не сумел удержать в своих руках стольный город Руси и вскоре вынужден был покинуть его и вернуться обратно в Суздальскую землю. Ярослав и впоследствии не оставлял попыток закрепить за собой Киев. В его власти оставался и Новгород, где княжил его сын Александр (будущий Александр Невский). При описании событий, происходивших в Северо-Восточной Руси, имя Ярослава Всеволодовича не упоминается. Возможно, он укрылся в Новгороде и здесь вместе с сыном ожидал пришествия грозных завоевателей³⁸. Впрочем, и это всего лишь предположение, поскольку Новгородская летопись, рассказывая о событиях 1237/38 года, также не упоминает его имени.

3 февраля 1238 года татары подступили к Владимиру³⁹. Летописи сохранили яркий рассказ об осаде и взятии города на Клязьме, однако сведения, приведённые в них, отчасти противоречат друг другу, и картина получается далеко не во всём ясной. «Тогда пришло множество кровопроливцев христианских, без числа, словно саранча», — сообщает летописец. Татары остановились против Золотых, главных ворот города; вместе с ними был и московский князь Владимир Юрьевич, которого пока что жителям не предъявляли. «И начали спрашивать, есть ли великий князь

в городе, — продолжает летописец свой рассказ, — владимирцы же пустили по стреле на татар, и татары также пустили в ответ по стреле по городу и по Золотым воротам». Заметим, что воины Батыея сразу же начали переговоры с жителями города; эти переговоры от имени татар вели либо знавшие русский язык половцы, либо сами русские, множество которых было пригнано к городским стенам. Владимирцы поначалу в переговоры не вступали, но очень скоро им пришлось вслушаться в то, что кричали обступившие город люди. «Не стреляйте!» — кричали те. Владимирцы опустили луки. И тогда татары приблизились к городским воротам и выставили вперёд пленного князя Владимира:

— Узнаёте ли княжича вашего?

И был тот «уныл лицом и изнемогал бедою от нужи», то есть от страданий. Братья Всеволод и Мстислав стояли на Золотых воротах. «И узнали они брата своего Владимира. О умильное (горестное. — А. К.) брата видение и слёз достойно! Всеволод же и Мстислав с боярами своими и все горожане плакали, глядя на Владимира». Охваченные отчаянием и жалостью, молодые князья готовы были немедленно броситься в бой, принять неизбежную смерть. («Лучше нам умереть пред Золотыми воротами за Святую Богородицу и за правую веру, нежели воли их быть» — такие их слова передаёт летописец.) Однако сохранивший хладнокровие воевода Пётр остановил их — может быть, и напрасно.

Татары превосходно владели всеми приёмами психологической войны. И вид истерзанного князя Владимира — того самого, чью пышную свадьбу всего год назад отпраздновали в городе, и бесчисленное множество врагов, уверенных в своей победе и по-хозяйски распоряжающихся в пригородах столицы, и их гортанные разноязыкие крики, и толпы пленных, истязаемых злыми завоевателями, и горящие посады и сёла — всё это действовало на осаждённых самым угнетающим образом. «Где суть князья рязанские [и] вашего града и князь ваш великий Юрий? — такие слова татар, обращённые к

осаждённым, приводит южнорусский летописец. — Не рука ли наша схватила их и смерти предала?» И хотя Юрий был ещё жив и собирал силы для войны с захватчиками, жители его собственного города уже потеряли веру в возможность сопротивляться грозному врагу. «Это всё навёл на нас Бог грехов ради наших... За умножение беззаконий наших попустил Бог поганых на нас, не их милуя, но нас наказывая, дабы отступились от злых дел. Сими казнями казнит нас Бог, нашествием поганых, ибо се есть батог Его, дабы отступили от пути своего злого» — это настроение очень скоро сделается всеобщим. В неведомых завоевателях русские люди увидели неотвратимый бич Божий, Божие наказание, противостоять которому не в человеческих силах. Это настроение явственно звучит уже в рассказе о взятии и разорении Владимира, в речах защитников города.

Владимир считался одним из наиболее укреплённых городов Русской земли. Протяжённость его стен и валов (около семи километров) превосходила крепости Киева и Новгорода. Город располагался на возвышенном участке в междуречье Клязьмы и её небольшого, но с обрывистыми берегами притока Лыбеди. Поверх насыпных валов шли мощные дубовые стены с несколькими проездными башнями, две из которых, носившие звучные имена Золотых и Серебряных ворот, были каменными, как и прилегающие к ним участки стены. Город состоял из трёх хорошо защищённых крепостей. Самая древняя, построенная ещё в начале XII века Владимиром Мономахом, занимала срединное положение и носила название Среднего, или Печерного, города; с запада и востока от неё позднее были возведены крепости так называемого Нового города. Внутри Среднего города при князе Всеволоде Большое Гнездо обустроили каменный замок — детинец — с княжеским двором, резиденцией епископа; здесь же находились белокаменные Успенский и Дмитровский соборы. Татары объехали город кругом, тщательно рассмотрели его и расположили свои силы не только против Золотых ворот, но и против других участков крепостных стен. При взятии Владимира они смогли с успехом использовать богатый

опыт, накопленный во время войн в Средней Азии и Китае. С подобными приёмами осады и штурма городов русские ещё не встречались.

В субботу 6 февраля татары «начали леса и пороки ставить с утра и до вечера, а на ночь огородили тыном вокруг всего города». Это была их обычная тактика. Возведённый руками пленников тын, или частокол, исключал всякое сообщение осаждённого города с внешним миром, предотвращал вылазки неприятеля и не позволял осаждённым надеяться на то, что им удастся спастись бегством. Пороками же называли стенобитные орудия, камнемётные машины, метавшие камни такой величины, что, по словам современника, четыре сильных человека с трудом могли поднять их. Точно рассчитанные удары камнемётов и таранов по заранее выбранным участкам стены с неизбежностью разрушали даже каменные укрепления. Тем более не могли устоять стены Владимира. Одновременно татары обрушили на защитников города такой шквал стрел, что те были не в состоянии вести ответную прицельную стрельбу.

На следующий день, 7 февраля, в неделю мясопустную (воскресенье, предшествующее Масленице), рано утром начался штурм города сразу в нескольких местах. Татары проломили стену недалеко от Золотых ворот, напротив церкви Святого Спаса, завалили ров сырым лесом и хворостом (всё это, разумеется, пришлось делать согнанным отовсюду пленникам, преимущественно самим русским) и по образовавшемуся «примёту» ворвались в город. Одновременно в северной части города со стороны Лыбеди татары захватили так называемые Медные и Ирнины ворота Нового города, а в южной, со стороны Клязьмы, — Волжские ворота. «И так взяли вскоре, до обеда, Новый город, и запалили его огнём; Всеволод же и Мстислав и все люди бежали в Печерный город».

Затем, однако, в летописи пропуск: каким образом татарам удалось взять наиболее укреплённый Печерный, или Средний, город и княжескую цитадель — детинец, и что предшествовало этому, не сообщается. Известно, что ещё

до начала штурма татары пытались «лестью» вынудить горожан сдаться. Этому воспротивился епископ Владимиро-Суздальский Митрофан, один из главных героев трагических событий. Летопись приводит слова, с которыми он обратился к защитникам города, побуждая их к сопротивлению: «Чада, не убоимся о прельщении нечестивых и не примем во ум тленного сего и скоро проходящего жития, но об оном не скоро проходящем житии попечёмся... Если и град наш, пленив, копьем возьмут и смерти нас предадут, то я в том, чада, поручник есмь, что венцы нетленные от Христа Бога примете». «И слыша сии словеса, все начали крепко бороться». Когда же гибель города стала неизбежной, епископ вместе с князьями и княгинями и прочими людьми вошёл во владимирский Успенский собор и возле горячо чтимой иконы Владимирской Божией Матери — покровительницы града Владимира и всей Русской земли — начал постригать князя, княгинь и других бывших тут «добрых мужей и жён» в монашеский чин — дабы очистившиеся от грехов, преображённые в ангельский образ, предстали они пред общим Владыкой... Успенский собор и стал местом упокоения многих жителей города, принявших под его сводами лютую смерть: «А епископ Митрофан, и княгиня Юрьева с дочерью, и со снохами, и с внучатами, и прочие княгини, множество бояр и людей затворились в церкви Святой Богородицы, в полатах, и так огнём без милости запалили их... Татары же выбили и отворили двери церковные, и навалили лес около церкви, и подожгли церковь. И задохнулись от великого зноя все бывшие тут люди, иные же от огня скончались, а иных оружием прикончили. А святую церковь разграбили, и чудную икону самой Богоматери ободрали...» Разграблены были и все другие церкви и монастыри Владимира: «...и иконы ободрали, а иные изрубили, а иные забрали, и кресты честные, и сосуды священные, и книги ободрали, и одежды блаженных первых князей, которые развесили те в церквах святых на память себе, то всё себе забрали... Убиен был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества Святой Богородицы, да [Даниил]⁴⁰, игумен Успенский, Феодосий

Спасский, и прочие игумены, и чернецы, и черницы, и попы, и диаконы, от юного и до старца, и сущего младенца: и всех тех изрубили, одних убивая, других же уводя босых и раздетых, умирающих от холода в станы свои».

В первую очередь убивали старых, больных, ни на что не годных. Молодых, способных к работам уводили с собой — они предназначались либо для обслуживания завоевателей, либо в качестве «живого щита» или «тарана» на время последующих битв. Особенно страшная участь ждала молодых и здоровых женщин и девушек. Как ни кощунственно это звучит, гибель владимирских княгинь и княжон в сгоревшем Успенском соборе была едва ли не лучшим исходом для них. Попади они в руки к татарам — и их ожидали бы поругание и, вероятно, та же жестокая и мучительная смерть. У татар вошло в обычай после совершённого насилия вспарывать животы своим жертвам. Официальный историограф Монгольской империи Рашид ад-Дин объяснял это неким курьёзом, случившимся во время осады одной из среднеазиатских крепостей: какая-то старуха пообещала монголам ради сохранения жизни крупную жемчужину, а когда те потребовали обещанное, заявила, будто проглотила её. «Они сейчас же распороли её живот и забрали эту жемчужину. Вследствие этого случая они стали вспарывать животы у всех трупов»⁴¹. Но дело скорее в другом. Монголы не хотели оставлять своё семя в чужой живой плоти, не хотели даровать жизнь наследникам убитых ими врагов, а потому и прибегали к такому чудовищному способу предотвращения нежелательной беременности. С той же целью у женщин нередко отрезали груди. Тех же, кому оставляли жизнь и кого уводили с собой, — если, конечно, они не предназначались на ложе, — старались обезобразить, лишить всяких черт женской привлекательности. Особенно усердствовали в этом татарские женщины. Об этой стороне звериной жестокости монголов писал другой современник, архидиакон Фома Сплитский, очевидец завоевания Венгрии и Хорватии в 1241-1242 годах: «Татарские женщины, вооружённые на мужской манер... с особой жестокостью... издевались над

пленными женщинами. Если они замечали женщин с более привлекательными лицами, которые хоть в какой-то мере могли вызвать у них чувство ревности, они немедленно умерщвляли их ударом меча, если же они видели пригодных к рабскому труду, то отрезали им носы и с обезображенными лицами отдавали исполнять обязанности рабынь»⁴².

...Но вернёмся к владимирской трагедии. Среди погибших в городе оказались и оба князя, Всеволод и Мстислав Юрьевичи. Однако обстоятельства их гибели до конца не прояснены: летописи содержат туманные и противоречивые свидетельства на сей счёт. Северорусские летописи ограничиваются сообщением о том, что Всеволод — а вместе с ним, вероятно, и Мстислав — принял монашеский постриг от руки епископа Митрофана⁴³. Приведённый в них текст можно понять в том смысле, что оба князя погибли вместе с прочими в подождённом татарами Успенском соборе («И увидевше князь и владыка и княгыни, яко зажжен бысть град... вбегоша в Святую Богородицю и затворишася в полате... ти тако скончашася, предавшедуша своя Господеви»). Это, однако, не так. Южнорусский летописец, автор Ипатьевской летописи, приводит иные сведения о трагической участи князя Всеволода Юрьевича: «Татарам же из пороков по граду бьющим, стрелами без числа стреляющим; се увидев князь Всеволод, что крепче становится натиск (в оригинале: «яко крепче брань належит». — А. К.), убоился, ибо и сам был молод, вышел сам из города с небольшой дружиной, неся с собой дары многие, надеясь от него (от Батыя. — А. К.) живот (жизнь. — А. К.) принять. Он же, словно свирепый зверь, не пощадил юности его, велел перед собою зарезать, и град весь избил...»⁴⁴ О чём-то подобном говорилось и в тех летописях, текст которых отразился в известных нам летописных сводах Северо-Восточной Руси. Однако затем этот эпизод был исключён. Но о гибели не только Всеволода, но и его брата Мстислава «вне града», то есть вне стен Печерного города, где разворачивался последний акт трагедии, знали и здесь. Спустя несколько недель весть

об этом дошла до великого князя Юрия Всеволодовича, укрывавшегося со своими полками на реке Сити. Тогда-то ему и поведали, что «Владимир взят, и церковь соборная, и епископ, и княгиня с детьми, и со снохами, и с внучатами от огня скончались, а старейшие сыновья, Всеволод с братом, вне града убиты» (или в другом варианте: «в Нове городе убьена быста»).

Слова о юности князя Всеволода Юрьевича («бе бо и сам млад») звучат явным преувеличением: князь родился в октябре 1213 года, так что к моменту гибели ему исполнилось 24 года — вполне зрелый возраст для того века, когда люди рано взрослели и рано расставались с жизнью. Значительно моложе брата был Мстислав, но и он вступил уже в пору мужественности, женившись за год до этого. Очевидно, князья пытались хоть как-то остановить резню, спасти не только свои жизни, но и жизни тысяч горожан, искавших спасение от завоевателей за стенами Печерного города. Но они не знали ещё (или же в страхе забыли), что татары не щадят тех, кто не сдался им сразу, кто попытался оказать хоть какое-то сопротивление, кто выпустил хотя бы одну стрелу с городских стен. Впрочем, нельзя исключать и того, что имела место упомянутая выше «лесть» татар, которые дали князьям какие-то гарантии сохранения жизни, но потом с лёгкостью обманули их...

Взятие Владимира стало переломным событием в ходе войны. Организованное сопротивление было подавлено. Теперь войско Батыя могло разделиться. Излюбленной тактикой монголов была облава: отдельные отряды сплошным неводом прочёсывали территорию, подавляя очаги сопротивления, захватывая города, укрепления, незащищённые сёла, всюду грабя, убивая, насилуя. Конечно, Залесские княжества Руси хуже подходили для этого, нежели открытые пространства Половецкой степи. Однако монголы умели воевать и в таких условиях. (Уместно напомнить, что свой первый поход отец Батыя Джучи совершил как раз в земли «лесных народов» — ойратов и енисейских киргизов, обитавших на юге сибирской тайги.)

Главной целью татар было уничтожение великого князя Юрия — их основного теперь противника. Но вместе с тем удар их многочисленных отрядов был направлен в сторону других городов Владимиро-Суздальской Руси и сопредельных княжеств.

Ещё до падения Владимира один из татарских отрядов подошёл к Суздаю, второму по значению городу княжества. Кажется, осада была недолгой: татары успели вернуться к началу штурма Владимира⁴⁵. Судьба Суздаля немногим отличалась от судьбы других захваченных татарами городов. Судя по свидетельству летописца, сплошного избиения жителей не произошло; имело место лишь выборочное: «...и Святую Богородицу разграбили, и двор княжеский огнём пожгли, и монастырь Святого Дмитрия пожгли, а прочие разграбили, а чернецов и черниц старых, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей перебили, а которые молодые из чернецов, и черниц, и попов, и попадей, и диаконов, и жён их, и дочерей, и сыновей их, тех всех увели в станы свои», — сообщает летописец^[7].

После того как Владимир был взят, татарские отряды рассыпались во все стороны: одни устремились к Ростову, другие к Ярославлю^[8], третьи к Городцу на Волге (в нынешней Нижегородской области), «и захватили всё по Волге, даже и до Галича Мерьского (в нынешней Костромской области. — А. К.)»; иные двинулись к Переяславлю-Залесскому, «и тот взяли, и оттуда ту всю страну и грады многие — всё то захватили, даже до Торжка; и нет такого места, и мало таких весей или сёл, где бы не воевали они на Суздальской земле». Среди городов, пленённых татарами, летописи называют также Юрьев-Польской, Дмитров, Волок Ламский, Кострому, Тверь (в этом городе был убит «сын Ярославль» — надо полагать, неизвестный нам по имени сын князя Ярослава Всеволодовича, брата Юрия). А всего за один месяц февраль, заключает летописец свой скорбный перечень, взяли татары 14 городов в Суздальской земле, «не считая слобод и погостов». (Для точного счёта позднейший

московский книжник прибавил к названным в ранних летописях двенадцати городам ещё Кашин и Кснятин в Тверской земле.) Некоторые из русских городов, захваченных и разорённых татарами в феврале 1238 года, упоминаются и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина; правда, идентификация их далеко не всегда бесспорна. Персидский историк отмечал мужество русских, хотя, конечно, его больше интересовали подвиги своих, монголов: «Осадив город Юргия Великого (Владимир? или, может быть, Юрьев-Польской? — А. К.), взяли его в восемь дней. Они ожесточённо дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их. Город Переяславль (в источнике: Кыркла или Каринкла, так что перевод сугубо предположительный. — А. К.), коренную область Везислава (Всеволода Большое Гнездо? или Всеволодовича? — А. К.), они взяли сообща в пять дней... После того они ушли оттуда, порешив на совете идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся на пути, брать и разрушать»⁴⁸.

Некоторые города, кажется, остались нетронутыми татарами. Так, если доверять местному преданию, Углич на Волге сдался на милость Батыю, и тот, видя, «яко покоряются граждане и самовольно град сдают, запрети своим воем, дабы никакого кровопролития и разорения не чинили»⁴⁹. Впрочем, насколько достоверно это свидетельство позднейшего «Угличского летописца», сказать трудно. Да и личное участие Батыя в событиях вокруг Углича сомнительно.

Главной целью татар оставался великий князь Юрий Всеволодович. Весь февраль он провёл уклоняясь от столкновения с татарами, скрываясь, накапливая силы. Однако в решающий момент, когда ему пришлось-таки сразиться с врагом, сил у него как раз и не оказалось. В преследовании и поимке Юрия участвовали наиболее мобильные части монгольского войска. Источники называют в этой связи двух выдающихся военачальников — Бурундая (обычно действовавшего вместе с Батыем) и Субедея (принимавшего участие во всех важнейших операциях

монголов). По своим полководческим дарованиям оба далеко превосходили и самого Юрия, и поставленного им во главе дружины воеводу Жирослава Михайловича.

Главное, что не удалось сделать Юрию и его воеводам, — это организовать разведку и систему охранения, «сторбжу». Стараясь уклониться от любого столкновения с татарами, они оказались в полном неведении относительно их собственных перемещений. Поэтому нападение татар стало для русских полной неожиданностью. Правда, реконструировать ход событий мы можем только предположительно, поскольку и битва на Сити, и гибель великого князя Юрия Всеволодовича описаны в летописях очень противоречиво и неясно.

По свидетельству Лаврентьевской летописи, трагедия произошла 4 марта⁵⁰. Юрий вместе со своим братом Святославом и племянниками Васильком, Всеволодом и Владимиром ожидал татар на реке Сити, где и застала его весть о гибели семьи и разорении стольного Владимира. Он узнал об этом с большим опозданием, когда лагерь его был уже обнаружен внезапно подошедшими татарами. Раздавленный горем князь выступил навстречу врагу; «и сошлись обои, и была сеча зла, и побежали наши перед иноплеменниками, и тут убит был князь Юрий, а Василька в плен взяли безбожные и увели в станы свои... и из дружины его многих убили». По-другому излагает события Новгородская летопись. Юрий с князьями находился где-то в районе Ярославля, когда посланная им разведка во главе с неким Дорожем спешно возвратилась назад с роковым известием: «Уже, княже, обошли нас вокруг». Юрий начал расставлять полки для битвы, но не преуспел в этом, ибо татары Бурундая внезапно появились перед ним («изъехали» его, по выражению ещё одного летописца). Тогда князь бросился бежать, он бежал к Сити и здесь, на реке, татары нагнали и убили его. «И настигли его, и живот свой скончал тут», — пишет новгородский летописец, а дальше добавляет загадочную и многозначительную фразу: «Бог же весть, как скончася; многие бо глаголют о нём инии». Что говорили «иные» о князе Юрии и как он погиб,

мы в точности не знаем. Известно лишь, что ему отрезали голову: её впоследствии нашли и положили в гроб, в котором покоилось тело великого князя⁵¹. Вероятно, это свидетельствует о том, что князь погиб не в бою, но попал в плен и был убит татарами, которые именно так расправлялись с теми из своих врагов, кого считали преступниками^[9]. Так изображают дело и восточные хронисты. В частности, у Рашид ад-Дина читаем: «Эмир этой области Банке Юрку (с таким непонятным титулом передано здесь имя князя. — А. К.) бежал и ушёл в лес; его также поймали и убили». Или в китайской биографии Субедея: «Субедей в одном сражении захватил Юрия-бана» (названного чуть выше «владельцем народа русских»)⁵³.

Всё произошедшее скорее напоминало побоище, избиение, нежели правильное сражение с участием организованных сил русских князей. («Самого короля по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа», — свидетельствует Фома Сплитский.) Обращает на себя внимание тот факт, что из пяти князей, упомянутых в рассказе о Юрии Всеволодовиче, на поле боя погиб лишь сам великий князь, да ещё, возможно, его племянник Всеволод Константинович (о судьбе которого летописи не сообщают⁵⁴). Ещё один, Василько Ростовский, оказался в плену и был убит татарами позднее. Двое других, Святослав Всеволодович и Владимир Константинович, уцелели и, более того, сохранили за собой княжеские уделы — очевидно, в самом побоище они участия не принимали.

Трагическая судьба князя Василька Константиновича привлекла особое внимание летописца. Составленная в Ростове летопись включила в себя яркий панегирик князю-мученику, принявшему лютую смерть от безбожных «агарян». «Был же Василько лицом красен (красив. — А. К.), очами светел и грозен, храбр паче меры на ловах (охотах. — А. К.), сердцем лёгок, к боярам ласков: ибо никто из бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашу пил и дары от него получал, не мог уже иному князю служить за любовь его; особенно же слуг своих любил; мужество же и ум в нём

жили, правда же и истина с ним ходили, во всём был искусен и всё гораздо умел; пребывал в доброденствии на столе отцовом и дедовом...» Татары увели его с собой куда-то к Шеренскому лесу^[10] и там стали понуждать «обычаю поганскому быти в их воле и воевати [вместе] с ними». Что касается первого требования (принять «обычай поганский»), то оно едва ли могло иметь место в действительности: татары никогда не принуждали представителей покорённых народов обращаться в их веру. Но вот отказ воевать вместе с татарами (а это, как мы уже поняли, было обычной практикой в завоёванных ими землях) действительно мог привести к трагической развязке. По летописи, князь с негодованием отверг оба предложения и начал, напротив, обличать нечестивцев: «О глухое царство осквернённое! Никоим образом не отлучите меня от христианской веры, пусть и в великой беде пребываю...» Но всё было тщетно — окаянные «без милости» убили его и бросили тело тут же в лесу. Летопись рассказывает, что некая жена поповича увидела брошенное тело и рассказала об этом мужу. Они взяли тело князя Василька, завернули его в саван и схоронили в укромном месте.

Ростовский епископ Кирилл бежал от татар к Белоозеру и потому уцелел. Он вернулся домой, когда татары уже покинули ростовские пределы. На реке Сити епископ обрёл тело убиенного князя Юрия и перенёс его в Ростов (годом позже князь Ярослав Всеволодович торжественно перенесёт останки брата во Владимир и похоронит в очищенном от трупов и заново освящённом Успенском соборе). Когда стало известно место погребения Василька Константиновича, епископ Кирилл и вдова князя, княгиня Мария Михайловна (дочь князя Михаила Черниговского, которому суждено будет также погибнуть от рук татар), послали за ним и перенесли тело в Ростов, где его встречало множество народа. Князь Василько был погребён в ростовском Успенском соборе, оплакиваемый всеми — и богатыми, и убогими, — ибо князя искренне любили в городе. Княгиня Мария сумела сохранить ростовский престол за своими малолетними сыновьями Борисом и Глебом (старшему из

них, Борису, ко времени смерти отца не исполнилось ещё и семи лет). Стоит отметить, что князья, когда подросли, проводили лояльную политику по отношению к татарам и, в свою очередь, пользовались их покровительством. Мстить убийцам своего отца у них не было и в мыслях, но и Батый не проявлял никакой неприязни к сыновьям казнённого русского князя.

21 февраля, в первое воскресенье Великого поста, один из татарских отрядов осадил Торжок, южный форпост Новгородской земли. Осада продолжалась около двух недель или, может быть, чуть больше. Всё это время осаждённые ждали помощи от Новгорода. Однако ни семнадцатилетний новгородский князь Александр Ярославич, ни его отец Ярослав Всеволодович (если верно, что он пребывал тогда в Новгороде) помощи им не оказали — да, наверное, и не могли оказать. «...Пришли беззаконные и обступили Торжок на Собор Чистой недели, — пишет новгородский летописец, — и окружили весь тыном, так же, как и другие города брали. И били окаянные из пороков в течение двух недель, и изнемогли люди в городе, а из Новгорода им уже не было помощи, но были все там в недоумении и страхе. И так взяли поганые город, и перебили всех, от мужского пола и до женского, священнический чин весь и монашеский; а всё изобнажено и поругано, горькою и бедною смертью предали души свои Господу...»⁵⁶

Торжок был взят не то 5-го, не то 10 марта. Татары устремились ещё дальше на север, по направлению к Новгороду, и казалось, что богатейший город Руси уже ничто не может спасти. Но произошло необъяснимое — татары повернули назад, хотя находились всего в ста верстах от Новгорода. Историки до сих пор спорят о причинах неожиданного отступления жестоких завоевателей. Современники же увидели во всём произошедшем чудо, явственное проявление Божией милости: «Тогда же гнались окаянные безбожники от Торжка Селигерским путём, до самого Игнач-креста (где он находился, в точности неизвестно, хотя существует

несколько версий на этот счёт и даже несколько памятных крестов, поставленных уже в наше время. — А. К.), и секли людей всех, словно траву, [не дойдя] 100 вёрст до Новгорода. Новгород же сохранил Бог и святая великая и соборная апостольская церковь Святой Софии, и святой Кирилл, и молитва святых благоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных черноризцев иерейского собора».

Названный в летописи Кирилл — это, по всей вероятности, святой Кирилл Иерусалимский, один из Отцов Церкви, чья память празднуется 18 марта⁵⁷. Наверное, можно предположить, что именно в этот день татары повернули назад или что в этот день о их отступлении стало известно в Новгороде. Что ж, начиналась весна, а с наступлением весны монголы всегда прекращали воевать и давали своим коням возможность отдохнуть и восстановить силы. (Об этом специально писал упоминавшийся выше китайский дипломат Сюй Тин, побывавший у монголов как раз накануне их нашествия на Русь: «С самого начала весны они прекращают боевые действия. После весны они всегда выступают на войну уже с добрыми конями»⁵⁸.) Но могло быть и так, что двигавшиеся к Новгороду отряды затребовал к себе Батый, как раз в это время безуспешно осаждавший Козельск — небольшой город Черниговского княжества, находившийся на реке Жиздре, притоке Оки (в нынешней Калужской области).

Обратный путь татар по Русской земле отмечен всё теми же страшными бедствиями, массовым избиением людей, грабежами и пожарами. Летописи Северо-Восточной Руси почти ничего не сообщают об этом. Зато сохранился яркий рассказ Ипатьевской летописи о героизме жителей Козельска. Для нас этот рассказ примечателен ещё и тем, что Козельск осаждал сам Батый. Он простоял возле города несколько недель, в течение которых другие татарские отряды разоряли ростовские, ярославские и новгородские пределы.

После того как Батый сжёг Владимир и захватил другие города Суздальской земли, рассказывает южнорусский

летописец, он «пришёл ко граду Козельску, в котором княжил юный князь, по имени Василий». Кем был этот Василий, неизвестно. Очевидно, он принадлежал к роду черниговских князей; согласно некоторым летописям, ему было 12 лет⁵⁹, но ничего более определённого сказать о нём мы, к сожалению, не можем. Между тем именно отроческий возраст князя придал силы защитникам города. Все решения принимались ими сообща, на «совете», то есть, надо полагать, на вече. «Козляне же совет сотворили: не сдаваться Батыю, так сказав: “Хоть князь наш и молод, но положим животы свои за него — и здесь (на этом свете. — А. К.) славу сего света приняв, и на том венцы небесные от Христа Бога примем”». Татары каким-то образом узнали об этом: «уведали же нечестивые, что ум крепкодушный имеют люди во граде и словесами льстивыми (обманными. — А. К.) нельзя взять город», — вот, между прочим, ещё одно свидетельство того, что во многих других случаях русские города брались не столько силой, сколько «лестью», то есть хитростью, обманом. Началась осада города, затянувшаяся на семь недель — немыслимый срок для небольшого удельного города! Татары действовали под Козельском так же, как при штурме других городов: они применили стенобитные машины и сумели разбить крепостную стену и ворваться на городские валы. Но защитники города предпринимали отчаянные попытки отразить натиск: «козляне же на ножах резались с ними». Во время одной из вылазок защитникам города удалось вывести из строя метательные орудия татар — пороки (в оригинале: «праща» или «проща»). И всё-таки силы были неравны: козляне «напали на полки их и убили из татар 4 тысячи, [но] и сами перебиты были». В кровавой схватке были убиты трое татарских «сыновей темниковых»: «татары же искали и не могли отыскать их среди множества трупов». Не смогли тогда отыскать и тело малолетнего князя Василия: «о князе Василии неведомо есть, а иные говорят, что в крови утонул, потому что молод был». Захватив город, Батый перебил всё оставшееся в живых население — главным образом женщин и детей, потому что взрослые почти все уже были убиты, —

«и не пощадил от отрочат и до сущих младенцев» (в другом варианте: «до отрочат, сосущих млеко»). «С тех пор, — заключает свой рассказ летописец, — не смеют татары называть город Козельском, но — град злый»⁶⁰.

Так рассказывает летопись, и рассказ этот находит подтверждение в независимом от неё источнике — сочинении персидского историка Рашид ад-Дина. Оказывается, Бату осаждал город даже дольше названных в летописи семи недель и не сумел взять его сам, но лишь с помощью подошедших отрядов других монгольских царевичей: «...Бату подошёл к городу Козельску (в оригинале Киф Матишка или, в другом списке, Кисель Иске, что близко к русскому названию. — А. К.) и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня»⁶¹.

Козельский эпизод даёт нам редкую возможность — впервые в книге — более пристально взглянуть на полководческие дарования Батыя и на ту роль, которую он сыграл в ходе Западного похода. Обращает на себя внимание тот факт, что восточный источник подчёркивает его неудачные действия: он не сумел взять город русских, и только прибытие подкреплений, которыми командовали другие полководцы, решило исход осады. Как мы увидим, этот эпизод — не единственный; Бату и в других случаях приписывались действия не вполне удачные в военном отношении и зачастую только помощь кого-либо из родичей-царевичей или эмиров приносила успех.

Так, о похожем эпизоде русского похода сообщается в жизнеописании полководца Субедея из китайской хроники «Юань-ши». Рассказ этот, правда, выглядит весьма путанным: в нём оказались нарушены хронология и последовательность событий, а возможно, и названия городов, взятых монголами. Один из подвигов Субедей-Баатура датирован здесь 1241-м или самым началом 1242 года, когда война с русскими была уже закончена, однако хронологически он увязан с победой над «владельцем народа русских» «Юрием-баном» (то есть с битвой на Сити в марте 1238 года); название же города, в овладении которым

решающую роль сыграл Субедей, передано как «Торск» («Ту-ли-сы-гэ чэн»), что, вероятнее всего, имеет в виду Торческ (Торкский град) в Южной Руси — город «чёрных клубуков», торков-огузов, ещё в XI веке перешедших на службу русским князьям (этот город будет захвачен татарами в следующую кампанию, в 1240 году). Но некоторые детали в описании взятия «Торска» находят прямое соответствие в рассказе Рашид ад-Дина о взятии Козельска, так что нельзя исключать и того, что речь в обоих источниках идёт об одном и том же городе: «...Город Торск был окружён, но не взят. Бату подал доклад каану, чтобы прислали Субедея руководить сражением (явное нарушение хронологии событий? — А. К.). Субедей... атаковал Торск и за три дня овладел им, полностью взял тех русских, что относились к его населению»⁶². Ещё одну историю со взятием некоего русского города приводит хивинский хан XVII века Абу-л-Гази, по версии которого главную роль во всём происходящем играл младший брат Бату (и прямой предок самого Абу-л-Гази) Шибан. Правда, рассказ этот наполнен уже подробностями совершенно фантастическими: главным городом Руси названа здесь Москва (столица Русского государства в XVI–XVII веках, но никак не во времена монгольского завоевания), а противниками монголов выступают правители не только Руси, но и «Корелы» (венгров?) и немцев. Когда Саин-хан (так именуют Бату поздние хивинские предания) «завоевал один за другим русские города и дошёл до Москвы», его противники соединились между собою. «Оцепивши свой стан и окопавшись рвом, они отбивались в продолжение почти трёх месяцев». Тогда-то Шибан-хан и решил проявить инициативу. «Дай мне тысяч шесть человек в прибавок к воинам, которые при мне, — обратился он к Бату. — Ночью я скроюсь в засаду в тылу неприятеля; на следующий день, вместе с рассветом, вы нападите на него спереди, а я сделаю нападение с тыла». Бату последовал совету брата, и это решило исход битвы. «Когда разгорелся бой, Шибан-хан, поднявшись из засады, устремился с конницей; доскакав до края вата, он, спешась, перешёл чрез вал. Внутри вала стан

оцеплен был со всех сторон телегами, связанными железными цепями: цепи перерубили, телеги изломали, и все, действуя копьями и саблями, напали на неприятеля — Саин-хан спереди, Шибан-хан с тыла: в этом месте избili они 70 тысяч человек»⁶³ (здесь приведены подробности сражения, случившегося позднее, уже в Венгрии). Решающую роль в победе над «московским государем» отводил Шибану и другой хивинский историк, Утемиш-хаджи, по версии которого «Шайбан-хан шёл впереди на расстоянии трёхдневного пути» и, не дожидаясь Бату, разгромил главные силы русских. Сам Бату прибыл к месту сражения, когда всё уже было кончено⁶⁴.

В восточных источниках нередко упоминаются об умелых действиях или воинских подвигах отдельных монгольских полководцев. Но не Бату. И на Руси, и позднее в Венгрии его личные действия оказывались далеко не всегда успешными, а удача, как правило, приходила лишь после вмешательства других — Субедея, того же Шибана или кого-то ещё (по крайней мере с одной историей такого рода мы ещё встретимся в книге). И это едва ли случайность, которую можно объяснить плохим состоянием или фрагментарностью источников. Скорее здесь отражение личных качеств Бату, который, кажется, не был склонен к решительным действиям и отдавал предпочтение выжидательной тактике. Его роль как полководца проявлялась прежде всего в том, что он доверял тем или иным людям из своего окружения (и это, к слову сказать, не так уж и мало). Сам Бату не участвовал в сражениях лично — подобно, например, своему двоюродному брату Менгу. Этого от него и не требовалось, да и состояние здоровья едва ли позволяло ему проявлять чрезмерную активность: у него были больные ноги. Но и решения, обеспечивавшие монгольской армии успех в том или ином конкретном сражении, — главная прерогатива военачальника — нередко принимались не им, а другими. Если всё же попытаться увидеть во взятии Козельска проявление каких-то личных качеств Батыя как полководца, то это прежде всего жестокость по отношению к тем, кто оказывал ему

сопротивление. Козельск не случайно был назван «злым городом». Это не только название, но и «злая» судьба его жителей, вырезанных до единого человека. «В бою он весьма жесток», — писал о Батые Плано Карпини, хорошо знавший историю монгольских завоеваний в Европе⁶⁵.

Между тем Бату возглавлял монгольское войско. Можно полагать, что несоответствие между главенствующим положением, которое он занимал в Западном походе, и его истинной ролью в достижении военных побед стало одной из причин конфликта, вспыхнувшего между ним и другими царевичами. Впрочем, конфликт этот случится чуть позже, уже после завершения первой русской кампании и новых побед монгольского войска на Волге, в Половецкой степи, Крыму и на Северном Кавказе.

«Силою Вечного Неба...»: ссора с царевичами

После взятия Козельска войска Батыя покинули Русь. Они ушли сначала в Половецкую землю, а оттуда на Волгу. Наступила весна, и громадному войску и следующим за ним табунам лошадей требовался отдых. «...Они расположились в домах и отдохнули» — так пишет о завершении первой русской кампании Рашид ад-Дин.

Отдых, однако, оказался недолгим. Уже летом 1238 года Менгу и Кадан выступили в новый поход — на этот раз прочив черкесов (адыгов). Эта война продолжалась до наступления зимы, когда был убит тамошний правитель (имя которого в разных списках сочинения Рашид ад-Дина читается по-разному: Тукар, Букар, Тукан и т. д.)¹. Тогда же или позднее выступили в походы и другие царевичи и эмиры. Причём размах боевых действий, охват территорий, на которых они велись, поражают: отряды монголов и подвластных им народов воевали на громадных пространствах от Оки и Поволжья до Главного Кавказского хребта и Крыма. По свидетельству Рашид ад-Дина, младший брат Бату Шибан, а также сын Тулуя Бучек и Бури «выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан (надо полагать, кипчаков, то есть половцев. — А. К.) захватили Таткару (так называется горный хребет недалеко от крымского Судака. — А. К.)». К самому Судаку татары подступили 26 декабря 1239 года (об этом неким очевидцем-греком была сделана запись на полях синаксаря греческого Халкисского монастыря)². Берке, другой брат Бату и будущий правитель Золотой Орды, «отправился в поход на кипчаков» и захватил в плен нескольких князей (имена которых, правда, ничего не говорят нам: Арджумак, Куран-бас и Капаран — все они названы военачальниками некоего половецкого хана (?) Беркути, или Меркути). Лучший полководец армии Бату Субедей совершил очередной поход в Волжскую Болгарию, подавив мятеж

восставших болгарских князей. Зимой 1239/40 года войска Менгу, Гуюка и других царевичей разгромили государство аланов и продолжили военные действия на Кавказе. Кроме того, значительные силы Бату отправлял против не прекращавших сопротивление мордовских князей, а также в ещё не разорённые области Руси.

Некоторые подробности этих войн и отдельных сражений приводят восточные источники. Правда, не всегда то, что они сообщают, вызывает доверие. Так, в «Чингизнаме» хивинского историка XVI века Утемиш-хаджи рассказывается о новых подвигах Шибан-хана, совершённых им при покорении «вилайетов» Крыма (Старого Крыма, или Солхата, в степной части полуострова) и Каффы (нынешней Феодосии), где родоначальник династии хивинских ханов совершил «много удивительных и поразительных дел». Приведённый далее рассказ выглядит слишком фантастическим, и, пожалуй, есть основания усомниться в том, что в основе его лежат хоть какие-то реальные факты — кроме разве что изощрённой изобретательности, которую татары проявляли при взятии городов. Речь идёт об осаде и взятии крепости Кырк-Йер — знаменитой Чуфут-Кале, «мощь и неприступность которой, — по словам автора, — известны во всём мире». (В действительности Чуфут-Кале попала под власть татар много позже.) Шибан будто бы осаждал крепость несколько лет, но никак не мог взять её. И тогда он повелел своим воинам в течение всей ночи, с вечера и до зари, громко бить в разные металлические предметы, издающие звон. Люди начали бить в медные котлы, подносы и чаши, так что поднялся невероятный шум. «Осаждённые в страшной панике начали метаться во все стороны, вопрошая, что же случилось. В ту ночь тот гвалт и грохот не стихали до зари, а осаждённые не ложились спать. Когда заря занялась, осаждающие перестали шуметь». Так продолжалось несколько ночей подряд. «От бессонницы осаждённые до такой степени изнемогли, что начали говорить: “Если бы они намеревались что-то предпринять, то уже предприняли бы. Вероятно, есть у них в такое время года такой обряд и такой обычай” — и

успокоились. Когда Шайбан-хан узнал, что они успокоились, он собрал своё войско. Говорят, что та крепость находилась на голой скале. В эту ночь осаждающие шумели и кричали больше, чем обычно. С четырёх сторон крепости заложили подкопы. До зари проложили такой подкоп, через который мог бы пройти человек. Осаждённые из-за гвалта и грохота не расслышали стука кирок и не сумели обнаружить подкоп. Когда подкоп был готов, осаждающие бросились на штурм ворот. Осаждённые прибежали к воротам. Один отряд бахадуров назначили на тот подкоп. Бахадуровы выбежали из того подкопа, бросились в крепость и взяли её»³.

Значительные силы монголов во главе со старшими царевичами Гукжом, Менгу, Каланом и Бури были направлены к сильной крепости Магас на Северном Кавказе, главному городу страны аланов (его точное местонахождение неизвестно, хотя и на этот счёт высказывались и высказываются разные мнения). Осада началась поздней осенью 1239 года и продолжалась, по версии Рашид ад-Дина, один месяц и 15 дней, после чего, уже зимой, город был взят. «Весною, назначив войско для похода», царевичи «поручили его Букдаю (одному из монгольских полководцев. — А. К.) и послали его к Тимуркахаля (знаменитым «Железным воротам», то есть Дербентскому проходу через Кавказский хребет в Дагестане, на побережье Каспийского моря. — А. К.) с тем, чтобы он занял и область Авир (вероятно, страну авар. — А. К.)»⁴. Значительно больше подробностей относительно взятия аланской столицы приведено в «Истории завоевателя мира» Джувейни. После завоевания Руси, рассказывает персидский историк, царевичи «покорили области её до города М.к. с, жители которого, по многочисленности своей, были точно муравьи и саранча» и вокруг которого «росли такие [густые] леса и чащи, что сквозь них не могла проползти даже змея». Царевичи окружили город с разных сторон и с каждой стороны проложили «такую широкую дорогу, что по ней могли проехать рядом три-четыре повозки», а против стен выставили метательные орудия. «Через несколько дней они оставили от этого города только

имя его и нашли там много добычи. Они отдали приказание отрезать людям (в другом источнике: «отрезать у убитых». — А. К.) правое ухо. Сосчитано было 270 тысяч ушей». Войско, защищавшее город, было «многочисленнее саранчи и ожесточённое мошек в сухую погоду, — добавляет Вассаф. — Они (монголы. — А. К.) по своему обыкновению произвели там разбой и грабёж... Царевичи со старшими эмирами и родовитыми людьми, победоносные и довольные, ушли восвояси»⁵.

В старой отечественной литературе долгое время полагали, что упомянутый Джувейни и другими восточными авторами «загадочный» город М.к. с находился на Руси, и иногда даже отождествляли его с Москвой (другая предлагавшаяся версия — что речь идёт о некоем городе Мохши в землях мордвы)⁶. Аланская принадлежность этого города, а также точное время его захвата монголами выяснились благодаря привлечению китайских источников, а именно официальной хроники монгольской династии «Юань-ши». «Город асов Магас» (в оригинале: «Ме-це-сы чэн») был осаждён войсками Менгу-хана «зимой, в одиннадцатой луне» года «цзи-хай», то есть между 27 ноября и 26 декабря 1239 года по нашему счёту. «От природы хорошо укреплённый», город долго не сдавался; осада продолжалась три месяца (в два раза дольше, чем по версии Рашид ад-Дина). Особый героизм при взятии города проявили некий десятник Шири-гамбу, «человек из племени тангутов», чьё жизнеописание вошло в хронику «Юань-ши», и рядовой Не Юнь-ти. «В начальной луне весны» 1240 года (6—24 февраля) Шири-гамбу «повёл десяток отчаянных храбрецов. Не Юнь-ти первым из них взойшёл на стену, взял в плен 11 человек и громко прокричал так: “Город разбит!” Остальные войска, как муравьи, облепили стены и забрались наверх, после чего город был взят. Шири-гамбу был награждён конями Запада, западными тканями и пожалован званием батура»⁷.

Падение Магаса знаменовало собой гибель Аланского государства — сильнейшего в то время на Северном Кавказе. Правда, война с аланами продолжалась ещё много

лет, аланы оказывали упорное сопротивление, но многие из аланских городов, судя по показаниям источников, сдались без боя, а их правители перешли на сторону монголов и впоследствии принимали участие в войнах, которые те вели в соседних странах, да и в их собственной стране тоже. Биографии многих аланских князей, ставших военачальниками монгольской армии, вошли в официальную хронику «Юань-ши». Таков, например, Арслан: когда его город был окружён войсками Менгу, Арслан вместе со своими сыновьями «вышел из ворот с приветствием... Государь (Менгу-хан. — А. К.) пожаловал его собственноручно написанным рескриптом с повелением самостоятельно командовать людьми асов, хотя и оставил при себе половину его воинов, а всех остальных вернул ему, чтобы те стояли гарнизонами в пределах своей страны». Монголам верно служили сыновья и внуки Арслана. Таков и Ханхус, названный «владельцем государства асов»: когда монгольская армия «подошла к его границам, Ханхус привёл войска и покорился. Ему было пожаловано звание батура и вручили золотую пайцзу с повелением, чтобы начальствовал над его, местным, народом. Затем он получил высочайший приказ набрать из асов войско в 1000 человек и вместе со старшим сыном Актачи лично отправиться в поход в составе свиты государя». По возвращении домой Ханхус был убит восставшими соплеменниками. Тогда по повелению хана войско возглавила его жена Ваймас; она, «лично облачившись в латы и шлем, усмирила восставших и смуту». Из других источников известен алан Михей, поставленный начальником одного из селений на юге Руси. Как и в других покорённых монголами странах, отряды во главе с местными князьями немедленно включались в состав монгольского войска и принимали участие в подавлении ещё не покорившихся областей собственной страны. В «Юань-ши» вошло жизнеописание некоего Батура, «родом из асов», который вместе со своими старшими братьями Уцзорбуганом и Матаршей (последнее имя по-осетински означает «бесстрашный») «привели войска и перешли на сторону монголов». Матарша участвовал в осаде Магаса и

был «полководцем авангарда». Как мы знаем, при штурме крепостей впереди монгольского войска всегда шли местные жители, но, оказывается, не все из них участвовали в этом против своей воли. «Получив две стрелы в туловище», «бесстрашный» брат Батура «всё равно сражался и взял этот город»⁸. Впоследствии отборные отряды из аланов (как, впрочем, и из кипчаков и русских) войдут в состав собственно монгольской армии и со временем превратятся в привилегированные гвардейские части империи Юань, управляемые собственными командирами.

Отдельные монгольские отряды действовали и в других областях Северного и Восточного Кавказа, в том числе и в горных районах Дагестана, где, конечно, сражаться им было труднее, нежели на равнине. Той же осенью 1239 года они в течение почти месяца (с 20 октября до 14 ноября) вели осаду высокогорного агульского селения Рича (об этом сообщают две надписи на стене местной мечети), а затем, 8 апреля 1240 года, после ожесточённого штурма разрушили крепость Кумух (впоследствии Казикумух), столицу страны лакцев в самом сердце Нагорного Дагестана⁹. О взятии одного из горных селений в стране асов упомянуто и в китайской хронике «Юань-ши» — в связи с тем, что в штурме принял участие Гуюк (это, кстати, единственный пример его личной храбрости за время Западного похода, отмеченный источниками): Гуюк «атаковал и окружил горное укрепление в виде деревянного частокола, где сражался с тридцатью с лишним воинами»¹⁰. Важное значение имело и взятие татарами Дербента («Железных ворот») — крепости, в буквальном смысле запиравшей узкий проход в Восточное Закавказье между восточными отрогами Главного Кавказского хребта и Каспийским морем. Татары разрушили верхушки башен и бойницы знаменитых двойных стен Дербента, но сами стены оставили¹¹ — очевидно, считая, что они ещё пригодятся им самим. Захват этой крепости позволял армиям Бату, участвовавшим в Западном походе, установить сообщение с другими монгольскими армиями, ещё раньше вторгшимися в Закавказье со стороны

Ирана. Впрочем, завоевания на Северном Кавказе были далеко не прочными. Ещё и в 50-е годы XIII века значительная часть аланов и черкесов, а также лезги (лезгины?) и другие горские народы продолжали оказывать отчаянное сопротивление монголам и считались до сих пор не покорёнными ими¹².

Всё это время сам Батый пребывал в «земле Половецкой», но где именно, неизвестно. «Оттуда же начал он посылать на грады русские», — свидетельствует летописец. В самом начале марта 1239 года сильный татарский отряд подступил к Переяславлю-Южному (нынешнему Переяславу-Хмельницкому, на Украине), одному из старейших городов Южной Руси. Если мы вспомним, что весной татары не вели боевых действий, то можем прийти к выводу, что Переяславль был взят ими не в начале, а в конце какой-то военной кампании — скорее всего, войсками брата Бату Берке, воевавшего в 1238/39 году против половцев. Расположенный у границы Дикого поля, Переяславль за свою долгую историю выдержал не одно нападение половецких (а ещё раньше печенежских) ратей. Но те старые войны не шли ни в какое сравнение с новой, татарской, войной. Татары «взяли город Переяславль копьём (то есть штурмом. — А. К.), перебили всех, и церковь Архангела Михаила разрушили, и бесчисленные сосуды церковные золотые и из драгоценных камней забрали, и преподобного епископа Симеона убили», — читаем в летописи. «А град пожгли огнём и людей и, полона много взяв, отошли», — добавляет другой летописец. Это случилось 3 марта¹³. А осенью того же 1239 года ещё одна татарская рать была послана Батыем к Чернигову. Татары «обступили город в силе тяжкой», — свидетельствует летописец. Черниговский князь Мстислав Глебович, «слышав... о нападении иноплеменных, выступил против них [из города] со всеми воями». У городских стен произошло ожесточённое сражение, в котором Мстислав потерпел поражение: «бившися им крепко, ибо лютый бой был у Чернигова», и «множество из воинов его убиты были»; самому Мстиславу, кажется, удалось бежать. Защитники

города пытались укрыться за крепостными стенами, но и это у них не получилось: татары выставили против них тараны и каменёты «и метали на них камни [на расстояние] полутора перестрелов (дальность полёта стрелы. — А. К.), а камни такие, что четыре сильных мужа могут поднять»¹⁴. Как и другие русские города, Чернигов, несмотря на мужество своих защитников, пал (по некоторым летописям, это случилось 18 октября): татары «взяли город и запалили его огнём». «И людей перебили, и монастыри разграбили», — добавляет другой книжник. В числе прочих в плен к татарам попал черниговский епископ Порфирий. Татары не стали его убивать (как оказалось, они старались по возможности не трогать служителей церкви, независимо от их конфессиональной принадлежности, во всех покорённых ими странах, хотя, конечно, получалось это далеко не всегда). Епископа довели до Глухова (город в Северной земле) и там отпустили. «А сами вернулись в станы свои», — завершает свой рассказ летописец.

К тому же 1239 году — вероятно, лету или самому началу осени — относится и первое появление татар вблизи Киева. К стольному городу Руси подступил передовой отряд под командованием Менгу (посланного, как уточняет один из летописцев, самим Батыем). Приказа начинать осаду Менгу, вероятно, не получил; не имелось у него и достаточных сил для штурма города. А потому двоюродный брат Бату решил вступить в переговоры с киевским князем и, что называется, прощупать почву. «Менгу-хан же, — пишет летописец, — когда пришёл поглядеть град Киев и остановился на противоположной стороне Днепра, у городка Песочного (город с таким названием находится на реке Супое, но это довольно далеко от Киева. — А. К.), поразился красоте его и величию его». В то время в Киеве правил князь Михаил Всеволодович, из рода черниговских князей, в будущем чтимый русский святой. Менгу прислал своих послов к Михаилу и киевлянам, «хотя их прельстить», то есть обмануть. Суть его предложений осталась нам неизвестной. Известно лишь, что Михаил отказался вступать в переговоры с татарскими послами. «И не послушал его», —

кратко сообщает летописец, современник событий¹⁵. В более же поздних источниках приведены иные сведения: Михаил будто бы отдал приказ убить татарских послов¹⁶. Если это правда, то действия Михаила представляются ничем не оправданной жестокостью, даже безумием, порождённым разве что крайним отчаянием, ибо князь обрекал и себя, и всех киевлян на неминуемую смерть: татары никогда не забывали жестоко отомстить за убийство своих послов. Впрочем, насколько достоверно это известие, сказать трудно.

(В ещё одной поздней летописи, Никоновской XVI века, читается подробный рассказ о переговорах Менгу-хана с князем Михаилом Всеволодовичем, однако рассказ этот носит легендарный характер и, вероятно, отчасти навеян последующей историей гибели Михаила в ставке Батыя: «Послал царь Батый воеводу своего Менгу-хана соглядать града Киева. Он же... удивился красоте его и величеству и так сказал себе и бывшим с ним: “Воистину дивно есть место сие и красота града сего и величество; и если бы ведали люди сии силу и дерзновение царя Батыя, покорились бы ему, и не был бы разорён град сей и место сие”. Тогда же пребывал на великом княжении в Киеве великий князь Михаил... И послал к нему Менгу-хан, так говоря: “Если хочешь град сей цел сохранить, иди и повинись и поклонись царю нашему Батыю; это я тебе, как друг любезный, советую”. И отвечал ему князь великий Михаил Всеволодич: “Сам знаешь, что царь Батый своей веры, а я — благочестивой Христовой веры христианской, и поскольку одна вера другой противна, и я царю Батыю повиниться и покориться не хочу, да и с тобою как могу в дружбе быть?..”». Эти слова привели Менгу-хана в ярость. Однако, по совету своих приближённых, он решил ещё раз обмануть Михаила, а уж потом, если получится, казнить его, и послал к князю вторично: «Имею тебе некое слово сказать. Иди ко мне сам!» Михаил «послов его всех избил (убил. — А. К), а сам бежал из града Киева... Гнались за ним татары, но не настигли его; и, много пленив, Менгу-хан пошёл со многим полоном к царю Батыю»¹⁷.)

Разорив города и сёла на левобережье Днепра, Менгу и в самом деле повернул обратно. При всей стремительности своих действий монголы умели терпеливо выжидать наилучший момент для нападения и никогда не торопили события. Киев был обречён, и требовалось только время для того, чтобы он, как созревший плод, упал к их ногам.

Михаил не решился оставаться в Киеве. Ещё недавно он, как и другие князья Южной Руси, вёл ожесточённую войну за этот город, — но теперь, перед лицом неотвратимой татарской угрозы, бросал его на произвол судьбы. Сын Михаила Ростислав в то время находился в Венгрии, где сватался к дочери венгерского короля Белы, и дело уже шло к свадьбе. Михаил предпочёл также укрыться в Венгрии, у будущего свата, и переждать там развитие событий. Киев же занял князь Ростислав Мстиславич, из рода смоленских князей. Но ненадолго. Война за Киев между разными русскими князьями, начавшаяся ещё до монгольского вторжения, продолжалась, несмотря на смертельную опасность, нависшую над Русью. Ростислава выгнал из Киева сильнейший князь Южной Руси того времени Даниил Романович Галицкий, имя которого мы ещё не раз встретим на страницах книги. Но и он не стал задерживаться здесь и покинул город, оставив в нём воеводой своего тысяцкого Дмитра. Ему-то и предстояло защищать Киев от татар.

Тяжёлым положением Михаила не замедлил воспользоваться его давний недруг Ярослав Всеволодович, ставший после гибели своего брата Юрия в марте 1238 года великим князем Владимиро-Суздальским. Заняв великокняжеский престол во Владимире, Ярослав раздал княжения и своим оставшимся в живых братьям: Святославу Суздаль, а Ивану Стародуб; его сын Александр сохранил за собой Новгород, а за племянниками Константиновичами и Васильковичами остались принадлежавшие им уделы — Ростов, Ярославль, Углич и Бело-озеро. Не забыл Ярослав и о своих интересах на юге. В 1239 году он совершил молниеносный поход на запад Руси, к городу Каменцу (на границе Киевской и Волынской земель), где в то время на пути в Венгрию находился бежавший из Киева князь Михаил

Черниговский¹⁸. Сам Михаил ускользнул из рук Ярослава, однако его жена и часть бояр, а также богатая добыча достались суздальскому князю: Ярослав «град взял Каменец, а княгиню Михайлову со множеством полона привёл к себе», — сообщает суздальский летописец. (Жена Михаила приходилась родной сестрой князю Даниилу Галицкому; последний вступился за неё, послал своих людей к Ярославу и вытребовал княгиню себе. Позже она соединилась с мужем.) Ничего не добился Михаил и в Венгрии. Больше того, узнав о его неудачах, венгерский король немедленно расторг договорённость о браке своей дочери с его сыном («не отдал девки своей Ростиславу», по выражению летописца) и выгнал Михаила и его сына из страны. Князья отправились в Польшу, к родному дяде Михаила по матери, Конраду I Мазовецкому (1194–1247). Но и там Михаила не готовы были принять. Ему пришлось обращаться к другому своему недругу, князю Даниилу Галицкому, и тот, забыв о прежней вражде, предоставил Михаилу убежище и прокорм и даже обещал Киев, а его сыну Ростиславу — Луцк.

Князья Южной и Юго-Западной Руси ещё только ждали нашествия татар на свои земли. Ярослав Всеволодович это нашествие пережил. Города его собственной земли лежали в руинах, представляли собой пепелища, и ему предстояло отстраивать и восстанавливать их (чем он прежде всего и занялся). Однако его дружины не участвовали в сражениях с захватчиками, и потому у князя оставались силы и возможности совершать дальние походы. Трудно сказать, насколько его действия были согласованы с татарами: и поездки Ярослава в Орду, и установление на Руси властных структур, напрямую подчинённых Батыю, — всё это было ещё впереди. Но, по аналогии с аланскими князьями, можно, наверное, предположить, что проявившему лояльность к татарам Ярославу было позволено содержать собственную дружину и совершать военные походы к западу от своих владений, на ещё не подчинившиеся татарам земли. Так, его нападение на Михаила — врага татар — явно было на руку Батыю. Ярослав Всеволодович вообще проявлял

завидную военную активность в это время. В том же 1239 году он совершил ещё один поход — к Смоленску, нанёс поражение литовцам, захватил в плен их князя, а также «урядил» смолян^[11]. Посадив на княжение в Смоленске своего союзника, князя Всеволода Мстиславича, из рода смоленских князей, Ярослав «со множеством полона и с великой честью вернулся восвояси». Тогда же он заключил союз с полоцким князем Брючиславом, дочь которого стала женой его сына Александра. Надо полагать, что союз этот также был направлен против воинственных литовских племён, которые всё чаще нападали на западные русские земли и разоряли их не хуже татар. Ну а летом 1240 года сын Ярослава, новгородский князь Александр, одержал первую из своих великих побед, разбив на берегу Невы шведское войско и навсегда войдя в русскую историю с прозвищем Невский.

Что же касается Батыев, то он не ограничился тем, что посылал рати в ещё не разорённые области Южной Руси. Новому нашествию подверглись и те территории, на которые татары нападали раньше. Зимой 1239/40 года татары вновь разорили Мордовскую землю (очевидно, подавляя сопротивление эрзянского князя Пургаса, который, как мы помним, во время первой войны укрылся со своими людьми «в весьма укреплённых местах», где и защищался по мере сил). Тогда же полчища татар обрушились на Муром. «И Муром сожгли, — с болью и состраданием сообщает летописец, — и по Клязьме воевали, и град Святой Богородицы Гороховец сожгли (на востоке современной Владимирской области. — А. К.), а сами ушли в станы свои». В поздней Никоновской летописи есть сведения и о новом разорении многострадальной Рязани: «В том же году приходили Батыевы татары на Рязань и попленили её всю»... То было страшное время. Всеобщее отчаяние, ожидание неминуемой смерти охватили людей. Эти чувства точно и образно выразил летописец: «Тогда же был пополох зол по всей земле, и сами не ведали люди, кто куда бежит»²⁰.

Взятие Магаса стало определённой вехой в истории всего Западного похода. Бóльшая часть из тех «одиннадцати народов», которые были поручены Бату ещё Чингисханом и Угедеем и о которых шла речь на курултае 1235 года, была покорена монголами. Бату мог считать задачу, поставленную перед ним великим ханом, в значительной степени выполненной. Уже были разгромлены и прекратили своё существование Великая Болгария на Волге и другие поволжские «царства» — мордвы, буртасов, уральских венгров; стёрто с лица земли государство половцев, прежних хозяев великого Половецкого поля — Дешт-и-Кипчак; полностью разорена и поставлена на колени Северо-Восточная Русь, уничтожены ещё недавно процветавшие государства асов-аланов, черкесов и другие...

Вскоре после падения Магаса — по всей вероятности, ранней весной 1240 года — и произошло событие, сыгравшее едва ли не решающую роль в личной судьбе Бату и, как выяснилось позже, в судьбе всей Монгольской империи. По обычаю, принятому у монголов, после завершения очередной военной кампании царевичи и старшие эмиры собрались вместе и устроили грандиозный пир. Помимо прочего, предстояло решить: продолжать ли Западный поход или вернуться домой — очевидно, с тем, чтобы продолжить поход позднее. Подобные вопросы находились в компетенции великого хана. Однако судя по тому, что царевичи, по их собственным словам, собирались «вернуться к дому» поводя своих коней, они имели на это позволение самого Угедея. Тогда-то, во время пира, и вспыхнула ссора между Бату, с одной стороны, и сыном Угедея Гуюком и внуком Чагатая Бури — с другой, причём в адрес Бату посыпались самые грязные и самые уничижительные оскорбления. Закончилось же всё тем, что царевичи покинули пир, открыто выйдя из повиновения Бату, и отказались признавать его старшинство. Первым начал перебранку Бури, его тут же поддержали Гуюк и эмир Аргасун (имя которого при описании военных действий в источниках не упоминается). Аргасун был сыном Эльчжигидая (или Илджидая) — одного из главных

сановников Монгольской империи, бывшего доверенным лицом великого хана (которому он, по некоторым сведениям, приходился молочным братом)^[12]. Поставленный во главе всех нойонов империи, Илджидай пользовался значительным влиянием в среде высших сановников и военных. Очевидно, и он сам, и его сын видели в Гуюке будущего великого хана, перед которым Аргасун и спешил выслужиться.

О том, что случилось во время пира, мы знаем со слов самого Бату — из «секретного донесения», отправленного им из «Кипчакского похода» великому хану Угедею. Донесение это дошло до нас в составе «Сокровенного сказания» — тайной летописи монголов, куда были включены многие важные сведения, не предназначавшиеся для чужих ушей, но лишь для очень ограниченного круга лиц, прежде всего для членов «Золотого рода» наследников Чингисхана. Вот подлинный текст послания:

«Силою Вечного Неба и величием государя и дяди (Угедея. — А. К.) мы разрушили город Мегет (Магас. — А. К.) и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатёр, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашённую чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причём Бури выразился так: “Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнёю этих бородатых баб, которые лезут равняться!” А Гуюк говорил: “Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооружённых луками! Задать бы им!” Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: “Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!” Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись не примирённые под влиянием подобных речей Бури с Гуюком.

Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди»²¹.

Как видим, Гуюк и Бури считали себя выше Бату и не допускали мысли о том, что тот станет «равняться» с ними. Стоит ли усматривать тут намёки на происхождение отца Бату Джучи? Или на то, что Бату не был старшим сыном своего отца? Или же речь идёт о превосходстве царевичей в военном отношении, о их вкладе в достижение общей победы? Я думаю, что последнее наиболее вероятно. Но в любом случае обвинения, прозвучавшие в адрес номинального предводителя монгольского войска, кажутся беспрецедентными. Само наименование его «бородатой бабой», угрозы «протурить пяткой», «притоптать ступнёю», «поколоть дров на грудях» и особенно «вправить деревянный хвост» (а всё это должно было пониматься вполне буквально) — что может быть оскорбительнее, унизительнее?! И это при том, что ссоры между монголами вообще случались очень редко — особенно же во время военных действий. («Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на своё пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки», — специально отмечал долго живший среди монголов Плано Карпини²².)

Чего ждали от Бату царевичи? Что он начнёт свару, утратит контроль над собой и это даст им возможность сместить его? Но их уход с пира и без того означал, что они отказываются подчиняться ему, не признают его своим предводителем, — об этом они заявили открыто. Или они попросту потеряли самообладание — может быть, под воздействием выпитого, как это обыкновенно и случается? Так или иначе, но Гуюк и Бури допустили явную оплошность, которой не замедлил воспользоваться Бату. Сам он самообладание, кажется, сохранил. Заметим, что среди царевичей, оскорблявших его, не упомянуты сыновья Тулуя. А значит, Бату мог рассчитывать на поддержку не только своих родных братьев, но и Менгу с Бучеком, — то есть как минимум половины или даже больше из общего числа царевичей, участвовавших в походе. Не упомянут здесь и

Субедей (который, возможно, к тому времени был отправлен за подкреплениями к великому хану). Но, судя по дальнейшим событиям, и Субедей, и Бурундай, лучшие полководцы монголов, оставались на его стороне. Такой расклад сил давал Бату хорошие шансы на то, чтобы справиться со своими противниками. И он поспешил отправить послание великому хану с изложением собственной версии того, что произошло.

Откровенность Бату кажется удивительной. Но надо признать, что он выбрал единственно возможный тон в послании к великому хану. Как опытный интриган — а политика во многом и есть искусство интриги — он не пропустил ни единого бранного слова, ни единого оскорбления, которые были произнесены в его адрес. Изображая случившееся так, как это было выгодно ему, он передавал дело на полное усмотрение великого хана — и это при том, что его главный враг, Гуюк, был старшим сыном Угедая, а Бури — внуком фактического соправителя Угедая Чагатая. Но и это оказалось на руку Бату, по версии которого мятеж царевичей был направлен не столько против него лично, сколько против установленного порядка, освящённого волей великого хана, а значит, представлял собой угрозу единоличной власти великого хана и «общему делу» всех монголов, выполнению великого завета самого «покорителя Вселенной». (Заметим, что, говоря о победах, Бату всюду употреблял местоимение «мы», а не «я», и — в отличие от Гуюка — отнюдь не выпячивал собственную роль в покорении Западных стран.) Его слова об «общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов» напрямую перекликались с наставлениями Чингисхана. Ибо некогда, отправляя своего старшего сына Джучи (отца Бату!) в порученный ему удел на западе, Чингисхан так наставлял его устами своего первого нойона Боорчи: «Хаган, твой отец, отправляет тебя в захваченную землю, / Чтобы ты управлял чужим народом. Будь же твёрд!» А потом и сам добавлял в назидание:

В чём согласие между отцом и сыном?
Ведь не тайком отправляю я тебя так далеко,
А для того, чтобы ты управлял тем, чем я
овладел,
Чтобы ты сохранил то, над чем я трудился,
...Чтобы ты стал опорой
Половины моего дома...

Первый же из *биликов* Чингисхана (установлений, получивших законодательную силу в империи) говорил о «народе, у которого сыновья не следовали биликам отцов, а их младшие братья не обращали внимания на слова старших братьев», — такие «неупорядоченные и безрассудные народы» годятся лишь на то, чтобы погибнуть или подчиниться власти монголов; они и подчинились им, «как только взошло счастье Чингисхана... и его чрезвычайно строгая яса водворила у них порядок»²³. И вот теперь получалось, что из-за разлада между отцом и сыном (ведь участие царевичей в Западном походе и роль каждого из них были утверждены Угедеем), из-за разлада между старшим и младшими братьями (старшим, конечно, Бату — сыном Джучи) можно было потерять то, чем овладели монголы сообща, что было поручено им великим основателем империи; более того, можно было потерять главное завоевание монголов — их упорядоченность, твёрдое соблюдение ими законов и установлений, что и обеспечило им власть над миром. Сила — в единстве: так учила Чингисхана ещё его мать Оэлун, так учил своих сыновей и сам Чингисхан, протягивая им сначала одну стрелу, а затем пучок стрел и предлагая сломать их: «Пока вы будете в согласии друг с другом, вам будет сопутствовать счастье и враг не одержит над вами победы»²⁴. Гуюк же и Бури нарушили эту главную заповедь основателя Монгольской державы.

Гуюк тоже направил послание отцу — вероятно, с собственной версией конфликта. Как раз под 1240 годом китайская хроника сообщает о том, что «царевич Гуюк

овладел всеми не сдававшимися областями Западного края и прислал гонца с докладом о добыче»²⁵. Как видно, блестящие результаты Западного похода старший сын Угедая ставил себе в исключительную заслугу, и именно эта версия попала в официальный источник. (Донесение Бату оставалось секретным; составители позднейшей официальной хроники династии Юань о его существовании не знали. Не было доступно им и «Сокровенное сказание монголов».) Однако Гуюк, по всей вероятности, опоздал, и его доклад поступил к великому хану позже, чем «секретное донесение» Бату. Что ж, не зря тот позаботился об организации ямов на путях, связывающих его ставку с Каракорумом, новой столицей Угедая в Монголии, — на этих ямах его гонцы, естественно, получали преимущество перед гонцами остальных царевичей. В политике, как и в жизни вообще, очень важно бывает, кто первым озвучит свою версию событий, чей доклад или чье донесение первым ляжет на стол к правителю. Скорость, расторопность решают в таких делах очень многое, если не всё.

Если следовать тексту «Сокровенного сказания», то получается, что Гуюк и сам побывал в Каракоруме и пытался всё объяснить отцу, однако Угедей поначалу не принял его. Конфликт вышел за рамки их личных, семейных отношений, и вопрос стоял уже о самой идее единовластия — краеугольном камне, на котором строились вся империя монголов, вся их военная организация. Впрочем, когда именно побывал Гуюк в ставке великого хана, явился ли туда сам или был вызван отцом позднее (что представляется более вероятным), монгольский источник не уточняет. К описываемому времени Гуюку было около тридцати четырёх лет (он родился в 1206-м или в самом начале 1207 года). В этом возрасте властолюбие и тщеславие сына могут представлять непосредственную угрозу для отца, особенно если отец облечён верховной властью в государстве и притом нездоров (а Угедей к концу жизни сильно болел). К тому же Угедей вовсе не видел в Гуюке своего преемника — он намеревался передать престол любимому внуку Ширамуну. Может быть, ещё и

поэтому реакция великого хана оказалась настолько жёсткой. «Из-за этого Батыева доклада, — сообщается в «Сокровенном сказании», — государь до того сильно разгневался, что не допустил Гуюка к себе на приём». А далее приведены слова Угедея, обращённые к сыну и другим противникам Бату, и из них видно, что великий хан, точно так же как и его сын, не стеснялся в выражениях;

— У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата. Вот поставлю-ка тебя разведчиком-алгинчином, да велю тебе карабкаться на городские стены, словно на горы, пока ты не облупишь себе ногтей на всех десяти пальцах! Вот возьму да поставлю тебя танмачином-воеводой, да велю взбираться на стены крепко кованные, пока ты под корень не ссучишь себе ногтей со всей пятерни! Наглый ты негодяй! А Аргасун у кого выучился дерзить нашему родственнику и оскорблять его? Сошлю обоих: и Гуюка, и Аргасуна. Хотя Аргасуна просто следовало бы предать смертной казни. Да скажете вы, что я не ко всем одинаков в суде своём. Что касается до Бури, то сообщить Батыю, что он отправится объясняться к Чаадаю, нашему старшему брату. Пусть его рассудит брат Чаадай!

До отправки Гуюка на крепостные стены дело, однако, не дошло. Вмешались приближённые Угедея, не желавшие дать разгореться скандалу в собственном семействе великого хана. Выход из ситуации был найден царевичем Мангаем, Алчидай-нойоном²⁶ и другими нойонами, которые обратились к великому хану со следующими словами:

— По указу твоего родителя, государя Чингисхана, полагалось: полевые дела и решать в поле, а домашние дела дома решать, С вашего ханского дозволения сказать, хан изволил прогневаться на Гуюка. А между тем дело это полевое. Так не благоугодно ли будет и передать его Батыю?

Выслушав этот доклад, «государь одобрил его» и несколько смягчился. Потом он всё-таки призвал к себе Гуюка (но когда именно? неизвестно) и «принялся его

отчитывать». Речь Угедя, со ссылками на установления Чингисхана, также приведена в «Сокровенном сказании», причём из неё выясняются некоторые подробности как самого Западного похода, так и роли в нём Гуюка и его манеры командования войсками.

— Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица, — выговаривал великий хан сыну. — Уж не ты ли и русских привёл к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем русских (прямое совпадение с содержанием доклада Гуюка, как оно передано в «Юань-ши». — А. К.), раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингисхана, что множество — страшно, а глубина — смертоносна. То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком у Субедея с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. (О какой-то особой роли в походе Бучека, сына Тулуя, из других источников ничего не известно; может быть, здесь ошибка в тексте? — А. К.) Что же ты чванишься и раньше всех дерёшь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении русских и кипчаков не только не взял ни одного русского или кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл (как мы знаем, очевидное преувеличение. — А. К.)?! Благодарю ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхортай-цзангина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котёл. Довольно! Дело это, как полевое, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!²⁷

Таково было окончательное решение великого хана, и оно означало полную и безоговорочную победу Бату. Так сын

Джучи выиграл свою, наверное, самую важную битву — не против русских или кипчаков, а против собственных родичей, покусившихся на его власть. Может быть, как полководец он и уступал Гуюку или Бури, но как политик он

полностью переиграл их. Западный поход был продолжен, и старшинство Бату, а главное, его первенство в походе были подтверждены великим ханом и отныне никем не оспаривались (во всяком случае вслух). Его недоброжелатели получили жесточайшую выволочку; более того, решение по делу о неповиновении — по крайней мере в отношении Гююка и Аргасуна — было передано на его, Бату, усмотрение. (Судьбу Бури должен был решать его дед Чагатай.) Но Бату и здесь проявил похвальную выдержку. Он не стал наказывать Гююка и довольствовался восстановлением прежнего положения дел. Но если кто-то мог подумать тогда, что Бату забудет о произошедшем, простит Гююку и другим их выходку, то он ошибался. Как выяснилось впоследствии, Бату никогда ничего не забывал и никому ничего не прощал. Злопамятность оказалась едва ли не самым сильным его качеством — и его враги ещё убедятся в этом. Когда обстоятельства изменятся и дом Угедея утратит своё могущество, Бату припомнит всё. Впрочем, о его жестокой расправе над теми, кто насмехался над ним, нам ещё предстоит говорить — и не скоро. Бату, повторюсь ещё раз, умел ждать и терпеть.

Завершение Западного похода

Разлад между царевичами, обмен посланиями с великим ханом вызвали паузу в военных действиях. Возобновились они лишь осенью 1240 года — вероятно, уже после того, как решение великого хана было доведено до сведения участвовавших в походе царевичей. На этот раз все главные силы монгольского войска были сосредоточены на одном направлении и удар был нанесён по главному городу Руси, недавней столице единого Древнерусского государства. Монголы двигались с юга, через земли так называемых «чёрных клобуков» — торков, берендеев и других кочевников, перешедших в подданство русских князей и осевших на предоставленные им земли по реке Рось, к югу от Киева¹. Эти тюркские племена служили своеобразным буфером, защищавшим южнорусские княжества от нападения «диких» кочевников — половцев. «Чёрные клобуки» давно уже стали неотъемлемой частью политической структуры Русского государства и принимали самое активное участие в жизни древней Руси, поддерживая то одного, то другого князя.

О судьбе «чёрных клобуков» русские источники ничего не сообщают — вероятно, они, как и большинство «диких» половцев, пополнили ряды монгольской армии². Зато о трагической судьбе Киева в летописях рассказывается, и весьма подробно. Сохранились три версии взятия татарами стольного города Руси. Версии эти независимы друг от друга и кое в чём существенно противоречат одна другой. А потому, примерно представляя, что и как происходило в Киеве, мы, к сожалению, не можем точно датировать события.

Наиболее подробный и яркий рассказ, записанный, скорее всего, со слов очевидца, приведён в Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи³. Однако никаких дат он не содержит (они вообще отсутствуют в этой части летописи). Ростовский же книжник, автор соответствующей части Лаврентьевской летописи, сообщая о разорении Киева,

приводит лишь дату взятия города татарами — 6 декабря, день памяти почитаемого на Руси святого Николая Мирликийского⁴. Наконец, третья версия приведена в ряде более поздних периферийных летописей, возможно, восходящих к Псковскому своду середины XV века, — так называемых Первой и Третьей Псковских, западнорусской Летописи Авраамки и новгородской Большаковской: здесь говорится, что татары подступили к Киеву 5 сентября 1240 года, простояли под городом 10 недель и 4 дня и «едва взяли его» 19 ноября⁵. Никаких других подробностей осады эти летописи не содержат.

Итак, примем (условно!), что татары вторглись на Русь в самом начале осени 1240 года. «Пришёл Батый к Киеву в силе тяжкой, со многим множеством силы своей, — рассказывает галицкий летописец. — И окружила город и обступила сила татарская, и был город в великой осаде. И стоял Батый у города, и воины его обступили город, и нельзя было голоса слышать от скрипа телег его, от рёва множества верблюдов его и от ржания табунов коней его. И исполнилась земля Русская ратных (то есть врагов. — А. К.)». Это и в самом деле похоже на описание очевидца. Картина происходящего зримо встаёт перед нами — и множество окруживших город воинов (не только татар, но и половцев, «сарацин», тех же «чёрных клобуков», самих русских), и рёв верблюдов, и заглушающий всё скрип несмазанных татарских телег. Последняя деталь особенно характерна. Надо заметить, что речь идёт не о привычных для нас средствах передвижения, а о так называемых «больших телегах» монголов, на которых те перевозили свои вместительные дома — юрты, а также осадную артиллерию — метательные машины, катапульты, тараны и т. д. Эти огромные сооружения производили неизгладимое впечатление на всех видевших их. Побывавший у монголов монах-францисканец Гильом Рубрук вымерил однажды ширину между следами колёс одной такой повозки — она оказалась равна 20 футов (около шести с половиной метров); сам же дом «выдавался за колёса по крайней мере на пять футов с того и другого бока». Повозку тянули 22

быка: «11 в один ряд вдоль ширины повозки и ещё 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля»⁶. Огромные, в большинстве своём чугунные втулки для деревянных осей этих повозок во множестве были найдены археологами при раскопках древней монгольской столицы Каракорума и в других местах, где побывали монгольские армии⁷. Если учесть, что монголы не использовали никаких смазочных материалов и что таких огромных телег у них было множество, то легко представить себе, какая ужасная какофония сопровождала передвижение основных сил их армии. Эти чудовищные звуки, разносившиеся на многие вёрсты вокруг и неумолимо нараставшие по мере приближения татарского войска, должны были вызывать ужас у всех народов, подвергшихся их нападению. Это был звук неумолимо приближающейся смерти.

Понятно, что огромное татарское войско подступало к Киеву в течение длительного времени; немало дней или даже недель потребовалось и на то, чтобы расположить силы вокруг русской столицы. Вероятно, именно этим не в последнюю очередь объясняется длительный срок осады — почти полтора месяца, как сообщает русский источник. (Впрочем, сведения на этот счёт противоречивы: Рашид ад-Дин, например, пишет о том, что Киев (в его книге Манкеркан, или Манкерман) был взят за девять дней; напротив, о долгой осаде русской столицы, помимо упомянутых выше русских летописей, сообщает итальянец Плано Карпини.) Во время одной из вылазок в руки защитников города — нечастый случай в истории монгольского нашествия — попал некий татарин по имени Товрул, от которого киевлянам стало известно о том, какие силы участвуют в осаде. Помимо самого Батыя, здесь были «братья его, сильные воеводы» Урдюй (то есть Орда, старший брат Батыя), Байдар (сын Чагатая), Бирюй (то есть Бури), Кадан (сын Угедая), Бечак (то есть Бучек, сын Тулуя), Менгу и Гуюк. О последнем русский летописец дополнительно сообщает, что он, Гуюк, «вернулся, узнав о смерти хановой, и стал ханом (летописец не вполне точен, но об этом речь ещё впереди. — А. К.)». Примечательно, что и Гуюк, и Бури,

и другие названы в летописи не царевичами или князьями, а «воеводами» Батыя — возможно, здесь мы имеем дело уже с результатами произошедшего между ними столкновения. Со слов того же Товрула летописец назвал по именам и тех воевод, которые не принадлежали к числу потомков Чингисхана, — это Субедей-Баатур («бе воевода его первый») и Бурундай-Баатур, «иже взял Болгарскую землю и Суздальскую». Кроме того, под Киевом находились и «иные бесчисленные воеводы», чьи имена летописец не стал вносить в текст. Если мы сравним этот перечень со списком монгольских царевичей — участников Западного похода, приведённым Джувейни, то увидим практически одни и те же имена: под Киевом не было только Кулкана, погибшего ещё в начале первой русской кампании, да младшего брата Батыя Тангута, судя по другим источникам, в продолжении Западного похода участия не принимавшего.

Большую часть пороков татары расположили с юго-восточной стороны города, против так называемых Лядских ворот. («Город Ярослава» — главная киевская крепость — имел трое проездных ворот: так называемые Золотые, служившие главным украшением города и имевшие мощные каменные стены, а также Лядские и Жидовские, позднее получившие название Львовских.) Здесь к самому городу подходили «дебри» — обрывистые, поросшие лесом склоны киевских высот. По одной из версий, Лядские ворота получили своё название от слова *ляда*, *лядина*, которым обозначали расчищенную заросль леса. Если так, то это название относилось ко времени строительства ворот, то есть ко времени Ярослава Мудрого; к XIII веку расчищенные некогда участки заросли вновь. Татарам пришлось освобождать место для орудий, прорубать просеки для подхода своих сил (вспомним, что тем же самым они занимались и при осаде столицы аланов Магаса). Зато обилие леса давало материал для засыпки крепостных рвов, подведения к стенам «примёта», который был необходим для того, чтобы поджечь город. А затем татары приступили к планомерному обстрелу его из стенобитных орудий и катапульт^[13]. «Порокам же беспрестанно бьющим день и

ночь», — свидетельствует летописец. Как позднее сообщали русские беженцы, в осаде Киева было задействовано 32 осадных устройства; во всяком случае, такую цифру записали с их слов западные хронисты⁹. Татарам удалось «выбить» часть городской стены, однако киевляне заняли её «избыток», то есть остаток, и здесь, на развалинах крепостных стен и киевских валов, развернулось ожесточённое сражение: «ту беаше видети лом копейный и щитов скепанье», по выражению летописца, то есть видно было, как ломались копья и разлетались в щепы щиты, и «стрелы омрачили свет побеждённым». В этой кровавой схватке получил ранение тысяцкий Дмитр, возглавлявший оборону Киева. Татары заняли разрушенную стену «города Ярослава», однако сразу же продвинуться дальше не смогли: «и седоша того дне и нощи». За это время киевляне «создали другой город около Святой Богородицы», то есть укрепились на новых оборонительных рубежах вблизи древнейшей каменной церкви Киева — так называемой Десятинной, построенной ещё святым Владимиром вскоре после Крещения Руси. Как уточняют археологи, летописные строки нужно понимать не в том смысле, что киевляне стремительно, буквально за один день, возвели новую крепость: они укрепились на линии так называемого «города Владимира», старой, но по-прежнему функционирующей киевской крепости как бы внутри «города Ярослава». Сохранившиеся с конца X века валы, стены с проездными башнями и остатки рвов не утратили своего оборонительного значения, почему и могли быть использованы киевлянами. Наутро битва возобновилась. Татары бросились на штурм новых укреплений, «и бысть брань между ними велика». Как полагают, захватчикам удалось прорвать линию обороны в районе Софийских ворот «города Владимира» (отчего ворота эти позднее получили название Батыевых). Последним оплотом оборонявшихся стала Десятинная церковь. «Люди же взбегали в церковь и на комары церковные (церковные своды; здесь, вероятно: хоры. — А. К.) с имуществом своим», — свидетельствует летописец. Число людей, искавших спасения в церкви, было

столь велико, что своды не выдержали тяжести и церковь рухнула, погребая под собой тех, кто уцелел во время начавшейся резни. Такова версия летописи; археологи же утверждают, что истинной причиной обрушения церкви стало применение татарами таранов и камней.

Так пал Киев. Участь его была ужасной. «В то же лето взяли Киев татары, и Святую Софию разграбили (киевский кафедральный собор. — А. К.), и монастыри все, и иконы, и кресты почитаемые, и всё узорочье церковное забрали, а людей от мала и до велика всех мечом убили», — свидетельствует северорусский летописец. Среди прочих был разграблен и разорён Киево-Печерский монастырь, старейшая и наиболее прославленная русская обитель близ Киева. Об этом рассказывает «Киевский Синописис» — краткое изложение русской истории, составленное в Печерском монастыре в середине XVII века; по словам его автора (предположительно архимандрита Иннокентия Гизеля), ссылавшегося на какие-то древние летописи, татары с помощью своих таранов разрушили до основания каменные стены обители, ворвались в неё и перебили множество иноков и искавших здесь спасения мирян, а иных захватили в плен, разграбили «Великую» Печерскую церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и все её святыни. Правда, монахам удалось накануне штурма замуровать входы в пещеры и тем спасти их от разграбления, но жизнь в монастыре на долгие годы словно бы замерла: уцелевшие иноки вынуждены были ютиться в наскоро выкопанных схрах — землянках или крохотных пещерах¹⁰. В Дальних, или Феодосьевских, пещерах Киево-Печерского монастыря погребено множество иноков, о которых мы не имеем никаких сведений; время жизни большинства из них определяется очень приблизительно — XIII–XIV века. Из поздних надписей-эпитафий над некоторыми захоронениями известно, что по крайней мере двое иноков пострадали от татар — это священномученик Лукиал, погибший во время штурма Киева Батыем, и преподобный Памва затворник, «пойманный от поган и много от них пострадав, не хотячи Христа отрещися»¹. Но

это конечно же не единственные жертвы взятия и разграбления Печерской обители.

Находки археологов подтверждают страшную картину киевской трагедии 1240 года. Ещё в конце XIX — начале XX века в различных частях города были обнаружены братские могилы его защитников: одна в районе северного киевского предместья Дорогожичи, две другие недалеко от Десятинной церкви. Сожжённые дома и ремесленные мастерские, разрушенные храмы, наспех зарытые клады золотых и серебряных украшений, человеческие скелеты под толстым слоем пожара — всё это зримые свидетельства произошедшего. По оценкам археологов, из более чем сорока известных нам монументальных сооружений древнего Киева уцелело (да и то в сильно повреждённом виде) только пять-шесть, из более чем восьми тысяч дворов — лишь двести, а из 50-тысячного населения города осталось не более двух тысяч человек. В ряде районов, в частности в центре города, жизнь возродится только спустя несколько веков¹². Итальянский монах-францисканец Джованни дель Пано Карпини, побывавший в Киеве на пути к монголам в 1245 году, насчитал в этом прежде многолюдном и процветающем городе не более двухсот домов: этот город «был столицей России, — писал он, рассказывая о завоеваниях татар, — и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле»¹³. Когда уже после ухода татар в Киев вернётся князь Михаил Всеволодович Черниговский, он не сможет жить среди развалин и мёртвых тел, но вынужден будет поселиться «под Киевом, во острове»¹⁴.

Разорив Киев и перебив значительную часть жителей, татары тем не менее сохранили жизнь тысяцкому Дмитру, оставленному князем Даниилом Галицким оборонять город. «Дмитрия же вывели раненого и не убили его, мужества ради его», — записал галицкий книжник. (Судя по тому, что имя Дмитра несколько раз и с неизменной похвалой упоминается в летописи, её автор был близок к воеводе,

который, возможно, и сообщил ему подробности осады.) Великодушие татар может показаться удивительным — но лишь на первый взгляд. Нечто подобное мы уже встречали в истории монгольских завоеваний — например, в земле аланов или Волжской Болгарии, где монголы также сохраняли жизнь некоторым местным правителям. Такое отношение к русскому воеводе объяснялось конечно же не одним только уважением к его мужеству. Как явствует из последующего летописного текста, Дмитр принял участие в походе Батыя в Волынскую и Галицкую землю, а затем, вероятно, и на запад, в Венгрию. Это было в обычае монголов, которые всегда привлекали для участия в своих войнах отряды из покорённых народов. Такими отрядами должен был командовать также кто-то из местных. Очевидно, доказавший свою храбрость Дмитр вполне подошёл на эту роль.

Следующий удар войска Батыя был направлен в Галицкую и Волынскую землю — пожалуй, наиболее развитую в экономическом отношении в тогдашней Руси. «Когда Батый взял Киев, услышал он о Данииле (Галицком. — А. К.), что он в Уграх (в Венгрии. — А. К.), и двинулся сам ко Владимиру (Владимиру-Волынскому, главному городу Волынской земли. — А. К.)», — продолжает свой рассказ галицкий книжник¹⁵. Упоминаемые им далее крепости, оказавшиеся на пути татар, — Колодяжин, Каменец, Кременец, Данилов и другие — принадлежали к числу новых городов, построенных князем Даниилом Галицким в 30-е годы XIII века «по последнему слову европейского фортификационного искусства». Некоторые из них, в отличие от большинства деревянных русских крепостей, имели полностью каменные стены и к тому же располагались на высоких холмах, «крутизна склонов которых, — пишет современный исследователь, — затрудняла использование инженерами Батыя (в основном китайскими) осадной техники»¹⁶. Задерживаться надолго у каждой такой крепости — подобно тому, как это было, например, при взятии Козельска, — не входило в намерения Батыя. Его войска продвигались стремительно, широким

фронтом. Именно поэтому некоторые из галицких и волынских крепостей так и не были взяты татарами.

Двигаясь по основным путям, связывавшим Киев с Волынской землёй, войска Батыя осадили небольшую крепость Колодяжин, или Колодяжный, прикрывавшую восточные рубежи Волыни. «И пришёл (Батый. — А. К.) к городу Колодяжному, и поставил 12 пороков, — рассказывает летописец. — И не смог разбить стены, и вступил в переговоры с людьми; они же послушались злого совета его [и] сдались». Это имело роковые последствия: татары перебили всё население города. Далее войска Батыя захватили Каменец и Изяславль, а от осады двух других крепостей, Кременца и Данилова, отказались: «Увидел же (Батый. — А. К.), что не может он взять Кременец и град Данилов, и отошёл от них». Среди городов, которые войскам Батыя не удалось захватить, упоминается также Холм (на западе Волынской земли), любимое детище князя Даниила Галицкого, город, ставший его резиденцией, а затем и столицей¹⁷. Затем Батый подошёл к Владимиру-Волынскому, столице Волынской земли. «И взял город копьём (то есть штурмом. — А. К.), и перебил [всех] без пощады». Осада продолжалась три дня¹⁸. Один из красивейших городов Западной Руси, которым за десять лет до этого восхищался венгерский король Андрей («Такового града не встречал я даже в немецких странах!» — восклицал он), был полностью уничтожен. «Не осталось во Владимире ни единого живого, церковь Пресвятой Богородицы наполнена была трупами, иные церкви наполнены были трупами и телами мёртвых» — таким предстал город перед князем Даниилом Романовичем, когда тот возвратился на пепелище¹⁹. Археологи подтверждают эти слова, по крайней мере отчасти. По всей территории древнего города находят множество человеческих останков с разрубленными костями и черепами. Страшная подробность: некоторые из черепов пробиты большими железными гвоздями²⁰. Когда-то о таком страшном способе казни пленных повествовали византийские хронисты (а вслед за ними и русские летописцы, в частности, при описании нападения

язычников-русов на Константинополь в 941 году)²¹. Это казалось всего лишь литературным приёмом, явным преувеличением — но, как выясняется, подобная казнь действительно существовала, и татары применяли её... Та же судьба, что и Владимир, ждала Галич и «иные грады многие, им же несть числа», как с горечью писал летописец. По словам Рашид ад-Дина, татары двигались «облавой, туман за туманом», проходя «все города Владимирские» и завоёвывая «крепости и области, которые были на их пути». Как это всегда бывало, после взятия главного города княжества татарские войска разделились. Отдельные их части действовали севернее основных сил Батыя, в районе Берестья (нынешнего Бреста), на русско-польском пограничье. Сам город, кажется, не пострадал²², но его окрестности ещё долго представляли собой ужасающую картину массового избиения людей. Позднее, когда сошёл снег и трупы оттаяли, возвратившиеся на Русь князь Даниил Галицкий и его брат Василько не смогли приблизиться к городу «смрада ради и множества убитых». Так Киевская и Галицко-Волынская земли повторили судьбу Северо-Восточной Руси, разорённой татарами тремя годами ранее.

Впрочем, разорению подверглись не все области Западной Руси. На порубежье Галицкого, Волынского и Киевского княжеств, в верховьях Южного Буга и Случи, располагалась так называемая Болоховская земля, своеобразное политическое образование, управлявшееся собственными правителями — некими «болоховскими князьями», неоднократно упоминаемыми в летописи. Кем были эти князья, неизвестно, как неизвестны и статус Болоховской земли, её границы и даже состав населения. Ясно лишь, что «болоховские князья» не принадлежали к числу Рюриковичей (ни одного из них летописец ни разу не назвал по имени); чаще всего в них видят местных старейшин, бояр. Высказывалось также предположение о разноэтничном составе населения Болоховской земли, включавшем, помимо славян, «чёрных клобуков», торков²³. «Болоховские князья» находились в оппозиции Даниилу и

неоднократно воевали против него. Возможно, именно по этой причине они поддержали татар. Те, в свою очередь, не стали разорять их землю, но ограничились тем, что обложили её повинностью: «оставили их татары, чтобы пахали для них пшеницу и просо», — свидетельствует летописец²⁴. Что ж, кто-то должен был обеспечивать татарские войска всем необходимым, в том числе продовольствием и фуражом. Забегая вперёд скажу, что по возвращении на Русь Даниил Галицкий жестоко отомстил болоховцам и подверг их землю, не тронутую татарами, беспощадному разорению.

Приблизительно к этому времени, а именно к зиме 1240/41 года, относится ещё одно важное событие в истории Западного похода: великий хан Угедей приказал вернуться домой своему сыну Гуюку и племяннику Менгу²⁵. Было ли это напрямую связано с конфликтом между Бату и Гуюком, мы не знаем. Во всяком случае, Бури, ещё один недоброжелатель Бату, остался и продолжил участие в Западном походе. Вместе с названными царевичами в Монголию возвратилась и часть войска. Взамен на запад были направлены новые воинские контингенты. Вероятно, ротация войск происходила постепенно, не сразу. Известно, что доклад на сей счёт подавал великому хану сам Бату (возможно, об этом говорилось в том самом послании, в котором излагались обстоятельства его ссоры с царевичами). Поездку в Монголию, кажется, совершил и Субедей: в соответствии с указанным докладом Бату, он «набрал войско из *хабичи, гэрун-ко'уд* и прочих (здесь названы разные категории зависимого населения у монголов. — А. К.), из числа которых каждый пятидесятый человек последовал за ним»²⁶. Собранное таким образом пополнение приняло участие в последующих войнах монголов на западе. В китайских источниках сообщается также, что в составе армий Бату в Венгрии воевал и сын Тулуя Хулагу (будущий основатель государства ильханов в Иране), имя которого среди участников похода ранее не называлось. Если это не ошибка источника, то можно

думать, что Хулагу был послан великим ханом на запад именно в это время²⁷. Наконец, о присылке подкреплений для участия в походе Бату прямо сообщается в жизнеописании сына Субедея Урянхатая, который также был видным военачальником. С этими подкреплениями Урянхатай явился к Бату, «и был вместе с Багу в карательном походе на народ поляков и немцев, и усмирил их»²⁸.

Отъезд на восток двух старших царевичей ещё более упрочил положение Батыя как непререкаемого главы Западного похода. При этом представительство в составе монгольской армии всех четырёх линий «Золотого рода» наследников Чингисхана сохранялось. Что же касается Гуюка и Менгу, то они, получив приказ великого хана, должны были двинуться в путь той же зимой или в начале весны 1241 года. Во всяком случае, в военных действиях в Центральной и Юго-Восточной Европе оба участия не принимали^[14]. Между тем поход на запад продолжался. Всею своей мощью татары обрушились на страны Центральной Европы — прежде всего Венгрию и Польшу.

По версии русского летописца, к вторжению в Венгрию Батыя склонил бывший киевский воевода Дмитр, стремившийся поскорее избавиться от татар собственную измученную и обескровленную Волынскую землю. «Не можешь мешкать в земле сей долго, — так будто бы уговаривал Дмитр Батыя. — Время тебе уже на угров (венгров. — А. К.) идти! Если же промедлишь, земля та сильна — соберутся против тебя и не пустят тебя в землю свою». «Говорил же про то, — добавляет от себя летописец, — ибо видел землю Русскую гибнущую от нечестивого. Батый же послушал совет Дмитров [и] пошёл на угров»³⁰.

Резон в словах киевского воеводы определённо имелся. Венгерское королевство действительно считалось сильным в военном отношении. Правда, в последние годы, при короле Беле IV, военный потенциал Венгрии значительно ослаб, страну раздирали внутренние противоречия. И всё же думать, будто Батый напал на Венгрию лишь по подсказке

русского воеводы, конечно же наивно. Так могло казаться разве что самому Дмитру и его русским собеседникам (в число которых, возможно, входил и автор Галицко-Волынской летописи). На самом же деле судьба Венгрии была предрешена задолго до того, как войска Батыя обрушились на Южную Русь.

Мы помним, что ещё в самом начале Западного похода великий хан обращался к королю Беле с требованием немедленно покориться ему, ставя в вину королю в особенности то, что тот держит под своим покровительством куманов, то есть половцев. Многочисленные послы Батыя также неоднократно угрожали королю самыми жестокими карами. Венгрия изначально была обозначена как одна из целей монгольского завоевания, так что избежать нападения на свою страну король едва ли был в силах. Находясь во враждебных отношениях с собственными магнатами, он сделал ставку на половцев — и, очевидно, просчитался, причём просчитался дважды: во-первых, словно бы нарочно продолжая раздражать татар, а во-вторых, обозлив собственных подданных и так и не получив полноценной армии для защиты своего государства. Ещё в 1237 году король с почестями принял половецкого хана Котяна, приведшего в Венгрию 40-тысячную орду своих соплеменников, и дал ему титул правителя куман («dominus Cumanorum»). Половцы были расселены в междуречье Дуная и Тисы и на восточных окраинах Венгрии. Однако такое скопление кочевников не пришлось по нраву ни простому населению, чьи пашни, огороды и пастбища пострадали в первую очередь, ни магнатам, которые увидели в Котяне и пришедших с ним половцах угрозу собственному положению. Как раз накануне вторжения Котян был обвинён в измене и сношениях с неприятелем (сделать это, учитывая огромное число половцев в составе монгольского войска, было, наверное, нетрудно) и убит. В отместку половцы начали жечь и разорять венгерские селения. Не пожелав далее служить королю, они ушли за Дунай, в соседнюю Болгарию³¹. Рассчитывать на них король уже не мог. Зато,

расправившись с половцами, он обеспечил себе поддержку магнатов, что было для него тогда важнее.

Побуждаемый своими советниками, король выступил к восточным границам государства, где осмотрел проходы в Карпатских горах, соединяющие его королевство с Галицкой и Волынской землёй (по другой версии, с этой миссией к перевалам был послан один из его приближённых, палатин Дионисий). Все горные проходы были тщательно укреплены: король «распорядился устроить длинные заграждения, вырубив мощные леса и завалив срубленными деревьями все места, которые казались легко проходимыми». Кроме того, ввиду чрезвычайной ситуации, нависшей над страной, был созван съезд князей, баронов и епископов Венгерского королевства для обсуждения дальнейших действий и собраны в одном месте «все лучшие силы венгерского войска». На помощь королю Беле прибыл с войсками и его младший брат и соправитель, король Хорватии и Далмации Коломан (Кальман). Светские и церковные магнаты «начали обдумывать общий план действий, потратив немало дней на рассуждения о том, как бы разумнее встретить приближавшихся татар, — свидетельствует хорватский хронист архидиакон Фома Сплитский. — Но так как разные люди имели разные мнения, то они и не пожелали прийти к какому-либо единодушному решению»³².

По словам архидиакона Фомы, именно во время этого съезда знати и было получено известие о вторжении татар в Венгерское королевство. В действительности же татары и здесь предпочитали не спешить. Венгрия отнюдь не являлась единственной целью их экспансии в Центральной Европе. Просто в отличие от большинства других европейских народов венгры были хорошо известны в Монголии. Бывшие кочевники, некогда пришедшие на Дунай с Урала, они давно осели на землю, приняли христианство и сделались неотъемлемой частью латинского мира. Но занимаемые ими земли представляли собой западную оконечность сплошной степной зоны Евразии, а потому неизменно привлекали к себе обитателей степей — начиная по крайней мере с вождя гуннов Аттилы. В этом отношении

Венгрия не могла не привлекать и Батыя — прежде всего как удобная база для дальнейших действий его конницы в Европе³³. Ибо целью его похода — напомним ещё раз — изначально признавались все те земли, «куда доходили копыта» коней его войска, то есть фактически весь мир.

Удар по Венгрии монголы нанесли не сразу. Охват противника с флангов, перекрытие возможных путей отступления, недопущение соединения изначально разобщённых сил противника — всё это считают особенностями тактики монголов, и всё это в полной мере проявилось во время вторжения монгольского войска в страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Широким бреднем, облавой проходя земли Западной Руси, силы Батыя рассредоточились на огромном пространстве, а затем соединились в несколько больших армий, которые и должны были нанести удары не только по самой Венгрии, но и севернее и южнее её, соответственно — по Польше (а затем Чехии и Моравии) и Трансильвании (Молдавии). Сам Батый командовал главной, центральной армией татар, нацеленной на Венгрию. Однако, как и в других случаях, он предпочитал выжидательную тактику. По словам венгерского хрониста Рогерия, современника событий, татары, «полностью опустошив Русь и Куманию (землю половцев. — А. К.), отступив, отошли от границ Венгрии на 4 или 5 дневных переходов, с тем чтобы при возвращении в эти места найти здесь продовольствие для лошадей и для себя и чтобы до венгров не дошли тревожные слухи»³⁴. Первыми, раньше Батыя, должны были начать боевые действия войска правого крыла монголов, которыми командовали сын Чагатая Байдар (проявивший себя в этой кампании выдающимся полководцем) и старший брат Батыя Орда. Им предстояло действовать в Польше — стране, которая и стала первой жертвой татарского вторжения в Центральную Европу. Левым же крылом монгольского войска предводительствовали сын Угедея Кадан, внук Чагатая Бури и действовавший ещё южнее сын Тулуя Бучек. Они должны были выступить позднее, одновременно с Батыем.

Вторжение в Польшу началось в январе — феврале 1241 года, то есть тогда, когда основные силы татар всё ещё разоряли города и земли Галицко-Волынской земли³⁵. В январе первыми из польских городов были захвачены и сожжены Люблин и Завихвост; следующий удар, в феврале, был обращён к Сандомиру, важнейшему центру на Висле, немного выше впадения в неё реки Сан. 13 февраля, в день Пепла (соответствующий среде первой недели Великого поста), город пал. Татары «опустошили и город, и Сандомирскую землю, не пощадив ни пола, ни возраста», — свидетельствует польский хронист³⁶. Известно, что битва за Сандомир была ожесточённой с обеих сторон, а в самом городе был убит один из татарских князей. Переправившись через Вислицу (приток Вислы), татары устремились к Кракову, главному городу так называемой Малой Польши, подвергая всё на своём пути жестокому опустошению. Войска краковского воеводы Владимира (Влодзимежа) и сандомирского Пакослава пытались остановить их у Хмельника, но были разбиты; впрочем, в ходе боёв погибло и немало татар из войска царевича Орды («...многие были приведены в замешательство и пали в битве в самом начале этой земли от рук поляков из княжеств Краковского и Сандомирского», — сообщал позднее польский монах-францисканец Бенедикт, один из спутников известного нам Плано Карпини³⁷). Краковский и сандомирский князь Болеслав, прозванный Стыдливым, бежал вместе с семьёй в Венгрию. 22 марта был взят и разорён Краков^[15]. Татары сожгли краковский собор Пресвятой Девы Марии и увели в плен «бесчисленное множество жителей». В память об этом страшном событии осталась красивая легенда о краковском трубаче, первым заметившем неприятелей с башни краковского собора. Он заиграл сигнал тревоги, но был сражён вражеской стрелой, пронзившей ему горло. Этот старинный, внезапно обрывающийся сигнал (так называемый *хейнал*) и поныне звучит каждый час с башни Мариацкого собора в Кракове, а в 12 часов ежедневно разносится на всю страну по польскому радио как сигнал

точного времени. «Таким образом, упомянутая часть татарского войска, опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, дошла до Силезии», — свидетельствует польский хронист, автор так называемой «Великопольской хроники» (XIII или XIV век).

Генрих II Благочестивый, князь Силезский, а также Великопольский и Краковский (1238–1241), считался в то время сильнейшим из польских правителей. Он заблаговременно начал собирать вокруг себя многочисленное войско, которое было разделено им на несколько отрядов³⁸. Первый составляли рыцари-крестоносцы (в том числе тамплиеры), а также «разговаривающие на разных языках добровольцы, собранные меж разных народов», и приданные им в помощь шахтёры-золотокопатели из города Злата Гора под общим командованием двоюродного брата Генриха князя Болеслава Щепёлки, сына бывшего моравского маркграфа Дипольда; второй — краковские и великопольские рыцари во главе с братом погибшего краковского воеводы Владимира Сулиславом; третий — рыцари из Ополя (Верхней Силезии) во главе с князем Мечиславом (Мешко); четвёртый — прусские рыцари, возглавляемые великим магистром Поппо. Кроме того, в распоряжении Генриха находились «силезские и вроцлавские оруженосцы, лучшие и знатнейшие рыцари из Великой Польши и Силезии и к тому же некоторое число других, нанятых за жалованье. Столько же было отрядов татарских, — повествует польский историк XV века Ян Длугош (пользовавшийся в том числе и не дошедшими до нашего времени польскими хрониками), — но значительно бóльших по численности, лучших по вооружению и военному опыту. И каждый из тех отрядов сам, в отдельности, превышал всё войско поляков». Генрих обратился за помощью и к королю Чехии Вацлаву, но тот на соединение с ним прийти не успел, опоздав к началу решающей битвы всего на один день. Оборонять свою столицу Вроцлав (по-немецки — Бреслав) Генрих не решился, и этот «прекраснейший», по выражению современника, город тоже был разрушен татарами³⁹. Войско

было отведено к городу Легнице. Здесь, близ города, на поле, которое, по иронии судьбы, называлось Добрым, произошло сражение, ставшее одним из самых трагических в истории Польши. Случилось оно 9 апреля 1241 года.

Как и во всех других военных кампаниях, монгольское войско по мере продвижения на запад усиливалось за счёт отрядов из покорённых стран. Известно, например, что в Польше воевали отряды мордвы — мокшан. По сведениям западных источников, их предводитель (может быть, Пуреш?) «и бóльшая часть их были убиты в Польше», когда «татары повели их на войну с поляками», причём многие из мокшан «поддерживали поляков и алеманнов (немцев. — А. К.), надеясь таким образом освободиться с их помощью от татарского рабства»⁴⁰. (Многочисленные отряды из мордовских племён участвовали и в походе Батыя на Венгрию.) Располагаем мы сведениями и о том, что в битве при Легнице на стороне татар участвовали русские. Судя по свидетельству Яна Длугоша, именно они внесли сумятицу в ряды польского войска, начав по-славянски кричать: «Бегите! Бегите!» Опольский князь Мешко, «уверенный, что это крик не врага, а друга, который подаёт правдивый, а не обманный, знак, бросил битву и бежал, увлекая за собой большое число воинов, особенно тех, кто был подчинён ему в третьем отряде». Начавшаяся паника стала полной неожиданностью для Генриха. К тому времени татарскими лучниками был почти полностью истреблён и первый отряд его войска, состоявший из крестоносцев и иноземных рыцарей; в бою погибли его двоюродный брат Болеслав и многие из сражавшихся рядом рыцарей-тамплиеров^[16]. Тем не менее исход битвы всё ещё оставался неясным, на отдельных участках воины Генриха теснили татар. Правда, их отступление могло быть и уловкой, излюбленной хитростью: притворно отступая, татары заманивали противника в ловушку, а затем окружали и истребляли его. По версии Длугоша, перелом в битве наступил позднее — после того, как татары применили доселе невиданное оружие, о существовании которого в Европе в то время даже не подозревали и которое за оружие даже не

признали. Длугош объяснял всё неким «чародейством» татар: «Была в татарском войске среди иных хоругвей одна гигантская, на которой виднелся такой знак: Х. На древке же той хоругви было подобие отвратительной чёрной головы с подбородком, укрытым порослью. Когда татары отступили и склонялись уже к побегу (повторимся: обычная тактика татар в полевом сражении. — А. К.), знаменосец при том штандарте как можно сильнее потрясал той головой, торчащей высоко на древке. Изошли из неё тот час же и разошлись над всем польским войском пар, дым и туман с такой сильной вонью, что в силу ужасного и несносного смрада сражающиеся поляки едва ли не сомлели и, став едва живыми, оказались неспособны к битве... И вот татарское войско, полагая, что уже почти победивших поляков (по версии Длугоша, Генрих вот-вот должен был одержать победу. — А. К.) под воздействием дыма, тумана и смрада охватили великий страх и словно бы какое-то одеревенение, подымает ужасный крик, обращается против поляков и разбивает их ряды, которые до того были сомкнуты... и обращены оставшиеся поляки в бегство»⁴².

Как считают, в этом не вполне ясном рассказе польского историка может идти речь об использовании татарами боевых отравляющих газов (которые, если так, впервые были применены в Европе не под Ипром в 1915 году, а на 675 лет раньше!). Почти наверняка в составе войска Байдара и Орды находились китайские инженеры. В Китае же боевые газы использовали с глубокой древности: например, дым из горчичных и других отравляющих семян закачивали мехами в рвы, окружавшие вражеские города. После открытия пороха в XI веке китайцы научились смешивать его с различными ядами; поместив такую смесь в бамбуковую трубку, получали отравляющую бомбу¹³. На полях сражений китайцы использовали отравляющие газы также с помощью бумажных змеев, направляя их при попутном ветре в сторону врага, — пожалуй, это более всего подходит к описанию «отвратительной чёрной головы» на высоком древке у Яна Длугоша.

Так или иначе, с помощью ли «химического оружия» или без оно, но польское войско было наголову разбито и почти полностью истреблено. Рассказывали, что татары, желая подсчитать количество убитых ими врагов, приказали отрезать у каждого одно ухо и так наполнили доверху девять больших мешков. Европейские хронисты по-разному определяли число погибших в этом сражении: одни называли цифру в 10 тысяч человек, другие — в 40 тысяч⁴⁴. Что же касается судьбы князя Генриха, убитого под Легницей, то она также по-разному описывается в источниках. Ян Длугош, сохранивший наиболее яркий рассказ о битве, подробно повествует о том, как мужественно сражался Генрих с врагами; окружённый со всех сторон, он продолжал отбиваться, но внезапно был поражён копьём под мышку и, смертельно раненный, упал с коня. «Татары, громко крича и подняв невыносимый шум, хватают его и вытаскивают из битвы на расстояние двух выстрелов из самострела, отрубая мечом голову и, сорвав все знаки отличия и одежды, бросают голое тело». Об отрубленной (или отрезанной) голове князя сообщают и другие хронисты (например, автор продолжения Кёльнской хроники: «...голову герцога враги отрезали и увезли с собой»). Однако современник событий, францисканец Бенедикт Поляк, по-другому излагает обстоятельства пленения и гибели Генриха Благочестивого: как рассказывали ему сами татары, «в тот момент, когда... они уже хотели бежать (всё тот же мотив близкой победы польского войска. — А. К.), неожиданно клинообразно сомкнутые ряды христиан вдруг обратились в бегство. Тогда, схватив князя Генриха, тартары раздели его полностью и заставили преклонить колена перед мёртвым [татарским] князем, который был убит в Сандомире. Затем голову Генриха, словно овечью, послали через Моравию в Венгрию к Батью и затем бросили её среди других голов убитых»⁴⁵.

Эта картина выглядит не столь героической, как описание Яна Длугоша. Что здесь правда, а что нет, сказать трудно, тем более что сам Бенедикт в битве не участвовал и

получал информацию из вторых рук. Но мы уже говорили об обычае татар отрезать головы тем из своих врагов, кого они обвиняли в каких-либо преступлениях. Как и в случае с суздальским князем Юрием и другими, это свидетельствует в пользу того, что Генрих попал в плен и был не просто убит татарами, а подвергнут унижительной казни. Его голова, как и головы других поверженных врагов (и отрезанные уши простых воинов), была отослана Батыю — предводителю всего похода — в подтверждение полного завоевания Польской земли.

Но пока голова несчастного Генриха оставалась в Польше, татары постарались использовать её для устрашения врага. Насадив голову на копье, они подступили к Легницкому замку (сам город был сожжён поляками из страха перед завоевателями) и потребовали открыть ворота. Однако жители Легницы устояли. Позднейшие хроники передают их гордый ответ татарам, смысл которого сводился к тому, что вместо одного погибшего князя у них осталось много княжат, сынов славного Генриха. Не задерживаясь у Легницы, татары опустошили и спалили окрестности города и двинулись к Отмухову, а затем к Рацибужу (на Одере), но и этот город им взять не удалось. Не удалось им прорваться и в Чехию: войска короля Вацлава сумели отразить нападение татар (вероятно, одного из их многочисленных отрядов) и даже нанесли им поражение⁴⁶. К этому времени Байдар и Орда, очевидно, получили приказ Батыя двигаться на соединение с ним в Венгрию. 16 апреля они отошли от Рацибужа и направились в Моравию. Продвижение татар было стремительным, они нигде не задерживались и не осаждали крепостей. «Пройдя Польшу, этот народ напал на Моравию, — свидетельствует автор Кёльнской хроники, — и, о чём невероятно слышать, за один день и одну ночь преодолел расстояние четырёх дней пути, переправившись при этом через бурные реки. Они разорили всю Моравию, за исключением крепостей и укрепленных поселений. При этом набеге они затронули границы Мейсенского епископства, лишив жизни очень многих людей»⁴⁷. Мейсен — город в Саксонии, на Эльбе, центр

епископства, подчинённого Магдебургскому архиепископу. Именно этот город, а точнее, принадлежавшие ему земли, и стал крайней западной точкой продвижения татар. Из Моравии войска Байдара и Орды ушли в Венгрию, где и соединились с армиями Батыя, давно и успешно разорявшими эту страну.

Вторжение армий Батыя в Венгрию началось в марте 1241 года⁴⁸. Татары легко преодолели так называемые Русские ворота — Верецкий перевал в Карпатах, разделявший Венгрию и Русь. «У них было сорок тысяч воинов, вооружённых секирами, которые шли впереди войска, валя лес, прокладывая дороги и устраняя с пути все препятствия, — рассказывает архидиакон Фома Сплитский. — Поэтому они преодолели завалы, сооружённые по приказу короля, с такой лёгкостью, как если бы они были возведены не из груды мощных елей и дубов, а сложены из тонких соломинок; в короткое время они были раскиданы и сожжены, так что пройти их не представляло никакого труда. Когда же они встретились с первыми жителями страны, то поначалу не выказали всей своей свирепой жестокости и, разъезжая по деревням и забирая добычу, не устраивали больших избиений».

Но то было лишь начало. Татарские войска наступали на Венгрию с нескольких направлений. Сын Угедая Кадан (особо проявивший себя в ходе этой кампании) и внук Чагадая Бури⁴⁹ двигались из Галиции, южнее основных сил Батыя. Пройдя в течение трёх дней лесами «между Русью и Куманией», они в конце марта захватили королевскую резиденцию Родну, населённую главным образом немцами-рудокопами, добывавшими здесь серебро, причём 600 немцев во главе с графом Аристалдом, «более искусные, нежели другие воины», присоединились к их войску (впоследствии они будут переселены Бури в город Талас, ныне Джамбул, в Казахстане). Двигаясь дальше через ущелья и стремнины, татары неожиданно подступили к крупному епископскому городу Вараду (ныне Орадя, в Румынии). Дяконом здесь служил итальянец Рогерий,

впоследствии архиепископ Сплитский и Салонский, автор «Жалобной песни» о разорении Венгерской земли — одного из основных источников по истории венгерской войны. «Татары... быстро овладев городом и спалив бóльшую его часть, в конце концов ничего не оставили вне стен крепости и, захватив добычу, убивали молодых и старых мужчин и женщин на площадях, в домах и в полях, — писал Рогерий (сам он тогда спрятался от татар в лесу, но впоследствии всё-таки попал к ним в плен). — ...Совершив всё это, татары неожиданно отошли, забрав с собой всю добычу»^[17]. Другой монгольский полководец, Бахату, переправился через реку Серет ещё южнее, в Молдавии; «одолев людей, собравшихся для битвы, татары начали полностью занимать эту землю»⁵⁰. Что же касается самого Батыя, то он, как уже было сказано, действовал на центральном направлении. «Главный господин Бату, после того как он перешёл ворота (Верецкий перевал. — А. К), начал сжигать деревни, и меч его не щадил ни пола, ни возраста».

Как всегда, в составе татарских армий действовали отряды из покорённых ранее земель. Современники, с ужасом описывая происходящее, называли прежде всего куманов — половцев, а также другие соседние народы. Татары, «объединившись с кровожадным народом команов, со страшной жестокостью разорили страну», — сообщал автор Кёльнской хроники; «бóльшая часть этого гнусного народа с войском, состоящим из всех, к нему примкнувших, опустошают Венгрию с неслыханной жестокостью», — писал своему тестю, герцогу Брабантскому, граф Генрих Тюрингский⁵¹. Особой свирепостью отличались отряды мордвы, действовавшие (как и в Польше) в авангарде монгольских войск. «Впереди них идут некие племена, именуемые морданами, и они уничтожают всех людей без разбора, — доносил некий венгерский епископ парижскому епископу Вильгельму (Гильому) III. — Ни один из них не осмеливается надеть обувь на ноги свои, пока не убьёт человека... Без колебания они разорили все земли и разрушили всё, что ни попадалось...»⁵² «...Численность их день ото дня возрастает, — сообщал о татарах некий брат-

францисканец из Кёльна, — ...мирных людей, которых побеждают и подчиняют себе как союзников, а именно великое множество язычников, еретиков и лжехристиан, [они] превращают в своих воинов»⁵³. Под «еретиками» и «лжехристианами» латинские авторы-монахи могли иметь в виду и христиан греческого обряда, то есть православных, прежде всего, вероятно, аланов и русских. Впрочем, об участии русских отрядов в войне в Венгрии мы можем говорить вполне определённо. Собственно, и Галицко-Волынская летопись недвусмысленно даёт понять, что поход в эту страну состоялся не без участия русских воевод (вспомним киевского тысяцкого Дмитра). «Рутенов» (русских) упоминает в составе монгольского войска и хорватский хронист Фома Сплитский, современник и очевидец нашествия татар: один из этих «рутенов» перебежал к венграм накануне решающей битвы⁵⁴.

Уже в начале апреля силы монголов были готовы соединиться. Их передовые отряды, как это случалось во всех кампаниях, действовали против главных сил противника, сосредоточенных в то время у города Пешта (части нынешнего Будапешта, столицы Венгрии). Татары «выслали вперёд конный отряд, который, приблизившись к лагерю венгров и дразня их частыми вылазками, подстрекал к бою, желая испытать, хватит ли у венгров духа драться с ними», — писал Фома Сплитский⁵⁵. Король Бела, считая, что численно его войска превосходят врага, отдал приказ выдвинуться вперёд. Как и следовало ожидать, татары немедленно отступили; венгры начали преследование и вскоре достигли реки Шайо (или Соло; русские летописцы называли её рекой Солоной), правого притока Тисы, где встретились с основными силами татар. Те расположились на противоположном берегу реки, но так, что «венграм они были видны не полностью, а только частью». Венгры всё же сильно опасались их. «Видя, что вражеские отряды ушли за реку, — продолжает Фома, — [они] встали лагерем перед рекой... Король распорядился поставить палатки не далеко друг от друга, но как можно теснее. Расставив таким образом повозки и щиты по кругу наподобие лагерных

укреплений, все они разместились словно в очень тесном загоне, как бы прикрывая себя со всех сторон повозками и щитами. И палатки оказались нагромождены, а их верёвки были настолько переплетены и перевиты, что совершенно опутали всю дорогу, так что передвигаться по лагерю стало невозможно, и все они были как будто связаны. Венгры полагали, что находятся в укрепленном месте, однако оно явилось главной причиной их поражения».

Здесь, на берегу Шайо, у местечка Мохи, и произошла битва, решившая судьбу Венгрии. Состоялась она 11 апреля 1241 года — всего через два дня после столь же судьбоносной битвы при Легнице, в которой были разбиты силы польского князя Генриха. Согласованность действий отдельных монгольских отрядов поражает! Всего за три дня они разбили армии сильнейших правителей Центральной Европы и покорили два могучих и прежде процветавших государства!

Битва при Шайо отличалась крайней ожесточённостью, и успех отнюдь не сразу пришёл на сторону монголов. В битве принимали участие все главные предводители монгольского войска, находившиеся тогда в Венгрии, — сам Батый, его первые полководцы Субедей и Буралдай, царевичи Кадан, Шибан и другие. Для нас же сражение при Шайо представляет особый интерес, поскольку именно тогда — единственный раз за время всего Западного похода! — в источниках нашли отражение и личное участие Батыя в военных действиях, и его роль в достижении победы. Исследователям, восстанавливающим ход сражения, вообще повезло. Подробный рассказ о нём сохранился в различных и совершенно не связанных между собой источниках — как западных, латинских, так и восточных — персидских и китайских. Рассказы эти хорошо дополняют друг друга, позволяя увидеть ключевые моменты битвы глазами как самих венгров, так и их противников татар. (Это тоже единственный в своём роде случай в истории Западного похода.) Причём в описании многих деталей источники единодушны: все они сходятся в том, что первоначально перевес сил оказался на стороне короля

Белы; что ключевым моментом битвы стало сражение за мост через реку; что, наконец, личное вмешательство в события Батыя существенно повлияло на их ход. Однако общая картина происходившего восстанавливается с трудом — и только благодаря скрупулёзному сличению источников, их «наложению» друг на друга. Особенно трудно поддаются истолкованию действия Батыя. Поговорим о них более подробно, тем более что возможность взглянуть на него непосредственно в боевой обстановке предоставляется нам в первый и последний раз.

По свидетельству архидиакона Фомы Сплитского, накануне сражения Батый, «старший предводитель татарского войска», «взобравшись на холм, внимательно осмотрел расположение войска венгров». Эта рекогносцировка и предопределила исход сражения. Вернувшись к войску, Батый произнёс вдохновенную речь, причём коснулся в ней численного превосходства венгров, очевидно, смущавшего его воинов.

— Друзья мои, — так передаёт речь Батыя сплитский хронист, — мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря, заперты словно в тесном загоне.

Сказав это, Батый «приказал всем своим отрядам, построенным в их обычном порядке, в ту же ночь атаковать мост, соединявший берега реки и находившийся недалеко от лагеря венгров».

Насколько достоверно это свидетельство? Отвечая на данный вопрос, надо учесть, что тема «беспечности» и «бестолковости» правителей Венгерской земли — ключевая в сочинении архидиакона Фомы, не устающего обличать в бездеятельности и разобщённости венгерских баронов и самого короля Белу. А потому и речь, вложенная им в уста предводителю татарского войска, очевидно, принадлежит самому сплитскому хронисту; во всяком случае, её содержание полностью соответствует его взгляду на происходящее. Однако о речи Батыя перед сражением (или

даже во время сражения) сообщает и другой современник событий — монах-францисканец Джиованни дель Плано Карпини. Последний полагал, что если бы венгры не дрогнули в решающий момент и «мужественно воспротивились» татарам, те «вышли бы из их пределов, так как татары возымели такой страх, что все пытались сбежать». Остановил их Бату, который, «обнажив меч пред лицом их, воспротивился им». Речь Бату Плано Карпини передаёт в таких весьма выпененных и не вполне ясных выражениях:

— Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнёт, и если мы должны умереть, то лучше умрём все, так как сбудется то, что предсказал Чингисхан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим.

«И таким образом они воодушевились, остались и разорили Венгрию»⁵⁶.

Других подробностей битвы Плано Карпини не приводит. А вот его спутник, участник того же посольства Бенедикт Поляк, напротив, сообщает о сражении при Шайо много любопытного, причём такого, что находит соответствие в источниках, происходящих из лагеря самих татар. Ссылаясь на их рассказы, Бенедикт тоже пишет, что Бату, уже после того как татары побежали от венгров, «обнажил меч и принудил их вернуться к битве»⁵⁷. Правда, ни о какой речи Батыя здесь нет ни слова.

Версия Плано Карпини вызывает ещё большее недоумение, нежели рассказ Фомы Сплитского. Слова, приписанные им Батыю, кажутся совершенно невыносимыми. В самом деле, говорить о неизбежной гибели монголов (и сильно надеяться на это!) могли европейцы, но никак не предводитель монгольского войска. Упомянутое мнимое предсказание Чингисхана, суть которого Плано Карпини раскрывает чуть выше («...они (монголы. — А. К.) должны подчинить себе всю землю... пока не настанет время их умерщвления: именно, они сражались сорок два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лет. После этого, как говорят, они должны быть побеждены

другим народом, каким, однако, не знают, как им было предсказано»⁵⁸), основано на расчётах предполагаемого времени царствования Антихриста и тех апокалиптических народов, чьё нашествие должно предвещать его появление; расчёты же эти извлекались христианскими писателями из трудов Отцов Церкви — как подлинных, так и апокрифических, написанных от их имени позднее. Ясно, что основанные на подобных расчётах мифические предсказания гибели монгольского царства у самих монголов возникнуть никак не могли. Да и вообще вся эта сцена, выписанная в традициях рыцарской саги, с пламенными речами (отечественный читатель наверняка вспомнит знаменитое: «Мёртвые сраму не имут...» русского князя Святослава), совершенно не вяжется с обычаями монголов, для которых отступление — военный приём, заслуживающий одобрения, а отнюдь не порицания. Полное непонимание противника, логики его действий заставляло европейских хронистов зачастую описывать то, чего не было на самом деле. Так и здесь: действия Батыя получили истолкование, совершенно не соответствующее реальности. Но что-то всё-таки стояло за его «речами», обращёнными к воинам? И на самом ли деле в какой-то момент исход сражения мог показаться неясным и у монголов возникла мысль об отступлении или даже бегстве?

Картину отчасти проясняют персидские авторы, состоявшие на службе у монголов, в частности Джувейни и Рашид ад-Дин. Они сообщают следующее. Вознамерившись истребить «келаров и башгирдов», то есть венгров-христиан, Бату собрал значительное войско. Но и войско противника было чрезвычайно велико (Джувейни, а вслед за ним и другие авторы называют совершенно фантастические цифры в 400 или даже 450 тысяч всадников). В авангарде своего войска, «для разведки и дозора», Бату отправил младшего брата Шибана (по версии Джувейни, с 10-тысячным отрядом). Спустя неделю Шибан возвратился и сообщил брату о том, что врагов вдвое больше, чем монголов, «и все народ храбрый и воинственный». Вот тогда-то, вероятно, и произошла сцена, описанная, но не

понятая европейскими хронистами. После того как «войска близко подошли друг к другу», продолжает Джувейни, Бату «взобрался на холм и целые сутки ни с кем не говорил ни слова, а горячо молился и громко плакал. Мусульманам (напомню, что это пишет мусульманский автор. — А. К.) он также приказал всем собраться и помолиться. На другой день приготовились к битве. Между ними находилась большая река...»⁵⁹ Рашид ад-Дин, повторивший рассказ Джувейни, добавляет, что Бату поступал так «по обычаю Чингисхана»⁶⁰. Несколько расцвечивает картину младший современник Рашид ад-Дина Вассаф, но ничего нового по существу он не сообщает; более того, в его изложении язычник Бату выглядит чуть ли не правоверным мусульманином: «взошедши на вершину холма», он «смирненно и немощно молился Всевышнему, единственному подателю благ, бодрствовал всю ночь с сердцем, пламеневшим, как светильник, и с душою, веявшею, как утренняя прохлада, провёл ночь до наступления дня»⁶¹.

Итак, дело было не в разработке плана предстоящего сражения и даже не в банальном подбадривании своих воинов накануне или во время схватки. Действия Бату носили отчётливо выраженный ритуальный характер. Но и мусульманские авторы не вполне верно истолковали их. Очевидно, священнодействуя на вершине холма, Бату стремился добиться благосклонности небесных сил — того самого «Вечного Неба», силою и благословением которого монголы объясняли все свои победы. При этом надо учесть, что Бату возносил свои молитвы в одну из особо тёмных ночей, почти в новолуние (в тот месяц оно пришлось на следующую ночь, 12 апреля), — а это время особо отмечалось монголами. Важные дела «они начинают в начале луны или в полнолуние», писал Плано Карпини, а потому они «именуют [луну] великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся»⁶².

Как известно, Чингисхан и его потомки по мужской линии вели своё происхождение непосредственно от самого Неба (ибо один из предков Чингисхана, Бодончар, был рождён матерью, Алан-Гоа, когда та была безмужней, — по

её собственным словам, от некоего небесного света, проникшего в её лоно; история эта была канонизирована монголами и включена в их священную хронику — «Сокровенное сказание»⁶³). Как и правители других кочевых сообществ, Чингисиды воспринимали себя посредниками между божественным Небом и собственными подданными, верили в свою способность обеспечивать небесное покровительство и благоденствие народу (современные исследователи переводят средневековый монгольский термин «*suu jali*», которым обозначали такую сверхъестественную способность, словом «*харизма*»)⁶⁴. Эти качества Батый, очевидно, и демонстрировал в ночь перед битвой, вдохновляя воинов на победу. При этом он следовал обычаю своего деда Чингисхана, который нередко накануне важных битв поступал так же, — свидетельство на сей счёт Рашид ад-Дина представляется ключевым для понимания сути происходящего. Уместно отметить, что эпизод при Шайо — кажется, единственное описание подобного ритуала в истории монгольских завоеваний. И то, что он связан именно с Бату, наверное, не случайно. Предводитель Западного похода сумел проявить себя не просто как полководец, но как носитель сакральных свойств, той самой *харизмы власти*, которая способна была обеспечить победу его войску. А это качество, в глазах самих монголов, было куда более значимым, нежели простое умение верно руководить войсками, тем более что в талантливых и энергичных военачальниках Бату не испытывал недостатка. Современные исследователи полагают даже, что обладание подобными сакральными качествами, подобной *харизмой* изначально способствовало выдвигению Бату из числа прочих царевичей, и в частности его первенству среди Джучидов⁶⁵.

Любопытно, что ещё один современник, западноевропейский писатель середины XIII века монах-доминиканец Винсент из Бове, автор «Исторического зеркала», также сообщал о каких-то молитвенных действиях Батыя во время его вторжения в Венгрию, но истолковывал их, естественно, в совершенно ином,

эсхатологическом ключе. Батый, по его словам, «принёс жертву демонам, спрашивая их о том, хватит ли у него смелости пройти по этой земле. И демон, живущий внутри идола, дал такой ответ: “Иди беззаботно, ибо посылаю трёх духов впереди деяний твоих, благодаря действиям которых противники твои противостоять тебе будут не в силах”, — что и произошло. Духи же эти суть: дух раздора, дух недоверия и дух страха — это три нечистых духа, подобных жабам, о которых сказано в Апокалипсисе»⁶⁶. (Ср. в описании «последних времён» в Откровении Иоанна Богослова: «И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трёх духов нечистых, подобных жабам: это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя»; Откр. 16: 13-14.)

Но это лишь одна сторона дела. Роль Батыя нельзя сводить только к ритуальным действиям накануне битвы. Судя по свидетельствам источников, он непосредственно руководил (или по крайней мере пытался руководить) своими войсками — и это, повторюсь ещё раз, единственный случай такого рода во всей его биографии, как она представлена в дошедших до нас письменных источниках. Но вот действия Батыя *как полководца* получили в источниках далеко не однозначную оценку. Как выясняется, именно в них кроются причины тех неудач, которые едва не привели к поражению монголов в битве при Шайо.

По сообщению Фомы Сплитского, венгров предупредил о планах татар некий перебежчик из русских. Узнав о предстоящем нападении, брат короля Белы Коломан и епископ Калочский Хугрин со своими отрядами подступили к мосту через Шайо. Оказалось, что часть татар уже начала переправу через реку; завязалась схватка. Венгры стремительным ударом опрокинули противника, «очень многих положили, а других, прорывавшихся назад к мосту, сбросили в реку». Важную подробность сообщает монах-францисканец Бенедикт Поляк: Коломан «в первой же схватке собственноручно сбросил главного вождя тартар с

моста над этой рекой вместе с лошадью и оружием в бездну смерти». Факт этот подтверждается восточными источниками, из которых мы узнаём имя погибшего монгольского вождя, — им был воевода Батыя Бахату, возглавлявший одну из колонн монгольского войска при вторжении в Венгрию (подробнее об обстоятельствах его гибели речь пойдёт далее)^[18]. Коломан «выдержал их второй и третий натиск, — продолжает Бенедикт, — и сражался до тех пор, пока тартары не обратились в бегство».

Успех на первом этапе сражения остался за венграми — это подтверждают все источники. Но что же случилось дальше? Фома Сплитский даёт такую версию событий. После того как отряд Коломана и Хугрина отошёл от моста, татары подтянули сюда семь осадных орудий и, бросая огромные камни и пуская стрелы, отогнали оставленную венграми стражу. Так им удалось беспрепятственно переправиться через реку, после чего они устремились к лагерю венгров, которые не ожидали нападения и в большинстве своём вели себя весьма беспечно (это, напомню, излюбленная тема сплитского хрониста). Иначе излагает дело поляк Бенедикт: по его сведениям, исход сражения решил обходной манёвр, который предпринял Батый. Предводитель монголов «послал войско через реку в верхнем её течении на расстояние одного или двух дней пути, чтобы они неожиданно с тыла напали на сражающихся на мосту противников... Вследствие этого исход дела принял неожиданный оборот. И после того как венгры пренебрегли предупреждением короля Коломана, тартары перешли через мост». Об обходном манёвре монгольских войск сообщают и источники восточного происхождения; правда, не вполне ясно, ниже или выше по течению реки он имел место.

В дальнейшем сражение развернулось у самого лагеря венгров. Это имело для них роковые последствия. «Многочисленное татарское полчище словно в хороводе окружило весь лагерь венгров, — рассказывает Фома Сплитский. — Одни, натянув луки, стали со всех сторон

пускать стрелы, другие спешили поджечь лагерь по кругу. А венгры, видя, что они отовсюду окружены вражескими отрядами, лишились рассудка и благоразумия и уже совершенно не понимали ни как развернуть свои порядки, ни как поднять всех на сражение, но, оглушённые столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасения от волчьих зубов». Объятые ужасом, они устремились к бегству — но тут натолкнулись «на другое зло, ими же устроенное и близко им знакомое. Так как подступы к лагерю из-за перепутавшихся верёвок и нагромождённых палаток оказались весьма рискованно перекрыты, то при поспешном бегстве одни напирали на других, и потери от давки, устроенной своими же руками, казалось, были не меньше тех, которые учинили враги своими стрелами». В этой ситуации татары прибегли к ещё одному приёму, который часто использовали: они «как бы открыли им некий проход и позволили выйти. Но не нападали на них, а следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда ни сюда». И когда татары увидели, что отступающие в беспорядке венгры «уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копьями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех...». Жалкие остатки венгерского войска были прижаты к какому-то болоту, и те, кто избежал меча татар, утонули в трясине. В этом страшном побоище погибли епископы Хугрин Калочский, Матвей Эстергомский, Григорий Дьёрский, многие другие магнаты и без числа простых воинов^[19]. Отважный брат короля Коломан, тяжело раненный ещё в начале сражения, бежал к Пешту, а затем ушёл за реку Драву, в Хорватию (спустя немного времени он умер от полученных ран). Что же касается самого Белы IV, то он, с трудом избежав гибели или плена, нашёл убежище во владениях австрийского герцога Фридриха II Бабенберга, но тот попросту ограбил его, затребовав за помощь сумму в 10 тысяч марок, а затем, в залог этой суммы, отняв у него области на западе Венгрии. Из австрийских владений

король перебрался в Загреб, где оставался в течение всего лета и осени, а к зиме, опасаясь татар, бежал с семьёй на побережье Далмации и укрылся на одном из островов Адриатического моря.

Взгляд на происходящее с другой стороны представляют Джувейни и Рашид ад-Дин. По их версии, решающую роль в победе монголов сыграли, во-первых, настойчивость и решительность действовавших в авангарде отрядов Шибана и Буралдая, а во-вторых, всё тот же обходной манёвр Батыя, о котором мы уже говорили.

Той же ночью Бату «отправил одну часть войска в обход, — рассказывает Джувейни, — а войско самого Бату с этой стороны переправилось через реку. Шибакан, брат Бату, лично двинулся в самую середину боя и произвёл несколько атак сряду. Неприятельские войска, будучи сильными, не трогались с места, но то войско (отправленное в обход) обошло их сзади. Тогда Шибакан со всем своим войском разом ударил на них, бросился на ограды царских палаток, и они мечами разрубили канаты палаток (деталь, известная нам из рассказа Фомы Сплитского. — А. К.)^[20]. Когда они опрокинули ограды царских шатров, войско келаров (венгров. — А. К.) смутилось и обратилось в бегство; из этого войска никто не спасся... Это было одно из множества великих дел и ужасных побоищ». Рашид ад-Дин добавляет, что Бату вместе с эмиром Буралдаем (имя которого Джувейни не упоминает) сам переправился ночью через реку; Буралдай же предпринял «нападение всеми войсками сразу». Монголы «устремилась на шатёр келара (короля. — А. К.), который был их царём, и мечами перерубили верёвки. Вследствие падения шатра войско их (венгров. — А. К.) пало духом и обратилось в бегство. Как отважный лев, который кидается на добычу, монголы гнались за ними, нападали и убивали, так что уничтожили бóльшую часть того войска». (Впоследствии богато украшенный шатёр венгерского короля служил самому Батыю.) Ещё одна подробность, впрочем едва ли достоверная, содержится в «Книге побед» персидского писателя XV века Шереф ад-Дина Али Йезди. Последний

сообщает, что Бату «лично вступил в самое сражение и произвёл несколько нападений сряду»⁷⁰. Однако едва ли Йезди обладал какими-то уникальными источниками по истории венгерской войны, откуда мог извлечь эти сведения. Он пользовался сочинениями известных нам авторов (прежде всего «Сборником летописей» Рашид ад-Дина), а известие о личном участии Бату в схватке, скорее всего, домыслено им.

Что ж, картина получается впечатляющей и на первый взгляд вполне объективной. Мы могли бы ограничиться ею — если бы в нашем распоряжении не оказался ещё один источник, проливающий свет на сокрытые от посторонних глаз обстоятельства разгрома венгров. Оказывается, между главными полководцами монголов произошёл некий спор, даже конфликт, а действия Бату едва не привели к катастрофе. К счастью для монголов и к несчастью для их противников, в битве наряду с Батыем участвовал полководец, обладавший исключительным пониманием ситуации и подлинным военным гением.

О том, что осталось вне ведения латинских хронистов и персидских историков, рассказывается в «Жизнеописании Субедея», которое читается в китайской хронике «Юань-ши». По сведениям этого источника, Субедей находился в авангарде армии, воевавшей в Венгрии, «вместе с чжуванами (здесь; членами «Золотого рода». — А. К.) Бату, Хулагу (имя которого в связи с Западным походом в других источниках не упоминается. — А. К.), Шибаном и Каданом». Все эти полководцы продвигались «по отдельным пяти дорогам». Столкновение с основными силами короля Белы действительно вызвало замешательство среди предводителей монголов. «Войско короля исполнено силы, не сможем легко продвигаться», — говорили они. Тогда Субедей «выдвинул отличный план», суть которого сводилась к тому, чтобы заманить венгерское войско к реке (её название передано в китайском источнике как Хо-нин, но по смыслу речь, несомненно, идёт о реке Шайо). Именно Субедею, а не Бату принадлежала идея обходного манёвра; он и командовал войсками, которые были двинуты в тыл

противника. «Войска всех князей находились в верхнем течении, где мелководе и лошади могут перейти вброд, кроме того, посередине имелся мост, — разъясняет замысел Субедея автор его биографии в «Юань-ши». — В нижнем течении вода глубокая. Субедей хотел связать плоты для скрытной, подводной переправы, выводящей в обхват врага сзади». Непременным условием успеха, как всегда у монголов, должна была стать синхронность действий отдельных монгольских отрядов — и того, который наступал в лоб оборонявшим мост венгерским частям, и того, который заходил сзади и должен был переправляться через реку ниже по течению, там, где его меньше всего ожидали венгры. Однако на этот раз согласованных действий не получилось. Бату поспешил — может быть, по ошибке, недомыслию, а может — и намеренно, переоценив собственные силы и не желая делить лавры победителя со своим престарелым, но по-прежнему не знающим поражений наставником. Китайский источник прямо винит «чжувана» Бату в поспешных и непродуманных действиях, приведших к чрезмерным потерям среди наступавших, причём не только среди «покорённых народов», но и среди собственно монголов: «Не дождавсь переправы, чжуван первым перешёл вброд реку для сражения. Войско Бату стало бороться за мост, но, вместо того чтобы воспользоваться им, утонул каждый тридцатый из числа воинов; вместе с ними погиб его подчинённый полководец Бахату. Сразу после переправы чжуван, ввиду увеличивающегося войска врага, захотел потребовать возвращения Субедея, с запозданием рассчитывая на него. Субедей сказал так: “Ван желает вернуться — пусть сам возвращается. Пока я не дойду до города Пешт на реке Дунай (оба названия приведены в транскрипции, соответствующей венгерскому оригиналу. — А. К.) — не вернусь!” и помчался к городу. (Здесь китайский источник несколько опережает события: город Пешт был взят монголами уже после разгрома основных сил венгров при Шайо. —А. К.) Все князья тоже пошли к городу, вследствие чего вместе атаковали, захватили его и вернулись назад».

Когда победа была наконец одержана и отряды соединились, Бату предъявил претензии Субедею:

— Во время сражения у реки Хо-нин Субедей опоздал помочь, был убит мой Бахату.

Но Субедей отвёл выдвинутые против него обвинения, по существу уличив Бату в непонимании азбучных истин военной тактики монголов:

— Чжуван хотя знал, что в верхнем течении мелководье, всё равно завладел мостом, чтобы переправиться и сразиться, не узнав, что я в нижнем течении ещё не завершил связывание плотов. А сегодня знай себе говорит — я опоздал, и думает, что именно в этом причина.

Надо отдать должное Батыю: он сумел признать собственную неправоту. («Тогда Бату тоже уяснил, как было дело», — сообщает источник.) Позднее, на традиционном сборе царевичей и эмиров, когда все «пили кобылье молоко и виноградное вино», Батый подтвердил это: «Говоря про события во время похода на короля, Бату сказал так: “Всё, что захватили в то время, — это заслуга Субедея!”»⁷¹.

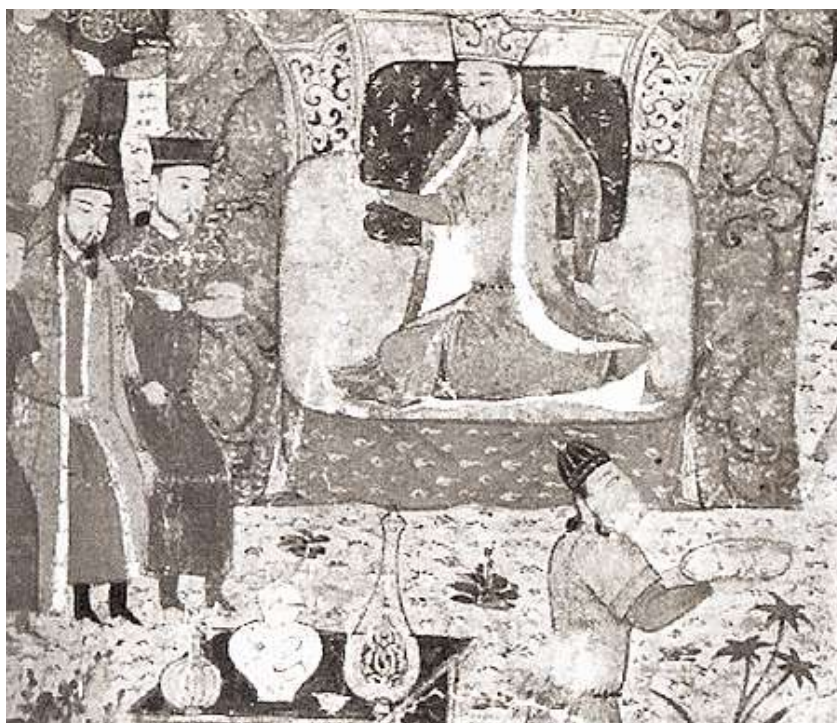
Стоит отметить, что впоследствии Батый всегда отдавал должное как самому Субедею, так и его сыну Урянхатаю, — и, в свою очередь, мог рассчитывать на их поддержку, в том числе и в весьма важных для себя деликатных делах, касавшихся его взаимоотношений с родственниками. Если он и отличался злопамятностью, то в той же степени обладал и способностью ценить людей за истинные заслуги. Эта черта характера — присущая только по-настоящему выдающимся политикам — неизменно приносила ему дивиденды, в чём мы ещё сможем убедиться.



Батый. *Средневековый китайский рисунок*



(слева) Чингисхан
(справа) Удегей-хан



Чингисхан и сыновья его Джучи и Угедей. *Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. Начало XIV в.*



Берег реки Онон, родовые владения Борджигинов. *Фото Н. С. Борисова*



Гранитная черепаха у дворца Угедея в Каракоруме



Голова дракона. Скульптурное украшение крыши дворца. *Начало XIII в. Дён-терек, Тыва*



انگاه بر عقب آن به بیرون بارگاه آمدند و سه نوبت آفتاب را از انوز زدند

Великий хан Гуюк на золотом троне. Миниатюра из рукописи Джувейни. 1438 г.



Субедей



Монгольский воин



Монгольские воины одерживают победу. *С персидской миниатюры. Начало XIV в.*



Приём послов Угедей-ханом. *Персидская миниатюра. XIV в.*



Менгу-хан со своими сыновьями. *Персидская миниатюра. Начало XIV в. Фрагмент*



Монголы, ведущие пленников. *Китайский рисунок*



Усеа и моластыри и цркви стылѡгнѣ
пожгоша полѡсти попоѡпаша . и
многѡ зла соиповнишахѣ

Разорение Русской земли татарами. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.



Батый в представлении русских книжников. *С миниатюры XVII в.*

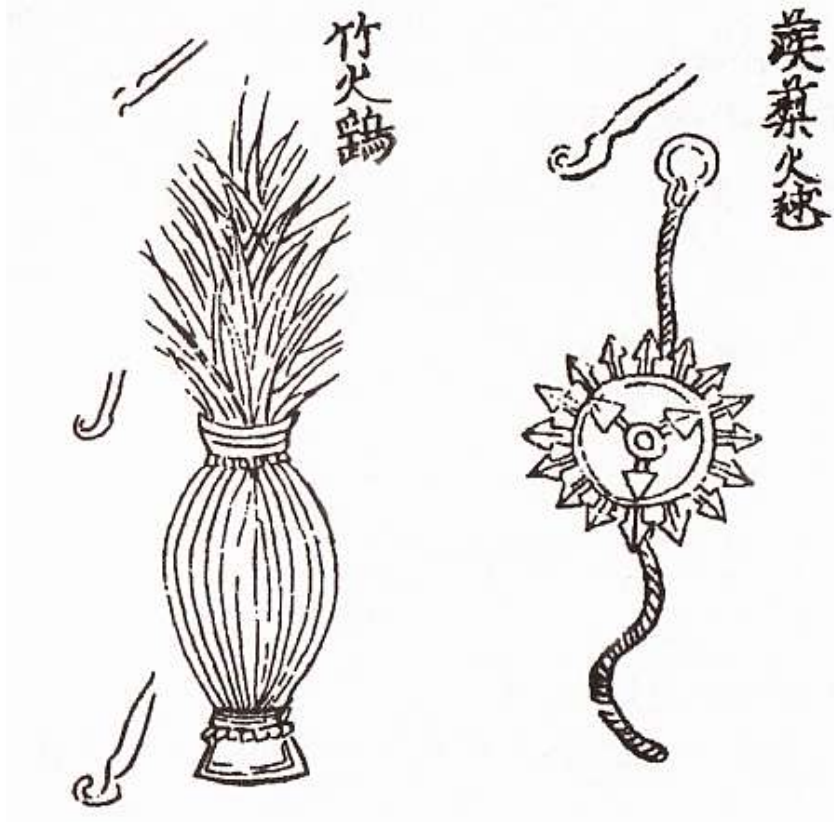


Татары угоняют пленных из Галицко-Волынской земли.
Миниатюра из венгерской хроники. XV в.



Итак еши доша по приметоу во градѣ
И златыхъ вратѣ . тѣкоже шлыбѣ
по шринны вратѣ . и шмѣдныѣ тѣ
коже шмѣдныѣ вратѣ . и про
ше шмѣдныѣ вратѣ
ша . Шмѣдныѣ
по шмѣдныѣ
дѣмо
ни .

Взятие Владимира Батыем. Миниатюра Лицевого летописного свода



Зажигательные и пороховые снаряды монголов



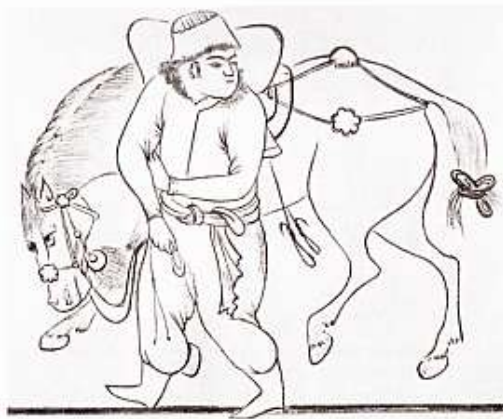
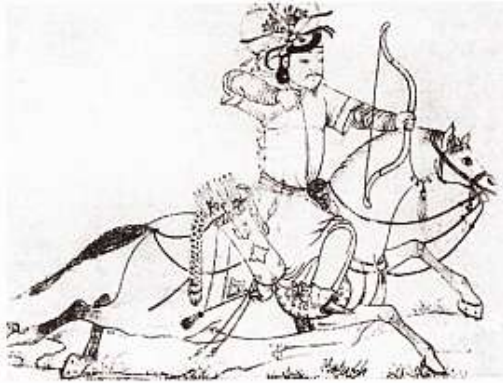
Штурм вражеского города. Миниатюра из «Сборника летописей»
Рашид ад-Дина



Монгольский воин



Оборона легницы от татар. *Миниатюра 1353 г.*



Монгольские всадники



Зверства монголов. Миниатюра из «Хроники Матвея Парижского»



Убиение князя Михаила Черниговского в Орде. *Миниатюра
Лицевого летописного свода*



(слева) Великий князь Ярослав Всеволодович.
(справа) Александр Ярославич Невский.
Портрет из «Титулярника» 1672 г.



Монгольская юрта. *Реконструкция по Г. Г. Юлю*



Гибель злочестивого царя Батыя (иллюстрация к легендарной «Повести о гибели Батыя в Угорской земле»). Русская миниатюра XVII в.

Тем временем, покончив с регулярным войском короля Белы, татары подступили к городу Пешту, в котором собралось множество беженцев. Брат короля Коломан советовал жителям спасаться бегством (что сам и сделал), но те решили отстаивать город. Осада продолжалась два

или три дня; защитники города применяли против татар баллисты, камнемётные машины и другие приспособления — но, увы, тщетно. Когда город был взят штурмом, началась жестокая расправа над уцелевшими. «Во время резни стоял такой треск, будто множество топоров валило на землю мощные дубовые леса, — пишет Фома Сплитский. — ... Свидетельством такой великой и страшной резни является множество непогребённых костей, которые, собранные в большие кучи, представляют для видевших их чудовищное зрелище». Массовые убийства жителей продолжались и в дальнейшем. «...Что мне рассказать о чудовищной жестокости, с которой каждый день терзали они города и сёла? — восклицает Фома Сплитский. — Согнав толпу кротких женщин, стариков и детей, они приказывали им сесть в один ряд, и, чтобы одежды не запачкались кровью и не утомлялись палачи, они сначала стаскивали со всех одеяния, и тогда присланные палачи (скорее всего, даже не собственно монголы, а представители завоёванных ими народов. — А. К.), поднимая каждому руку, с лёгкостью вонзали оружие в сердце и уничтожали всех». В этих кровавых расправах участвовали и татарские женщины, и даже дети. «Даже пленных детей они подзывали к себе и устраивали такую забаву, — продолжает Фома, — сначала они заставляли их усесться в ряд, а затем, позвав своих детей, давали каждому по увесистой дубинке и приказывали бить ими по головам несчастных малышей, а сами сидели и безжалостно наблюдали, громко смеясь и хваля того, кто был более меток и кто одним ударом мог разбить череп и убить ребёнка... С одинаковой жестокостью уничтожая весь род человеческий, они казались не людьми, а демонами». Эти ужасающие картины повторялись в Венгрии — как прежде повторялись они в землях Хорезма, Волжской Болгарии, Руси...

Тогда же была завоёвана и Валахия. Об этом рассказывает Рашид ад-Дин; правда, большинство названий, приведённых им в связи с европейским походом монголов, к сожалению, не поддаются расшифровке. В Валахии, как уже говорилось, действовал сын Тулуя Бучек. «Пройдя дорогой

Караулагской (Черноволошской? — А. К.), через тамошние горы», он «разбил те племена улаг (влахов. — А. К.); оттуда через лес и гору Баякбук (?), вошёл в пределы Мишлява (?) и разбил неприятелей, которые там стояли, готовые встретить его». И далее: «Отправившись упомянутыми пятью путями, царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сасанов (венгров и, вероятно, саксонцев, немцев. — А. К.) и, обратив в бегство государя их, келара (венгерского короля. — А. К.), провели лето на реках Тиса и Туна (Дунай. — А. К.)»⁷².

В Европе началась паника, которая охватила не только ближайшие к Венгрии и Польше германские и итальянские земли, но и такие отдалённые страны, как Бургундия или Испания, где тоже ждали страшных завоевателей. Повсюду наблюдался резкий спад торговой активности — верный признак надвигающегося коллапса. Ещё в 1238 году произошло затоваривание рыбных складов в Англии: купцы с острова Готланд и из Фризии (нынешних Нидерландов) из страха перед татарами не явились в порт Ярмут, «как у них заведено во время лова сельди, которой они обычно нагружали свои суда, — сообщает английский хронист. — А поэтому сельдь в этом году в Англии из-за обилия её шла почти за бесценок»⁷³. Теперь то же повторялось в других областях и в гораздо бóльших масштабах. «Франция и все иные земли сильно напуганы вестями о татарах, — читаем в анонимной французской хронике того времени. — Ибо много бежало людей из Венгрии и из земель, которые лежат за Германией; и не состоялось из-за этого во Франции много торговых сделок»⁷⁴. Рассказы о чудовищных зверствах «посланцев тартара» передавали письменно и устно и сильные мира сего, и простолюдины. Король Бела в своих посланиях к христианским правителям Европы молил о помощи — в ответ он получал сострадательные письма, но реальной помощи ниоткуда не было. Все — и папа, и император Фридрих II, и его сын германский король Конрад, и другие — в один голос твердили о необходимости объединиться против татар; в Германии и соседних землях было объявлено о начале крестового похода, многие

нашивали крест на одежду, готовясь к решительной схватке, — но большинство думало в первую очередь о защите собственной земли и готово было объединяться с другими лишь ради этой цели. Папа и император по-прежнему жестоко враждовали друг с другом (вражда эта началась много раньше татарского нашествия), и остальным приходилось выбирать, на чьей они стороне. Никто не знал, откуда пришли татары. В них видели то чудовищные народы Гога и Магога, некогда заточённые Александром Македонским где-то «в пределах северных» и ныне вырвавшиеся из заточения и сеющие повсюду смерть и разрушения (пророчество об этих страшных народах, предвестниках конца света, содержится в Откровении Иоанна Богослова), то неведомых измаильтян, потомков библейского Измаила, то одно из десяти колен Израилевых, отвергших закон Моисеев в погоне за золотыми тельцами. (В Европе тут же распространились слухи, будто евреи опознали в татарах своих соплеменников и вознамерились оказать им помощь; говорили о тридцати бочках, заполненных мечами, ножами и кольчугами, будто бы посланными германскими евреями в подарок татарам. Следствием этих слухов стали жестокие расправы над иудеями в Германии и других землях⁷⁵.) Авторы многочисленных посланий, пересылаемых тогда по всей Европе, описывали татар как вестников Апокалипсиса, не жалея красок и не заботясь о правдоподобности, но прибегая к сравнениям и эпитетам из Откровения Иоанна Богослова и других эсхатологических пророчеств:

«Чудовищами надлежит называть их, а не людьми, ибо они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человеческое и пожирают его, одеты в бычьи шкуры, защищены железными пластинами. Роста они невысокого и толстые, сложения коренастого, сил безмерных. В войне они непобедимы, в сражениях неутомимы. Со спины они не имеют доспехов, спереди, однако, доспехами защищены. Пролитую кровь своих животных они пьют как изысканный напиток... Они не знают человеческих законов, не ведают жалости, свирепее львов и медведей... Никто из них не

знает иных языков, кроме своего, которого не ведают все остальные, ибо вплоть до сего времени не открывался к ним доступ, и сами они не выходили, дабы стало известно о людях или нравах их через обычное общение людей»⁷⁶. Мощь и многочисленность их войска выражались в каких-то совершенно немыслимых цифрах. «Явился некий народ, называемый тартарами, сыны Измаиловы, вышедшие из пещер, числом до 30 миллионов и более, — записывал монах одного из английских монастырей. — Они опустошили все провинции, через которые пролегал их путь». Их войско «в длину простирается на 20 дневных переходов, а в ширину на 10 дневных переходов», — доносил некий венгерский епископ. «Войско их столь велико... что оно занимает место на добрых 18 лье в длину и 12 в ширину, — так оценивал силу татар магистр ордена тамплиеров во Франции Понс де Обон. — Они продвигаются за один день на такое расстояние, как от Парижа до города Шартр». Они не похожи на других людей и живут 300 лет, уверял один из армянских хронистов⁷⁷.

Между тем татары обосновались на левом берегу Дуная. Надо полагать, что по первоначальному замыслу Батый намеревался включить эти земли в состав собственного государства и предназначал их для своих новых подданных — скорее всего куманов (половцев). «Передав завоёванные земли новым обитателям, — с болью в сердце писал король Бела германскому королю Конраду IV, — они заняли — о, несчастье! — всё наше королевство по ту сторону Дуная»⁷⁸. Отдельные отряды татар разоряли соседние области. Есть сведения, что они нападали на владения герцога Оттона II Баварского, но тот разбил их⁷⁹. Неудачной оказалась и попытка одного из татарских отрядов переправиться через Дунай в районе австрийской границы. Опустошив Венгрию и Польшу, сообщает флорентийский хронист середины XIV века Джованни Виллани, «татары двинулись в Германию и стали переправляться через Дунай, великую реку в Австрии, кто на лодках, кто на лошадях, а кто с помощью бурдюков, надутых воздухом. Тут местные жители забросали их стрелами и камнями из луков и метательных машин, так что

бурдюки пошли ко дну, а вместе с ними и татары, из которых почти никто не уцелел»⁸⁰. Некоторые татарские отряды достигали предместий Вены. О их нападении на город Нейштадт в Австрии, примерно в восьми милях от Вены, сообщается в послании некоего Ивона Нарбоннского (из других источников не известного). В то время автору случилось находиться в этом городе; всё произошедшее он описывал в самых фантастических красках Апокалипсиса, мешая вымысел и реальность. Город защищали не более пятидесяти воинов с двадцатью арбалетчиками, оставленными для охраны герцогом Фридрихом Бабенбергом. «Все они, завидев войско с одного возвышенного укрепления, содрогнулись перед нечеловеческой жестокостью спутников Антихриста, и слышался им возносившийся к Богу христианскому горестный плач всех тех, которые без разницы положения, состояния, пола и возраста равно погибли разною смертью, врасплох застигнутые в прилегающей к городу местности. Их трупами вожди со своими и прочими лотофагами (буквально: «пожирателями лотоса», но здесь в значении: «пожиратели трупов». — А. К.), словно хлебом, питались... А женщин, старых и безобразных, они отдавали, как дневной паёк, на съедение так называемым людоедам; красивых не поедали, но громко вопящих и кричащих толпами до смерти насиловали. Девушек тоже замучивали до смерти, а потом, отрезав им груди, которые оставляли как лакомство для военачальников, сами с удовольствием поедали их тела». Когда же к городу приблизилось объединённое войско австрийского герцога Бабенберга, чешского короля Вацлава, а также патриарха Аквилейского, герцога Каринтийского и маркграфа Баденского, «всё это нечестивое войско тут же исчезло и все эти всадники вернулись в несчастную Венгрию, — писал Ивон Нарбоннский архиепископу Бордоскому Гиральду. — Они отступили так же стремительно, как и нагрянули; вот почему они внушили тем больший страх всем, видевшим это»⁸¹.

То были лишь разведывательные операции отдельных частей монгольского войска. Что ждало Европу дальше, никто не знал. Все жили ощущением скорой и неизбежной смерти. В «Великой хронике» Матвея Парижского, одного из самых значительных хронистов английского Средневековья, приведено зловещее пророчество, распространившееся тогда по всей Европе:

Когда минует год тысяча двести
Пятидесятый после рождества Девы благой,
Будет Антихрист рождён,
Преисполненный демонической силой⁸².

Казалось, этот год уже наступил.

Зима 1241/42 года выдалась на редкость морозной. В конце января лёд сковал Дунай (что бывает нечасто), и преграда, защищавшая Юго-Восточную Европу от страшных завоевателей, исчезла. Войска Кадана устремились на правый берег Дуная, по следам бежавшего короля Белы. «... Наступал он огромными полчищами, сметая всё на своём пути», — писал Фома Сплитский. Сначала татары спалили Буду (напротив Пешта, на противоположном берегу Дуная), затем захватили и сожгли Эстергом, столицу Венгерского королевства, однако Секешфехервар, ещё одна древняя столица венгров, выстоял, так что Кадану с его воинами пришлось отступить. «Он спешил настичь короля, — объясняет Фома, — поэтому на своём пути он не мог производить значительных опустошений, и, как от летнего града, пострадали только те места, через которые они прошли». И далее: «Он продвигался вперёд, словно шёл не по земле, а летел по воздуху, преодолевая непроходимые места и самые крутые горы, где никогда не проходило войско. Ведь он нетерпеливо спешил вперёд, полагая настичь короля прежде, чем тот спустится к морю».

К началу марта войско Кадана, пройдя Хорватию, достигло побережья Адриатического моря. Главной целью

татар оставался король Бела; в поисках его татары рыскали по всему побережью, подступая то к одному, то к другому городу. Так, полагая, что король укрылся в небольшой крепости Клис (недалеко от Сплита), они «начали со всех сторон штурмовать её, пуская стрелы и метая копья. Но поскольку это место было укреплено природой, они не смогли причинить значительного ущерба. Тогда татары, спешившись, стали ползком с помощью рук карабкаться вверх. Люди же, находившиеся в крепости, сталкивая на них огромные камни, нескольких из них убили. Ещё более рассвирепев из-за этой неудачи, они, ведя рукопашный бой, подступили вплотную к высоким скалам, грабя дома и унося немалую добычу. Но когда они узнали, что короля там нет, то перестали осаждать крепость и, оседлав коней, поскакали к Трогиру». Король со своей семьёй действительно укрывался в Трогире, крепости, расположенной на небольшом островке, отделённом узкой протокой от материка. Однако, «видя, что войско татар спустилось напротив его убежища, и полагая, что ему будет небезопасно оставаться на близлежащих островах», он «переправил государыню со своим потомством и со всеми сокровищами на нанятые им корабли, сам же, сев на одно судно, поплыл на вёслах, осматривая вражеские порядки и выжидая исхода событий». Когда Кадан убедился, что подойти к стенам крепости не удастся (ибо «водное пространство, которое отделяет город от материка, непреодолимо из-за глубокого слоя ила»), он отошёл от города. Но прежде чем уйти, предводитель татар направил к городу гонца, который по-славянски прокричал от его имени горожанам: «Говорит вам это господин Кайдан, начальник непобедимого войска. Не принимайте у себя виновного в чужой крови (то есть короля Бела. — А. К.), но выдайте врагов в наши руки, чтобы не оказаться случайно подвергнутыми наказанию и не погибнуть понапрасну». Ответом гонцу была тишина: наученный чужим горьким опытом, король Бела строго запретил своим подданным откликаться хоть одним словом на любые предложения татар. «Тогда всё их полчище, поднявшись, ушло оттуда той

же дорогой, какой и пришло. Оставаясь почти весь март в пределах Хорватии и Далмации, татары вот так пять или шесть раз спускались к городам, а затем возвращались в свой лагерь».

В прежние годы монголы шли на всё, чтобы поймать и наказать своих врагов — будь то хорезмшах Мухаммед, половецкий вождь Бачман (оба они тоже укрылись на островах, но это их не спасло) или русский князь Юрий Всеволодович. Но на этот раз достичь желаемого у Кадана не получилось. В конце марта — начале апреля по приказу Батыя татарское войско покинуло Хорватию. Оно прошло через Боснию, Сербию и подступило к приморским городам Верхней Далмации. Взять Рагузу (Дубровник) татары не смогли, зато они сожгли Котор (в нынешней Черногории) и разорили Свач и Дривост (к северо-востоку от Шкодера, на территории нынешней Албании), не оставив в этих городах, по библейскому выражению, «ни одного мочащегося к стене», то есть мужчины (ср. 3 Цар. 16: 11). Оттуда войско Кадана направилось в Болгарию. Вехи этого кровавого пути отмечает Рашид ад-Дин, однако ни одно из приведённых им и, очевидно, сильно искажённых географических названий и здесь не поддаётся расшифровке. Ясно только, что и на обратном пути Кадану приходилось постоянно встречать ожесточённое сопротивление местных жителей: «Кадан выступил в поход с войском и завоевал области Такут, Арберок и Сараф и прогнал до берега моря государя тех стран, короля. Так как он [король] в городе Теленкин, который лежит на берегу (Трогир? — А. К.), сел на корабль и отправился в море, то Кадан пустился в обратный путь и дорогою, после многих битв, взял города Улакут, Киркин и Кыле». Примерно к этому же времени относится восстание половцев, расселённых в Венгрии, Валахии и Болгарии. Это восстание было жестоко подавлено отрядами Кутана (воеводы Батыя, приставленного к его отцу Джучи ещё Чингисханом) и младшего брата Батыя Сонкура, девятого из сыновей Джучи.

К тому времени когда Кадан прибыл в Болгарию, здесь уже находился со своими войсками и сам Батый. Главные

военачальники монголов «условились провести смотр своим военным отрядам», сообщает Фома Сплитский. Вероятно, в его рассказе речь идёт о традиционном сборе монгольских царевичей и эмиров, которым всегда заканчивались их военные кампании, — как мы помним, именно тогда, во время пира, Батый воздал должное полководческому гению своего полководца Субедея. Но во время этого сбора произошёл и другой, трагический эпизод. В войске Батыя оставалось слишком много отрядов из недавно покорённых народов. Теперь, после завершения похода, они уже не были нужны. К тому же в лояльности монголам многих из тех, кто под страхом смерти присоединился к ним, можно было усомниться — история Западного похода давала для этого немало поводов. И тогда Батый и Кадан совершили то, что представлялось им наиболее простым выходом из сложившейся ситуации. А наиболее простой выход из таких ситуаций у монголов почти всегда сводился к одному и тому же. «Сделав вид, что они выказывают расположение пленным, — рассказывает архидиакон Фома, — [они] приказали объявить устами глашатая по всему войску, что всякий, кто следовал за ними, доброволец или пленный, который пожелал бы вернуться на родину, должен знать, что по милости вождей он имеет на то полное право. Тогда огромное множество венгров, славян и других народов, преисполненные великой радостью, в назначенный день покинули войско. И когда все они двух- или трёхтысячной толпой выступили в путь, тотчас высланные боевые отряды всадников набросились на них и, изрубив всех мечами, уложили на этой самой равнине».

Так, жестокой расправой над своими же, закончился Западный поход. Но почему Батый отдал приказ повернуть коней на восток? Почему он решил покинуть Венгрию, не завершив покорение Европы и даже не захватив и не предав казни своего главного на тот момент врага — короля Белу? Ответить на эти вопросы не так-то просто.

Несомненно, венгерская кампания стоила монголам немалых жертв. Многие из их воинов погибли и в битве при

Шайо (особенно во время схватки за мост через реку), и в ходе других сражений. Монах-францисканец Плано Карпини рассказывает о том, что в его время в земле монголов существовали два кладбища — одно, на котором хоронили знатных лиц, а другое для тех, кто был убит в Венгрии, «ибо там были умерщвлены многие». К этим двум кладбищам было запрещено приближаться, но любознательный итальянец со своими спутниками однажды заехал «в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии», — и едва не поплатился за это жизнью. Спасло его лишь то, что он был послом и к тому же не знал обычаев страны⁸³. Но конечно же отнюдь не жертвы вынудили Батыя повернуть на восток.

Считается, что Европа в целом и Венгрия в частности были спасены благодаря событию, которое несколькими месяцами раньше произошло на другом конце великого Евразийского материка. Здесь, в Центральной Монголии, в походном дворце в горах Отэгу-хулан, на рассвете 31 декабря 1241 года умер великий хан Угедей⁸⁴. К концу зимы — началу весны 1242 года весть об этом должна была дойти до Батыя. Тогда-то он и отдал приказ готовиться к возвращению домой.

Смерть великого хана случилась в Монголии всего во второй раз. Ломалась иерархия власти, рушился установленный порядок вещей. Теперь предстояло выбрать нового великого хана — а это дело было долгим, трудным и требовало присутствия всех представителей «Золотого рода» наследников Чингисхана, имевших право претендовать на власть над миром.

Батыя не могли не беспокоить и наверняка дошедшие до него слухи о том, что великий хан был отравлен. Называли и имя предполагаемой отравительницы: ею будто бы была Абикэ-беги, некогда одна из любимых жён самого Чингисхана, отданная им, вследствие дурного сна, в жёны Кяхтей-нойону. Племянница правителя кереитов Ван-хана (знаменитого «пресвитера Иоанна»), Абикэ приходилась родной сестрой Соркуктани-беги, матери Менгу и одной из самых влиятельных женщин Монгольской империи, давней

единомышленницы Батыя (ещё одна их сестра была когда-то старшей женой отца Батыя Джучи). Дело было так. Сын Абики-беги служил стольником у Угедея; сама она ежегодно приезжала к великому хану из «Китайской страны, где был её юрт», и устраивала для него пир. В последний свой приезд она тоже устроила пир и по обыкновению поднесла хану чашу с вином. Ночью во сне хан скончался. Тут же стали злословить, что Абики-беги и её сын, наверное, положили в чашу яд; первыми слух этот пустили вдова Угедея Туракина-хатун и эмиры. Вскоре, однако, слух был опровергнут. Джалаир Илджидай, весьма влиятельный в окружении Угедея, высказался по этому поводу так: «Что за вздорные слова? Сын Абики-беги — баурчи (стольник. — А. К.), он ведь всегда подносил чашу, и каан всегда пил вина слишком много. Зачем нам нужно позорить своего каана, говоря, что он умер от покушения других? Настал его смертный час. Надо, чтобы больше никто не говорил таких слов»⁸⁵. Так было признано, что Угедей умер своей смертью. Но, несмотря на строгое запрещение, слухи об отравлении великого хана ещё долго ходили в Монгольской империи. Побывавшие в ставке Гююка в 1246 году монахи-францисканцы Плано Карпини и Бенедикт Поляк внесли их в свои отчёты: по их словам, Угедей «был... умерщвлён ядом»; «умер, отравленный своей сестрой», некой «тёткой» «нынешнего императора» (то есть Гююка), «убившей ядом его отца, в то время, когда их войско было в Венгрии»⁸⁶. Г. В. Вернадский, принявший эту версию, увидел в произошедшем едва ли не поворотный момент в истории всего европейского Средневековья. «Кем бы ни была эта женщина, — писал он об упомянутой «тётке» хана Гююка, — её следует рассматривать как спасительницу Западной Европы»⁸⁷. Фраза, несомненно, яркая и запоминающаяся, но едва ли соответствующая действительности. Называть Абики-беги «спасительницей Европы» я бы всё-таки не спешил. Многие говорят за то, что Угедей умер своей смертью. Его пристрастие к пьянству и неумеренность в этом отношении были хорошо известны (сам Угедей признавал за собой этот порок!), а вот смерть великого

хана, кажется, никому не была выгодна — и меньше всего как раз тем людям, которых в ней обвиняли. Так что если уж принимать мысль Вернадского, то логичнее было бы выразить её по-другому: Западная Европа была обязана своим спасением банальному пьянству, которым страдали и великий хан, и многие другие представители элиты монгольского общества.

Батый не мог не понимать, что слухи, пущенные вдовой Угедея, имеют вполне определённую цель: дискредитировать противную ей партию, возглавляемую Соркуктани-беги. А значит, косвенно слухи эти были направлены и против него, Батыя, ибо он уже давно поддерживал с вдовой Тулуя доверительные отношения и надеялся на её поддержку в критической ситуации. Как раз такая ситуация и наступила со смертью великого хана. Тем более что около этого же времени, по одним источникам за семь месяцев *до* Угедея, по другим — «меньше чем через год» *после* его смерти, скончался и старший брат Угедея Чагатай⁸⁸.

Напомню, что главный недоброжелатель Батыя, старший сын Угедея Гуюк, отправился в Монголию много раньше его. Теперь Гуюк был в числе основных претендентов на освободившийся ханский престол. Правда, сам Угедей завещал престол не ему, а сначала своему третьему сыну Кучу, а затем, когда тот умер, — его первенцу, своему внуку Ширамуну — юноше «весьма умному и способному», который и воспитывался как наследник в ставке великого хана. Но Ширамун был ещё мал, и Туракина-хатун, ставшая после смерти мужа полновластной главой его дома (а значит, и регентшей ханского престола), сделала всё, чтобы не допустить внука к власти. Не спешила она передавать престол и сыну Гуюку, пользуясь пока что теми благами, которые давало ей собственное регентство. Ещё больше Туракина должна была опасаться Менгу, также находившегося в Монголии и уже давно снискавшего славу одного из самых уважаемых представителей «Золотого рода». А ведь был ещё и Бату, возглавлявший Западный поход и ставший после смерти Угедея и Чагатая старшим

среди всех потомков Чингисхана. Правда, к счастью для Туракины и других представителей дома Угедая, Бату находился далеко от Монголии и не мог влиять на ситуацию. Наконец, свои права на ханский престол неожиданно выдвинул и младший брат Чингисхана Тэмугэ-Отчигин, не принадлежавший к «Золотому роду», но в качестве «хранителя традиций» вмешивавшийся во все семейные дела Чингисидов.

Этот расклад сил был известен Бату. Неопределённость политической обстановки, казалось бы, требовала его немедленного присутствия в Монголии. Но в том-то и дело, что в Монголию Бату не спешил. Наверное, он понимал, что на этот раз его шансы одолеть Гуюка крайне невелики.

Смерть Угедая и в самом деле должна была привести к немедленному прекращению военных действий; в этом смысле шаги Бату понятны и оправданны. (Точно так же смерть в 1259 году великого хана Менгу заставит монголов прекратить наступление на Ближнем Востоке: узнав о случившемся, возглавлявший поход Хулагу немедленно вернётся в Монголию и страны Арабского мира будут спасены.) Напомню, что именно Угедей отправлял войска на запад; всё, что совершали царевици в странах Восточной и Центральной Европы, совершалось ими от имени великого хана. Для участия в избрании нового хана в Монголию надлежало отправиться не только самому Бату, но и другим царевицам — Кадану, Бури, Байдару и всем остальным; задерживать их Бату не имел никакого права.

Но была ли смерть великого хана единственной причиной завершения Западного похода? Думаю, что нет.

Прежде всего надо сказать о том, что задачи, поставленные перед Бату в начале Западного похода, были выполнены практически полностью. Все те одиннадцать народов, которые ему было поручено завоевать, были завоёваны (во всяком случае, те народы, названия которых мы в состоянии отождествить). Более того, войска Кадана достигли побережья Адриатического моря — то есть в буквальном смысле прошли по всем землям, по которым могли ступить копыта их лошадей, — а ведь именно так

монголы обозначали пределы того обитаемого мира, который должен был быть завоёван ими. (Очень точно выражена эта мысль в заглавии заключительной книги трилогии писателя Владимира Яна: ордам Батыя действительно удалось достичь «последнего моря», так что всё громадное пространство между Жёлтым и Адриатическим морями теперь принадлежало им.)

Но это лишь одна сторона дела. Не менее важно другое. Начиная поход, монголы имели весьма смутное представление о народах Запада. Помимо кипчаков (половцев), им были известны волжские болгары, русские (орусы), асы и черкесы, венгры и некоторые другие племена, населявшие Европу. Но оказалось, что этих народов гораздо больше, что на пути монгольских войск находятся бесчисленные государства с богатыми городами, развитой экономикой, прекрасно организованными армиями (пускай и уступающими монгольской в выучке и техническом оснащении). Монголы считали титул правителя венгров — «келар» (король) — чуть ли не именем собственным, названием народа. Но оказалось, что королей в Европе великое множество и они ничуть не уступают венгерскому ни знатностью, ни могуществом — напротив, даже превосходят его. Покорив Русь, Венгрию, Моравию и Польшу, монголы лишь слегка углубились в тело христианской Европы; они были лишь на окраинах латинского мира. И хватило бы у них сил завоевать его целиком? В разгар монгольского нашествия на Венгрию император Священной Римской империи Фридрих II в письме английскому королю Генриху III воссоздавал — пускай идеальную и несбыточную — картину того, как все христианские государства Запада объединятся и выступят против татар — как «бурно и пылко» поднимется на войну Германия, а за нею «родоначальница и питомица отважного рыцарства Франция, воинственная и смелая Испания, славная мужами и оснащённая флотом богатая Англия, изобилующая неутомимыми бойцами Алемания, морская Дания, неукротимая Италия, не ведающая мира Бургундия, беспокойная Апулия с пиратскими и непобедимыми

островами в морях Греческом, Адриатическом и Тирренском, Кипр, Крит, Сицилия с островами и землями, прилежащими к океану, кровавая Гиберния (Ирландия. — А. К.) с бодрым Уэльсом, озёрная Шотландия, ледовая Норвегия и прочие знаменитые и славные на западе расположенные королевства»⁸⁹. Картина весьма далёкая от реальности, плод богатой фантазии императора! Но ведь сами эти королевства действительно существовали, и монголам ещё надо было покорять их... Нет сомнений в том, что Батый, как и раньше, уделял самое серьёзное внимание разведке и сбору информации о будущих противниках. И он должен был понять, что по мере продвижения на запад задача покорения всей Европы, всего мира становится всё более и более несбыточной, превращается в утопию. Конечно, монгольские ханы и после завершения Западного похода смотрели на Европу как на *свою* землю и считали возможным требовать от европейских правителей полнейшей и безусловной покорности. В этом отношении показательно письмо хана Гуюка, переданное им в 1246 году через Плано Карпини римскому папе (вспомним: «Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам»), «Ныне вы должны сказать чистосердечно: “Мы станем вашими подданными, мы отдадим вам всё своё имущество”, — указывал великий хан главе христиан Запада. — Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися»⁹⁰. Известно, что Гуюк готовился к новому походу на Запад, намеревался завершить то, что начал Батый, — и только смерть не дала ему приступить к исполнению этого замысла. Впоследствии, при преемниках Батыя, монгольские войска ещё будут нападать и на польские, и на венгерские земли — правда, уже не с таким размахом. Но вот Батый от идеи покорения мира, кажется, отказался, и отказался сознательно. Вероятно, он оценивал ситуацию более реалистично — и в этом, несомненно, проявился присущий ему трезвый, практический взгляд на суть происходящих событий.

Расширение собственного улуса не могло быть бесконечным — это Батый тоже понимал. Нескончаемая война не давала ему возможности извлечь выгоду из уже завоёванного. В результате Западного похода он овладел громадными пространствами Евразии. Ему принадлежала вся степная зона Евразийского материка — Дешт-и-Кипчак, а также земли, лежавшие к югу и северу от неё. Углубляться ещё дальше на запад в данных условиях значило терять, а не приобретать. И Батый предпочёл завершить завоевания, в том числе и для того, чтобы приступить к освоению уже завоёванных территорий. Можно сказать и так: он имел уже достаточно для того, чтобы не стремиться к большему. Несомненно, надо быть незаурядным политиком, чтобы в реальных условиях, а не на бумаге, осознать эту простую истину.

В этом смысле и следует понимать расхожую мысль о том, что именно Русь спасла Европу от ужасов монгольского завоевания, — мысль, наиболее чётко и ясно сформулированную А. С. Пушкиным ещё в 1834 году: «России определено было высокое предназначение: её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработённую Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»⁹¹ Мысль в принципе верная^[21], но с несколькими существенными оговорками. Во-первых, нельзя понимать её так примитивно, как это делали историки советского времени (не по своей воле, конечно, но в силу навязанной им политической необходимости): дело вовсе не в том, что монгольские войска, «истощённые тяжёлыми боями на Руси», были не в состоянии преодолеть сопротивление европейских армий⁹³ (как мы знаем, монгольские войска, напротив, усиливались за счёт покорённых народов, в том числе и за счёт русских); и не в том, что в тылу монгольских войск будто бы разворачивалась партизанская война против захватчиков (ещё один излюбленный сюжет советской историографии)⁹⁴. Русь действительно защитила, прикрыла,

спасла собой Европу — но прежде всего тем, что раньше, чем Европа, приняла на себя удар татарских орд. Во-вторых, в этой связи следует говорить не только о Руси, но и о других народах, одновременно с ней или раньше, чем она, подвергшихся нашествию. Как и они, Русь поглотила агрессию завоевателей, дала им возможность безжалостно и жестоко разорять свои земли, расхищать свои богатства, подвергать нещадной эксплуатации своё население, — и тем самым сделал не столь актуальной задачу завоевания, разорения и расхищения других стран и народов, лежавших дальше на запад. Миссия России, как это случалось не раз, свелась к тому, что она своей собственной плотью притупила остроту вражеской сабли и смягчила силу удара. Известно: южные и восточные рубежи России, к несчастью, не имеют естественной защиты; Европа же, помимо цепи горных хребтов, прикрыта с востока Русью — в этом и заключается одно из кардинальных различий в их исторических судьбах.

...Войска Батыя возвращались из Западного похода через земли Южной Руси. Их обратный путь также отмечен кровавыми следами, хотя и не в такой степени, как путь на запад. В то время галицкий князь Даниил Романович вместе с братом Васильком вёл войну против князя Ростислава Михайловича, сына Михаила Черниговского. Ещё недавно Даниил, как мы помним, предоставил убежище Михаилу и его сыну, передал последнему Луцк, — но теперь Ростислав отплатил бывшему благодетелю чёрной неблагодарностью. При поддержке галицких бояр, в очередной раз изменивших своему князю, он попытался отобрать у Даниила Галич, и на короткое время ему удалось это сделать. Однако узнав о выступлении войск Даниила, Ростислав бежал; Даниил с братом устремились по его следам. Тут-то к ним и пришла весть о том, что «татарове вышли суть из земли Угорской (Венгерской. — Л. К.), идут в землю Галицкую». Даниил немедленно прекратил преследование Ростислава (и тот «тою вестью спасся») и отправился в днестровское Понизье, на юг княжества, пытаясь «уоставити землю», то есть

организовать защиту своих владений, а брата Василька с той же целью послал во Владимир-Волынский. Когда Даниил находился в Холме, к нему примчался половец Актай с вестью, что «Батый воротился из Угор», то есть находится уже в пределах Галицкого княжества. По сведениям, добытым Актаем, Батый отрядил на поиски галицкого князя двух своих «богатырей» (багатуров, то есть особо прославленных воинов⁷), неких Манамана и Балая. Даниил «затворил» Холм, а сам поспешил к брату Васильку. Князьям удалось укрыться от посланных Батыем войск. Татары вновь разорили Волынскую землю «до Володавы» (на Западном Буге, при впадении в него реки Влодавки; ныне в Польше) «и по озёрам», после чего «возвратились, много зла сотворив», как сообщает галицкий летописец⁴⁵. Преследовали они и князя Ростислава Михайловича, но тот сумел убежать от них в Венгрию. Это бегство, как ни странно, обернулось для Ростислава большой удачей: напуганный татарской угрозой, король Бела согласился наконец-то выдать за него свою дочь; так был заключён венгерско-черниговский союз, направленный против галицко-волынского князя Даниила Романовича. Под близким 1241 (6479) годом Лаврентьевская летопись сообщает об убийстве татарами некоего князя Мстислава Рыльского, из других источников не известного⁹⁶; не исключено, что князь этот погиб во время возвращения войск Батыя из Западного похода. «Того же лета Батыевы татары взяли Болгары, иже на Волге и на Каме», — свидетельствует автор поздней Никоновской летописи. И он же в другом месте сообщает: «Батый же... одолев венгров... возвратися вновь в Поле, восвояси»⁹⁷.

Какая-то часть монгольских войск должна была вернуться позднее — тем путём, которым когда-то прошли отряды Джебе и Субедея в свой первый приход в Восточную Европу, — через Восточное Закавказье. «Осенью они вторично отправились назад, — пишет Рашид ад-Дин, — прошли через пределы Тимур-кахалка (Дербент. — А. К.) и тамошние горы и, дав войско Илавдуру (?), отправили его в поход. Он двинулся и захватил кипчаков, которые, бежав,

ушли в эту сторону. Они покорили страну урунгутов и страну бададжей (какие-то кипчакские племена. — А. К.) и привели их посланников. Тот год закончился у них в тамошних краях... Управившись с завоеванием того царства, они ушли обратно, провели лето и зиму в пути и в... год змеи, соответствующий 642 году хиджры (9 июня 1244 — 28 мая 1245), прибыли в свой улус и остановились в своих ордах»⁹⁸.

Батый же в Монголию не вернулся. Он обосновался в Кипчакских степях, на берегах Волги. Именно сюда на долгие десятилетия и даже столетия переместился центр политической жизни всей Восточной Европы.

Золотая Орда

После 1242 года Батый не вёл войн и новых земель не завоёвывал. Это кажется удивительным, но огромное государство, охватившее территорию едва ли не большей половины Европы, было создано им в результате одного-единственного похода, правда, весьма продолжительного, длившегося почти семь лет: с 1236 по 1242 год.

Государство это обозначалось в источниках по-разному — то как Улус Джучи, то как Дешт-и-Кипчак (государство половцев, Половецкая степь), но чаще всего не обозначалось вообще никак. Русские летописцы, например, называли владения Батыя и его преемников просто — «Татары», или же по имени правителя — писали: «в Татары» или «к Батыю», «к Сартаку», «к Беркаю» и т. п. Похоже — «домом Батыя» или «домом Берке» — именовали это государство на востоке. С конца XIII века в летописях появляется новое обозначение — «Орда». Ну а в позднейшей исторической традиции за государством, созданным Батыем, прочно закрепилось название «Золотая Орда». Правда, впервые оно встречается в русских источниках только во второй половине XVI века, когда само государство давно уже перестало существовать. Но возникло это название совсем не случайно. В нём нашли отражение подлинные реалии Монгольской державы эпохи Чингисхана и его ближайших потомков. В какой-то степени это название имеет отношение и к Батыю.

Исходное, первоначальное значение слова «орда» — «юрта», или, точнее, «ханская, парадная юрта»; из этого значения выросло новое — «ставка», «резиденция хана, правителя». Золотой цвет ханской орды — прерогатива императора, верховного правителя монголов. Так повелось ещё со времён кочевых империй, предшествовавших монгольской. Золотой шатёр имелся, например, у владыки древних уйгуров; именно в золотом шатре пировал правитель керейтов Ван-хан, когда войска Чингисхана окружили и разгромили его. Во времена самого Чингисхана

и его ближайших преемников золотой шатёр имелся только у великого хана. Назывался он так, «потому что его подпорки покрыты золотом», — писал китайский дипломат Пэн Да-я в 30-е годы XIII века. Этот шатёр «делается из того войлока, который во множестве катают в степи», уточнял другой китайский дипломат того же времени Сюй Тин, причём «используется более тысячи верёвок, чтобы натянуть войлок на каркас. Единственная дверь, порог со столбами внутри шатра — все они обложены золотом». Скрепки этого шатра «были золотые, внутренность его была обтянута тканями; его называли “Золотая ставка” (или, в другом переводе: “Золотая орда”¹; по-монгольски: “Сыра-Орда”. — А. К.)», — свидетельствует о золотой юрте хана Угедая Рашид ад-Дин; в этом шатре помещалось до тысячи человек¹. Позднее, после распада Великой Монгольской империи на отдельные части, правители этих отделившихся частей, в том числе и Улуса Джучи, станут создавать собственные ханские ставки, во всём подобные императорской. Такая ставка имела у правителя Золотой Орды периода её наивысшего расцвета, праправнука Батыя хана Узбека (1313–1341). «...Шатёр, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный... состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями» — так описывал «золотую орду» хана Узбека побывавший в ней арабский путешественник Ибн Баттута². Очевидно, делают вывод историки, название «Золотая Орда» применительно к Улусу Джучи связано с более ранним восточным термином «Сыра-Орда» (в значении «золотая юрта») или даже является его калькой, точным переводом — так, по ставке правителя, стали называть и всё государство. Ну а то, что название это закрепилось именно за государством преемников Батыя, свидетельствует не только о их амбициях, но и о том, что они были уверены в своих особых правах на золотую императорскую юрту, в том, что именно

они — прямые наследники державы Чингисхана и всех её атрибутов.

Сам Батый, весьма щепетильно относившийся к установлениям своего великого деда, не претендовал на верховную власть в империи монголов и, по всей вероятности, свой шатёр золотом не украшал — в его случае это могло быть воспринято как открытое посягательство на власть и достоинство великих ханов. Он довольствовался богато украшенными шатрами венгерского короля, захваченными в битве при Шайо. Не имел позолоты и шатёр его брата и преемника Берке, подробно описанный в источниках³. Примечательно, однако, что в поздних тюркских преданиях именно за Батыем утверждалось право на обладание «золотой ордой». Причём право это было якобы пожаловано ему самим Чингисханом, то есть освящено высшим из всех возможных земных и небесных авторитетов. Хивинский историк XVI века Утемиш-хаджи в своей книге «Чингиз-наме» рассказывает о том, что вскоре после смерти Джучи его сыновья Бату и Орда с братьями явились к Чингисхану, и тот «поставил им три юрты»: для Бату — «белую юрту с золотым порогом» (в другом варианте перевода: «с золотой дверной рамой»), для Орды — «синюю юрту с серебряным порогом» и для их младшего брата Шибана (предка правящих хивинских ханов) — «серую юрту со стальным порогом»⁴. Как отмечал казахстанский исследователь и издатель «Чингиз-наме» В. П. Юдин, в этом предании «наглядно выявляется символика цветов и металлов в иерархии ценностных представлений тюрко-монгольских народов»: белый цвет и золото символизируют утверждённое самим Чингисханом старшинство Бату над остальными Джучидами, синий цвет и серебро — подчинённое по отношению к Бату положение Орды, а серый цвет и сталь — подчинённое положение Шибана по отношению к обоим старшим братьям, но первенствующее по отношению к другим Джучидам⁵. Это, конечно, всего лишь предание, легенда, но в ней точно определена иерархия отдельных ветвей рода Джучидов и основанных ими государств. Верно определено здесь и положение Белой

и Синей Орды (Ак-Орды и Кок-Орды, как они именуются в восточных источниках) — уже в значении государств — соответственно, как западной и восточной частей единого прежде Улуса Джучи. (В этом смысле названия «Ак-Орда» и «Сыра-Орда» — «Белая» и «Золотая Орда» — оказываются синонимами.) Вполне вероятно также, что в этом тюркском предании упомянута реальная «золотая юрта» — только не Бату, а его потомков: та самая «золотая юрта» хана Узбека, которую описал Ибн Баттута. Между прочим, именно из «Чингиз-наме» мы узнаём о печальной судьбе этой юрты, уничтоженной в самом начале 60-х годов XIV века во время начавшейся в Улусе Джучи «замятии» (междоусобицы). Эта запутанная и отчасти романтическая история связана с именем небезызвестной и в русской истории ханши Тайдулы, вдовы Узбека, — той самой, которую чудесным образом исцелил от болезни глаз московский митрополит Алексей. Став после смерти сначала сына Джанибека, а затем и внука Бердибека правительницей Орды, Тайдула призвала на престол некоего Хызр-хана (из потомков Шибана) и поставила для него «в качестве свадебной золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана». Судя по рассказам восточных авторов, Тайдула отличалась какой-то особенной чувственностью (хан каждую ночь находил её «как бы девственницей», — писал Ибн Баттута, а далее сообщал совсем уж неприличные подробности об анатомическом строении её половых органов). Вот и теперь, несмотря на почтенный возраст (а ко времени гибели внука Тайдуле было уже за шестьдесят), ханша выкрасила волосы в чёрный цвет и вознамерилась выйти замуж за Хызр-хана. Тот сперва согласился, но затем передумал, за что ханша начала оказывать ему «меньше почёта и уважения, чем прежде». В отместку обиженный Хызр-хан решил разломать золотую юрту, а золото поделить между своими нукерами, что и было им сделано, несмотря на предостережения Тайдулы⁶. За это ханша изгнала его из пределов своего государства, но по прошествии некоторого времени Хызр-хан собрал войско, пошёл на неё войной и вторично, уже силой, сделался ханом. Вскоре, однако, и он тоже был убит.

Так гибель собственно «золотой орды» («золотой юрты») предвосхитила будущую гибель всего основанного Батыем государства. Спустя несколько десятилетий, в самом конце XIV века, оно будет разгромлено среднеазиатским правителем Тимуром. Позднее, правда, Золотая Орда будет вновь восстановлена, но ненадолго. К середине XV века она окончательно распадётся на отдельные ханства — Крымское, Казанское, Астраханское, Сибирское и др.

Сказав о том, что Батый был основателем Золотой Орды, мы должны сделать несколько существенных оговорок.

Во-первых, надо учитывать, что сам Батый на протяжении всей своей жизни признавал власть великих ханов и по возможности старался соблюдать установления Чингисхана. Поэтому Улус Джучи, которым он правил, оставался в полном смысле этого слова частью Великой Монгольской империи — *Еке Монгол улус* — с центром в Каракоруме. Здесь исполнялись все законы и распоряжения великих ханов, действовали посланные из Каракорума чиновники; значительная часть собранных налогов, как это принято было в империи, поступала в казну великого хана; от его имени выдавались ярлыки, подтверждавшие право владеть той или иной землёй. Так продолжалось и после смерти Батыя (1256) — до тех пор, пока сохранялось единство Монгольской империи, то есть до 60-х годов XIII века. Начиная с этого времени ситуация меняется. Провозглашение после смерти великого хана Менгу (1259) сразу двух великих ханов — его родных братьев Хубилая и Ариг-Буги (притом что в Улусе Джучи поддерживали последнего), вспыхнувшая между ними война, завершившаяся в конце концов победой Хубилая, перенос им столицы империи из Каракорума в Ханбалык (Пекин), постепенное запустение Каракорума — всё это привело к фактическому распаду империи. Отдельные её улусы, в том числе и Улус Джучи, стали независимыми от центрального правительства. Наиболее ярко это проявилось в том, что правители Орды, начиная с Менгу-Темира, внука Бату (1266–1282), стали чеканить монету от своего собственного имени

с титулом «правосудный великий хан». Прежде, во времена самого Батыя и его ближайших преемников, подобное было невозможно; ни Батый, ни Берке ханского титула не имели, и монеты, имевшие хождение в Улусе Джучи, чеканились с именами великих ханов — сначала Менгу, а затем Ариг-Буги. Именно со времён Менгу-Темира русские источники начинают устойчиво именовать правителей Золотой Орды «царями», то есть полноправными, независимыми властителями^[22]. До этого «царями» называли правителей всей Монгольской империи — ханов (или «канов», как писали это слово на Руси).

Во-вторых, когда мы говорим о государстве Батыя — будущей Золотой Орде, то должны иметь в виду, что речь по преимуществу идёт не обо всём Улусе Джучи, но лишь о его западной части — правом крыле, по терминологии самих монголов. Как и все другие тюркские и монгольские государственные образования, Улус Джучи изначально был разделён на два крыла: левое, то есть восточное, и правое, то есть западное (всё государство было ориентировано на юг; именно к югу обращены входом монгольские юрты, в том числе и «золотая юрта» правителя империи; соответственно, левая рука символизировала восток, правая — запад). Левым крылом с самого начала владел старший брат Батыя Орда, правым — Батый. После завоеваний в Европе Улус Джучи увеличился во много раз; соответственно, произошло перераспределение его территорий. Но левое крыло, то есть отцовские владения, так и осталось за Ордой. По свидетельству Джiovанни дель Плано Карпини, проезжавшего через эти земли в 1246 году, ставка Орды находилась недалеко от старой ставки его отца Джучи, где-то в верховьях Иртыша. Современные исследователи полагают, что Орде принадлежали земли на юге современного Казахстана, вдоль Сырдарьи и к востоку от неё⁸. Кроме Орды, в состав левого крыла Улуса Джучи входили его братья Удур, Тука-Тимур и Шингкур (или Сонкур) — всех их, равно как и их потомков, именовали царевичами левого крыла, или левой руки. Орда признавал власть Бату, но фактически был независим от него. «С

самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса, — писал в начале XIV века Рашид ад-Дин. — Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверху своих ярлыков»⁹.

Орда умер при жизни Батыя — предположительно, на рубеже 40—50-х годов XIII века. По сведениям поздних хивинских источников, он был убит своими нукерами, поднявшими против него мятеж. Узнав о смерти брата, Бату «держал глубокий траур. После того как он прибыл домой и дал поминальное угощение, он снарядил войско и пошёл походом на этого врага». Жестоко покарвав убийц брата, Бату раздал их людей, скот и кочевья своим бекам¹⁰. Так рассказывает Утемиш-хаджи, однако насколько достоверны приведённые им сведения, мы не знаем. Знаем лишь, что после смерти Орды левое крыло Улуса Джучи (Кок-Орда, или Синяя Орда) осталось за его потомками. История Синей Орды постоянно переплеталась с историей Золотой Орды. В 80-е годы XIV века хан Тохтамыш, выходец из Синей Орды, объединил обе части Улуса Джучи под своей властью — но ненадолго.

Территория собственно государства Батыя — правого крыла Улуса Джучи, будущей Золотой Орды, — простиралась от Дуная на западе до междуречья Амударьи и Сырдарьи на востоке и от Волжской Болгарии и земли башкир на севере до Крыма и «Железных ворот» (Дербента) на юге. Большая часть этих земель была завоёвана самим Батыем во время Западного похода — почему его с полным правом и называют основателем всего государства. Таких громадных империй средневековая Европа ещё не знала. В XIV веке арабские путешественники утверждали, что протяжённость государства владетеля кипчаков (Золотой Орды) достигает в длину восьми, а в ширину шести месяцев пути¹¹.

В свою очередь, правое крыло Улуса Джучи делилось на многочисленные уделы (улусы), которые Батый раздавал своим родичам и особо проявившим себя военачальникам. Так, по возвращении из Западного похода он выделил улус младшему брату Шибану, много способствовавшему успеху всего дела. «Юрт, в котором ты будешь жить, — объявил Батый, — будет между моим юртом и юртом старшего моего брата (Орды. — А. К.)»; летом Шибан должен был жить к востоку от Яика (реки Урал), на берегах Иргиза, Ори, Илека до Уральских гор, а на зиму перебираться в Каракум, на берега Сырдарьи при устьях рек Чу и Сары-су (в нынешнем Казахстане)¹². Кроме того, по сведениям поздних хивинских источников, Шибану из вновь завоёванных земель были переданы области в Крыму¹³, а также какая-то «область Корел», что, по-видимому, означает землю венгров («келаров», как их именовали в Монголии), куда Шибан будто бы послал одного из своих сыновей. Впрочем, хивинский историк XVII века хан Абу-л-Гази и сам сомневался в достоверности приводимых им сведений. «Говорят, что и в наше время государи Корельские — потомки Шибан-хана, — писал он. — Эта земля далеко от нас, потому один Бог верно знает, истинны ли или ложны эти известия».

Из Венгрии войска Батыя ушли навсегда, так что если эти территории и были пожалованы Шибану, то он не сумел ими воспользоваться. Но вот в принадлежавших ранее венгерскому королю валашских и молдавских землях татары обосновались надолго. Области между Прутом и Днестром стали крайним западным улусом державы Батыя — его собственным правым крылом. В последней четверти XIII века здесь полновластно распоряжался могущественный темник Ногай, внук седьмого сына Джучи Бувала, «царевич очень отважный и удалой», как характеризует его Рашид ад-Дин. По словам персидского историка, Ногай служил полководцем ещё Батыю и «сам завоевал и сделал своим юртом и местопребыванием» те области, в которых жил, в том числе Валахию; ссылался Ногай и на какие-то распоряжения Батыя, будто бы лично поручившего ему в

случае, «если кто-либо в его улусе совершит неподобающее и расстроит улус», чтобы он «расследовал это дело и склонил их сердца к согласию друг с другом»¹⁴. Если это правда, то Ногай действительно получил свой улус от Батыя — но, конечно, много позже завершения Западного похода. По-другому, полагают, что эти земли Батый выделил своему брату Бувалу, от которого они и перешли потом к Ногаю¹⁵. Ногай дожил до глубокой старости, много и успешно воевал, подчинил себе Болгарию и другие земли к югу от Дуная, вплоть до византийских владений, распоряжался и русскими княжествами, выдавая от своего имени ярлыки на великое княжение. В период своего могущества он был фактически независим от ханов Золотой Орды, более того, по своей воле ставил ханов на ордынский престол и по своей воле смещал или даже умерщвлял тех из них, кто был ему негоден. Так, он сделал ханом своего ставленника Токту, правнука Батыя. Вскоре, однако, между ними началась война, закончившаяся в 1300 году гибелью Ногая, к тому времени уже глубокого старца, с трудом различавшего свет сквозь заросшие густым волосом брови. Рассказывают, что Ногай был убит каким-то русским из войска Токты, но когда этот русский принёс Токте отрубленную голову его врага, тот в гневе приказал отрубить голову ему самому; убийца Ногая был казнён «за то, что умертвил такого великого по сану человека». Смерть Ногая приведёт к тому, что западная часть его улуса будет потеряна татарами, но произойдёт это уже в начале XIV века.

Особый улус представлял собой степной Крым, которым в 60-е годы XIII века (а может быть, и раньше) управлял некий темник Тук-Буга. Здесь, в местных озёрах, издавна добывали соль, и Батый быстро установил монополию на её продажу. По словам Гильома Рубрука, Бату и его сын Сартак получали с солончаков «большие доходы, так как со всей России ездят туда за солью»; пошлина взималась и с морских судов, прибывавших с той же целью из отдалённых стран¹⁶. На севере Крыма, поблизости от Перекопского перешейка, кочевал некий «родственник Бату, начальник, по имени Скатай», к которому и прибыл Рубрук, начинавший

своё путешествие по владениям монголов¹⁷. Что же касается городов Южного Крыма, то они хотя и признали власть татар, но в значительной степени сохранили самостоятельность. Это было выгодно самим монголам, получавшим большие доходы от международной торговли, которую вели генуэзские и венецианские купцы в портах северного Причерноморья и на Азовском море. В самом конце XIII века, во время войны между Ногаем и Токтой, многие из крымских городов подверглись жесточайшему разорению и едва не прекратили своё существование, но затем быстро восстановились.

Степи между Днестром и Волгой были поделены Батыем на несколько улусов. К западу от Днепра располагались владения Кореицы, или Куремсы, как его именует русская летопись. По словам проезжавшего через эти земли Плано Карпини, Куремса «является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох»; под его властью находилось 60 тысяч «вооружённых людей». Куремса считался «самым младшим» из всех военачальников татар¹⁸. В 50-е годы XIII века он неудачно воевал с галицким князем Даниилом Романовичем и, вероятно, по этой причине был смещён со своего улуса. Преемник Батыя Берке перевёл на его место другого военачальника — знаменитого Бурундая, соратника Батыя и покорителя Руси. «И пришёл Бурундай безбожный, злой, со множеством полков татарских, в силе тяжкой, и встал на местах Куремсиных», — свидетельствует галицкий летописец¹⁹. Именно Бурундай окончательно приведёт в покорность Галицкую и Волынскую землю.

Далее к востоку, на левобережье Днепра, располагались кочевья Мауци (русская летопись знает его под именем Могучей); по своему положению он был «выше» Куремсы, как отмечает тот же Плано Карпини²⁰. Ещё восточнее, по берегам Дона, кочевал «некий князь по имени Картан, женатый на сестре Батыя». Степные районы Северного Кавказа и Предкавказья принадлежали младшему брату Батыя Берке. Ещё при жизни Батыя этот царевич

покровительствовал мусульманам и одним из первых, если не первым среди Чингисидов, принял ислам. Его кочевья располагались «в направлении к Железным Воротам (Дербенту. — А. К.), где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берке, привозят ему дары», — сообщал Гильом Рубрук, совершивший путешествие в Монголию спустя восемь лет после Plano Карпини. Очевидно, Берке отвечал за «мусульманское направление» политики Улуса Джучи. Однако его мягкость в отношении единоверцев пришлась не по нраву Батыю, и тот поменял улус брата. Возвращаясь из Монголии осенью 1254 года, Рубрук отметил это: «...Бату приказал ему (Берке. — А. К.), чтобы он передвинулся с того места за Этилию (Волгу. — А. К.) к востоку, не желая, чтобы послы сарацинов проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным»²¹. Как видим, Батый умел считать доходы и делал всё, чтобы не уменьшать, а увеличивать их, даже если это шло вразрез с религиозными предпочтениями его ближайших родственников. Прежний улус Берке был соединён с собственным юртом Батыя, находившимся в Поволжье, и с этого времени стал владением ханов, правителей Орды. Правда, сам Батый недолго пользовался им. Год с небольшим спустя он умер, а вскоре Берке принял власть над всем Улусом Джучи.

Севернее владений Берке, в степях между Доном и Волгой, располагались кочевья сына Батыя Сартака. Он благоволил христианам и, соответственно, больше имел дело с ними. «Именно, он живёт на пути христиан... которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан», — свидетельствовал Рубрук. В число этих христиан Рубрук включал русских, валахов, дунайских болгар, жителей Судака и других крымских городов, черкесов и аланов. О том, что русские князья ещё при жизни Батыя по большей части имели дело с Сартаком, а не с его отцом, известно из летописи.

Были в государстве Батыя и другие улусы. Плано Карпини, например, сообщает о двух татарских тысячниках, которые, переходя «с места на место», кочевали по разным берегам реки Яик (Урал). Отдельным улусом считался Хорезм — почти полностью разрушенное монголами древнее государство, занимавшее земли между Каспийским и Аральским морями. Что же касается центральной части Улуса Джучи — Поволжья, то эти земли вошли в собственный юрт Батыя и впоследствии составляли личный домен правителей Орды.

До конца жизни Батый оставался убеждённым кочевником. Впрочем, как и большинство его преемников на ордынском престоле. Монголы вообще с презрением относились к оседлому образу жизни, считая его признаком слабости, и открыто насмеялись над теми, кто живёт на одном месте, «вдыхая собственное зловоние». Сам Батый кочевал в основном по левому берегу Волги, перемещаясь в течение года с севера на юг и обратно. «Именно, с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться», — писал Рубрук. Когда в августе 1253 года посланец французского короля направлялся в ставку Батыя, тот как раз начал своё обычное движение к югу. Рубрук застал его в пяти днях пути от города Болгар в Волжской Болгарии (находившегося на месте одноимённого современного города в Татарстане, примерно в 30 километрах ниже устья Камы). Этот город, разрушенный татарами, но вскоре восстановленный, первоначально играл роль столицы Улуса Джучи: здесь проводили часть лета и сам Батый, и позднее его преемник Берке; здесь же чеканились и первые ордынские монеты. Присоединившись к ставке Батыя на Средней Волге, Рубрук следовал за ним в течение пяти недель, испытывая при этом сильный голод и нужду. Отсюда он и направился в Каракорум. На обратном пути осенью 1254 года Рубрук застал Батыя уже в низовьях Волги и в течение месяца снова путешествовал вместе с ним. «Вблизи этих мест пребывают около Рождества Христова Бату с одной стороны реки, а Сартак с другой, и далее не спускаются, — писал

он. — Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через неё»²². Орда Бату, то есть его собственный юрт, располагалась «в стране болгар и саксинов» — так, двумя крайними точками, на севере и юге, определял его местоположение Джувейни²³.

Сама ставка Батыя поразила Рубрука. «...Когда я увидел двор Бату, я оробел, — пишет он, — потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окружённым народами на расстоянии трёх или четырёх лье^[23]. И как в израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома с повозок». У монголов было принято, чтобы каждая из жён имела собственную юрту, и юрты эти, напомним, были чрезвычайно велики размерами. У Батыя же, по словам Рубрука, имелось 26 жён, и у каждой «по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкает по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полёту камня». За ставкой правителя в некотором отдалении следовали рынок (или базар) и масса прочего народа — ремесленников, слуг, загонщиков и т. д., которые обслуживали этот громадный движущийся город. Картину дополняли бесчисленные табуны лошадей и стада овец, коров и верблюдов. По свидетельству того же Рубрука, «около своего становища, на расстоянии дня пути, Бату имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день» поставляет к его двору так называемый «чёрный кумыс» «от ста кобылиц, то есть во всякий день он получает молоко от трёх тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, который приносят другие». Из отдалённых владений в ставку доставляли просо, муку и другие продукты²⁴.

Плано Карпини, побывавший у Батыя несколькими годами раньше, так описывал его жилище: «Этот Бату живёт с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их (то есть великий хан. — А. К.). Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из своих жён; другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причём мужчины сидят направо, женщины налево. Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю венгерскому. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату... На середине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питьё в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют или не играют на гитаре (имеется в виду какой-то монгольский струнный инструмент. — А. К.). И когда он едет, то над головой его несут всегда шит от солнца или шатёрчик на копье, и так поступают все более важные князья татар и даже жёны их»²⁵. Всё это были обязательные атрибуты власти, и они наглядно демонстрировали окружающим величие правителя татар, пребывающего на недосягаемой для простых смертных высоте.

Имелись в Улусе Джучи и владения других Чингисидов. Это отвечало общим принципам устройства Монгольской империи и установлениям Чингисхана. По свидетельству более поздних мусульманских источников, когда Чингисхан распределял улусы между четырьмя своими сыновьями, он нарочно назначил «каждому сыну собственность (*мульк*) во владениях другого сына». Сделано это было для того, чтобы между братьями поддерживались непрерывные связи и «постоянно ездили послы». Так, например, в Хорезме, который входил в Улус Джучи, Чагатаю и его потомкам принадлежали города Кят и Хива, а также некий «квартал каана» в разрушенной столице государства Ургенче²⁶.

Напомню, что западные земли были завоёваны силами всех четырёх ветвей «Золотого рода»; представители этих ветвей получили каждый по своей доле завоёванных территорий. Гильом Рубрук упомянул о некоем замке аланов, принадлежавшем Менгу-хану, «ибо он покорил ту землю»; этот замок находился в одном дне пути от Дербента²⁷. Несомненно, это было не единственное владение потомков Тулуя. Какие-то замки или целые области должны были принадлежать и потомкам Угедая и Чагатая. Точно так же и Батый сохранил за собой владения в других частях Монгольской империи. В первой главе книги мы уже упоминали о том, что ему принадлежали земли в провинции Шаньси в Китае и доходы с них (этими землями управлял его доверенный чиновник, найман Терэл)²⁸. Числилась за Батыем и часть населения Бухары, города, входившего в улус Чагатая и его потомков. Позднее, уже при великом хане Хубилае, когда была проведена перепись населения Бухары, оказалось, что из 16 тысяч человек, живших в городе, 5 тысяч, то есть почти треть, была записана за Батыем и его потомками. Претендовал Батый и на обладание Ираном, где у него имелись собственные владения (источники упоминают в этой связи прежде всего Тебриз и Мерагу). «В каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему (Бату) принадлежала определённая часть её, — утверждал персидский историк XIII века ал-Джусджани, — и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители»²⁹. То же можно сказать и относительно Грузии и Армении — стран, завоёванных монгольским полководцем Чармагуном в 1230-е годы, ещё до того, как сам Батый начал свой Западный поход. Впрочем, о его претензиях на эти территории и политике, которую он проводил там, мы будем говорить более подробно.

Несмотря на то что Батый вёл кочевой образ жизни, он в полной мере сумел оценить роль и значение городов в своём государстве. Известно, что Батый основал город, ставший столицей Золотой Орды. Город этот получил название Сарай (что значит «дворец»), или Сарай-Бату, а позднее, при

Берке, именовался Сарай-Берке. Расположен он был на левом берегу Ахтубы, левого рукава Волги (у нынешнего села Селитренное Харабалинского района Астраханской области). Гильом Рубрук, проезжавший здесь в 1254 году, называет его «новым городом» и отмечает, что уже в то время здесь имелся дворец Батыя, давший название всему городу. «Он построил город, пространство которого было столь обширно, как помыслы его, и эту весело расппевающую местность назвал Сарай», — как всегда образно и пышно выразился персидский историк Вассаф; впрочем, арабу аль-Омари Сарай показался «небольшим городом между песками и рекой». Яркое описание города периода его расцвета оставил Ибн Баттута, посетивший Сарай в 1333/34 году: «Город Сарай — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами». К этому времени Сарай входил в число крупнейших городов Европы. Чтобы узнать его истинные размеры, арабский путешественник решил объехать город кругом. «Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и добрались до нашего жилища не раньше как при закате, — пишет он. — Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня, и всё это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов». С самого начала здесь жили представители разных народов, населявших Золотую Орду, — помимо собственно монголов («настоящих владык» страны, как называет их Ибн Баттута), это были кипчаки (половцы), асы, черкесы, русские, греки. «Каждый народ живёт в своём участке отдельно, там и базары их»; имелся в городе и особый квартал для купцов, обнесённый стеной. Дворец хана носил название Алтунташ, что означало: «золотая голова»³⁰. Современные археологи отмечают, что Сарай был весьма благоустроен для своего времени, располагал водопроводом и канализационно-сточной системой. Дворцы и общественные здания строились из обожжённого кирпича на известковом растворе. Как и другие города Золотой

Орды, Сарай не имел крепостных стен. Правители Орды полагали, что одна лишь сила их власти обеспечивает полную безопасность столице; наличие же стен вокруг других городов могло представлять опасность в случае внутреннего мятежа.

Сарай оставался столицей Орды до времён хана Узбека, когда выше по течению Ахтубы была построена новая столица — Сарай ал-Джедид, или Новый Сарай (в нынешней Волгоградской области). Но и после этого Старый Сарай играл важную роль в азиатско-европейской торговле, оставаясь одним из крупнейших транзитных пунктов на путях между Западом и Востоком³¹. Монументальные постройки Сарай-Бату частично сохранялись до 80-х годов XVI века, когда царь Фёдор Иванович приказал ломать «мизгити (мечети. — А. К.) и полаты в Золотой Орде» и «делати» из них русский город Астрахань.

К числу городов, возможно, основанных Батыем, относят также известные из восточных источников Укек (на территории нынешнего Саратова), Бельджамен (Бездеж русских летописей) в районе Волго-Донской переправы, возможно Хаджи-Тархан, предшественник нынешней Астрахани, некоторые города Крыма и Северного Кавказа. А в так называемой «Казанской истории», русском сочинении XVI века, основанном на местных казанских преданиях (её автор 20 лет провёл в Казани в качестве пленника, принял ислам и находился в окружении казанского хана), говорится об основании «царём Саином», то есть Батыем, и самой Казани — точнее, так называемой Старой Казани, расположенной в нескольких десятках километров от нынешнего города, на реке Казанке. Правда, приведённая здесь легенда об основании города носит чисто фольклорный, даже сказочный характер: в ней рассказывается о некоем гигантском змее «о двух головах», пожиравшем «человеки и скоты и звери» и изведённом лишь волшебством; на месте его жилища (змеиного гнезда) и была основана Казань — «Саинов юрт». Легенда эта представляет исключительно литературный интерес и характеризует отнюдь не исторического Батыя, но тот образ

мифического «царя Саина», который сложился столетия спустя среди покорённых им поволжских народов. К исторической Казани это предание не имеет ни малейшего отношения³².

Не все из основанных Батыем поселений превратились в города. Но сам факт их появления свидетельствует о том, что правитель Улуса Джучи придавал большое значение обустройству своих земель, организации правильного сообщения между отдельными частями государства. Так, на восточном берегу Дона он приказал устроить «посёлок русских, которые перевозят на лодках послов и купцов». Поселенцы имели «льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно», — сообщал Гильом Рубрук. Он рассказал и о том, как проходила переправа: «Они сперва перевезли нас, а потом повозки, помещая одно колесо на одной барке, а другое на другой; они переезжали, привязывая барки друг к другу и так гребя». Когда приставленный к Рубруку проводник потребовал себе лошадей, жители посёлка отказали ему, сославшись на упомянутую льготу Батыя. Такие посёлки территориально были привязаны к местам кочевий татар. «Выше этого места татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу, — сообщал Рубрук, — поэтому ниже есть другой посёлок, где послы переправляются в зимнее время». Такой же посёлок был устроен и на Волге — предположительно в районе нынешнего Саратова (его отождествляют с ордынским городом Укеком). Сюда перевели «вперемежку» русских и сарацин (вероятно, волжских болгар или половцев) и тоже обязали их перевозить послов — «как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда». Ещё один посёлок на западном берегу Волги сын Батыя Сартак строил как раз в тот год, когда Рубрук возвращался из своего путешествия в Монголию; примечательно, что в этом поселении возводилась и «большая церковь» — вероятно, для переселённых сюда русских или аланов³³.

Упомянутые поселения предназначались главным образом для обеспечения безопасности и удобства послов и купцов, разъезжавших по бескрайним пространствам Дешт-и-Кипчак. Во времена самого Батыя подобные путешествия таили в себе немалую опасность. Тот же Рубрук рассказывал об отрядах из русских, венгров и аланов, «рабов татар», которые разбойничали на путях между ставками Сартака и его отца, то есть в самой сердцевине державы Батыя. Как видим, многие из тех, кого угоняли в Орду, не желали мириться со своей участью. Численность таких шаек доходила до двадцати — тридцати человек; они «выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застанут ночью. Днём они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть». В глазах татар всё это было тягчайшим преступлением и каралось смертью. Для борьбы с разбоями принимались самые суровые меры. И с течением времени ситуация на дорогах изменится кардинально. Известно, что Бату покровительствовал купцам, прибывавшим к нему с товарами из разных стран, давал им льготы и, как правило, платил больше, нежели они запрашивали. Ту же политику будут проводить и его преемники. Путешественники XIII-XIV веков сообщают о неизменно благожелательном отношении правителей Орды к людям, занятым торговлей. Со времён братьев Поло (50-е годы XIII века) итальянцам стал известен сухопутный путь в Китай; чтобы добраться туда из Каффы (Феодосии), требовалось в среднем 279 дней, то есть чуть больше девяти месяцев. При этом значительная часть пути проходила по землям Золотой Орды. «Путь от Дона до Китая и днём и ночью очень безопасен», — отмечал в 1338 году флорентийский купец, автор всеобъемлющего торгового путеводителя Франческо Бальдуччи Пеголотти³⁴.

Но эта «глобализация» XIV века имела и оборотную сторону. Она обернётся катастрофой, более страшной для Европы, нежели даже нашествие Батыя. Речь идёт о пандемии чумы — печально знаменитой «чёрной смерти»,

которая всего за несколько лет вместе с торговыми и посольскими караванами и морскими судами распространится по всему миру — от Южного Китая до Дешт-и-Кипчак, низовий Волги и Причерноморья, а затем и до самых удалённых уголков Европы и Ближнего Востока. Около 1346 года из генуэзской Каффы в Крыму болезнь перекинется в портовые города Италии, затем во Францию и так, одну за другой, поразит все европейские страны. Последствия будут чудовищными: смерть не пощадит никого, выкашивая города и целые области. По некоторым оценкам, менее чем за десятилетие Европа потеряет половину или даже больше всего своего населения... Таково ещё одно отдалённое последствие монгольских завоеваний³⁵. Конечно, к самому Батыю оно не имеет прямого отношения, а вот к истории основанной им Золотой Орды имеет, и даже очень.

Это громадное государство почти на два века переживёт своего создателя — срок очень большой для степной империи, включившей в себя территории с совершенно различными укладами жизни. Если говорить о самой основе существования Золотой Орды, о той скрепе, которая соединила разноязыкую, многоконфессиональную массу племён и народов, населявших её, то этой скрепой нужно признать прежде всего страх — глубокий, животный страх перед грозными завоевателями. Представители другого мира, другой цивилизации, монголы внушали ужас одним своим видом, своими обычаями, манерой ведения войны, несомненным превосходством на поле брани, а более всего — своей жестокостью. Цивилизации Дальнего Востока многим отличаются от западных. Сам образ жизни, принципы управления населением были здесь совершенно иными. По-другому смотрели на Востоке и на саму человеческую жизнь, оценивая её гораздо ниже, чем на Западе. Даже способы умерщвления людей были куда более разнообразными и изощрёнными, нежели те, к которым привыкли в странах Европы и Арабского мира, и монголы охотно демонстрировали своё умение лишать человека

жизни самым чудовищным, самым противоестественным образом: то вспарывая своим жертвам животы, то взрезая грудную клетку и вырывая у ещё живого человека сердце, то отрезая голову, руки и ноги, расчленяя человека «по суставам», то забивая глотку землёй или камнями, то затаптывая лошадьми или затравливая собаками, выдавливая жир или желчь и вытягивая жилы, сдирая кожу, сваривая в котле с кипящей водой или сжигая на открытом огне, а то давя насмерть досками, на которых сами они могли устраивать пир (как это было, например, после битвы на Калке в 1223 году). Дело не в том, что монголы были по своей природе хуже или лучше тех народов, которые подверглись их завоеванию. (Ничуть не меньше жестокости проявляли, например, хорезмийские воины султана Джелал ад-Дина, долго и упорно воевавшие с монголами, — причём проявляли и в отношении попадавших к ним в плен монголов, и в отношении христианского населения Грузии и Армении, куда хорезмийцы вторглись, теснимые монголами.) Но они, монголы, были *другими* — настолько другими, что впервые встретившиеся с ними христианские и мусульманские интеллектуалы не находили ни примеров в древней и новой истории, ни аналогий, чтобы хоть с кем-то или чем-то сравнить их, — кроме разве что неясных пророчеств Апокалипсиса об ужасах последних дней мира. И очень скоро страх перед «злыми татарами» пронизал все слои общества. Страх этот проявлялся, можно сказать, на генетическом уровне спустя десятилетия и даже столетия после самого завоевания, парализуя всякую волю к сопротивлению, зачастую подавляя даже элементарное чувство самосохранения. «За умножение грехов наших смирил нас Господь Бог перед врагами нашими: да если явится где один татарин, то многие наши не смеют противиться ему; если же двое или трое, то многие русские, бросая жён и детей, обращаются в бегство» — так напишет русский книжник в начале XV столетия, спустя 170 лет после Батыева нашествия и спустя четверть века после Куликовской победы!³⁶

Читать подобные строки горько. Но так было не только на Руси. То же чувство животного страха охватывало людей во всех странах, подвергшихся нашествию. Арабский историк Ибн ал-Асир, современник первого вторжения монголов в Иран и Закавказье в начале 1220-х годов, писал почти то же самое, что русский летописец: «Мне рассказывали о них (татарах) такие вещи, которым слушатель едва ли поверит... Так, говорили, что какой-нибудь всадник из татар, войдя в какое-нибудь селение или встав на дороге, по которой ходило много людей, убивал одного за другим из них, причём никто из них не смел тронуть его рукой. Мне рассказывали, что один из них схватил какого-то человека, но, не имея, чем его убить, сказал ему: “Клади свою голову на землю и не трогайся с места”; и тот положил [голову], а татарин пошёл за мечом и убил его. Другой передал мне следующий случай: “Я находился с семнадцатью мужчинами в пути; вдруг появился татарин-всадник и приказал нам связать друг друга. Мои спутники начали исполнять его приказание...”». Ибн ал-Асир не дожил до полномасштабного вторжения татар в земли Восточной Европы, но и то, что случилось в его время, казалось ему бедствием, равных которому история не знала: «Если бы кто сказал, что мир с того времени, как Бог сотворил Адама, и до сего дня не испытал такого несчастья, то он был бы прав, так как летописи не содержат ничего подобного или близкого к этому... Это нечто неслыханное!.. Со времени появления Пророка и до настоящего времени мусульмане не терпели таких притеснений и такого вреда, какие они терпят в настоящее время»³⁷. А вот слова армянского хрониста Киракоса Гандзакеци, современника нашествия татар на страны Закавказья, который и сам побывал в татарском плену: «Бодрость покидала людей мужественных, опускались руки у искусных стрелков, люди прятали мечи, дабы неприятель, увидев их вооружёнными, не погубил бы без пощады. Голоса врагов снедали их, стук их колчанов нагонял ужас на всех. Каждый видел приближение своего последнего часа, и сердца их останавливались. Дети в ужасе перед мечами

бросались к родителям, а родители вместе с ними падали от страха ещё до того, как враг приблизился к ним»³⁸. О том же писал и Фома Сплитский, вспоминая о нашествии монголов, вслед за Венгрией, на Хорватию и Далмацию. Когда монголы показались в виду города Сплита (где служил тогда архидиаконом Фома), то жители города поначалу не поняли, кто это. Венгры же, бежавшие сюда из своей, уже разорённой страны, «при виде их знамён оцепенели, и их охватил такой страх, что все они бросились к церкви и с великим трепетом приняли святое причастие, не надеясь больше увидеть света этой жизни... Не дожидаясь даже своих детей, гонимые страхом смерти, они бежали в более безопасные места»³⁹. И такое повторялось везде, где проходили татары.

Знаменитое полотно русского художника Василия Верещагина «Апофеоз войны» изображает страшную картину из истории среднеазиатского завоевателя Тимура — того самого, который вёл войны с ханами Золотой Орды и почти полностью уничтожил их государство в конце XIV столетия. Но башни из человеческих черепов и мёртвых тел — отнюдь не изобретение Тимура. Подобные сооружения насыпали и воины Батыя и других монгольских полководцев. «...Чтобы устрашить тех, кто обитал на другой стороне Дуная, они (татары. — А. К.) сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел, — писал, например, о разорении Венгрии Фома Сплитский. — ...Некоторые из них, насадив на копья детей, как рыб на вертел, носили их по берегам реки». Об отрезанных головах, которые по приказу Бату сваливали в кучи где-то в Венгрии, сообщал и Бенедикт Поляк (среди этих голов, напомним, была и голова Генриха Благочестивого). Пирамиды из разрубленных на части тел, «сваленных друг на друга в кучу, подобно камням», описывал при взятии города Ани и других армянских крепостей Киракос Гандзакеци. Целые горы, состоявшие «из груды костей тех, кого умертвили татары», видели в Средней Азии армянский полководец Смбат Спарпет, итальянец Плано Карпини и многие другие из тех, кто направлялся в Монголию. С течением времени от

этих гор оставались лишь «многочисленные головы и кости мёртвых людей, лежащие на земле подобно навозу», — эту картину путешественники наблюдали и на Руси, и в той же Средней Азии⁴⁰.

Но один только страх перед грозными завоевателями не смог бы обеспечить столь длительное существование государства. Правители Орды проводили достаточно осмысленную политику, всюю пользуясь услугами китайских, уйгурских и хорезмийских чиновников, накопивших богатый опыт по управлению гигантскими территориями. Почтовая и курьерская служба, обеспечение безопасности на дорогах, сбор и учёт налогов и перепись населения, выпуск твёрдой монеты и бумажных ассигнаций, раздача ярлыков и личная зависимость получивших их правителей от хана, отчётность чиновников перед центральными властями, чёткая организация вооружённых сил, специальные службы по сбору и складированию продовольствия и фуража, наведению мостов и прокладке дорог — всё это было поставлено в древнем и средневековом Китае, а затем и в Монгольской державе, на такой уровень, какого не знала Европа. А потому Монгольское государство, особенно поначалу, функционировало вполне успешно. Строгое соблюдение монгольских законов и установлений сочеталось здесь с широкой религиозной терпимостью, а поразительная жестокость — с тщательным расследованием всякого преступления, причём дело могло закончиться как смертной казнью, так и прощением виновного. Своеобразной была и, так сказать, «национальная» политика монголов — весьма различавшаяся в отношении кочевых и оседлых народов, вошедших в состав империи.

Монголы составляли лишь незначительную часть населения основанного ими государства, его правящую верхушку. Их было меньшинство даже в войске, приведённом Батыем в Восточную Европу. Когда-то Чингисхан передал своему сыну Джучи несколько тысяч человек из разных монгольских племён. К началу XIV века, когда Рашид ад-Дин составлял свой труд по истории

монголов, часть войска наследников Джучи состояла из их потомков, «а то, что прибавилось в это последнее время, состоит из войск русских, черкесов, кипчаков, маджаров и прочих, которые присоединены к ним»⁴¹. С течением времени монголы полностью растворяются в гигантском этническом котле, переплавившем множество самых разных племён и народов великой Половецкой степи. Отдельные роды кочевников — половцев, торков, канглов, «чёрных клобуков» и других — должны были по воле правителей Орды менять привычные места своих обитаний (так, например, «чёрные клобуки» были переселены из южнорусских областей на Волгу). Они смешивались друг с другом, а также с теми кочевыми племенами, которые пришли вместе с монголами в Половецкую степь из глубин Азии. Монголы и раньше считали половцев и торков своими рабами и «конюхами»; теперь, лишившись убитых или уведённых в рабство правителей, те и в самом деле сделались их покорными слугами. Это соответствовало специфике социальных отношений у кочевых народов: род или племя, потерпевшие поражение в войне, попадали в зависимость от рода или племени победителей, переходили в разряд «коллективных рабов»⁴². Но «долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирождённые черты согласно её природе», — глубокомысленно замечал арабский учёный-энциклопедист XIV века аль-Омари, рассуждая о современной ему этнической ситуации в Золотой Орде. «В древности это государство было страной кипчаков (половцев. — А. К.), но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто от одного с ними рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их»⁴³. Удивительно точный анализ тех процессов, которые, как видим, сделались необратимыми уже к середине XIV столетия, всего лишь век спустя после завоевания! Со

временем тюркский язык станет родным даже для ханов — правителей Орды. Название же «татары», принесённое из Центральной Азии и Монголии, останется за населением громадных пространств, включавших в себя и Крым, и Половецкую степь, и Поволжье, и часть Сибири. Однако повторюсь ещё раз, что с этнической точки зрения нынешние татары не имеют к завоевателям XIII века практически никакого отношения.

Русские земли, как и земли других оседлых народов, также вошедшие в состав государства Джучидов, оказались в ином положении, чем земли кочевников-половцев. Их безжалостное разорение в ходе завоевания и после него не имело целью ликвидацию собственно государственности; эти земли не были нужны татарам сами по себе, ибо не годились для кочевий. Их надлежало использовать главным образом как источник постоянного обогащения и пополнения рабочей и воинской силы, а для этого удобнее было сохранить существующие в них властные структуры, подчинив их себе и включив во властные структуры Монгольской империи. В 1243 году князь Ярослав Всеволодович, первым среди русских князей, отправился на поклон к Батыю, и тот признал его «старейшинство» над прочими князьями. «Батый же почтил Ярослава великою честью и мужей его, и отпустил, и рек ему: “Ярослав, будь ты старше всех князей в русском языке (народе. — А. К.)”, — сообщает летописец. — Ярослав же возвратился в свою землю с великою честью»⁴⁴. Сын Ярослава Константин поехал в Каракорум, «к Кановичам»^[24]; два года спустя туда же вынужден будет поехать и сам Ярослав. Пока же вслед за Ярославом к Батыю потянулись другие князья Северо-Восточной Руси. В 1244 году «в Татары к Батыю про свою отчину» отправились двоюродный брат Ярослава князь Владимир Константинович Угличский, юные сыновья убитого татарами Василька Константиновича ростовские князья Борис и Глеб Васильковичи, ярославский князь Василий Всеволодович (сын Всеволода Константиновича), «и с своими мужи»; годом позже — снова Ярослав (на этот раз направлявшийся ещё дальше, в Каракорум) и его братья,

Святослав и Иван Всеволодовичи, «с сыновци», то есть с племянниками. Всех их Батый «почтил... достойною честью», «рассудив каждому его отчину», то есть предоставив во владение — уже от своего имени — те земли, которые принадлежали им раньше в соответствии с принятым на Руси династическим счётом.

По этому счёту Ярослав действительно был старшим среди всех оставшихся в живых русских князей, во всяком случае среди князей Северо-Восточной Руси. Но он получил от Батыя не только великое княжение Владимирское, на которое имел бесспорные права, но и Киев, «мать городов русских». Сам Ярослав не поехал в полностью разорённый и обезлюдивший Киев, зато послал туда своего боярина Дмитра Ейковича, который и «обдержал» город в течение всех лет его княжения, а может быть, и дольше. Как мы помним, на Киев претендовали и князья Южной Руси — прежде всего Даниил Галицкий и Михаил Черниговский. Но оба эти князя оставались врагами Батыя всё то время, пока он воевал в Венгрии и других странах Центральной Европы; оба искали помощи у враждебных Батыю правителей этих стран. Позднее и Даниил, и Михаил смиряются и тоже отправятся к Батыю — дабы получить от него свои собственные земли (для Михаила Черниговского эта поездка закончится гибелью). Но Ярослав явился к Батыю раньше их; по-видимому, он с самого начала, первым из русских князей, безоговорочно признал власть татар — и потому был обласкан Батыем более других. Это полностью соответствовало принятым в Монгольской империи правилам, согласно которым первый по времени из тех, кто «присоединился к государству монголов», получал первое место в иерархии племенных вождей⁴⁶. Позднее, после смерти Ярослава, Батый сделает ставку на его сына Александра — и тот, подобно отцу, проявит полнейшую лояльность к татарским «царям». Так под пятой татар была деформирована вся политическая система Русского государства. Отныне право на княжение в том или ином городе определялось не старшинством того или иного князя, а исключительно волей правителя Орды. И уже

заботой русских было сделать так, чтобы ярлык на княжение получил именно тот князь, для которого это княжение являлось «отчиной» и «дединой», который имел на него преимущественные права. Но при существующих сложностях династического счёта, при разветвлённости рода русских князей и, главное, при их постоянной вражде друг с другом получалось это далеко не всегда.

Некоторые области на юге Русской земли, находившиеся вблизи Половецкого поля, попали под непосредственную власть татар. Так, татары хозяйничали в Переяславле-Южном; принадлежал им и город Канев на Днепре, в 120 километрах южнее Киева. «Люди татарские» упоминаются в Болоховской земле и днестровском Понизье, на юге Галицко-Волынского княжества. Есть сведения о том, что своеобразная «буферная зона» существовала под властью татар на Оке, в пределах Рязанского княжества. «Татарскими» считались позднее Тула, Коломна, Лопасня⁴⁷.

Случалось и так, что отдельные представители монгольской знати, в том числе родственники или свойственники самого Батыя, оказывались на Руси, так сказать, в «частном порядке». Наиболее раннее свидетельство на этот счёт принадлежит русскому архиепископу Петру, бежавшему от татар и нашедшему убежище в Западной Европе. В 1245 году он выступил с информацией о татарах перед участниками I Лионского собора, рассказал о их обычаях, тактике ведения войны и, в частности, упомянул, что «некто из тартар, по имени Калаладин, зять Чиркана (Чингисхана. — А. К.), бежал в Руссию (в другом варианте: «был изгнан в Руссию». — А. К.), ибо был уличён во лжи. Его лишь благодаря его жене пощадили старейшины татарские, а не убили его»⁴⁸. Известно, что какие-то «ордынские вельможи» во времена преемника Батыя Берке проживали в Ростове; среди них оказался некий «царевич» (по версии позднего русского Жития, племянник Берке), принявший здесь крещение с именем Пётр и впоследствии причтённый Русской церковью клику святых⁴⁹. Если перед нами не поздняя агиографическая легенда (связанная с основанием

известного Петровского Ростовского монастыря), то это — случай исключительный^[25].

Не стоит обольщаться словами летописца относительно «чести», оказанной русским князьям в Орде. Все они оставались не более чем «улусниками» и «служебниками» татар³¹. Их поездки в Орду имели единственную цель: подтвердить признание ими власти татарских «царей», поклониться им и на этом условии принять от них в «держание» собственную землю. «Не подобает жить на земле хановой и Батыевой, не поклонившись им» — так выражено это условие в древнерусском «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора»⁵². «Хан», или «кан», — это правитель всей Монгольской империи; Батый — правитель Улуса Джучи, в состав которого вошла и Русь. До тех пор пока Батый и его преемники будут признавать власть центрального монгольского правительства в Каракоруме, будет действовать это правило, и русским князьям придётся изъявлять свою покорность и великому хану, и правителям Орды. При этом признание власти ордынских «царей» было обставлено множеством унижительных обрядов и церемоний, которые в глазах русских выглядели кощунственными и неприемлемыми для православного человека. (Именно неприятие этих обрядов будет стоять жизни князю Михаилу Черниговскому; впрочем, более подробно о пребывании русских в ставке Батыя речь пойдёт в следующей главе книги.) В этом отношении положение русских князей ничем не отличалось от положения правителей других завоёванных монголами стран. Татары «посылают... за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления, — сообщал Плано Карпини, — а когда они придут туда, то не получают никакого должного почёта, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их жёнам, и чиновникам, тысячникам и сотникам...», А в другом месте своего сочинения писал о том, что татары считают других людей, «так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно, мы видели при дворе императора

(хана Гуюка. — А. К.), как знатный муж Ярослав, великий князь России, а также сын[овья] царя и царицы Грузинской, и много великих султанов, а также князь солангов (корейцев. — А. К.) не получали среди них никакого должного почёта, но приставленные к ним татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а... тем надлежало сидеть сзади зада их»⁵³. Вот уж действительно, «злее зла честь татарская!» — как воскликнет галицкий летописец, рассказывая о пребывании у Батыя князя Даниила Романовича.

Такое презрительное отношение даже к правителям завоёванных стран татарские чиновники любого ранга демонстрировали и приезжая в их страны. В этом отношении показательна история, произошедшая с грузинским князем Авагом Мхардзели, носившим титул атабека, то есть регента и правителя страны. Аваг одним из первых в Грузии признал власть завоевателей; он совершил путешествие и к Батыю на Волгу; и в Каракорум и получил от великого хана Угедея ярлык и жену-монголку; свою же собственную дочь выдал замуж за одного из вельмож, состоявших на ханской службе, — всё это должно было сильно возвысить его в глазах татар. И тем не менее когда к нему в дом явился некий татарин Джодж-Буга, человек «не очень уж знатный», как сообщает армянский хронист Киракос Гандзакеми, и Аваг «не столь поспешно встал навстречу ему», татарин «начат бить его по голове нагайкой, которая была у него в руке». В страхе за свою жизнь Авагу пришлось бежать из страны и взывать к милости великого хана, а его дом и имущество были разграблены⁵⁴. Подобное вполне могло случиться — и наверняка случалось — и с русскими князьями. Известно, что даже во второй половине XV века — незадолго до окончательного свержения ордынского ига! — великому князю Ивану III, «государю всея Руси», приходилось демонстрировать свою покорность перед прибывавшими в его столицу татарскими послами: «он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих». По словам

австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, супруга Ивана III гречанка Софья Палеолог «так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным»⁵⁵. Что уж говорить о временах Батыя или Берке?! Какие чувства должны были испытывать русские князья, получая известие о прибытии к ним очередного татарского чиновника?! На что приходилось идти им, чтобы избежать гнева, унижений и издёвок, а зачастую и рукоприкладства?! Рецепт в таких случаях был один, и он хорошо известен: это лесть, угодничество, раболепие, заискивание перед грозными «варварами», а главное — богатые подношения, угощение, дары...

Первые десятилетия татарского владычества над Русью отмечены беспощадным, почти ничем не ограниченным произволом татар, продолжающимся разграблением страны, массовыми убийствами, уводом населения в рабство. Требования, которые татары предъявляли к подчинившимся им народам, перечислил Плано Карпини: эти требования сводились к тому, «чтобы они (покорённые народы. — А. К.) шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно, они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю». Это были те самые требования «десятины во всём», которые татары накануне нашествия предъявили русским князьям. Но даже если бы русские приняли их, татары вряд ли бы стали соблюдать какие-то договорённости относительно условий подчинения Русской земли их власти. Плано Карпини прямо писал об этом: в отношении стран, уже завоёванных ими, татары, «если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них». А далее приводил конкретные примеры, прямо относившиеся к Руси: «Например, в

бытность нашу в России был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Куйюк-кана (Гуюка. — А. К.) и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трёх сыновей, брал одного (то есть вместо «десятины» треть! — А. К.)... вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жён, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя (? — А. К.), одного чёрного бобра, одного чёрного соболя, одну чёрную шкуру некоего животного (хоря. — А. К.)... и одну чёрную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведён к татарам и превращён в их раба». Возможно, итальянский монах не вполне точен, перечисляя состав русской дани (да и едва ли эта дань была одинаковой для всех категорий населения и всех областей Руси). Но он прав в том, что дань эта была в полном смысле слова губительной для страны и народа. К тому времени в Монгольской империи получила широкое распространение практика передачи дани с отдельных земель на откуп — главным образом «сарацинам», то есть купцам-мусульманам из Средней Азии («бесерменам», как их будут называть на Руси) или купцам-евреям⁵⁶. Внеся определённую сумму платежа в ханскую казну, откупщики получали возможность собирать с отведённой им территории много больше — их сопровождали сильные татарские отряды, которые выбивали недоимки, а когда платить было нечем, забирали в рабство самих должников или членов их семей. Для определения размеров дани и требовалось «исчисление» жителей. Массовые переписи населения (или «число», как называли эти переписи на Руси) начнутся в русских землях позднее (первое всеобщее «исчисление» Северо-Восточной Руси отмечено летописями уже после смерти Батыя, в 1257 году). Но судя по свидетельству Плано Карпини, «исчисления» отдельных городов и сёл происходили на Руси

уже в первое десятилетие ордынского ига. «Людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве», — писал Плано Карпини о русских. Несколько лет спустя Гильом Рубрук подтвердил его слова: «Эта страна вся опустошена татарами и поныне ежедневно опустошается ими... Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных»⁵⁷.

Должно было пройти немало времени, чтобы сбор татарской дани перешёл из рук татарских «откупщиков» в руки самих русских князей. Этому способствовали и начавшийся распад Монгольской империи, перераспределение потоков дани между Сараем и Каракорумом, ослабление политических связей между ними, и та политика лояльности по отношению к татарам, которую проводили суздальские, а потом и московские князья⁵⁸. Но память о страшных последствиях наездов татарских «данщиков» и «должников» надолго осталась в русском народе. Процитированные выше свидетельства Плано Карпини и Рубрука находят точное, почти буквальное подтверждение в русской исторической песне о «Щелкане Дудентьевиче» — одном из разорителей Руси, татарском после и сборщике дани, бесчинствовавшем в Твери в 20-е годы XIV века; он «брал... дани, невыходы, царски невыплаты»:

У которого денег нет,
У того дитя возьмёт;
У кого дитя нет,
У того жену возьмёт;
У которого жены-то нет —
Того самого головой возьмёт⁵⁹.

Как и в другие завоёванные страны, в русские земли назначались особые чиновники — баскаки (Плано Карпини называет их «наместниками»). Отнюдь не всегда это были

собственно монголы. В летописях упоминается, например, баскак Ахмат, «бесерменин злохитр и велми зол» (по всей вероятности, выходец из Средней Азии); в одном из поселений на юге Руси начальником при Батые был некий алан Михей (судя по имени, христианин), «человек, преисполненный всякой злобы и коварства», как характеризует его Плано Карпини. Этих наместников сопровождали сильные военные отряды. Баскаки стояли над князьями и могли контролировать каждый их шаг. В их непосредственные обязанности входили сбор дани и организация военных отрядов для участия в войнах, которые вели монголы. Княжеские договоры, посажение на княжеский стол того или иного князя — всё это осуществлялось под строгим наблюдением специальных посланников, порученцев правителей Орды⁶⁰. Наряду с великим князем Владимирским будет назначен и «великий баскак», резиденцией которого — по крайней мере позднее — станет стольный Владимир. Другие баскаки будут приставлены к другим княжествам, большим и малым. Всем без исключения «подобает повиноваться их мановению, — писал Плано Карпини, — и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти баскаки возражают им, что они неверны татарам, и таким образом разрушают их города и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, ещё в бытность нашу в земле татар, с одним городом, который они сами поставили над русскими в земле команов (половцев. — А. К.). И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно».

О каком городе «в земле команов» сообщает итальянский монах, мы не знаем — в русских летописях

этого эпизода нет. Но в них имеется рассказ о другом баскаке — упомянутом выше «злом бесерменине» Ахмате, — действовавшем, правда, много позже Батыея, в 80-е годы XIII века. Он «держал баскачество Курского княжения» и одновременно откупил у татар «дани всякие, и теми данями великую досаду творил князьям и чёрным людям». Ахмат устроил две слободы в землях Олега, князя Рыльского и Воргольского, освободив тех, кто перейдёт к нему, от даней и податей. Естественно, что эти слободы тут же наполнились людьми самого разного пошиба; люди эти (в большинстве своём русские, а не татары) «насилие творили христианам», разоряя и опустошая все земли вокруг Рыльска и Воргола (последний город находился на реке Клевень, правом притоке Сейма). Князь Олег пожаловался тогдашнему правителю Орды «царю» Телебуге, правнуку Батыея; тот приказал разогнать слободы, а людей, принадлежавших Олегу, вернуть на их прежние места. Но не бездействовал и Ахмат: он обратился к сопернику Телебуги, могущественному правителю Ногаю, обвинив русского князя в том, что тот «враг татарам» (в точности как писал об этом Плано Карпини). Ногай поверил в клевету и направил против Олега и его родственника Святослава, князя Липовичского, вооружённый отряд татар. В январе 1284 года татары подступили к Ворголу; заняв все пути и дороги, они разорили «всё княжение Ольгово и Святославле», но самих князей не поймали (Олег вновь ушёл в Орду к Телебуге, а Святослав скрывался в лесах), зато схватили 13 их главных бояр и множество «чёрных людей». Все они были выданы на расправу Ахмату. «Чёрных людей» Ахмат освободил и прогнал прочь, а бояр казнил: им отрубили головы и правые руки. В полоне оказалось и несколько странников — паломников. Ахмат отдал им одежды убитых бояр и отпустил, наказав так: «Вы — гости-паломники, ходите по землям; так молвите: “Кто будет спорить со своим баскаком, тому то же будет”». Трупы бояр развесили для устрашения по деревьям, а отрубленные головы и руки велели с той же целью накладывать в сани, чтобы развезить их по землям княжества, — но некуда было

развозить их, рассказывает летописец, ибо всё разграблено и разорено, а люди разбежались; и тогда головы и руки боярские бросили здесь же, на съедение псам... Но это ещё не конец истории с баскаком Ахматом. О её продолжении стоит сказать тоже, поскольку история эта с редкой силой являет нам самое существо ордынского ига, калечившего не одну только плоть, но и душу русских людей, вынужденных приспособляться к жестоким ордынским порядкам, идти против совести, подавлять родственные чувства, даже предавать смерти близких им людей — и не всегда ради того, чтобы спасти собственную жизнь, иной раз — ради спасения чужих жизней... По прошествии некоторого времени липовичский князь Святослав^[26] напал на двух Ахматовых братьев, ехавших со своими людьми из одной слободы в другую. Оба брата сумели убежать в Курск, но из их людей убито было 25 человек русских да ещё два «бесерменина». Наутро люди из обеих Ахматовых слобод в страхе разбежались. По татарским законам, Святослав совершил тяжкое преступление; нависла угроза нового нашествия. И тогда князь Олег обратился к своему родичу с такими словами: «Зачем ты не по правде поступил?.. Ныне, как разбойник, напал из засады у дороги! Знаешь ведь ты законы татарские! Да и у нас на Руси разбой — преступление. Езжай теперь в Орду, отвечай!» Святослав отказался, и Олег поехал в Орду один. Там Святослав был заочно осуждён на смерть. «...И потом пришёл из Орды князь Олег с татарами, и убил князя Святослава по царёву слову». А ещё потом родной брат Святослава, князь Александр, убил в отместку князя Олега и двух его малолетних сыновей... Летописец пытается бесстрастно рассказывать обо всём случившемся. Но и он не сдерживает слёз, передавая чувства людей, вынужденных жить в условиях чудовищного насилия, беспробудного страха и полной потери нравственных ориентиров: «...И было видеть дело это стыдно и вельми страшно, [так страшно, что] и хлеб во уста не шёл от страха»⁶¹.

А вот рассказ о другом баскаке — уже из времён Балыя. Он был поставлен в Бакоту. город на Днестре, в так

называемом Понизье, на юге Галицкой земли. Когда татары подступили к Бакоте, местный правитель Милей перешёл на их сторону. В то время галицкий князь Даниил Романович воевал с татарским военачальником Куремсой. Он двинул к Бакоте свои войска и захватил в плен и Милея, и баскака; вскоре, однако, оба были отпущены. Когда же татары вновь подошли к Бакоте, Милей опять передал им город. Затем Куремса двинулся к Кременцу — городу, который когда-то не сумел взять сам Батый. В Кременце имелся свой наместник, некий Андрей. По словам галицкого летописца, он действовал двоедушно: то исправно выполнял волю татар, то принимал сторону князя Даниила Романовича. У Андрея имелась какая-то грамота, данная ему самим Батыем, — вероятно, освобождавшая его от даней и поборов, вроде той грамоты, какую Батый выдал русским перевозчикам через Дон. Но эта грамота и сгубила Андрея, ибо, держа сторону Даниила, он тем самым нарушал предписания правителя Орды. «Предал Бог его в руки им (татарам. — А. К.), — рассказывает летописец. — Он же сказал: “Батыева грамота у меня есть”; они же ещё больше взъярились на него, и убили его, и сердце вырезали; и, ничего не добившись у Кременца, возвратились в страны свои»⁶².

Князю Даниилу Галицкому до времени удавалось сдерживать натиск татар. «Даниил воевал с Куремсой и никогда не боялся Куремсы, потому что Куремса никогда не мог причинить ему зла», — пишет галицкий книжник. Всё изменится спустя несколько лет, когда место Куремсы займёт гораздо более опытный Бурундай и Даниил вынужден будет покориться, а многие из его городов — те самые, которые он отстраивал, украшал и заселял людьми, бежавшими от татар, — будут разрушены по повелению татар самими же русскими. А сколько ещё таких карательных набегов, безжалостных татарских ратей обрушится на Русь, и сколько бед причинят они русским людям! Только за вторую половину XIII — начало XIV века историки насчитывают более двадцати нашествий татарских полчищ на земли Северо-Восточной и Южной

Руси⁶³. Иные из них по своим масштабам и степени разрушений приближались к Батыеву погрому. И нередко эти рати наводили на Русь сами русские князья.

Летописцы рисуют ужасающие картины нравственной деградации русского общества того времени. Это выразится во многом, но, может быть, больше всего и страшнее всего именно в этих татарских ратях, наводнявших Русь по приглашению самих князей. И отнюдь не для того приглашали татар русские князья, чтобы — как в случае с князем Олегом Рыльским — ценой жизни своего родича (а как выяснялось, и ценой собственной жизни и жизнью своих малых детей) спасти людей от ещё больших ужасов и мучений. Нет, чаще всего русские князья будут приводить татар на свою землю для того, чтобы решить в свою пользу тот или иной спор, расправиться с тем или иным противником — таким же князем, нередко родным братом или племянником, — получить то или иное княжение. А платить за это придётся сотнями и тысячами жизней простых русских людей. Десятилетия страха, постоянного унижения, бесконечного кровопролития вселяли озлобление в души, порождали всеобщую ненависть, недоверие, вероломство. И напрасны будут призывы к покаянию знаменитого русского проповедника и пастыря Серапиона, архимандрита Киево-Печерского монастыря, а позднее епископа Владимиро-Суздальского, обращавшегося в 70-е годы XIII века в своих проповедях и к «простой чади», простолюдинам, и к «сильным» земли Русской. «Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? — зывал Серапион. — Давно ли пали отцы и братья наши трупьем на землю? Не уведены ли женщины наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиеся горестным рабством неверных? Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, и всласть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости. Кто же нас до этого довёл? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша! Молю вас, братья, каждого из вас: вникните в помыслы ваши, узрите очами сердца дела

ваши, — возненавидьте их и отриньте, к покаянию придите...» И ещё, в другой проповеди, — слова очень внятные, страшные в своей простоте и, увы, применимые не только к людям далёкого XIII века: «Даже язычники, Божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клеветают, не крадут, не зарятся на чужое. Никакой неверный не продаст своего брата, но если кого-то постигнет беда — выкупят его и на жизнь дадут ему... Мы же считаем себя православными, во имя Божье крещёнными и, заповедь Божию зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия: братьев своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаём; доносами, завистью, если бы можно, так съели б друг друга, — но Бог охраняет. Вельможа или простой человек — каждый добычи желает, ищет, как бы обидеть кого. Окаянный, кого поедает?! Не такого ли человека, как ты сам?.. Потому вам с мольбой говорю: раскаемся все мы сердечно — и Бог оставит свой гнев, отвратится от всех злодеяний — и Господь Бог да вернётся к нам...»⁶⁴ Но всё тщетно. Пройдёт ещё не одно десятилетие, сменится не одно поколение — и лишь постепенно вызреет в русском обществе та нравственная сила, которая способна будет поднять людей на свержение ненавистного ордынского ига. Пока же до этого ещё очень и очень далеко...

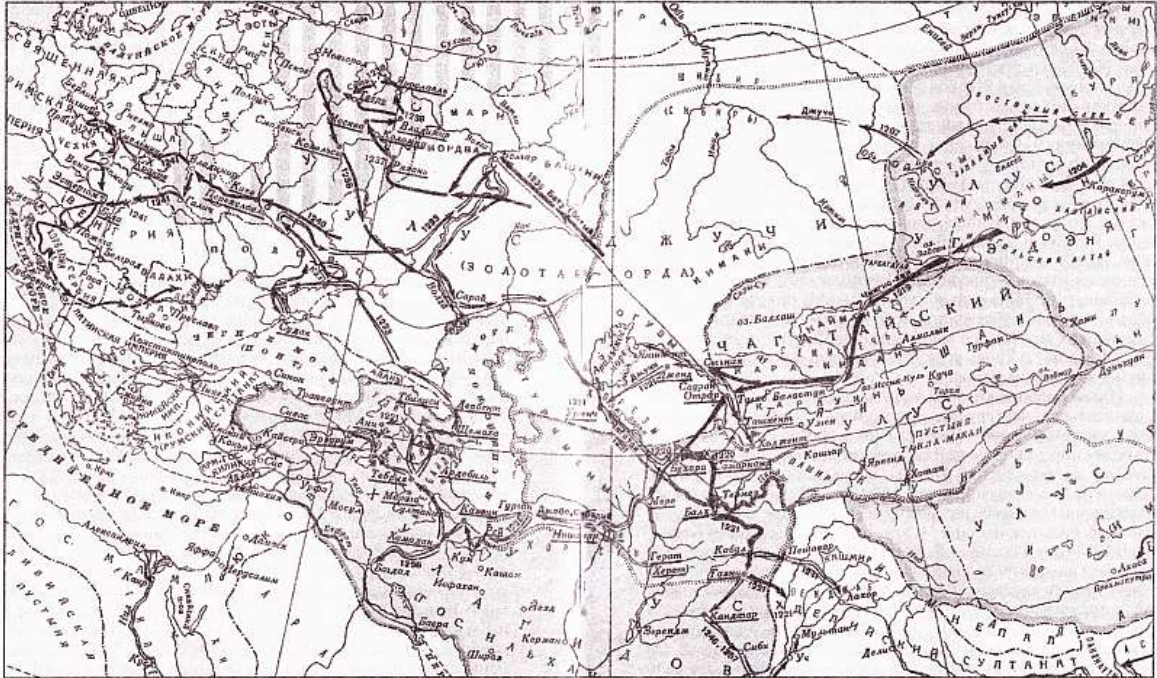
«Глухое царство»: русские в ставке Батыя

«О глухое царство осквернённое!» — такими словами, по летописи, обличал владычество татар князь-мученик Василько Константинович в 1238 году. Слова эти несли в себе вполне ясный смысл для древнерусского книжника. Прежде всего имелось в виду идолопоклонство татар: осквернённое жестокими убийствами и пролитием христианской крови, татарское «царство» оставалось глухо не только к Слову Божию и божественным законам и установлениям, но и к людским мольбам («глухота», невосприимчивость к молитвенному обращению, — таково, по убеждению христианских апологетов, первейшее свойство языческих «кумиров»). В нашем же сегодняшнем понимании к этому прибавляется ещё одно значение летописного выражения: «глухота» татарского «царства» проявлялась и в том, что победители и побеждённые изначально не способны были расслышать и понять друг друга, ибо не просто говорили на разных языках, но и мыслили принципиально разными, даже противоположными категориями. И если татарам, особенно на первых порах, вовсе не обязательно было понимать своих «улусников» и «служебников» — довольно было того, что они диктовали им свою волю и требовали от них беспрекословного повиновения во всём, то русским князьям и правителям других подвластных татарам стран приходилось приспособливаться к новым для себя условиям существования под пятой жестоких завоевателей, принимать их условия, учиться понимать те требования, которые предъявлялись ими, и исполнять эти требования таким образом, чтобы не вызвать гнева и раздражения татарских «царей» и вместе с тем по возможности облегчить собственную участь и участь людей своих княжеств. А для этого в первую очередь надо было научиться правильно вести себя в Орде. Рассказы о

пребывании русских в ставке Батыя позволяют не только глубже понять существо ордынского ига, но и увидеть правителя Орды глазами его новых подданных — русских князей и сопровождавших их лиц, со слов которых и записывалось то, что попадало затем в летопись.

Всего в русских летописях сохранились упоминания о шестнадцати поездках русских князей в Орду за время правления Батыя и его ближайших преемников — Сартака и Улагчи (1242–1258). Большинство из этих поездок были коллективными — в них принимали участие двое или больше князей. При этом в пяти случаях князьям приходилось ехать ещё дальше — в ставку великих ханов в Монголии. Из русских источников известно о пребывании в Орде за это время пятнадцати князей; некоторые из них ездили на поклон к ханам не по одному разу. Так, ростовский князь Борис Василькович совершил шесть таких поездок (в 1244, 1246, 1250, 1256, 1257 и 1258 годах; он и скончается в Орде, но позже — в 1277 году); сын Ярослава Всеволодовича великий князь Александр Невский — четыре поездки (в 1247–1249 годах в Монголию и в 1252, 1257 и 1258 годах; в 1262 году он снова отправится в Орду, к хану Берке, и вернётся на Русь осенью следующего года смертельно больным); его брат Андрей Ярославич ездил в Орду трижды (в 1247–1249, 1257 и 1258 годах); ростовский князь Глеб Василькович — тоже трижды (в 1244, 1249 и 1256–1257 годах; из последней поездки в Монголию, к великому хану Менгу, он привезёт жену — принявшую православие монгольскую княжну); дважды ездили в Орду великий князь Ярослав Всеволодович (первым из русских князей в 1243 году и в 1245–1246 годах; во время последней поездки в Монголию он будет отравлен, и из Каракорума на Русь в 1247 году привезут его бездыханное тело) и его брат великий князь Святослав Всеволодович (в 1245 и 1250 годах); по одному разу — сыновья Ярослава Всеволодовича Константин (в 1243 году совершивший поездку в Каракорум и оставшийся затем в Орде у Батыя в качестве заложника) и Ярослав (1258), Владимир Константинович Угличский и Василий Всеволодович Ярославский (1244), Иван

Всеволодович Стародубский (1245), сын Святослава Всеволодовича Дмитрий (1250, вместе с отцом), Даниил Романович Галицкий (1245/46) и Михаил Всеволодович Черниговский (убит в Орде в 1246 году). Ещё один князь, Олег Игоревич Рязанский, пребывал в Орде в качестве пленника в течение пятнадцати лет (с 1237/38 до 1252 года) и в 1242 году был послан Батыем в Каракорум (вернулся в следующем, 1243 году)¹. Мы привели здесь сведения только за указанные годы; впоследствии число поездок русских князей в Орду увеличится: так, например, тот же Глеб Василькович ещё трижды ездил в Орду (в 1268, 1271 и 1277–1278 годах), не отставая в этом от старшего брата Бориса Ростовским князьям, сыновьям убитого татарами князя Василька Константиновича, вообще приходилось чаще других иметь дело с новыми хозяевами Руси, и они старались обратить эту «дружбу» с «погаными» во благо своих подданных. «Сей [Глеб] от юности своей, с самого нашествия поганых татар и пленения ими Русской земли, начал служить им и многих христиан, обидимых от них, избавил (надо полагать, выкупил из неволи. — А. К.)», — писал о Глебе Васильковиче ростовский книжник². Но служение татарам и «дружба» с ними имели и обратную сторону. Ростов при Васильковичах превратится в едва ли не «татарский» город, в котором татары будут чувствовать себя весьма вольготно, почти как у себя дома. Стоит сказать и о другом. В числе прочих ростовские князья, и в частности Глеб Василькович, будут участвовать в войнах, которые внук Батыя хан Менгу-Темир вёл на Северном Кавказе против своих врагов — правителей монгольского Ирана, причём участвовать не только по обязанности «улусников» татарского «царя», но и по собственной воле. В этой совершенно чужой для русских внутренней монгольской войне обильно лилась и русская кровь, и кровь враждебных монголам ясов (аланов) и других кавказских народов.



Монгольские завоевания в XIII веке

Иным русским князьям удавалось сделать в Орде головокружительную карьеру. Так произошло, например, с ярославским князем Фёдором Ростиславичем, прозванным Чёрным, из рода смоленских князей (впоследствии он будет причислен на Руси к лику святых). Правда, и его история относится ко временам более поздним, чем времена Батыя. Как и его сват Глеб Василькович, Фёдор принимал самое деятельное участие в войнах ордынского хана Менгу-Темира на Северном Кавказе. В 1277 году в составе объединённой русско-татарской рати он ходил на яский город Дедяков: русские тогда «полон и корысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избита, а град их огнём пожгоша», за что удостоились «похвалы» ордынского «царя»; годом позже Фёдор опять воевал вместе с татарами в Болгарской земле. Менгу-Темир, а особенно его «царица» «вельми полюбили» русского князя «мужества ради и красоты лица его»; «он же всегда у царя предстояше и чашу подаваше ему», — рассказывает Житие князя, составленное в XV веке в Ярославле. Должность чашника считалась в

Орде весьма почётной. Изгнанный из Ярославля своей тещей, княгиней Ксенией, и боярами (посадившими на престол после смерти его первой жены сына от этого брака Михаила), Фёдор надолго обосновался в Орде. Здесь он женился вторым браком на принявшей православие татарской царевне, дочери Менгу-Темира, на что было получено благословение от самого константинопольского патриарха. Этот брак, устроенный стараниями татарской «царицы», ещё больше упрочил его положение. Хан приказал прислуживать на его свадьбе «князьям и боярам русским», сам «одарил золотом и серебром и бисера множеством» и держал всегда при себе: «повеле ему садиться противу себе, потом паки повеле ему дом устроить и вся вдати ему на потребу домовную, елико довлеет (подобает. — А. К.) его господству». В Орде у Фёдора родились сыновья Давыд и Константин (также впоследствии причисленные к лику святых). При поддержке нового хана Гуда-Менгу он вернул себе княжение в Ярославле, причём его возвращение в город сопровождалось жестокими расправами над теми, кто прежде отказывался принять его: «...И царёва двора прииде с ним множество татар; и кои быша были ему обиды от граждан, и он же царёвым повелением мести обиду свою, а татар отпусти в свою землю в Орду с честью великою к царю»³. Не раз вместе с другими князьями ходил Фёдор в Орду, не раз наводил на Русь татарские рати, принимавшие участие в жестоких междоусобных войнах, — и вновь горели русские города и сёла, гибли сотни, если не тысячи людей, а князья делили власть над истерзанной и разорённой Русской землёй... Биография Фёдора Чёрного всё же уникальна — хотя бы потому, что через много лет после его смерти, в последние годы существования независимого Ярославского княжества (60-е годы XV века), его обретенные мощи неожиданно для всех проявили дар чудотворения. Но путь, избранный им в глухие годы татарского владычества, — путь раболепного «служения», угодничества правителям Орды, вовлечения их в свои счёты и междоусобные брани, — избирали тогда многие...

Насколько полными можно признать сведения летописей о поездках русских в Орду? Книжники Северо-Восточной Руси писали почти исключительно о своих князьях; их путешествия, по крайней мере за указанный период, фиксировались весьма тщательно, и здесь пропуски маловероятны. Но вот относительно князей, правивших другими областями Руси, этого сказать нельзя. Так, например, ни в Лаврентьевской, ни в какой-либо другой северорусской летописи нет упоминаний о поездке к Батыю галицкого князя Даниила Романовича (о чём подробно рассказывается в Ипатьевской летописи). Ещё более показательное сравнение русских летописей с теми данными, которые приводит Плано Карпини. Итальянский монах-францисканец, посол к монголам римского папы Иннокентия IV, побывал в ставке Батыя дважды: покинув Киев 4 февраля 1246 года, он со своими спутниками прибыл к Батыю 4 апреля, а уже 8 апреля, в самый день Пасхи, вынужден был отправиться дальше, в Каракорум; на обратном пути, выехав из ставки Гююка 13 ноября того же 1246 года, он достиг ставки Батыя 9 мая 1247 года и вскоре, после повторной аудиенции, поехал домой и окончательно покинул страну татар 9 июня, когда благополучно добрался до Киева. В своей «Истории монгалов» он счёл нужным назвать поимённо всех, с кем встречался в ставках Батыя и великого хана Гююка и по пути к ним; его сведения точны, поскольку Плано Карпини важно было подтвердить достоверность своих слов, «чтобы не возникло у кого-нибудь сомнения, что мы были в земле татар». Он называет не только князей, но и купцов, воевод и вельмож, отдельных священников и слуг⁴. Так вот Плано Карпини упоминает девять русских князей, встреченных им или его спутниками «в Татарах» за год с небольшим (февраль 1246-го — июнь 1247 года), и в отношении пяти или шести из них по летописям также известно, что они в это время находились в Орде^[27]; о путешествиях к Батыю троих или четверых^[28] летописи не сообщают. Наверное, примерно таким же было соотношение известных и неизвестных нам поездок в Орду русских князей и за другие годы.

Надо сказать, что уже при Батые в его ставке и ставках других монгольских правителей образовались целые русские колонии из людей, более или менее постоянно здесь проживавших. Конечно, в первую очередь это были пленники и пленницы, насильно вывезенные из русских земель, — рабы, слуги и служанки, рядовые воины, женщины, отданные на потребу проезжающим на многочисленных ямах и постоянных дворах, а также ремесленники. Подавляющее большинство жило в ужасающих условиях. «...Их бьют, как ослов, — писал о пленниках татар Плано Карпини. — ...Они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников... Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них всё нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными»⁵. Лишь немногим ремесленникам, особо выдающимся мастерам своего дела, удавалось добиться лучшей доли. Тот же Плано Карпини рассказывал о русском мастере золотых дел Косьме, которого он встретил в ставке Гуюка в Монголии: тот жил при дворе великого хана и был очень любим им. Косьма, по существу, спас Плано Карпини и его спутников, которым без его помощи пришлось бы совсем худо: в ставке Гуюка они провели месяц «среди такого голода и жажды, что едва могли жить, так как продовольствия, выдаваемого на четверых, едва хватало одному», и если бы не Косьма, писал Плано Карпини, «мы, как полагаем, умерли бы». Этот русский мастер изготовил драгоценный трон для великого хана Гуюка, а также печать — и то и другое он показал Плано Карпини, причём разъяснил и надпись, вырезанную им на печати. Помимо Косьмы в ставке Гуюка пребывали также другие русские и венгры, в том числе знавшие «по-

латыни и по-французски»; иные из них знали и монгольский язык, так как «неотлучно пребывали с ними (монголами. — А. К.) некоторые двадцать лет (то есть ещё со времени битвы при Калке. — А. К.), некоторые десять, некоторые больше, некоторые меньше». Гильом Рубрук, проведший зиму, весну и часть лета 1254 года в ставке великого хана Менгу, близ Каракорума, упоминает об одном молодом русском, который «умел строить дома, что считается у них (монголов. — А. К.) выгодным занятием». Он женился на некой пленнице-венгерке, принадлежавшей ко двору одной из жён Менгу; эта венгерская женщина рассказывала Рубруку «про неслыханные лишения, которые вынесла раньше, чем попасть ко двору; но теперь она жила вполне хорошо»⁶.

Поскольку русским князьям приходилось часто ездить в Орду и подолгу жить там, они старались окружить себя своими людьми — по большей части русскими и половцами, которые в их отсутствие оставались среди татар, были в курсе всего, что происходило, и могли предупредить своего князя о грозящей опасности или, наоборот, представить выгоды того или иного предприятия. Далекое не всегда они жили дружно; вражда между князьями распространялась и на их слуг, и порой приближённые одного князя чинили козни другому (со случаями такого рода мы ещё встретимся в дальнейшем повествовании). Значительную часть русской колонии и в Сарае, и в кочевых ставках татарских «царей» и «царевичей» составляли купцы, а также православные священники, которые совершали необходимые службы и требы. «Русских клириков» неоднократно упоминает тот же Плано Карпини; именно они, как правило, были посредниками в его общении с татарами, передавали ему важные сведения об их истории (иногда, правда, совершенно фантастические) и рассказывали о том, что происходило в Орде. Порой они оказывались даже в привилегированном положении, входили в окружение как самого Батыя и его сына Сартака (благоволившего к христианам), так и Гуюка. При Батые русский язык стал одним из официальных, дипломатических языков Орды, а

потому на службе у монгольских правителей состояли русские секретари, писцы и переводчики, толмачи. Когда Плано Карпини предъявил Батыю буллу папы Иннокентия IV, то она была тут же переведена «на письмена русские и сарацинские (здесь: персидские. — А. К.) и на письмена татар (то есть на уйгурицу, которую использовали монголы. — А. К.)». Точно так же когда монахам-францисканцам в ставке Гукжа была передана ответная грамота великого хана, то их прежде всего спросили, «есть ли у господина папы лица, понимающие грамоту русских или сарацинов или также татар»⁷. Очевидно, что в случае положительного ответа на этот вопрос переговоры с папой могли бы проходить легче, с меньшим числом посредников (другое дело, что эти переговоры изначально были обречены на неудачу). И Батый, и Гукж вполне доверяли своим русским секретарям и полагались на их умение составлять официальные документы. Но подобное доверие было подтверждено многократно доказанной на деле преданностью, услужливостью, готовностью неукоснительно исполнить любое повеление хана.

Доказывать же это приходилось постоянно, и всем без исключения. История общения русских, да и не только русских князей с татарами наполнена многочисленными примерами унижений и обид, лести и раболепства, а также жестоких расправ и казней, на которые хозяева Улуса Джучи никогда не скупились. В этой череде драм и трагедий, мелких интриг и постоянного угодничества, а порой отчаянного мужества и даже безрассудства проступает и личность самого Батыя — то милующего (но, разумеется, на свой лад — так что порой милость эта оборачивалась еще большим унижением), то карающего тех, кто приезжал к нему на поклон. Ещё и поэтому свидетельства источников на сей счёт представляют для нас особый интерес.

Когда Ярослав, первым из русских князей, добровольно явился к Батыю, он столкнулся с необходимостью исполнения многочисленных и весьма унижительных

обрядов, которые полагались по монгольским законам. Для самих монголов эти обряды были наполнены глубоким сакральным смыслом; и глазах же русских они выглядели лишь данью проклятому идолослужению, недопустимым отступлением от норм православной веры. «Обычай же имели хан и Батый, — писал об этом автор древнерусского Жития князя Михаила Черниговского, — если приедет кто поклониться им, то не велели сразу приводить его к себе, но приказывали волхвам вести его сквозь огонь и кланяться кусту и идолам. А из того, что приносили с собой в дар царю, от всего того брали волхвы часть и бросали сначала в огонь и тогда уже пускали к царю их самих и дары. Многие же князья с боярами своими проходили сквозь огонь и поклонялись солнцу, и кусту, и идолам славы ради света сего, и просил каждый себе владений. Они же (хан и Батый. — А. К.) беспрепятственно давали каждому те владения, которые кто хотел...»⁸ Пришлось выполнять все эти унижительные обряды и гордому Ярославу Всеволодовичу. О том, что это было именно так, рассказывал позднее один из его приближённых, половец Сонгур, князю Даниилу Романовичу, причём рассказывал с явным злорадством, предвкусывая подобные же унижения галицкого князя:

— Брат твой Ярослав кланялся кусту, и тебе кланяться!

— Дьявол глаголет из уст твоих, — отвечал на это Даниил. — Да заградит Бог уста твои, и не слышно будет слово твоё!

Но исполнять обычаи татарские пришлось и ему, как и всем прочим русским князьям, за очень небольшим исключением. Однако смысл того, что происходило, сами русские далеко не всегда понимали правильно.

О подобных обрядах в ставке татарских ханов (за исключением разве что поклонения загадочному «кусту»^[29]) сообщают и другие авторы, побывавшие в Орде, — как христиане, так и мусульмане. Из их свидетельств, вкуче со свидетельствами русских источников, и может быть сложена более или менее ясная картина. Сначала о

прохождении сквозь огонь, или о «поклонении огню», как иногда ошибочно трактовали это действие русские.

Известно, что монголы приписывали огню очистительную силу. Они почитают «огненную природу» «превыше всего, ибо они верят, что через огонь всё очищается», — рассказывал побывавший у монголов Бенедикт Поляк. Именно по этой причине «каким бы то ни было послам с дарами, которые они приносят их владыкам, надлежит пройти между двух огней, чтобы яд, если они его принесли, или же дурное намерение очистились». Бенедикту Поляку и Джиованни дель Плано Карпини «в силу некоторых соображений» очень не хотелось исполнять эту унижительную процедуру; однако их заверили в том, что обряд этот совершается «не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унёс всё зло». Так что и францисканцам, как позднее послу французского короля Людовика IX Андре Лонжюмо (побывавшему у монголов в 1249–1250 годах), послам алеппского султана (в начале 1259 года), египетским послам ко двору ильхана Абаги, сына Хулагу (в 1271–1272 годах), и всем прочим тоже пришлось пройти между двух огней, прежде чем они сами и привезённые ими подарки были предъявлены хану. «...Они развели с двух сторон костры и прошли через них с нами, при этом колотя нас палками, — вспоминал о своей первой встрече с монгольскими шаманами посол алеппского султана Ибн Шаддад. — Осмотрев ткани (привезённые в качестве даров. — А. К.), они взяли штуку золочёной китайской материи и отрезали от неё кусок длиной в локоть. От него они отрезали более мелкие куски, бросили их на землю и сожгли в костре»⁹.

Но точно так же очистительному действию огня подвергались и сами монголы — в том случае, если кто-то из них, пусть и не по своей воле, нарушал какой-либо из многочисленных запретов, установленных монгольскими законами. Например, «после того, как кто-либо умер, — разъяснял Бенедикт Поляк, — необходимо очистить всё, что

относится к его стойбищу». А далее он описал саму процедуру, которая, очевидно, применялась одинаково и в отношении своих, и в отношении чужеземцев: «...Разводят два костра, рядом с которыми вертикально воздвигаются два шеста, на верхушках связанные поясом, к которому прикрепляются несколько кусков букерана^[30]. Под этим поясом между шестами и кострами надлежит пройти людям, животным и провести юрту. Как с той, так и с другой стороны шестов стоят две заклинательницы (в случае с русскими князьями, вероятно, мужчины-«заклинатели», или «волхвы», как их называли русские. — А. К.), которые брызгают водой и произносят заклинания. А если же повозка, проезжая между огней, сломается или если какие-либо вещи с неё упадут, то заклинательницы сразу же берут их по своему праву», Точно так же юрта и всё, что находилось в ней, включая людей, подвергались очищению в том случае, если в юрте, например, кто-либо помочился (что было строжайше запрещено), и т. п. Собственно религиозного смысла этот обряд не имел. Упомянутый выше Андре Лонжюмо попал, например, в весьма непростое положение по той причине, что вёз дары для великого хана Гуюка, но к тому времени когда он въехал в землю монголов, Гуюка уже не было в живых; следовательно, в глазах монголов его дары представляли особую опасность — и потому, что были привезены из чужих краёв, и потому, что предназначались мёртвому человеку. «Отсюда брату Андрею и его товарищам надлежало пройти между огнями», — объяснял Гильом Рубрук. Сам же Рубрук всячески отрицал перед монголами, что выполняет посольскую миссию, подчёркивал свою принадлежность к монашескому ордену, своё нестяжание богатств, а потому был освобождён от процедуры «огненного очищения»: «От меня ничего подобного не требовали, так как я ничего не принёс»¹⁰.

Не имел религиозного смысла в глазах монголов и обряд преклонения перед великим ханом, также упомянутый в Житии Михаила Черниговского и других русских источниках. Этот обряд был обязателен для всех, кто желал

видеть хана или его наместника, правителя той или иной области Монгольской империи (применительно к русским князьям — Батыя или его преемников, правителей Золотой Орды). Введённый в 1230 году по образцу китайской церемонии коленопреклонения перед императором, он заключался в том, что явившийся ко двору хана должен был стать на оба колена и коснуться земли лбом, опершись о землю ладонями рук. При этом поклонение совершалось как перед живым ханом (или его заместителем), так и перед изображением великого основателя Монгольской империи. Священное изображение Чингисхана находилось в ставке великого хана в Монголии, а потому и поклонение ему носило символический характер — поклоны обращались в сторону юга («на полдень») или на восток. «Этому... идолу кланяются на юг, словно Богу, — рассказывал поляк Бенедикт, — и этому же многих принуждают, в особенности покорённую знать». По свидетельству западных путешественников, в ставке Батыя также имелось изображение Чингисхана — по одной из версий, даже его золотая статуя¹¹. Если так, то от прибывших к Батыю иноземных послов и князей завоёванных стран должны были требовать поклонения и этому истукану. Но для христиан подобная церемония — в какой бы форме она ни проводилась и в какую сторону ни обращались поклоны — была неприемлема, поскольку в христианской традиции преклонение на оба колена воспринималось прежде всего (или даже исключительно) как поклонение Богу. Тем более неприемлемо было поклонение рукотворному изображению Чингисхана, что могло быть воспринято не иначе как идолопоклонство. С точки же зрения самих монголов, как разъясняет современный исследователь, «ситуация выглядела иначе. Поклоняясь фигуре Чингисхана, знатные чужеземцы приобщались к новой социальной среде “Великого монгольского государства”», занимали в ней своё определённое место. А значит, конфликт, «связанный с различным пониманием одного и того же жеста — преклонения колен — в монгольском и европейском (христианском) придворном этикете... был неизбежен»¹².

Иными словами, то, что русские и латиняне принимали за идолопоклонство, в глазах монголов было не более чем изъявлением покорности. Но в том-то и дело, что если в религиозной сфере монголы готовы были идти на уступки, позволяя каждому поклоняться своему богу, то во всём, что относилось к сфере власти, к сфере их господства над другими народами, они не признавали никаких компромиссов.

Веротерпимость действительно была отличительной чертой монголов и одной из основ созданного ими государства. Это соответствовало установлениям Чингисхана, сформулированным вето знаменитой ясе — своде утверждённых им правовых норм. «Поскольку Чингис не принадлежал какой-либо религии и не следовал какой-либо вере, он избегал фанатизма и не предпочитал одну веру другой или не превозносил одних над другими», — писал об этом Джувейни. «Он (Чингисхан) приказал уважать все религии и не выказывать предпочтения какой-либо из них», — вторил ему арабский историк первой половины XV века ал-Макризи¹³. Вообще, свидетельств на этот счёт немало, и принадлежат они как мусульманским, так и христианским авторам. Язычники-монголы с почтением относились ко всем богам, требуя от служителей культа — будь то христиане, мусульмане, буддисты или идолопоклонники — лишь одного: дабы те «правым сердцем (то есть искренне. — А. К.) молились Богу за нас и за племя наше и благословляли нас» (как было сформулировано это требование в ярлыке, выданном русскому духовенству в 1267 году внуком Батыя Менгу-Темиром)¹⁴. За это священнослужители всех конфессий освобождались от даней и податей. Но преувеличивать религиозную терпимость монголов и идеализировать их в этом отношении (как это порой делают современные исследователи) было бы неверно. Свобода вероисповедания и отправления различных религиозных обрядов допускалась лишь в тех рамках, в каких она не входила в противоречие с собственно монгольскими обычаями. Последние же соблюдались, как правило, с подчёркнутой суровостью^[31].

Действительно, монголы «никого не принуждают оставлять свою веру, только бы повиновался во всём их приказам», — констатировал поляк Бенедикт. Но в противном случае, то есть тогда, когда религиозные предписания становились помехой исполнению этих приказов, «они принуждают к подчинению насильно или убивают»¹⁶. Того же мнения держался и глава францисканской миссии Плано Карпини. «...Так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого ещё, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона», — писал он, но тут же сам указывал на исключение из этого правила. Этим исключением стала трагическая история русского князя Михаила Всеволодовича, убитого в Орде, и именно по религиозным мотивам, — во всяком случае, как это представлялось русским. Всё происходило в ставке Батыя осенью 1246 года, как раз тогда, когда сам Плано Карпини со своими спутниками, покинув владения Батыя, пребывал в Монголии, в ставке нового властителя Монгольской империи великого хана Гуюка. С особой силой и исключительной остротой история Михаила Черниговского иллюстрирует ту трагедию непонимания, которая характеризует отношения, сложившиеся между завоевателями и завоёванными, прежде всего русскими и татарами.

Судьба Михаила Всеволодовича, одного из самых деятельных русских князей домонгольского времени, складывалась после нашествия особенно трудно. Вынужденный бежать от татар из Галицкой Руси (где, напомним, его на время приютил князь Даниил Романович), Михаил с семьёй вновь устремился в Польшу, к своему дяде Конраду Мазовецкому. Это случилось зимой 1240/41 года, сразу же после того, как Михаил получил известие о взятии Киева и наступлении татар на Галицко-Волынскую землю. Но именно в эти зимние месяцы 1241 года татары начали вторжение и на территорию Польши, Узнав об их приближении, Михаил в страхе решает бежать в «землю Вроцлавскую», к сильнейшему из польских князей того времени Генриху II Благочестивому, правителю Силезии (в

русской летописи его называли «Индриховичем», то есть «Генриховичем», — по имени его отца Генриха I Бородатого, тоже князя Силезского). Однако в пути, близ некоего «места немецкого, именован Середа» (возможно, имеется в виду польский город Серадз на реке Варте, притоке Одера), он подвергся нападению живших там немцев: «увидели же немцы, что добра много у него, перебили его людей, и добра много отняли, и внучку его убили». Михаил повернул назад; он был в «печали великой», особенно после того, как узнал, что татары уже начали военные действия против того самого Генриха, к которому он направлялся (и которому, напомним, суждено было погибнуть в несчастной для поляков битве у Легницы 9 апреля 1241 года). Не дожидаясь трагической развязки, Михаил возвратился опять к Конраду, а оттуда, через разорённые земли Галицкой Руси, — в сожжённый татарами Киев, где поселился «во острове», близ города, а его сын Ростислав занял Чернигов. Михаил не стал подтверждать мир с Даниилом («не показа правды», несмотря на все добродетели его, по выражению летописца), а вскоре его сын Ростислав начал войну против галицкого князя и даже занял Галич, но был разбит и бежал в Венгрию. Как пережил Михаил возвращение орд Батыя через Русь на Волгу, мы не знаем. Но претендовать на Киев, переданный Батыем князю Ярославу Всеволодовичу Суздальскому, он не посмел и перебрался в родной Чернигов. Вскоре, узнав о том, что король Бела отдал-таки свою дочь за его сына, Михаил отправился «в Угры», однако ни его сын Ростислав, ни венгерский король не оказали ему достойной чести, а попросту говоря, выгнали его из страны. Оскорблённый в лучших чувствах князь вынужден был вновь вернуться на Русь¹⁷.

На этом метания Михаила Всеволодовича как будто закончились. Теперь выбора у него не оставалось; предстояло жить на Руси, а значит, устраивать свои дела с татарами, получать от них ярлык, дававший право на обладание той землёй, которая принадлежала ему по праву рождения, по праву старейшинства в роду черниговских князей. После того как князь вернулся в Чернигов,

продолжает свой рассказ летописец, он «оттуда поехал к Батыю, прося волости своей у него». В этой поездке его сопровождали пятнадцатилетний внук Борис (сын его дочери Марии, вдовы убитого татарами ростовского князя Василька Константиновича) и боярин Фёдор (названный в некоторых редакциях Жития «первым воеводой княжения его»), а также приближённые, свита. Шёл сентябрь 1246 года; следовательно, Михаил направлялся к Батыю по пути, проторённому до него другими князьями — и не только князьями Северо-Восточной Руси, но и его давним недругом, а затем и покровителем, шурином Даниилом Романовичем Галицким, побывавшим у Батыя раньше.

Различные редакции Жития князя Михаила Черниговского рассказывают, что перед тем, как отправиться на поклон к Батыю, князь вместе с боярином Фёдором пришёл за благословением к своему духовнику (в некоторых поздних редакциях он назван по имени — епископ Иоанн), и тот стал наставлять его:

— Многие поехавшие (к Батыю. — А, К.) исполнили волю поганого, прельстившись славою света сего: прошли сквозь огонь, и поклонились кусту и идолам, и погубили души свои. Но ты, Михаиле, если хочешь ехать, не сотвори так: не проходи сквозь огонь, не поклоняйся кусту и идолам их, ни брашна, ни питья их не принимай в уста свои. Но исповедай веру христианскую, ибо не достойно христианам кланяться никакой твари, но только Господу Богу Иисусу Христу!

В этих словах изложена программа полного неприятия татар, неприятия их законов, их «правил игры», их господства над Русью. Запрещалось даже общаться с ними, вкушать одну пищу! Надо полагать, что эта программа отражала взгляды многих — как простых людей, так и князей и иерархов Церкви. Но она обрекала князя Михаила — равно как и любого, кто готов был последовать наставлениям черниговского духовника, — на верную гибель.

(Впрочем, само появление эпизода с духовником князя может объясняться и данью агиографической традиции. Показательно, что в тех редакциях Жития, в которых

имеется этот эпизод, полностью затушёвана политическая составляющая поездки Михаила в Орду: его решение ехать к Батыю объясняется исключительно желанием князя «обличить прелесть его», что конечно же весьма далеко от действительности.)

О том, как развивались события в ставке Батыя, куда в сентябре 1246 года прибыл Михаил, мы знаем из разных источников — как русских (летописи, различные версии княжеского Жития), так и иностранных (рассказы Плано Карпини и поляка Бенедикта)¹⁸.

Когда Батыю доложили о приезде русского князя, он повелел привести его к себе. Но сначала Михаилу предстояло исполнить те обычаи, о которых мы говорили выше и о которых предупреждал князя его духовник. «Царь же (Батый. — А. К.) призвал волхвов своих, и когда те пришли к нему, сказал им: “Всё, что полагается по обычаю вашему, сотворите князю Михаилу, а потом приведите его ко мне”» — так рассказывает об этом автор княжеского Жития. Волхвы явились за Михаилом: «Батый зовёт тебя»; и тот в сопровождении Фёдора направился к «месту, где был разложен огонь по обе стороны; многие же (прежде Михаила. — А. К.) проходили через огонь, поклонялись солнцу и идолам». «Послал Батый к Михаилу князю, веля ему поклониться огню и болванам их (то есть идолам. — А. К.)» — так, не вполне точно, передано повеление Батыя в Лаврентьевской летописи. По свидетельству русских источников, Михаил отказался от прохождения через костры: «Не творю аз сего: не иду сквозь огонь и не кланяюсь твари». Однако Плано Карпини, знавший обо всём со слов очевидцев, опровергает это. По его словам, «Михаила, который был одним из великих князей русских, когда он отправился на поклон к Бату, они (татары. — А. К.) заставили раньше пройти между двух огней». Получается, что эту крайне неприятную для себя процедуру русский князь всё же вытерпел. Но «после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингисхану», — и вот здесь Михаил оказался непреклонен. Он «ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, — продолжает свой рассказ Плано

Карпини, — но не поклонится изображению мёртвого человека, так как христианам этого делать не подобает». «Михаил же князь не повиновался велению их, но укорил его и глухие его кумиры» — так изложено это в Лаврентьевской летописи. Житийное же Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и боярина Фёдора дополняет летописный рассказ целым рядом подробностей, причём некоторые из них находят подтверждение в других источниках.

Волхвы оставили Михаила на том месте, до которого они его довели, а сами направились к Батыю и поведали ему, что «Михаил-де повеления твоего не слушает, сквозь огонь не идёт и богам твоим не кланяется». Батый пришел в великую ярость («взъярився велми») и послал к Михаилу «одного из вельмож своих, по имени Елдега». Этот Елдега, или Ельдеке (из монгольского племени джурьят), принадлежал к числу наиболее доверенных его лиц; Плано Карпини неоднократно упоминает его в «Истории монгалов» и называет «управляющим» Бату. И именно через Елдегу велись переговоры правителя Орды с лицами, прибывавшими в его ставку. Елдега и передал Михаилу слова Батыя:

— Почему повелением моим пренебрегаешь, богам моим не поклонился? Теперь выбирай себе живот или смерть! Если повеление моё исполнишь, жив будешь и всё княжение своё получишь. Если же не пройдёшь сквозь огонь, не поклонись кусту, ни идолам, то злой смертью умрёшь!

И Михаил сознательно избрал для себя крестный путь, смертную муку, отвечав Батыю через того же Елдегу:

— Тебе, царю, кланяюсь, поскольку тебе Бог поручил царство света сего. А тому, кому поклоняются (то есть идолам. — А. К.), не поклонюсь!

(Или, как переданы слова князя в Ипатьевской летописи: «Раз уж Бог предал нас и волость нашу за наши грехи в руки ваши, тебе кланяемся и почести приносим тебе. А закону отцев ваших и твоему богонечестивому повелению не кланяемся!»)

И сказал на это Елдега:

— Знай, Михаиле, что уже мёртв ты!

Решение князя всецело поддержал только боярин Фёдор. Прочие же, бывшие с Михаилом, всячески отговаривали его и умоляли подчиниться требованиям татар. С «плачем многим» обращался к деду его внук, юный ростовский князь Борис:

— Господине отче! Створи волю царёву!

Также и другие бояре уговаривали князя, обещая все вместе, всю Черниговскую землёй, принять на себя епитимию за невольное его согрешение. Но князь оставался твёрд:

— Не хочу только по имени зваться христианином, а дела поганых творить!

Собралось же на месте том множество людей — как христиан, так и «поганых» (язычников), рассказывает Житие, — и все они слышали то, что отвечал русский князь посланнику Батыя. Михаил сбросил со своих плеч княжеский плащ — зримый символ его земной власти. Вдвоём с боярином Фёдором они причастились Святых даров, которые вручил им перед поездкой в Орду их духовник, и начали петь молитвы. Тут и появились убийцы, посланные от Батыя. «И когда, приехав, убийцы соскочили с коней, они схватили святого Михаила за руки и за ноги и начали бить его руками по сердцу. А потом повергли его ниц на землю и били его пятками». Избиение продолжалось в течение долгого времени, пока один из убийц — заметим, русский, а не татарин, некий «законопреступник, отвергший христианскую веру», по имени Доман, родом путивлец, то есть выходец из Северной земли (принадлежавшей князьям Черниговского дома!), — не довершил начатое злодейство и не прикончил князя: «сий отрезал святому мученику Михаилу честную его главу и отбросил её прочь». Затем убийцы приступили к Фёдору, предлагая ему — если он исполнит их волю — «всё княжение» убитого ими Михаила. Фёдор отказался, предпочёл разделить участь своего князя. Его подвергли тем же мучениям, что и Михаила, а затем, так же как и Михаилу, отрезали ему голову. Именно отрезали ножом, а не отрубили: это особо

оговорил в отношении обоих казнённых Плано Карпини¹⁹. Такая смерть, как мы знаем, считалась у монголов особенно позорной. Но в глазах русских она уподобляла Михаила и Фёдора многим великим мученикам за веру прежних времён, в частности святому Борису, русскому князю-страстотерпцу, принявшему такую же мученическую смерть в начале XI столетия.

Смерть Михаила Черниговского и боярина Фёдора случилась 20 сентября, и этот день почитается ныне как день их памяти. Церковное прославление мучеников началось с Ростова — города, в котором правили внуки князя Михаила Всеволодовича Борис и Глеб и мать их Мария Михайловна. Ещё при жизни княгини Марии (умершей в декабре 1271 года) в Ростове была сооружена первая деревянная церковь во имя святого Михаила Черниговского и установлено празднование святым, вскоре распространившееся по всей Русской земле²⁰.

Внук Михаила Борис, по всей вероятности, не присутствовал при страшной сцене убийства. Ростовский книжник, автор соответствующей части Лаврентьевской летописи, сообщает о том, что Батый «отпустил князя Бориса к Сартаку, сыну своему», и тот, известный своим благожелательным отношением к христианам, оказал ему «честь» — то есть поступил с ним так, как это было принято в отношении проявивших покорность русских князей: взял у него дары и отправил домой, в Ростов.

Стоит отметить, что русские источники отнюдь не сразу стали открыто обвинять в расправе над Михаилом самого Батыя. В Ростовской (Лаврентьевской) летописи о гибели князя говорится в общей форме, без упоминания о тогдашнем правителе Орды: «...такое без милости от нечестивых заколен бысть и конец житью прият». Это понятно: имя Батыя названо здесь чуть ниже, в сообщении о благополучном «отпуске» им ростовского князя Бориса Васильковича. Нет прямых обвинений в адрес Батыя и в наиболее ранней, ростовской же по происхождению редакции Жития князя Михаила Черниговского, составленной при жизни его внуков, в 70-е годы XIII века.

Там убийцей князя назван Елдега, действующий как бы от собственного имени: «Некто же от вельмож царя того, глаголемый Елдега, повеле мучити его (Михаила. — А. К.) различными муками и посем повеле честную его главу отрезать». И лишь в тех текстах, которые не были связаны происхождением с Ростовом — местом первоначального церковного прославления князя Михаила и боярина Фёдора, — обвинения в адрес Батыя звучат в полную силу. Так в Галицко-Волынской (Ипатьевской) летописи: «Батый же, яко свирепый зверь, разъярившись, повеле заклати [князя Михаила], и заклан (убит. — А. К.) бысть беззаконным Доманом Путивльцем нечестивым...» Слова о «великой ярости» Батыя повторены и в тех редакциях Жития князя Михаила и боярина Фёдора, которые также имеют не ростовский, а общерусский характер.

Современные исследователи ещё больше усложняют картину. Дело в том, что какую-то роль во всём произошедшем сыграли люди суздальского князя Ярослава Всеволодовича (к тому времени находившегося в Монголии, куда он был послан Батыем для участия в избрании великого хана Гуюка). Но какова была их роль, сказать трудно. Известно, что Михаил и Ярослав были непримиримыми врагами; вражда эта началась ещё с их соперничества за Новгород в 20-е годы XIII века и продолжалась до самой их смерти. Именно Ярослав получил от Батыя ярлык на Киев — а на этот город, напомним, претендовал и Михаил Черниговский. Понятно, что для Ярослава черниговский князь оставался опасным конкурентом. Батый же в русских делах поставил на Ярослава, но, поддерживая суздальского князя, он, наверное, был не прочь сыграть на противоречиях, существовавших между ним и другими русскими князьями. Плано Карпини, описывая гибель Михаила в целом весьма схоже с летописью (что и неудивительно, ибо его информаторами были главным образом русские), сообщает, однако, ряд удивительных подробностей. Он тоже утверждает, что Михаилу неоднократно предлагали исполнить положенные обряды. Но оказывается, что в роли

посредника выступил сын суздальского князя. Речь идёт о Константине, который находился в ставке Батыя на положении заложника, обеспечивая безусловную лояльность отца. (Это было обычной практикой монголов: у тех князей, «которым они позволяют вернуться, — объяснял Плано Карпини в другом месте, — они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождём аланов и весьма многими другими»²¹.) По всей вероятности, Константин сумел заслужить доверие Батыя, поскольку именно ему было поручено сообщить Михаилу, «что он будет убит, если не поклонится». Но и Константину черниговский князь отвечал то же, что и другим, — «что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает». Само убийство Плано Карпини описывает схоже с летописью: князя били «пяткой в живот (или, по версии Бенедикта Поляка, в грудь. — А. К.) так долго, пока тот не скончался». Но при этом убийцей он называет какого-то «приближённого» (или, в другом переводе, «телохранителя»), который, как выясняется, убивал черниговского князя «вопреки своему желанию». Более того, латинский текст «Истории монгалов» можно понять в том смысле, что речь идёт о «приближённом» не Батыя, но князя Ярослава Всеволодовича!²²

Насколько верно такое понимание текста? И что оно меняет в наших представлениях о судьбе несчастного Михаила?

Сначала о самой возможности участия людей Ярослава в убийстве черниговского князя. Какие-то «приближённые» Ярослава, несомненно, оставались в ставке Батыя и после того, как их князь уехал в Монголию. Они входили в окружение совсем ещё молодого Константина Ярославича (ко времени описываемых событий ему было около двадцати лет или едва за двадцать). Одним из них был известный нам Сонгур (или Сангор), «воин из России... родом коман (половец. — А, К.), но теперь христианин», как характеризует его Плано Карпини. Это тот самый Сонгур, «человек Ярослава», который несколькими месяцами

раньше позволил себе с дерзостью говорить с князем Даниилом Галицким. По свидетельству Плано Карпини, он был приставлен к сыну Ярослава, «как и другой русский, бывший нашим толмачом у Бату, из земли Суздальской». Кроме того, у нас имеются сведения, что в Орде в это время находилась жена Ярослава Всеволодовича^[32], и эта женщина тоже была близка ко двору Батыя и пользовалась его доверием²³. Рядом с ней должны были находиться лица, вполне преданные Ярославу. С одним из таких людей — неким Угнеем (судя по имени, также половцем), выехавшим из Орды той же осенью 1246 года и направлявшимся в ставку Гуюка в Каракорум, — Плано Карпини встретился на обратном пути; этот Угней отправился в Монголию «по приказу жены Ярослава и Бату». Наверное, нельзя исключать, что кто-то из приближённых Ярослава, его сына или жены — вместе с людьми Батыя или того же Елдеги — мог участвовать в расправе над Михаилом и Фёдором. В принципе ничего нового здесь нет: ведь из русских источников мы и без того знаем, что одним из убийц Михаила (и даже главным его убийцей!) был русский — некий Доман «Путивлец». Если же учесть, что версии русского летописца и итальянского автора восходят к одному источнику — рассказам русских очевидцев ордынской трагедии, — то нет ничего невероятного и в предположении, что Плано Карпини, говоря об убийце Михаила — каком-то «приближённом» князя Ярослава Всеволодовича, — имеет в виду того самого Домана, которого в той же связи называет Галицко-Волынская летопись. Правда, этот Доман был выходцем из Северной земли — но мало ли таких выходцев из разорённых черниговских и северских земель в первые десятилетия после нашествия вынуждены были покинуть свои дома?! Многие переселялись в Суздальскую землю (раньше других оправившуюся от татарского погрома); некоторые оказались на службе у суздальских или галицких князей, другие были уведены в Орду, а кое-кто, наверное, отправился туда добровольно. Важно и другое. Независимо от того, как понимать фразу Плано Карпини и чьим «приближённым»

или «телохранителем» был убийца князя Михаила, приказ об убийстве отдал Батый. Иначе быть просто не могло: убийство в ставке правителя Орды без его на то воли само по себе являлось тягчайшим преступлением. Да и совершил своё чёрное дело этот палач, исполнитель чужой воли, «вопреки своему желанию» — во всяком случае, если верить тому же Плано Карпини.

Между тем современные исследователи, опираясь в том числе на свидетельство итальянского монаха, а также на соображения отвлечённого характера и разного рода логические допущения, всё чаще склоняются к полному пересмотру традиционной версии убийства князя Михаила Черниговского. «Отказ от тех или иных требований посольского церемониала не мог повлечь за собой позорную смерть князя, — утверждает, например, А. Г. Юрченко, автор одного из наиболее глубоких исследований этой истории. — ...Если мы примем мотивировку события в соответствии с агиографической легендой, то должны признать случай с Михаилом единственным в своём роде фактом религиозного принуждения... Скорее всего, русская версия трагической истории князя Михаила является от начала до конца вымышленной; в противном случае она имела бы повторы»²⁴. В поисках истинных причин случившегося историки обращаются к различным сторонам жизни самого Михаила и его взаимоотношениям с татарами и русскими князьями. Убийство князя связывают то с его мнимыми тайными переговорами с папской курией, о чём будто бы стало известно Батыю²⁵, то с местью за убийство татарских послов во время его княжения в Киеве²⁶, то, наконец, с его давней ссорой с князем Ярославом Всеволодовичем, которого решительно поддержал Батый, позволивший людям суздальского князя расправиться с их врагом²⁷, — но только не с его отказом поклониться идолу Чингисхана. Но можно ли согласиться с такой резко негативной оценкой русской версии, подкреплённой к тому же свидетельством монахов-францисканцев? Мне представляется, что нет.

Как видно из приведённой выше цитаты, историки в подтверждение своих слов ссылаются прежде всего на исключительность расправы над Михаилом (что, между прочим, отмечал ещё Плано Карпини!). Однако поведение Михаила в ставке Батыя стоит сравнить не только с поведением там же других русских князей — например, Ярослава Всеволодовича, Даниила Галицкого или Александра Невского, которые сумели сохранить жизнь и добиться благорасположения правителя Орды. Случалось и по-другому В нашем распоряжении имеется подробный рассказ об очень похожем инциденте, произошедшем менее чем через год после убийства князя Михаила, в конце весны — летом 1247 года, в Армении, в ставке предводителя монгольских войск в этой части их державы Бачу-нойона. Рассказ этот принадлежит монаху Симону де Сент-Квентину, участнику посольства монахов-доминиканцев во главе с братом Асцелином, отправленных папой Иннокентием IV в очередной попытке наладить контакты с завоевателями-татарами. Когда Асцелин со своими спутниками прибыл в ставку Бачу-нойона (а случилось это 24 мая, в самый день памяти святого Доминика, основателя ордена), ему было заявлено буквально следующее:

— Если вы хотите видеть лицо нашего государя (Бачу-нойона. — А. К.) и вручить ему грамоту вашего государя (папы. — А. К.), то должны поклониться ему как сыну Божию, царствующему на земле, преклоня пред ним три раза колено; ибо хан, сын Божий, царствующий на земле, повелел нам, чтобы все, сюда приходящие, поклонялись князьям его, [Бачу]-нойону и Батыю (отметим это упоминание имени правителя Улуса Джучи. — А. К.), как самому ему, что мы до сих пор исполняем и навсегда твёрдо соблюдать намерены.

У доминиканцев возникло вполне резонное опасение: не является ли то, что им предлагают, идолопоклонством? Сомнения развеял брат Гвихард Кремонский, который хорошо знал нравы и обычаи татар, поскольку до этого семь лет провёл в Тифлисе, под властью татар, в одном из тамошних доминиканских монастырей, и присоединился к

посольству позже остальных, уже в пути. «Не бойтесь, чтобы поклонение, требуемое... по повелению хана от всех приходящих сюда послов, было идолопоклонство, — объяснил он братьям. — Но оно означает только покорность святейшего отца (папы. — А. К.) и всей Римской церкви хану». После таких слов члены посольства единодушно отказались совершать поклонение, даже под угрозой смерти, — «как для сохранения чести православной (католической. — А. К.) церкви, так и для того, чтобы не подать соблазна грузинам, армянам, грекам, персам, туркам и всем восточным народам, кои таковое поклонение приняв за знак подданства и долженствуемой некогда платиться от христиан татарам дани, не подали бы тем случая врагам церкви нашей расславить о том с надменностию по всему востоку; также и для того, чтобы христиане, находящиеся у них в плену или в подданстве, не потеряли совсем надежды освободиться от них... и чтобы сим изъявлением покорности... не принести православной церкви посрамления и не показать вида малодушия и страха смерти»²⁸. Отказ от преклонения колен сильно осложнил положение доминиканцев в ставке нойона. Их всё же не стали лишать жизни, но к Бачу-нойону так и не допустили.

Ситуация с посольством Асцелина выглядит как бы зеркальным отражением того, что произошло с князем Михаилом Черниговским и боярином Фёдором. В самом деле, если черниговский князь и его воевода согласны были признать власть ордынского «царя» и поклониться ему, но решительно воспротивились исполнить кажущиеся им языческими обряды, то монахи-доминиканцы, напротив, рассудили, что к идолопоклонству обряд этот не имеет отношения, но отказались совершать его именно потому, что увидели в нём форму изъявления покорности монголам. Итог же для тех и других едва не оказался одинаковым. Симон де Сент-Квентин сообщает, что Бачу-нойон трижды принимал решение о казни строптивых доминиканцев, то собираясь убить всех, то лишь двоих, а двоих отослать домой, то угрожая содрать с Асцелина кожу и, набив её соломой, послать в назидание папе. Спасло Асцелина и его

спутников лишь то, что они были послами, а монголы никогда не убивали послов^[33]. (Ибо в случае такого убийства любой монгольский военачальник, какого бы высокого ранга он ни был, сам заслуживал наказания со стороны верховной власти — о чём, собственно, и напомнил Бачу-нойону один из его приближённых.) Михаил послом не являлся, а потому принцип неприкосновенности в отношении его, увы, был неприменим³⁰. И отказ от выполнения требуемого обряда не мог закончиться для него так же бескровно, как для братьев-доминиканцев. Нюансы же в понимании сути происходящего, сколь существенными ни кажутся они современным историкам, в случае с черниговским князем были не так уж важны. То, что в глазах русских являлось мученической гибелью за веру, в понимании монголов было казнью за нежелание признать власть великого хана и её божественное происхождение. Но наделе это означало одно и то же.

Справедливости ради отметим, что поведение самого Батыя в этой кровавой истории выглядит отнюдь не столь однозначным, как это обыкновенно представляется. «Разъярившийся», «яко свирепый зверь» (по словам автора Галицко-Волынской летописи), он далеко не сразу отдал приказ убить Михаила. В традициях монголов вообще было тщательно расследовать любое преступление. Виновного обычно наказывали смертью лишь после того, как убеждались, что он совершил преступление намеренно, а не по незнанию или случайно, — в противном случае наказание было более мягким или же его не было вовсе. Характерный пример, подтверждающий это, можно отыскать в записках Гильома Рубрука. Ему, как и всем, кто являлся в ставку хана, было известно о строжайшем запрете касаться при входе в юрту и при выходе из неё порога или верёвок, на которых она держалась; нарушение этого запрета грозило смертью. Между тем, когда Рубрук пребывал в ставке великого хана Менгу, один из его спутников, пятясь назад и кланяясь великому хану, споткнулся о порог. Стражники, зорко наблюдавшие за порогом, немедленно «наложили на него руки и приказали ему остановиться». Было проведено

расследование, в ходе которого выяснялось, предупреждал ли кто-нибудь монахов «остерегаться от прикосновения к порогу» или нет. И хотя подобные предупреждения имели место, Рубрук сумел отговориться тем, что у них не было хорошего толмача и потому понять суть предостережений они не смогли. Этого оказалось достаточно: виновного простили, хотя впоследствии «ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана»³¹. Вот и черниговского князя неоднократно от имени самого Батыя предупреждали о тех последствиях, которые будет иметь отказ от совершения обряда. К нему посылали то Елдегу, то Константина Ярославича — очевидно, желая удостовериться, что Михаил всё правильно понял и его правильно поняли и речь идёт не о каком-то недоразумении или ошибке, а об осознанном проступке. Так что Батый — если взглянуть на произошедшее глазами татар — вовсе не проявлял в отношении русского князя какой-то особой свирепости; напротив, он тянул с роковым решением, давал возможность Михаилу оправдаться. И лишь после того, как выяснилось, что черниговский князь действует вполне сознательно и упорствует в своём неприятии воли правителя Орды, участь его решилась. В этой ситуации Батый, всегда строго следовавший монгольским законам, просто не мог оставить его в живых. Как говорится, «ничего личного»...

Наверное, можно допустить, что смерть черниговского князя оказалась на руку Ярославу Всеволодовичу. Но даже если так, воспользоваться ею Ярослав не успел. В том же злосчастном сентябре 1246 года он и сам принял смерть — и тоже от рук монголов, отравленный в ставке тогдашней правительницы Монгольской державы, матери великого хана Гуюка Туракины-хатун, недоброжелательницы Батыя. Случилось это 30 сентября. Так смерть с разницей всего в десять дней соединила двух русских князей, жестоко враждовавших друг с другом при жизни.

В истории России два этих князя олицетворяют собой две линии, две политики во взаимоотношениях с Ордой. Во многом эти линии были противоположны. Ярослав избрал

путь беспрекословного подчинения татарам, сотрудничества с ними; в дальнейшем путь этот продолжат его сын Александр Невский, а затем и князя Московского дома. В конечном же итоге этот путь приведёт к тому, что накопившая силы, избавившаяся от разорительных татарских ратей, окрепшая Русь сбросит-таки ненавистное ордынское иго. Путь Михаила был иным — этот путь привёл его к гибели, как должен был привести к неминуемой гибели любого, кто последовал бы за ним. Но для поколений русских людей два эти пути оказались в неразрывном единстве. Подвиг Михаила Черниговского, как и подвиг других мучеников за веру и великих праведников, оправдывал ту далеко не праведную жизнь, которую по большей части приходилось вести в годы татарской неволи русским людям, — оправдывал и давал надежду на то, что Бог помилует Русскую землю и освободит её от жестокого рабства. Наверное, можно сказать и так: без подвига Михаила, без осознания его смерти в Орде как отказа от принятия «поганских» обычаев татар, как подвига во имя веры — великой Куликовской победы не случилось бы точно так же, как и без благоразумной, осторожной, выжидательной политики суздальских, а затем и московских князей. И не случайно церковное прославление Михаила Черниговского и боярина Фёдора началось именно с Ростова — города, чьи князья более иных погрязли в угодничестве «поганым» татарам. Как оказалось очень скоро, не только им, но всей Русской земле жизненно необходимо было небесное заступничество новых мучеников за веру.

Смерть Михаила Черниговского оказалась, увы, не единственной смертью русского князя в ставке Батыя. В том же 1246 году здесь произошла ещё одна трагедия, о которой поведал Плано Карпини. «Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, — писал он, — что Андрей, князь Чернигова... был обвинён пред Бату в том, что уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место; и хотя это не было доказано, он всё-таки был убит»³². Об убиении «от Батыя» некоего князя Андрея Мстиславича

сообщают под тем же 1246 годом и отдельные русские летописи³³. Правда, Андрей не был черниговским князем. Слова Plano Карпини, по-видимому, надо понимать в том смысле, что он княжил где-то в Черниговской земле, владея одним из небольших уделов. Обвинение, предъявленное ему, было очень серьёзным: по монгольским законам кража лошадей безусловно каралась смертью. Однако Plano Карпини, видимо, не случайно поясняет, что вина русского князя не была доказана: он был вызван в Орду и казнён там без должного расследования. Почему так произошло, мы не знаем. Возможно, что как раз в этом случае сказались «свирепость» Батыя и его личное чувство обиды и раздражения или были задеты какие-то его личные интересы. Отчасти это подтверждается тем, какое развитие получила история с казнённым русским князем.

О её не менее драматичном продолжении рассказывает тот же Plano Карпини. Узнав о гибели старшего брата, к Батыю прибыли младший брат и вдова убитого. Юный русский князь, ещё отрок, намеревался просить правителя Орды «не отнимать у них земли», то есть подтвердить ярлыком его право на удел брата. Батый согласился, но поставил перед ним невыполнимое условие: «Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жёны жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья, согласно обычаю татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону христианскому. А Бату тем не менее передал её ему, хотя оба отказывались, насколько могли, и их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на неё, и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным».

Сцена поистине ужасная! То, что заставили сделать юного русского князя (возможно, ещё даже и не знавшего женщин!), было для монголов обычным делом. Младшему брату в обязательном порядке доставались жёны его умершего старшего брата, а часто — ещё и жёны отца (за исключением его собственной матери). Но с точки зрения русских, с точки зрения христиан, это было неслыханное

кощунство, прелюбодеяние, кровосмешение, похабство — к тому же совершённое против воли, насильно, на виду у всех, наверное, под хохот и улюлюканье окружающих татар!

В этой сцене, описанной итальянским монахом, личность Батыя просматривается вполне отчётливо, являя свои наиболее отвратительные черты. Да, он и в самом деле исполнил желание приехавшего к нему княжича, заодно приобщив юношу к монгольским обычаям супружества (как мы увидим, Батый и в других случаях был не прочь хотя бы слегка, в насмешку, «отатарить» своих русских «гостей»). Но при этом он не мог не понимать, какую чудовищную травму наносит юному русскому князю и насколько задевает его религиозные чувства. Все его действия исполнены ничем не прикрытым желанием унижить княжича, надругаться над ним, притом сделать так, чтобы о случившемся стало известно и на Руси. Уж коли об этом пишет Плано Карпини, то русские — можно не сомневаться — знали о произошедшем в деталях! Летописи, разумеется, умалчивают об этой постыдной истории. Что и понятно: неслыханному унижению подвергся не только юный черниговский княжич, но и весь княжеский род, и писать о таком было нельзя.

Перечень князей, казнённых в Орде, не исчерпывается именами Михаила Черниговского и Андрея Мстиславича. Напомню, что ещё раньше, в 1242 или 1243 году, был казнён князь Мстислав Рыльский — но где это произошло, на Руси или в Орде, неизвестно. Справедливости ради отметим, что за годы пребывания Батыя на Волге других случаев кровавых расправ над русскими князьями в его ставке, кажется, не было; во всяком случае, источники о них не сообщают. По всей вероятности, до подобных крайностей Батый всё же старался не доводить дело. А вот при его преемниках жестокие убийства в Орде возобновятся. Следующей жертвой станет сын Олега Рязанского князь Роман Ольгович, казнённый 19 июля 1270 года, при внуке Батыя Менгу-Темире. Его убийство описано в летописях с леденящими кровь подробностями: татары «заткоша уста его убрисом (полотнищем. — А. К.), и начата резати его по

суставам и метати разно, и, яко разоимаша его, остася труп един, они же одравше главу ему, взоткоша на копие»³⁴. Ну а потом придёт черёд тверских князей, один за другим принимавших смерть в Орде. Но это уже совсем другая страница в истории русско-ордынских отношений...

Личность Батыя вполне отчётливо проявляется и в другой, менее трагической, но также весьма тягостной для русского сердца истории, отражённой в летописи, — истории его общения с галицким князем Даниилом Романовичем, сильнейшим из правителей тогдашней Руси.

Как мы помним, Даниил дольше других русских князей сопротивлялся власти татар. Ещё в те годы, когда татары ушли в Польшу и Венгрию, он подверг жесточайшему разорению землю болоховских князей, союзников татар: «города их огню предал и гребли (оборонительные валы. — А. К.) их раскопал»; Даниил потому испытывал к ним ненависть, объясняет галицкий летописец, что болоховцы «на татар большую надежду имели». Как и князя Северо-Восточной Руси, Даниил прилагал много усилий к тому, чтобы возродить жизнь в разорённых и обезлюдивших городах своего княжества (тем более что некоторые его города так и не были взяты татарами). Он много способствовал возвращению жителей, бежавших из своей земли во время нашествия, принимал беженцев из иных областей, в том числе и беглецов от самих татар, приглашал иноземцев. «Князь Даниил... начал призывать немцев и русь, иноязычников и ляхов (поляков. — А. К.), — пишет галицкий книжник о возрождении Холма, стольного города княжества. — Шли [к нему] изо дня в день и юные, и мастера всякие, бежавшие из Татар: седельники, и лучники, и тульники (колчанщики. — А. К.), и кузнецы по железу и меди и серебру. И всё ожило, и наполнились двory вокруг града, и поле, и сёла»³⁵. В Холм свозили и святыни, спасённые во время разорения Киева и других южнорусских городов: летописец упоминает киевские иконы Спаса и Пресвятой Богородицы из Фёдоровского монастыря, киевские колокола, икону из Овруча (в Древлянской земле).

Правда, почти всё это богатство сгорело во время великого пожара, уничтожившего город, так что Холму так и не удалось стать «вторым Киевом» — к чему, вероятно, стремился князь. Отстраивались и другие города Галицкой и Волынской земли. Даниилу и его брату и соправителю Васильку очень много приходилось воевать — то с поляками (в 1243 и 1244 годах они дважды подступали к Люблину и добились заключения выгодного для себя мира), то с венграми, то с язычниками литовцами и ятвягами. Именно в годы после нашествия окончательно сломлена была боярская оппозиция и власть Даниила утвердилась во всей Галицко-Волынской земле. Последним аккордом этой борьбы стало сражение войск Даниила и Василька Романовичей с объединённым венгерско-польско-русским войском, посланным на Галич венгерским королём Белой IV. Во главе этого войска стояли зять короля русский князь Ростислав Михайлович — главный противник Романовичей и претендент на галицкий стол, — а также старый венгерский воевода бан Фильний («Филя гордый», как именовали его на Руси) и польский пан Флориан Войцехович. 17 августа 1245 года у города Ярослава, в западной Галичине, войска галицких князей нанесли врагам сокрушительное поражение. Множество венгров и поляков были убиты или попали в плен. В числе последних оказался и «гордый» Фильний, казнённый по приказу Даниила. Ростислав же бежал, и с этого момента его имя исчезает из русской истории: он перешёл на службу королю, получил от него земли в Сербии, между Дунаем, Савой и Дравой, и превратился в одного из банов — феодальных магнатов.

Победа у Ярослава стала несомненным триумфом Даниила Галицкого. Но радоваться ему довелось недолго. Той же осенью 1245 года к князьям Романовичам явился посол от Могучея (Мауци), владельца одного из улусов в державе Батыя. Его требование к Даниилу выражено в летописи очень ёмко, всего одной короткой фразой:

— Дай Галич!

И «был [Даниил] в печали великой, ибо не укрепил городов земли своей, — рассказывает летописец, — и,

посоветовавшись с братом своим, поехал к Батыю, так сказав: «Не дам половины отчины своей, но еду к Батыю сам»»³⁶.

Смысл требования татар ясен не до конца. Судя по размышлениям самого Даниила, Мауци претендовал на половину его княжества — то есть, скорее всего, на одну только Галицкую землю, не трогая Волыни. Если так, то и Мауци, и Батый (который, несомненно, санкционировал его действия) неплохо разбирались в междукняжеских отношениях. Волынь действительно была «отчиной» Даниила Романовича, а вот на Галич претендовали и другие русские князья, и венгры, и спор за него только-только завершился битвой у Ярослава. Обосновать же эти претензии татар можно было одним: Даниил до сих пор не признал власть Батыя, а, как мы помним, не подобало «жить на земле хановой и Батыевой, не поклонившись им». Теперь Даниил должен был выбирать: либо вступать в войну с татарами, либо признать зависимость от них и получить Галич и Волынь уже из рук Батыя. Кажется, он всерьёз раздумывал о первом варианте (сетуя, однако, что «не утвердил» своих городов). Но в итоге избрал второй.

Несмотря на откровенно враждебные отношения с татарами, Даниилу удалось наладить кое-какие контакты с ними. Известно, что его брат Василько предварительно посылал в Орду за охранной грамотой для проезда Даниила к Батыю, и такая грамота была привезена³⁷. 26 октября, на память святого великомученика Димитрия Солунского, Даниил выступил в путь. Ехал он с тяжёлым сердцем, и предчувствия его были недобрыми. В Киев, где хозяйничал наместник князя Ярослава Всеволодовича Дмитр Ейкович, Даниил не стал даже заезжать, остановившись в пригородном Выдубицком Михайловском монастыре. «И созвал священников и монашеский чин, и сказал игумену и всей братии, чтобы сотворили молитву о нём, и помолились, чтобы получил он милость от Бога, и исполнилось это. И, поклонившись Архистратигу Михаилу, выехал из монастыря в ладье, чуя беду страшную и грозную». В Переяславле князя встретили татары. Оттуда, сопровождаемый ими, он двинулся в ставку Куремсы «и увидел, что нет в них добра.

С той поры начал ещё больше скорбеть душою, видя их во власти дьявола: скверные их кудесничьи блядения, и Чингисхановы мечтания, скверные его кровопития, многие его волошбы. Приходящих [к ним] царей, и князей, и вельмож, водя вокруг куста, [заставляли] поклоняться солнцу, и луне, и земле, дьяволу, и умершим в аду отцам их, и дедам, и матерям. О скверная прелесть их!». Эти слова, по всей вероятности, написаны человеком, который находился при князе Данииле в его поездке. В них переданы личные ощущения автора, его личное восприятие нечестивых обычаев татар как богомерзкого и гнусного «кудесничанья» — но вместе с тем это и выражение общей боли русских людей, общей ненависти к завоевателям. Несомненно, испытывал все эти чувства и князь Даниил. Но ему приходилось скрывать их под маской почтительности и покорности. От Куремсы Даниил направился к Батыю, на Волгу, продолжает летописец. И Батый на удивление милостиво встретил его.

Здесь нужно принять во внимание один немаловажный нюанс, касавшийся прежде всего географического положения Галицко-Волынской земли. Не до конца ещё покорённая татарами, она соседствовала с враждебными им странами Запада. Галицкие князья находились в постоянном контакте с венгерскими, польскими и немецкими королями и князьями. Между тем ещё Плано Карпини отмечал определённую гибкость татар во взаимоотношениях с разными народами — в зависимости от их удалённости и степени подчинения. «Они берут дань также с тех народов, — писал он, — которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска или также чтобы другие не страшились предаться им»³⁸. Конкретно Плано Карпини имел в виду абхазов и грузин, но отчасти его слова могут быть отнесены и к Галицкой Руси. Притом Даниил только что нанёс поражение венграм и полякам, а и тех и других Батый по-прежнему воспринимал

как своих врагов. Это тоже способствовало его благосклонному отношению к русскому князю.

Даниил был вполне подготовлен к встрече с Батыем. О чём-то он знал понаслышке, что-то со злорадством рассказал ему Сонгур, «человек Ярослава». Можно даже полагать, что половец намеренно был послан к князю, ибо сразу же после разговора с ним Даниила позвали к Батыю. «Избавлен был Богом от злого их бешения (беснования. — А. К.) и кудесничанья», — сообщает о Данииле летописец. Что он имел в виду? О том, что галицкий князь совершил положенные обряды («поклонился по обычаю их»), сказано тут же, следом. Может быть, Даниил и его люди ждали чего-то ещё более страшного — каких-то «волшб» и «кудесничаний» в прямом смысле этого слова — и радовались тому, что остались живы?

Свидание с Батыем князя Даниила Галицкого описано в летописи весьма подробно — и, повторяюсь, скорее всего, очевидцем. Совершив положенный обряд поклонения (а мы уже знаем, в чём он заключался: в тоекратном преклонении колен и касании лбом земли) и, очевидно, предупреждённый относительно неприкосновенности порога и других татарских обычаев и запретов, Даниил вошёл в шатёр. Батый заговорил с ним сам. Такое случалось не всегда и не со всеми. В отношении Даниила с самого начала был задействован не посольский, а именно придворный церемониал. Батый разговаривал с ним не как с чужим, но как со «своим»:

— Данило, почему давно не пришёл? А ныне пришёл — это хорошо. Пьёшь ли чёрное молоко, наше питьё, кобылий кумыс?

Слова Батыя (звучавшие конечно же через переводчика) на редкость весомы, наполнены смыслом, который должен был угадывать Даниил. В первой фразе можно расслышать осуждение, даже угрозу. Но угроза эта лишь обозначена, она скрыта общим благодушным, покровительственным тоном, который сквозит во всём строе речи. Самим фактом своего приезда, исполнением положенных обрядов Даниил уже поставил себя в положение «улуслика» и «служебника»

татарского «царя», занял вполне определённое, по-своему даже почётное место в ордынской иерархии, и Батый даёт понять это. Но в его словах нельзя не уловить и очевидной насмешки. В таком тоне монгольские правители и разговаривали обычно с покорившимися им князьями^[34].

И сама беседа с Батыем, и особенно предложение отвести кумыса — «татарского питья», — свидетельство немалой чести, оказанной Даниилу «Они считают очень важным, когда кто-нибудь пьёт с ним кумыс в его доме», — писал о татарах Гильом Рубрук, сам удостоившийся подобной чести в ставке Батыя. Причём речь идёт о так называемом «чёрном кумысе» — питье высшей монгольской знати. Чужеземцам его предлагали нечасто. Китайский посол к монголам Сюй Тин попробовал его, например, лишь однажды — когда был приглашён в «золотой шатёр» Угедая. «Если сравнивать его с тем кумысом, который обычного белого цвета, притом мутный, прокисший и вонючий, то они вообще не имеют никакого сходства», — сообщал он. Этот кумыс назывался «чёрным» по той причине, что он был совершенно прозрачен, «а значит, кажется чёрным, как дно и стенки сосуда». Прозрачный цвет и сладкий вкус достигались благодаря тому что кумыс взбалтывали в течение длительного времени — не менее семи-восьми дней, нанося по кожаному бурдюку особым пестом иногда до десяти тысяч ударов, «и чем сильнее колотят, тем более чистым становится кумыс, а когда кумыс становится прозрачным, то запах его перестаёт быть вонючим»⁴⁰. Рубрук тоже оценил вкусовые свойства этого напитка и даже предпочитал его вину. Но «честь», оказанная Даниилу, была весьма специфического свойства и для русского князя граничила с откровенным унижением. Дело в том, что питье кумыса считалось у православных тягчайшим грехом. Жившие в Орде «христиане, русские, греки и атаны, которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его, — писал Рубрук, — и даже не считают себя христианами, когда выпьют, и их священники примиряют их тогда [со Христом], как будто они отказались от христианской веры». Это мнение, которое сам Рубрук отнюдь не разделял,

«укрепилось среди них» именно благодаря русским, «количество которых среди них весьма велико»⁴¹.

При этом надо было ещё правильно пить предложенный напиток и ни в коем случае не пролить и не выплюнуть на землю ни капли (что считалось весьма тяжким преступлением и каралось смертью). Надо было и правильно вести себя во время угощения. «...Так как я, сидя, смотрел в землю, — писал Рубрук о своём пребывании у Батыя, когда ему было предложено выпить «чёрное молоко», — то он (Батый. — А. К.) приказал мне поднять лицо, желая ещё больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия, потому что они считают за дурное знамение... когда кто-нибудь сидит перед ними, наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на руку щекой или подбородком». Случалось и так, что в знак особенного уважения, «когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло». В ставке Батыя нужно было следить и за тем, чтобы не нарушить многочисленные запреты, принятые у монголов. Большинство из них должны были казаться русским нелепыми и смешными — если бы они не грозили жестоким наказанием в случае нарушения. Понятно, что ни одному русскому князю не пришло бы в голову, например, мочиться в ставке хана — что каралось смертью. Никто из русских не смог бы во время угощения «вонзять нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла» (что также по монгольским законам каралось смертью), — поскольку всякого, кто являлся в ставку, тщательно обыскивали на предмет оружия, отбирая любые острые предметы. Но запрещалось ещё и опираться на плеть, касаться бичом стрел, убивать птенцов, ударять лошадь уздой, ломать кость о другую кость, проливать на землю молоко или другой напиток. «Точно так же, если кому положат в рот кусочек (пищи) и он не может проглотить его и выбросит изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают», — сообщал Плано Карпини⁴². А вот этого надо было уже по-

настоящему опасаться, тем более что пища монголов была в глазах христиан по большей части «нечистой», а порой могла вызвать физическое отвращение и рвоту. Можно было отказаться от неё, сославшись на предписания веры (как это сделал, например, грузинский князь Аваг в ставке монгольского военачальника Чармагуна)^[35]. Но приняв угощение из рук татар, надлежало съесть его целиком.

Несомненно, Даниил разделял взгляды русских священников на питьё «кобыльего кумыса» и другие «нечистые» обычаи татар. А потому, соглашаясь принять из рук Батыя чашу с кумысом, он должен был в очередной раз переступить через себя, подавить свою гордость и христианское чувство. Но что делать — пришлось пойти и на это.

— Доселе не пил, — отвечал он Батыю. — Ныне же ты велишь — пью.

И сказал ему на это Батый:

— Ты уже наш, татарин! Пей наше питьё!

«Он же, испив, поклонился по обычаю их, произнёс положенные слова и сказал:

— Пойду поклониться великой княгине Боракчине (старшей из жён Батыевых. — А. К.).

Батый же сказал:

— Иди!»

Даниил явился к Батыевой жене и вновь совершил поклон «по обычаю их» — уже адресованный ханше. После чего Батый прислал ему ковш вина с такими словами:

«Не привыкли вы пить кумыс. Пей вино!»

Нельзя не оценить своеобразное чувство юмора Батыя. Как и в случае с несчастным братом черниговского князя Андрея, он примеряет на Даниила татарский обычай — и явно доволен получившимся результатом. «Ты уже наш, татарин!» — в этих словах одновременно звучат и похвала в адрес русского князя, и неприкрытая насмешка над ним. Уязвлённое же самолюбие, попранные религиозные чувства — всё это Батыя, по-видимому, совершенно не интересовало. А может быть, наоборот, он получал удовольствие, видя нравственные мучения своих

собеседников. Но, с другой стороны, он ведь действительно оказал честь Даниилу. Более того, посылка им чары с вином — это и явный знак благоволения, и в общем-то проявление искреннего добродушия, даже заботы о князе, не привыкшем к татарским обычаям, — ещё не до конца «татарине»! Многие современники Батыя, особенно армянские и персидские авторы, писали о его щедрости и великодушии, милостивом отношении к подданным. Пожалуй, в его общении с Даниилом можно увидеть проявление этих качеств. Но для самого Даниила подобное было сродни самому тяжкому унижению. Галицкий книжник, автор летописного рассказа о поездке князя в Орду, очень верно выразил это: «О, злее зла честь татарская! Даниил Романович был князем великим, владел вместе с братом Русскою землёю: Киевом, и Владимиром (Волынским. — А. К.), и Галичем, и другими областями, — ныне же стоит на коленях и холопом себя называет! [Татары] дани хотят, [а он] жизни не чаёт и грозы приходящей [ожидает]. О злая честь татарская!..»

Оказанная князю милость и в самом деле казалась «злее зла». Речь не только о его личном унижении. Выслуженное Даниилом и другими русскими князьями место в иерархии татарского общества, место «служебников» и «улусников» татарского «царя», обозначено галицким книжником с предельной откровенностью, именно так, как это и было в действительности: Даниил признавал себя «холопом» Батыя — а это слово не предполагало никакой двусмысленности или неясности. И ни Даниилу, ни другим русским князьям не было дела до того, что точно таким же «холопским» являлось положение всех вообще подданных великого хана. «Император... этих татар имеет изумительную власть над всеми, — писал хорошо разобравшийся в структуре монгольского общества Плано Карпини. — ...Ту же власть имеют во всём вожди над своими людьми... Личностью их они располагают во всём, как им будет благоугодно». С тех пор и Руси придётся выживать в условиях всеподавляющей, абсолютной власти сначала ордынских, а потом и своих правителей. Ордынская модель во взаимоотношениях

правителя и подданных, высших и низших, господ и холопов перейдёт к нам как бы по наследству, так что иностранцы будут описывать структуру московского общества почти в тех же выражениях, в каких описывал власть татарского хана Плано Карпини. «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетёт он жестоким рабством...» — это сказано не о Батые и не о его преемниках на троне Золотой Орды, а о великом князе Василии III, и сказано в первой половине XVI столетия австрийским дипломатом Сигизмундом Герберштейном⁴¹. Однако слова эти очень близки к тем, что приведены выше...

Даниил пробыл у Батыя 25 дней и той же зимой 1245/46 года отправился восвояси. Он получил желаемое, сохранив за собой и Волынь, и Галич: «и поручена была ему земля его, которая у него была». В марте 1246 года князя «со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним», встретили в ставке Картана, зятя Батыя, монахи-францисканцы. По возвращении же в Волынскую землю Даниила встречали его брат Василько и сыновья Роман и Лев. «И был плач об обиде его, и большая же радость была о здравии его» — так завершает летописец свой рассказ о путешествии князя.

Даниил сразу же смог оценить те преимущества, которые он получил после поездки в Орду. Поддержка Батыя чрезвычайно возвысила его в глазах правителей соседних стран. Венгерский король Бела, ещё недавно направлявший против него войско, теперь поспешил с заключением мира, предлагая закрепить его браком своей дочери с сыном Даниила Львом. Даниил согласился не сразу, и королю пришлось уговаривать его, давать гарантии соблюдения союзнических отношений. Летописец правильно объяснил причины столь резкого поворота в русской политике венгерского короля: тот стал бояться Даниила прежде всего потому, что Даниил побывал «в Татарех» (это, кстати, подтвердил и сам король в письме папе Иннокентию IV)⁴⁴. Кое-что Даниил смог перенять у татар. Это касалось, в частности, вооружения и средств защиты на поле битвы.

Когда около 1248 года венгерский король Бела вступил в войну за австрийскую корону (освободившуюся после гибели двумя годами раньше его врага, герцога Фридриха II Бабенберга), он обратился за помощью к Даниилу, обещая Австрию его сыну Роману, и галицкий князь поддержал свата. Во главе сильного войска Даниил подступил к городу Пресбургу (нынешняя Братислава) и здесь встретился с послами германского императора Фридриха II Гогенштауфена. Даниил «исполчил всех людей своих, — свидетельствует летописец, — немцы же дивились оружию татарскому, ибо были кони в личинах и коярах (защитных намордниках и плотных кожаных пополах. — А. К.), а люди — в ярицах (многослойных кожаных панцирях. — А. К.)...». Превосходные свойства лёгких и прочных татарских доспехов русские давно уже смогли оценить на поле боя; теперь их с любопытством рассматривали немецкие рыцари. Впрочем, сам Даниил одет был «по русскому обычаю: конь под ним был на диво, и седло из жжёного золота, и стрелы и сабля златом украшены и другими украшениями дивными, кожух из греческого оловира (затканной золотом шёлковой ткани. — А. К.), обшитый широким золотым кружевом, и сапоги из зелёного сафьяна, обшитого золотом. Немцы же, глядя, сильно удивлялись»⁴⁵.

Но Даниил так и не смог смириться со своим новым положением «подручного» татарского «царя». Практически сразу же по возвращении от Батыя он встал на путь пока ещё глухого и тайного сопротивления ордынскому игу. Ещё через Плано Карпини, на обратном пути из Орды, Даниил завязал сношения с римским папой Иннокентием IV, который как раз в эти годы усиленно хлопотал о создании антитатарской коалиции, включавшей бы в себя и правителей русских земель. В переговорах с папой отчётливо звучала и «татарская» тема; возможность совместной борьбы с татарами обсуждалась и с венгерским королём⁴⁶. Однако реальной помощи от папы Даниил так и не дожждётся, что вскоре (около 1248 года) приведёт к срыву переговоров и отказу от предложенной ему королевской короны («Татарское войско не перестаёт жить с нами во

вражде, как же могу я принять от тебя венец, не имея от тебя помощи?» — такие слова передаст понтифику русский князь). Впоследствии, однако, переговоры возобновятся и увенчаются коронацией Даниила и признанием за ним титула короля в 1254 году, что будет означать открытый вызов Орде. Тогда же будет заключена и уния с Римской церковью: при сохранении всех православных обрядов Даниил и его епископы признают верховенство римского папы. Впрочем, итог татарской политики князя Даниила Романовича печален. Уже после смерти Батыя, в 1258 году, в Галицкую землю вступит войско одного из сильнейших татарских полководцев Бурундая. Свой первый удар Бурундай направит против Литвы — в то время союзника Даниила Галицкого. От Даниила и Василька Романовичей татарский военачальник потребует участия в этом походе, причём обратится к ним не просто как к своим союзникам («мирникам»), но, по существу, как к бесправным холопам, и войска Василька вынуждены будут воевать вместе с ним, заботясь лишь о том, чтобы заслужить его похвалу. А ещё год спустя войско Бурундая — опять-таки с присоединившимися к нему галицкими полками — двинется в Польшу, ещё одну недавнюю союзницу галицких князей. Но прежде Бурундай потребует от Даниила и его брата явиться к нему на поклон: «Если вы мои мирники, встретьте меня. А кто меня не встретит, тот враг мне». Даниил не осмелится исполнить его волю и бежит сначала в Польшу, а затем в Венгрию — так, словно бы вернулись страшные времена Батыева погрома Руси. Василько же с Данииловым сыном Львом отправятся навстречу Бурундаю с «дарами многими и угощением» и едва смогут хоть немного утишить его гнев. «А потом сказал Бурундай Васильку: “Если вы мои мирники, разрушьте все укрепления городов своих”». Это было в обычае татар, которые разрушали любые укрепления в завоёванных ими землях и оставляли без крепостных стен покорённые ими города. И русским князьям придётся исполнить злую волю грозного Бурундая: подчиняясь его приказу, сын Даниила Лев разрушит укрепления Данилова, Стожка, Львова, а Василько пошлёт своих людей разрушить

Кременец, Луцк, Владимир-Волынский. С последним придётся повозиться. «Князь Василько стал думать про себя о городских укреплениях, ведь нельзя было разрушить их быстро из-за их величины. И он велел поджечь их, и за ночь они сгорели. На другой день приехал Бурундай во Владимир и увидел своими глазами, что укрепления все сгорели... Наутро прислал татарина по имени Баимура. Баимур приехал к князю и сказал: “Василько, прислал меня Бурундай и велел вал сравнять с землёй”. И сказал Василько: “Делай, что тебе велели”. И стал тот равнять вал с землёй в знак победы...»⁴⁷ Так, без войны и кровопролития, одной лишь угрозой татарского гнева будет сломлено сопротивление галицких князей. Даниил вернётся в свою землю — и увиденное поразит его. Разорённые руками самих же русских ещё недавно процветавшие города его земли, обугленные башни Владимира-Волынского и пепелище на месте стен красноречиво свидетельствовали о крахе его рискованной игры с правителями Орды в независимость и политическую самостоятельность...

В русских источниках сохранился ещё один рассказ о пребывании в ставке Батыя русского князя — но рассказ этот носит во многом фольклорный характер. Речь идёт о Житии князя Александра Невского, где сообщается о его первой поездке к Батыю, совершённой в 1247 году: «В то же время был некий сильный царь в восточной стране (Батый. — А. К.); ему же покорил Бог многие языки от востока и до запада. И тот царь, прослышав о... славе и храбрости Александра, послал к нему послов и сказал: “Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие языки? Или ты один не хочешь покориться силе моей? Но если хочешь сохранить землю свою, то вскоре приди ко мне — и увидишь славу царства моего”... И был грозен приход его (Александра. — А. К.), и промчалась весть о нём до самого устья Волги. И начали жёны моавитянские (здесь: татарские. — А. К.) пугать детей своих, говоря: “Александр князь едет!” Задумал князь Александр, и благословил его епископ (ростовский. — А. К.) Кирилл; и пошёл к царю в

Орду. И увидел его царь Батый, и удивился, и сказал вельможам своим: “Воистину мне сказали, что нет князя, подобного ему”. Почтив же его достойно, отпустил его»⁴⁸. В новгородской рукописи XV века, содержащей Новгородскую Первую летопись младшего извода, в статье «А се князи русьстии», этот рассказ Жития изложен так: «Царь Батый услышал о мужестве его (Александра. — А. К.), и возлюбил его паче всех князей, и призвал его к себе с любовью, и в первый, и во второй раз, и отпустил его с великою честью, одарив»⁴⁹.

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» (так называется Житие в рукописях) была составлена в начале 80-х годов XIII века иноком владимирского Рождественского монастыря, знавшим великого князя Александра Ярославича в последние годы его жизни. Однако орду Батыя автор представлял себе плохо, и ничего определённого о пребывании в ней Александра сказать не мог — за исключением того общеизвестного факта, что князь сумел снискать милость Батыя. Возможно, впечатляющая внешность Александра («Ростом он был выше иных людей», — описывал его автор Жития) сыграла при этом какую-то роль: татары умели ценить мужскую статью и красоту. Но может быть и так, что перед нами всего лишь литературный приём. Книжники же более поздних веков, перерабатывая первоначальный житийный текст, сильно изменили его, включив в повествование совершенно новый эпизод. То, что представлялось неизбежным в середине — второй половине XIII века, совсем по-другому воспринималось во времена независимой Московской Руси, свергнувшей ордынское иго. Правители Орды, «цари», как их называли на Руси, превращаются под пером авторов XV–XVI веков в «злочестивых» и «злоименитых мучителей», окаянных «сыроядцев», и подчинение им православного русского князя, победителя шведов и немцев, начинает казаться немыслимым и недопустимым. Так в поздних редакциях Жития святого Александра Невского возник рассказ об отказе князя от исполнения унижительного

обряда прохождения сквозь огни и поклонения «твари» — причём историки давно уже определили, что рассказ этот целиком заимствован из Жития другого русского святого — князя Михаила Черниговского. Слова черниговского духовника вложены здесь в уста ростовского епископа Кирилла, наделе проводившего совсем другую политику в отношении Орды, неоднократно бывавшего в ставке ордынских ханов и охотно общавшегося с ними. Сам же Александр, подобно князю Михаилу Черниговскому, решительно противится исполнению требований татарских «волхвов», однако «окаянный» Батый, «не насытившийся ещё крови христианской», вопреки всему не спешит проявлять свою злобу, но, «ради красоты лица его, повелел с честью привести святого к себе, не понуждая его кланяться солнцу и идолам... не причинил святому никакого зла, но, увидев красоту лица блаженного, и величавость тела его, и храбрость, похвалил святого перед всеми и великую честь воздал ему»⁵⁰. Излишне говорить, что ни к историческому Александру Невскому, ни к историческому Батыею эти слова не имеют никакого отношения.

Как и другие завоёванные монголами страны, Русь считалась достоянием не одного лишь Батыя, но всего «Золотого рода» наследников Чингисхана, представленного личностью великого хана. Но в первые годы пребывания Батыя на Волге ханский престол пустовал. В соответствии с этим Батый по своему усмотрению распорядился ярлыком на великое княжение, даровав его Ярославу Всеволодовичу; посылка же «к Кановичам» Ярославова сына Константина выглядела своего рода компромиссом. Точно так же не было необходимости отправлять в Монголию Даниила Романовича и других русских князей, являвшихся в Орду за ярлыками. Впоследствии, однако, ситуация изменится. Когда вопрос с избранием великого хана Гуюка будет наконец-то решён, Батый отправит в Каракорум и Ярослава Всеволодовича, и правителей других завоёванных им стран — дабы те приняли участие в курултае и, изъявив покорность новому великому хану, уже из его рук получили ярлыки на свои

земли. Затем, после смерти Ярослава Всеволодовича, для получения ярлыка на великое княжение Владимирское в Каракорум поедут его заспорившие о власти сыновья Андрей и Александр. Сам Батый разрешить их спор не возьмётся.

«Русская политика» правителя Орды всецело определялась тем, что происходило в центре Монгольской империи. Всё зависело от того, имелся ли там законный император (великий хан) и в каких отношениях с Батыем он находился. Русские князья — особенно поначалу — были не более чем разменной монетой во взаимоотношениях между Сараем и Каракорумом. «Имперское» направление политики, несомненно, являлось главным для Батыя. Об этой стороне его политической и государственной деятельности нам предстоит поговорить особенно обстоятельно.

На вершине могущества

Биографию Батыея как правителя Улуса Джучи можно разделить на два неравных по продолжительности отрезка. До лета 1251 года — года избрания великим ханом союзника Бату Менгу — всё его внимание было приковано к борьбе за власть над Монгольской империей. Борьба эта началась сразу же после смерти великого хана Угедея, и в неё оказались вовлечены представители всех четырёх ветвей «Золотого рода» наследников Чингисхана. И даже с избранием на ханский престол Гуюка борьба не закончилась, но разгорелась с ещё большей силой. Ставкой в борьбе лично для Бату была не только власть над Улусом Джучи и другими покорёнными монголами территориями на западе, не только возможность вести ту политику, которую он считал нужной, но в какой-то момент, по-видимому, и сама жизнь. И Бату в конечном итоге вышел победителем в этой жестокой схватке, ещё раз подтвердив, что обладает несомненными качествами по-настоящему выдающегося политика. Обстоятельства его необъявленной войны против родичей — двоюродных и троюродных братьев и племянников — представляют исключительный интерес для характеристики героя нашего повествования.

Напомню, что, когда Угедей умер, его старшего сына Гуюка в Монголии не было и вся полнота власти оказалась в руках вдовы Угедея Туракины-хатун. Происходившая из меркитского племени, она не была ни старшей, ни любимой женой великого хана, но зато была матерью пяти его сыновей. «Эта супруга была не слишком красива, но по природе была очень властной», — пишет Рашид ад-Дин. Когда-то, после покорения меркитов, Угедей силой овладел ею; Чингисхан одобрил поступок сына и выдал за него знатную пленницу. Любимая же жена Угедея, Мука-хатун, умерла вскоре после супруга (своей ли смертью или нет, неизвестно), и Туракина «ловкостью и хитростью, без совещания с родичами, по собственной воле захватила власть в государстве. Она пленила различными дарами и

подношениями сердца родных и эмиров, все склонились на её сторону и вошли в её подчинение»¹. Надо отдать должное этой женщине; ещё до прибытия Гуюка она сумела отразить попытку младшего брата Чингисхана Тэмугэ-Отчигина захватить ханский престол. Узнав о том, что Отчигин во главе большого войска движется в её направлении, Туракина не растерялась и направила к нему гонца с грозным предостережением: «Что означает это выступление с войском, с запасом провизии и снаряжения? Всё войско и улус встревожены». Кроме того, навстречу Отчигину были высланы находившиеся в ставке войска свиты покойного хана и его домочадцы. И Отчигин — очевидно, рассчитывавший на внезапность своего выступления и на то, что оставшаяся без мужа женщина не решится противиться ему, — смутился и начал оправдываться тем, что он-де направляется единственное для устройства поминок по случаю смерти великого хана. «В это время пришло известие о прибытии из похода Гуюк-хана... — продолжает Рашид ад-Дин. — Сожаление Отчигина о содеянном стало сильнее, и он вернулся в свои места, в свой юрт». Впоследствии Отчигин жестоко поплатится за этот необдуманый поступок. Но история с ним — пожалуй, единственное, за что потомки Угедая могли быть благодарны Туракине-хатун. В целом же её правление принесло много вреда и в конечном счёте стало причиной полного крушения дома Угедая.

Правление Туракины продолжалось более трёх лет. Гуюк даже после возвращения домой не вмешивался в ход государственных дел. Что же касается передачи престола внуку Угедая Ширамуну, то об этом Туракина и стоявшие за ней эмиры не хотели и слышать, ссылаясь на то, что юноша ещё мал и «Гуюк-хан старше». Звучали голоса и в пользу второго сына Угедая Кудэна, которого будто бы прочил в преемники ещё Чингисхан (что едва ли могло соответствовать действительности). Кудэн, единственный из всего Угедеева семейства, был близок к Менгу и другим потомкам Тулуя, и можно думать, что именно они поддерживали его кандидатуру^[36]. Но Кудэн был сильно

болен, а потому о его избрании великим ханом всерьёз говорить не приходилось. Вопрос с избранием хана должен был решить курултай с участием всех представителей «Золотого рода» наследников Чингисхана. Но царевичи не спешили с приездом, а Туракина не торопила их, пользуясь всей полнотой власти и по своей воле смещая и назначая вельмож. «Так как во времена каана (Угедая. — А. К.) Туракина-хатун была сердита на некоторых и в душе ненавидела их, то теперь, когда она сделалась полновластной правительницей дел, она захотела воздать каждому по заслугам», — пишет Рашид ад-Дин. Туракина находилась под сильным влиянием своей мусульманской рабыни Фатимы, женщины «очень ловкой и способной», являвшейся «доверенным лицом и хранительницей тайн своей госпожи»; именно «по совету этой наперсницы Туракина-хатун смещала эмиров и вельмож государства, которые при каане были определены к большим делам, и на их место назначала людей невежественных». Первыми жертвами Фатимы стали всемогущий при Угедее великий визирь Чинкай, уйгур по происхождению и христианин по вере, и хорезмиец Махмуд Ялавач, которому великий хан поручил в управление Китай и Среднюю Азию. Оба, однако, сумели бежать и нашли убежище у Кудэна, который наотрез отказался выдать их матери. Место Ялавача занял «торговый человек» Абд-ар-Рахман, возвысившийся ещё при Угедее благодаря предложенному им откупу даней с Китая. Видя, что происходит, эмир Масуд-бек, сын Ялавача, бывший наместником великого хана в Туркестане и Мавераннахре (междуречье Амударьи и Сырдарьи), тоже «не счёл за благо оставаться в своей области» и бежал к Бату, на Волгу. Правитель Улуса Джучи охотно принял его. «Во время этого междоцарствия и этой смуты каждый отправлял во все стороны гонцов и рассылал от себя бераты и ассигновки (письма, или чеки, которые давали право на получение определённых сумм с целых областей или отдельных лиц. — А. К.), каждый искал сближения с одной из сторон и опирался на её покровительство любыми средствами», — пишет Рашид ад-Дин. Печальные последствия такого

положения дел не замедлили сказаться: «В это время разруха проникла на окраины и в центральные части государства».

По мнению персидского историка, в этом отчасти была вина Батыя. После смерти Чагатая и Угедея он стал старшим в роду потомков Чингисхана, занял место *аки*. Однако его бездействие и некстати обострившиеся болезни — действительные или мнимые — не давали возможности собрать курултай и тем самым покончить с неопределённостью в государственных делах. «...Когда скончался Угедей-каан, Бату, вследствие преклонного возраста, почувствовал упадок сил, и когда его потребовали на курултай, то он под предлогом болезни уклонился от участия в нём, — пишет Рашид ад-Дин. — Так как он был старший из всех родичей, то из-за его отсутствия около трёх лет не выяснялось дело о звании каана»². Подтверждают это и китайские источники. В жизнеописании Субедея из «Юань-ши» рассказывается о том, что на следующий год после смерти Угедея, когда планировался «большой сбор всех князей», Бату не захотел отправиться в путь, и престарелый Субедей вынужден был укорять его: «Великий князь во всём роду старший, как можно не отправиться?»³ По сведениям этого источника, в 1244 году имел место какой-то курултай на реке Идэр, притоке Селенги, в Монголии, но что это был за курултай и какие решения он принял, мы не знаем.

В словах Рашид ад-Дина, несомненно, был резон. Известно, что у Батыя действительно болели ноги. Но в данном случае он использовал свою болезнь лишь как предлог для того, чтобы не двигаться с места. Ехать в Монголию ему решительно не хотелось. Трудно, вслед за Рашид ад-Дином, назвать преклонным и его возраст: ко времени смерти Угедея Батую было лет тридцать шесть или около того. И тем не менее в общении с родичами он вёл себя как престарелый и тяжелобольной человек. Ситуация безвластия и неопределённости явно была ему на руку, и он умело пользовался ею. Отсутствие великого хана позволило ему, например, по собственному усмотрению, без всякого

вмешательства Каракорума, решить русские дела. Воспользовавшись бегством Масуд-бека, он обозначил свой интерес и к тому, что происходило в Мавераннахре, граничившем с владениями его брата Орды. Кроме того, в годы междуцарствия Батый постарался утвердить свою власть над теми недавно завоёванными областями Монгольской державы, которые соседствовали с его собственными владениями на юге.

Напомню, что по завещанию Чингисхана все земли к западу от Амударьи и Аральского моря должны были перейти к Джучи и его потомкам. Однако завоевание Иранского нагорья и стран Закавказья началось ещё до Западного похода и продолжалось параллельно с ним. Здесь действовали другие монгольские полководцы, и управление этими территориями с самого начала осуществлялось через наместников великого хана⁴. В 1242 году место одряхлевшего, разбитого параличом, оглохшего и онемевшего, но почитаемого за прежние доблести военачальника Чармагуна занял энергичный и весьма амбициозный Бачу-нойон. Наместником в Армению и Грузию его послал великий хан, но к тому времени, когда Бачу прибыл к месту своего назначения, Угедая уже не было в живых. Считается, что какую-то роль в его продвижении в Закавказье сыграл Батый⁵. Однако Бачу-нойон не признавал над собой его власть и подчинялся лишь приказам из Каракорума. Хотя Бачу не принадлежал к числу Чингисидов, он явно старался показать, что по нынешнему своему статусу — правителя одной из областей Монгольской державы — не уступает Батыю. Примечательно, что в 1247 году, когда к его двору прибыло посольство монахов-доминиканцев во главе с Асцелином, имена Багу и Бачу-нойона в ходе начавшихся переговоров назывались рядом как имена «князей» великого хана. Батый, естественно, оценивал ситуацию иначе. В Грузии и Малой Азии он действовал не только без оглядки на представителя центральной власти, но зачастую наперекор ему.

Грузией в то время правила царица Русудан, дочь знаменитой царицы Тамары и сестра царя Георгия IV Лаши,

погибшего ещё в 1223 году от ран, полученных в битве с монголами. Армянские и грузинские хронисты характеризуют её как женщину весьма привлекательную, но излишне предававшуюся «праздности и развлечениям», «развратную и сладострастную». По словам армянского хрониста Киракоса Гандзакеци, «ей не нравились мужчины, которых ей предлагали»; после смерти супруга (сельджукского турка, внука иконийского султана Кылыч-Арслана II) «со многими была она в связи, но осталась вдовой». Делами царства она не занималась, передоверив их другим: сначала атабеку Иване Мхардзели, а после его смерти — его сыну Авагу. Не желая подчиниться власти татар, Русудан бежала в Кутаиси, а позднее нашла убежище в Абхазии и Сванетии. У неё был маленький сын Давид, известный под именем Давида Нарина («Молодого»), и царица сделала всё, чтобы передать мальчику корону Грузинского царства. Между тем после царя Георгия Лаши остался незаконнорождённый сын, тоже Давид (известный под именем Улу, то есть «Большой»). Русудан решила избавиться от него, отослала своему зятю, правителю сельджуков султану Гийс ад-Дину Кай-Хосрову II, и попросила того тайно убить племянника. Султан, однако, сохранил жизнь пленнику (двоюродному брату своей любимой жены!), но держал его в оковах в какой-то глубокой яме. Вокруг этих двух царевичей и развернулась борьба разных группировок грузинской знати. Русудан и её окружение попытались использовать противоречия между самими монголами, в частности противостояние Батыя и Бачу-нойона. Последний настойчиво требовал от Русудан признания власти татар, но царица не желала подчиниться ему. В 1243 году Бачу-нойон нанёс сокрушительное поражение войскам иконийского султана, зятя Русудан. Вскоре после этого был освобождён из заточения и привезён в Грузию сын царя Лаши Давид, что стало полной неожиданностью для Русудан и большинства грузин, считавших его погибшим. По приказу Бачу-нойона Давид-старший был объявлен царём; католикос Грузинский совершил обряд помазания на царство, и все грузинские

князя, включая Авага, признали его законным государем. Так в Грузии оказалось сразу два царя. «А тётка его Русудан, — рассказывает Киракос, — узнав об этом... послала послов к другому татарскому военачальнику, которого звали Бату, родственнику хана, командовавшему войсками, находившимися на Руси, в Осетии и Дербенте, предлагая признать свою зависимость от него, поскольку тот был вторым после хана лицом». Посредником в переговорах выступил атабек Аваг, который ещё раньше побывал у Батыя. По условиям мира, заключённого в обход Бачу-нойона, грузинская царица признавала власть великого хана, обязывалась ежегодно выплачивать весьма значительную дань и выставлять по требованию татар столько войск, сколько необходимо для участия в предпринимаемых ими походах. «...Бату велел ей восседать в Тифлисе, — продолжает Киракос, — и татары не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан». Тогда же юный сын Русудан был отправлен к Батыю и провёл в его ставке около двух лет⁶.

Ситуация неопределённости должна была разрешиться после избрания великого хана, на чьё усмотрение предоставлялись все дела, в том числе и это. В 1246 году Батый отправил юного Давида Нарина в Каракорум; точно так же Бачу-нойон поступил с Давидом Улу, сыном Георгия Лаши. По сведениям грузинских источников, старший Давид тоже побывал у Батыя, который принял его «по-доброму» и отправил к великому хану, «коего... уведомил — разобраться и решить, кому из двух Давидов следует царство — пусть тому и утвердит его». В августе 1246 года оба царевича в числе прочих подвластных монголам правителей приняли участие в курултае, избравшем на великоханский престол Гуюка. Однако Русудан так и не суждено было дожидаться ханского решения. О её трагической судьбе рассказывает тот же Киракос Гандзакеци. К царице, укрывшейся «в неприступных местах Сванетии», по-прежнему «прибывали послы с двух сторон: из татарского стана от ближайшего родственника хана великого военачальника Бату, находившегося на севере... и

от другого военачальника, по имени Бачу, находившегося в Армении; оба они предлагали ей явиться к ним с миром и дружбой и уже с их позволения править царством своим. А она, будучи женщиной красивой, не решалась поехать ни к кому из них, дабы не быть опозоренной... Притесняемая с обеих сторон, [она] приняла смертоносное зелье и покончила с жизнью. А до того она написала завещание князю Авагу, поручила ему сына своего, если тот вернётся от хана».

Забегаю вперёд скажу, что оба царевича вернутся в Грузию живыми и невредимыми. Великий хан Гуюк поддержит сына Георгия Лаши, но в случае его смерти царство должно было перейти к сыну Русудан. Плано Карпини, встретившийся с обоими царевичами в ставке великого хана, объяснял это тем, что незаконнорождённый сын грузинского царя воззвал к обычаям татар и тем расположил их к себе. «Они же по прибытии раздали огромные подарки, — писал он, — в особенности законный сын (таковым итальянский монах считал Давида Нарина. — А. К.), требовавший части земли, которую отец оставил сыну своему Давиду (Улу. — А. К.), так как этот последний, будучи сыном прелюбодейки, не должен был владеть ею. Тот же отвечал: “Пусть я сын наложницы; всё же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни”»⁷. Такие слова действительно могли понравиться Гуюку. Но всё же можно думать, что решение великого хана в первую очередь определялось его соперничеством с Батыем, нежеланием принять сторону правителя Улуса Джучи и тем самым усилить его. Для Грузии же решение Гуюка окажется тяжёлым ударом. Мало того что Гуюк велел забрать в ханскую казну наиболее ценные сокровища грузинских царей, собиравшиеся веками, в том числе «великолепный бесценный трон, дивную корону, подобной которой не было ни у кого из царей... и другие редкостные ценности». Исполняя волю великого хана, старший Давид воцарится в Тифлисе, а младший обоснуется на западе, в Сванетии. В итоге это приведёт к расколу

Грузинского государства на две части — Западную и Восточную Грузию.

Поздние грузинские источники изображают «правителя Севера» «великого каэна» Бато (Бату) сильнейшим среди всех татарских «каэнов» (ханов). Грузия не входила в число его владений, тем не менее правители страны для решения своих насущных вопросов направлялись именно к нему. Так, у Батыя ещё раз побывал царь Давид Улу, сын Георгия Лаши. Если верить авторам анонимной грузинской хроники XIV века, Бату принял его весьма милостиво и даже подарил ему «опахало теневое, коим никто не мог обладать, разве только каэн и родня его». У Бату «были преимущества перед всеми», и «где бы ни был государь, покорённый ими (татарами. — А. К.), отправляли его к Бато»⁸. Это относилось не только к грузинским князьям, но и к сельджукскому султану и правителям других областей Малой Азии и Закавказья.

Действительно, в годы междуцарствия Батыю удалось включить в сферу своего влияния сельджукские государства Малой Азии, прежде всего самое сильное из них — Иконийский султанат. Потерпевший поражение от Бачунойона султан Гийс ад-Дин Кай-Хосров II также предпочёл признать власть Батыя и около 1243 года направил к нему посольство, которое было принято весьма милостиво. Бату ежедневно устраивал для послов приёмы «и оказывал почёт, так что они стали предметом зависти обитателей мира, — сообщает сельджукский историк XIII века Ибн Биби, автор книги «Сельджук-наме». — Через некоторое время он дал им разрешение вернуться и пожаловал для султана колчан, футляр для него, меч, кафтан, шапку, украшенную драгоценными камнями, и ярлык». Как справедливо отмечают современные исследователи, сам факт дарения и принятия этих даров означал «признание одаряемого правителя вассалом монгольского государя и его включение в монгольскую имперскую иерархию». Старшего из послов, наиба Шаме ад-Дина, Батый «сделал от своего имени правителем (хакимом) в областях и дал об этом ярлык». В 1246 году султан умер, и Батый утвердил в качестве

преемника его старшего сына Изз ад-Дина. Однако борьбу с братом начал другой сын Кай-Хосрова II Рукн ад-Дин, получивший поддержку Бачу-нойона. Решение было передано на усмотрение великого хана, и Гуюк принял сторону младшего. «Румское государство (Иконийский султанат. — А. К.) он дал султану Рукн ад-Дину, а его брата сместил», — свидетельствует Рашид ад-Дин. В действительности же и здесь получилось так, что оба брата стали править совместно, поделив между собой государство. Батый (особенно после смерти Гуюка) по-прежнему играл роль верховного арбитра в сельджукских делах. Так, после убийства назначенного им «хакимом» наиба Шаме ад-Дина именно он направил в султанат «группу послов» «для расследования дела... и с упрёками за убийство». К нему же, в Кипчакскую степь, выехало ответное посольство «с большими деньгами... для отражения упрёков и ответа на вопросы»⁹. Страсти в султанате продолжали бушевать. В 1254 году Рукн ад-Дин и Изз ад-Дин вместе со своим младшим братом Ала ад-Дином вновь отправятся к Батыю. В дороге братья испугаются, что Батый окажет предпочтение младшему, Ала ад-Дину, и убьют его. Но вскоре и между ними вспыхнет вражда. Изз ад-Дин схватит брата и заключит его в крепость, после чего отправит новое посольство к Батыю, жалуясь, между прочим, на то, что «послы Бачу-нойона и других нойонов слишком часто являлись в Рум (сельджукские владения в Малой Азии. — А. К.), и каждый год бесчисленные средства уходили на их нужды». «Правитель Севера» опять с готовностью поддержит его, но вот от Бачу-нойона, через ставку которого будет возвращаться посольство, последует грозное предупреждение в адрес турок: «Несомненно, мой убыток принесёт вам злополучие»¹⁰. Так и случится — уже после смерти Батыя. В октябре 1256 года войска Бачу-нойона вторгнутся на территорию султаната; Изз ад-Дин будет разбит и бежит из страны, власть перейдёт к Рукн ад-Дину, и с этого времени влияние правителей Золотой Орды на сельджукские дела постепенно сойдёт на нет.

Заслуживает внимания и политика, которую Батый проводил в Иране. Ещё его отец Джучи вскоре после завоевания Хорезма поставил правителем завоёванных им областей онгута Чин-Тимура, которому были переданы также области Ирана — Мазендаран и Хорасан (на северо-востоке страны). Чин-Тимур продолжал исполнять свои обязанности и при Угедее. При нём состояли наместники, представлявшие интересы всех четырёх ветвей «Золотого рода», в том числе наместник Батыя хорезмиец Шараф ад-Дин, сын носильщика, человек весьма жестокий, виновный в незаконных поборках, вымогательствах, хищениях и пытках. В каждой иранской области Батыю, как мы уже говорили, принадлежал отдельный округ, в который также были поставлены его управители. После смерти Чин-Тимура власть над всеми иранскими областями перешла к уйгуру Куркузу, который прежде был секретарём при Чин-Тимуре. Выходец из небогатого селения, Куркуз начинал свою карьеру в орде Батыя, но затем обратил на себя внимание великого хана Угедая и его визиря Чинкая, тоже уйгура, правившего тогда всеми делами. Правление Куркуза оценивается в источниках весьма позитивно. «Он произвёл подушную перепись и определил твёрдые налоги, основал мастерские и проявил наибольшую справедливость и правосудие», — отмечал Рашид ад-Дин; «никто из эмиров, прежде швырявшихся головами людей, не имел теперь возможности притеснения, не в силах был зарезать даже курицы», — явно преувеличивая, писал Джувейни. Однако другим чиновникам, утратившим влияние в стране, такое понравиться не могло. Недоволен был и Батый, который, несмотря на участие в Западном походе, продолжал следить за событиями, происходившими в Хорасане. В страну вновь вернулся покинувший её было Шараф ад-Дин Хорезми, и именно после этого закрутилась интрига, имевшая своей целью отстранение Куркуза от власти. В ход было пущено всё: доносы, провокации, тайные убийства. Хорезми подговорил старшего сына Чин-Тимура Онгу-Тимура просить себе должность отца. Куркуза же оговорили, а когда он вознамерился поехать с жалобой к

великому хану, схватили; в завязавшейся потасовке ему в кровь разбили лицо. Куркуз, однако, исхитрился послать к хану своего человека и передал ему окровавленную одежду. Это возымело действие: вскоре пришёл приказ Угедея явиться «всем эмирам и меликам, а там, в Хорасане, ни слова не допрашивать». Жалобщики отправились к великому хану, причём в дороге от руки подосланного убийцы пал один из них, бывший помощник Чин-Тимура Кул-Пулад, человек Батыя. Началось следствие, на ход которого повлияли вещи, казалось бы, совершенно не имеющие отношения к делу, — но такова уж была практика монгольского правосудия. Сперва пир для великого хана устроили в ставке Онгу-Тимура, но когда Угедей вышел из шатра, чтобы облегчиться, внезапно налетевший ветер опрокинул шатёр и покалечил одну из ханских наложниц. «Каан приказал растащить этот шатёр по кускам, и по этой причине дело Онгу-Тимура расстроилось». Когда же неделю спустя пир устроили в шатре, привезённом Куркузом, Угедей смог веселиться без помех. Больше того: ему поднесли в подарок пояс, и когда хан надел его, «некоторая тяжесть, которая была у него в пояснице от несварения желудка, прошла. Он счёл это за хорошее предзнаменование — и дело Куркуза возвеличилось». Хан уличил Онгу-Тимура и его людей в преступлениях, однако сам наказывать их не захотел. «Так как ты находишься в зависимости от Бату, — заявил он сыну Чин-Тимура, — то я пошлю туда твоё показание. Бату знает, как лучше с тобой поступить». Но тут в дело вмешался Чинкай: «Судьёй Бату является каан. А это что за собака, что для его дела нужно совещание государей?» Угедей согласился с этими словами. И поскольку он был ханом милостивым и справедливым, то решил простить Онгу-Тимура и его людей. «Вас всех нужно убить, — сказал он, — но ради того, что вы прибыли издалека и ваши жёны и дети ожидают вас, я дарую вам жизнь». Куркузу было поручено ведать «всеми областями за Джейхуном (Амударьёй. — А. К.)», однако с условием, что он не будет мстить своим обидчикам; в противном случае его тоже ждало наказание. Все отправились обратно, и по

дороге Куркуз заехал к брату Бату Тангуту — видимо, для того, чтобы заручиться его поддержкой. Примирение с Бату, однако, не состоялось. Вскоре после прибытия в Хорасан Куркуз схватил Шараф ад-Дина Хорезми — главного зачинщика смуты, и, вопреки запрету великого хана, приказал подвергнуть его жестоким пыткам. Хорезмиец сознался в злоупотреблениях. Налицо было прямое нарушение воли Угедая, а потому Куркуз вновь направился к великому хану для объяснений. Но погубило его не это. По пути, в Мавераннахре, он затеял спор с одним из эмиров только что умершего Чагатая. Куркуз вёл себя вызывающе; эмир пригрозил расправой, обещая доложить о его поведении. «Кому ты обо мне доложишь?» — с издёвкой возразил Куркуз, намекая, что Чагатая нет в живых, а больше за эмира заступиться некому. Об этой выходке было доложено вдове Чагатая, и та пожаловалась великому хану. Оскорбление было слишком сильным; уйгур переступил ту грань, за которой прощения ему не было. Великий хан приказал схватить его и «набить ему рот землёй так, чтобы он умер». Это произошло перед самой смертью Угедая^[37]. Куркуз бежал, пытался сопротивляться, но его схватили. Суд над ним состоялся уже при Туракине-хатун. Бывший покровитель Куркуза Чинкай к тому времени бежал, защитить уйгура было некому, и «после того, как доказали за ним вину, его убили, наполнив его рот камнями». Наместником Хорасана был назначен эмир Аргун (родом ойрат, из числа личных слуг Угедая), а его помощником (наибом) — Шараф ад-Дин Хорезми. К последнему Туракина-хатун относилась с крайней неприязнью (очевидно, как к ставленнику Батыя), однако она «сильно благоволила эмиру Аргуну, через которого Шараф ад-Дин устроил свои дела и получил ярлык... Благодаря этому он возвратился вместе с эмиром Аргуном и, когда прибыл в Хорасан, взял в свои руки все дела». Это было явно на руку Батыю. Но слухи о злоупотреблениях наиба, очевидно, дошли и до него, и он направил за Шараф ад-Ди-ном своих людей. В ставке Батыя состоялось разбирательство, однако «благодаря ходатайству и авторитету Аргуна и взятым им (Шараф ад-

Дином. — А. К.) на себя обязательствам по сбору налогов» хорезмиец был оправдан. Он действительно умел, как никто, выбивать налоги из населения, добиваться своего самыми бесчеловечными способами, и правители Монгольской империи — как Батый, так и те, кто представлял интересы великого хана, — не могли не оценить его стараний. Шараф ад-Дин бесчинствовал в городах Ирана до самой своей кончины (случившейся около 1245/46 года), и лишь после этого, как пишет Джувейни, «весь народ успокоился»¹¹. Что же касается эмира Аргуна, то он в своей политике ориентировался не столько на Батю, сколько на великих ханов — сначала Гуюка, а затем Менгу. Впрочем, его методы выбивания податей и налогов не слишком отличались от тех, что практиковал Шараф ад-Дин, и мы ещё поговорим об этом.

Установить своё влияние над Ираном ни Бату, ни его преемнику Берке так и не удастся, несмотря на все их старания и на все потрясения в империи монголов. Судьбы этой части Монгольской державы всё дальше расходились с судьбами Дешт-и-Кипчак, и объединить их под одной властью было не под силу никому. Позднее, когда великим ханом станет Менгу, он передаст Иран и сопредельные земли своему младшему брату Хулагу, и тот превратит их в новый, пятый улус Монгольской империи — государство ильханов. Правители Дешт-и-Кипчак, наследники Батю, вступят с Хулагу и его преемниками в жестокую междоусобную войну, которая не даст перевеса ни одной из сторон и завершится в конце концов признанием существующих границ.

К 1246 году вопрос с избранием Гуюка наконец-то решился. Тянуть дальше с созывом курултая и ждать, когда Батый соизволит приехать в Монголию, было нельзя. «Так как во все концы государства, в близкие и отдалённые области, отправились гонцы с приглашением и созывом царевичей, эмиров, меликов и писцов, — сообщает Рашид ад-Дин, — то все они, повинувшись и следуя приказу, выступили из своих обиталищ и родных мест». Само

избрание должно было состояться во владениях Угедеева рода, в ставке Туракины-хатун. Сюда к лету указанного года и начали прибывать «царевичи и эмиры правого и левого крыла... каждый со своими подчинёнными и приверженцами... за исключением Бату, который был на них обижен по какому-то поводу и который уклонился от участия [в курултае], сославшись на слабое здоровье и болезнь ног»¹².

Отсутствие Батыя историки объясняют по-разному. Иногда полагают, что у него имелись серьёзные основания опасаться за свою жизнь: его вражда с Гуюком и другими царевичами достигла такой степени, что Гуюк вполне мог или обвинить его в каком-нибудь преступлении и предать казни или тайно отравить во время пиршественного угощения¹³. Трудно сказать, насколько обоснованы такие подозрения: всё же Гуюк был крайне заинтересован в том, чтобы Бату признал его, и вряд ли готов был уже тогда воевать с ним или (в случае его гибели) с его братьями. Но у правителя Улуса Джучи имелся и иной резон не ехать в Монголию. Как отмечают исследователи, само его участие в церемонии провозглашения нового хана, при которой он, как и все царевичи, должен был по обычаю обнажить голову и развязать пояс, являя тем полнейшую покорность, а затем вместе с другими поднять нового хана на белом войлоке и преклонить перед ним колени, означало бы его отказ от роли старшего в роду наследников Чингисхана — роли *аки*¹⁴. Поступать так Бату, очевидно, не захотел. Более того, позднее он будет ставить себе в заслугу тот факт, что не участвовал в выборах Гуюка, а сами выборы объявит незаконными, проведёнными в нарушение ясы, установлений Чингисхана. Но в то же время он, очевидно, не хотел открыто демонстрировать своё неприятие власти Гуюка. Мнимый характер его болезни, судя по свидетельству Рашид ад-Дина, ни для кого не являлся секретом. Тем не менее Бату сделал всё, чтобы не дать повода для прямых обвинений в свой адрес. Он отправил в Монголию многих из своих братьев, а также правителей тех стран, которые были покорены им или находились под его

протекторатом, в том числе русского князя Ярослава Всеволодовича, обоих грузинских царей Давидов, иконийского султана Рукн ад-Дина, родичей правителей Мосула и Алеппо и др. Своеобразным «жестом доброй воли» стала и присылка на курултай послов «франков», то есть монахов-францисканцев во главе с Джиованни дель Плано Карпини, которых ради такого случая везли с исключительной поспешностью. (Примечательно, что в восточных источниках среди всех этих посланцев Бату не упомянут оказался один только правитель Руси. Это выглядит странно, особенно на фоне того, что, по свидетельству Плано Карпини, именно Ярославу вместе с монахами-францисканцами монголы «всегда давали высшее место».) Всего же, по словам Плано Карпини, для участия в курултае было призвано «более четырёх тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шёл с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель»¹⁵. Всё это множество правителей и владык, говоривших на разных языках, облачённых в разные одежды и непохожих друг на друга, с диковинными дарами, привезёнными из своих стран, должно было зримо продемонстрировать величие Монгольской державы, простиравшейся от Средиземного до Жёлтого моря.

Внешнюю сторону происходящего подробно описал очевидец, Плано Карпини. Он со своими спутниками прибыл в ставку Гуюка 22 июля 1246 года и спустя несколько дней был отправлен в ставку Туракины, где «уже был воздвигнут большой шатёр, приготовленный из белого пурпура^[38]... и собрались все вожди... В первый день все одеты были в белый пурпур, на второй — в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк (Гуюк. — А. К.): на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвёртый — в самых лучших балдакинах... Вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании». Так продолжалось около четырёх недель. Наконец, всё сборище отправилось в урочище, расположенное в нескольких километрах от ставки Туракины, где «был приготовлен другой шатёр,

называемый у них Золотой ордой». По первоначальной задумке, провозглашение Гуюка великим ханом должно было состояться 15 августа (в христианский праздник Успения Божьей Матери), однако внезапно начавшийся ливень с крупным градом, приведший к настоящему наводнению, во время которого погибло несколько десятков человек¹⁶, заставил отложить торжества. 24 августа Гуюк был посажен «на императорском престоле, и вожди преклонили пред ним колена». Плано Карпини — единственный из всех авторов — описал внешность нового великого хана: «...Император может иметь от роду сорок или сорок пять лет или больше (в действительности сорок лет или чуть больше. — А. К.); он небольшого роста; очень благоразумен и чересчур хитёр, весьма серьёзен и важен характером. Никогда не видит человек, чтобы он попусту смеялся и совершил какой-нибудь легкомысленный поступок». Жестокий от природы, Гуюк внушал страх своим подданным. И то, что его воцарение сопровождалось природными катаклизмами — бурей и небывалым градом с человеческими жертвами, — наверное, напугало многих.

Персидский историк Рашид ад-Дин, пользовавшийся документами из монгольских архивов, раскрыл перед нами суть того, что обсуждалось в ханском шатре. С кандидатурой Гуюка определились сравнительно быстро; против него никто открыто не высказывался. «Относительно ханского достоинства царевичи и эмиры так говорили; “Так как Кудэн, которого Чингисхан соизволил предназначить в кааны, не совсем здоров^[39], а Ширамун, наследник по завещанию каана, не достиг зрелого возраста, то самое лучшее — назначим Гунж-хана, который является старшим сыном каана”. Гуюк-хан прославился военными победами и завоеваниями, и Туракина-хатун склонилась на его сторону, большинство эмиров было с ней согласно. После словопренья все согласились на возведение его на престол, а он, как это обычно бывает, отказывался, перепоручая это каждому царевичу, и ссылался на болезнь и слабость здоровья». Отказ Гуюка носил ритуальный характер и был обязательным элементом церемонии интронизации. Но в

ходе ритуальных препирательств, когда царевичи и нойоны уговаривали его занять место отца, Гуюк выговорил важное условие, менявшее существующий порядок наследования ханского престола. «После убедительных просьб эмиров он сказал: “Я соглашусь на том условии, что после меня каанство будет утверждено за моим родом”. Все единодушно дали письменную присягу: “Пока от твоего рода не останется всего лишь кусок мяса, завёрнутого в жир и траву, который не будет есть собака и бык, мы никому другому не отдадим ханского достоинства”. Тогда, исполнив обряд шаманства, все царевичи сняли шапки, развязали кушаки и посадили его на царский престол».

Слова присяги, данной Гуюку, повторяли слова монгольской пословицы, некогда озвученной самим Чингисханом, и именно по поводу избрания его будущих наследников. Но слова эти были переиначены так, что получили смысл, отличный от того, который вкладывал в них великий основатель Монгольской империи. Ибо когда Чингисхан объявлял своим наследником Угедея, тот, соглашаясь принять после отца власть, обратился к нему с такими словами: «...Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить (каанство. — А. К.). Но... что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится, “хоть ты их травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом обложи — собаки есть не станут?!”». — «Вот это дело говорит Угедей», — отвечал Чингисхан, а потом, объявляя его своим наследником, добавил: «Моё повеление — неизменно... Ну а уж если у Угедея народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго не родится?»¹⁷ Слова эти означали, что при определённых обстоятельствах преемником Чингисхана может стать любой из его потомков от четырёх старших сыновей. Гуюк же потребовал клятвы в том, что ханское достоинство останется в исключительном владении его рода. Наверное, немногие заметили тогда, как ловко изменил он слова отца и деда. Гуюк добился желаемого:

клятва была произнесена и записана. Но никаких реальных последствий, как оказалось, она не имела. На деле вышло так, что Гуюк стал последним монгольским ханом из Угедеева дома. И решающую роль в этом сыграл Бату, который на курултае не присутствовал и никакой клятвы не давал.

По установившейся традиции избрание хана должно было завершиться раздачей щедрых даров. Не стал нарушать обычай и Гуюк. «По обыкновению все принялись за чаши и неделю занимались пиршествами, — повествует Рашид ад-Дин, — а когда кончили пировать, он раздарил много добра хатунам, царевичам, эмирам-темникам, тысячникам, сотникам и десятникам». Но тогда же начались расправы и казни. Хотя мать нового великого хана в первые месяцы после избрания сына продолжала держать в своих руках нити управления страной, с её приближёнными расправились весьма решительно и безо всякой пощады. Первой пала Фатима. Её обвинили в том, что она навела порчу на брата Гуюка Кудэна. Когда же Кудэн умер, Фатиму подвергли пыткам и после того, как она созналась, предали позорной и мучительной смерти: ей зашили верхние и нижние отверстия тела, а затем, завернув в кошму, бросили в воду. Казнён был и ставленник Туракины и Фатимы Абд-ар-Рахман. Чинкай же, Махмуд Ялавач и Масуд-бек, напротив, вернули себе прежние должности. Спустя несколько месяцев умерла и Туракина-хатун. При каких обстоятельствах это произошло, осталось невыясненным.

Репрессии обрушились и на родню великого хана. Сразу по завершении курултая был устроен суд над братом Чингисхана Тэмугэ-Отчигином. Это трудное дело было доверено Менгу-хану и брату Батыя Орде — старшим и наиболее влиятельным Чингисидам, если не считать Бату и Гуюка. Как видно, в тех случаях, когда затрагивались общие интересы всех Чингисидов, противоречия между соперничающими домами отступали на второй план. Вот и здесь споров не возникло: Отчигин был обвинён в попытке захватить престол, осуждён на смерть и предан казни вместе с другими эмирами. Его обвинители ссылались при

этом на предписание самого Чингисхана, установившего, что «всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления»¹⁸. Тогда же была казнена и младшая дочь Чингисхана Алталун (или Чаур-сечен, как называл её отец). В чём состояла её вина, неизвестно. Находившийся в ставке Гуюка Плано Карпини полагал, будто «тётка нынешнего императора» была виновна в отравлении великого хана Угедея: «Над ней и очень многими другими был произведён суд, и они были убиты»¹⁹. Но это, скорее всего, домысел, основанный на смешении разных слухов, доходивших до членов францисканского посольства и касавшихся разных лиц (в отравлении Угедея подозревали, напомним, Абики-беги). Позднее, уже после смерти Гуюка, сыновей Угедея обвинят в том, что они, «преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингисхана, которую он любил больше всех своих детей»²⁰. И тем нечего будет сказать в своё оправдание.

Гуюк поспешил вмешаться и в наследование власти в Чагатаевом улусе. Ещё при жизни Чагатай сделал наследником престола внука Кара-Хулагу, четвёртого сына своего первенца Мутугэна; к нему и перешла власть после смерти деда. Однако Гуюк посчитал это несправедливым и сместил Кара-Хулагу, отдав власть его дяде, пятому сыну Чагатая Йису-Менгу. «Как может быть наследником внук, когда сын находится в живых?» — так объяснял Гуюк своё решение. Нет сомнений, что, высказываясь таким образом, он имел в виду и незаконность намерения его отца Угедея передать власть внуку Ширамуну в обход его, Гуюка. Но помимо личной обиды в действиях нового хана виден и политический расчёт. Йису-Менгу входил в число его друзей и сторонников; Кара-Хулагу же, напротив, считался сторонником Менгу, с которым у Гуюка была давняя вражда²¹. Так что перемены в Чагатаевом улусе должны были привести к ослаблению позиций Менгу и его клана (и, соответственно, Батыя) и, напротив, укрепить собственные позиции великого хана. Однако добился Гуюк обратного:

внёс раскол в лагерь своих союзников и в лице Кара-Хулагу приобрёл себе и своим детям смертельного врага. Будучи человеком «злым, жестоким, высокомерным и свирепым» (слова аль-Омари), он ни во что не ставил и собственных братьев и племянников, «стал распорядиться ими самовластно» — и это привело в дальнейшем к трениям и расколу в его собственном стане — стане потомков Угедая.

В ближайшие после завершения курултая дни в ставке Туракины-хатун произошло ещё одно убийство, на этот раз тайное, а не явное, — русского князя Ярослава Всеволодовича. Об этом рассказывает Плано Карпини: «В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части России... Он только что был приглашён к матери императора, которая, как бы в знак почёта, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в своё помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и всё тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землёю»²². О «нужной», то есть насильственной, смерти великого князя Ярослава Всеволодовича, случившейся «в Татарах», знают и русские летописи. «...Злобе их и лести несть конца, — писал о татарах галицкий книжник, — Ярослава, великого князя Суздальского, зелием уморили». А в более поздних летописях XV века читается развёрнутый рассказ о смерти русского князя: «...Князь же великий Ярослав был тогда в Орде, у Кановичей, и много пострадал от безбожных татар за землю Русскую; Фёдором Яруновичем оклеветан был перед царём, и многую тяготу принял. И, пробыв долго в Орде, пошёл из Кановичей, и преставился в иноплеменниках насильственной смертью той же осенью и того же сентября 30-го [дня]»²³.

Имя боярина Фёдора Яруновича, оклеветавшего князя Ярослава перед «царём» (Гуюком? или всё же Бату?), в других источниках не упоминается. Ничего не говорит об этом оговоре и Плано Карпини. Он называет по именам нескольких слуг русского князя, в том числе некоего Темира, «воина Ярослава», бывшего толмачом у Плано

Карпини и его спутников во время их аудиенции у Гуюка. Через этого Темира велись весьма откровенные беседы между самим Плано Карпини и Ярославом; посланец папского престола склонял русского князя признать власть папы, принять унию с католичеством, объясняя это необходимостью объединить усилия всего христианского мира против «варваров». В «Истории монгалов», предназначенной для широкого круга читателей, Плано Карпини ни словом не обмолвился о тайных переговорах с русским князем, происходивших в далёкой Монголии. Но зато он подробно доложил о них папе Иннокентию IV, причём с его слов выходило, что Ярослав согласился с его увещеваниями. В послании от 23 января 1248 года, ссылаясь на Плано Карпини, понтифик уверял сына Ярослава, князя Александра Невского, в том, что его отец «смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата, в присутствии Емера (Темира? — А. К.), военного советника, и вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и злосчастно не вырвала его из жизни»²⁴. Как и некоторые другие приближённые Ярослава, Темир имел доступ в окружение великого хана (куда входило немало священников, в том числе и русских, ибо Гуюк открыто благоволил христианам). Но если в ставке великого хана или его матери действительно узнали о содержании сокровенных бесед русского князя, то это могло стать достаточным поводом для того, чтобы обвинить его в заговоре против монголов и предать смерти.

Впрочем, гибель Ярослава Всеволодовича можно объяснить иначе. Сам Гуюк или его мать могли убрать русского князя прежде всего как ставленника ненавистного им Бату. Эта версия больше похожа на правду, ибо смерть Ярослава выглядит всего лишь звеном в целой цепи схожих событий. Случайность это или нет, но в один год трагически ушли из жизни сразу три вассала Батыя, не устраивавшие правителей Каракорума: грузинская царица Русудан (покончившая с собой), султан Гийс ад-Дин (отравленный неизвестно кем во время осады одной из армянских

крепостей)²⁵ и князь Ярослав (отравленный в самой Монголии). Известно, что, находясь в орде великого хана, Ярослав поддерживал постоянные связи с Батыем, обменивался с ним посланниками, о чём-то, видимо, информируя его и получая какие-то указания. Выше мы упоминали вскользь, что осенью 1246 года, ещё не зная о смерти князя, Батый отправил к нему некоего Угнея. Он явно использовал Ярослава в своих целях, и это не могло понравиться Гуюку. Плано Карпини объяснял случившееся убийство тем, что татары вознамерились «завладеть» землёй Ярослава, — получается, что в обход Бату? В подтверждение своих слов итальянец ссылался на то, что Туракина-хатун без ведома людей Ярослава «поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену». Последнее предположение — на совести итальянского монаха: ничего определённого о намерениях ханши он, разумеется, знать не мог. Между тем её желание передать ярлык на русское княжение сыну убитого — вполне в духе той политики, которую проводил её сын Гуюк в отношении других подконтрольных Бату земель. Вспомним, что он поддержал старшего грузинского царя Давида в пику ставленнику Бату Давиду Нарину. Позднее он поддержит султана Рукн ад-Дина, сместив его старшего брата, тоже ставленника Бату. Точно так же поддержка князя Александра Ярославича могла означать попытку Каракорума лишить Батыя его русских владений или по крайней мере ослабить его влияние там. Александр пока что в Каракорум за ярлыком не поехал. Позже папа Иннокентий IV будет воздавать ему хвалу за то, что он «не пожелал... подставить выю свою под ярмо татарских дикарей», — очевидно, имея в виду именно этот его отказ ответить на призывы Туракины. Но как раз в те дни, когда папа составлял своё послание, Александр уже находился в Орде.

Батый, несомненно, оставался главным соперником Гуюка. Но до открытого столкновения между ними пока что не дошло. Как Батый старался не переступать рамки дозволенного, так и Гуюк не хотел давать повод для того, чтобы его обвинили в возобновлении старой вражды. Убийство Ярослава — чем бы оно ни мотивировалось — было тайным. Внешне же всё выглядело так, что русскому князю оказали подобающую его статусу честь. После смерти его тело было отправлено домой — опять же с соблюдением всех формальностей. Уехали восвояси и правители других подчинённых Батыю областей, а также монахи-францисканцы, которым была вручена грамота от хана Гуюка, адресованная папе. На обратном пути монахов вновь принял Батый, но задерживать у себя не стал и лишь подтвердил всё, что было написано в грамоте Гуюка; «он прибавил, чтобы мы тщательно передали господину папе и другим владыкам о том, что написал император», — свидетельствует Плано Карпини. Тогда же, на обратном пути, монахи-францисканцы встретились с армянским полководцем Смбатом Спарапетом, братом царя Киликийской Армении Гетума I, направлявшимся к Гуюку. По сведениям одного из армянских историков, Смбат также побывал и у Батыя. Его принимали с почётом; от великого хана Гуюка Смбат получил ярлык, золотую пайцзу (металлическую пластину, служившую одновременно верительной грамотой и знаком отличия), а также жену-татарку²⁶.

Что касается русских земель, то они остались в прежнем, обычном положении. Тот же Плано Карпини сообщает, что в бытность его на Руси туда для сбора дани был прислан «один сарацин, как говорили, из партии Куйюккана и Бату»²⁷. Это надо понимать в том смысле, что сборщики дани, как и было заведено в Монгольской державе, представляли интересы, с одной стороны, правителя Улуса Джучи, а с другой — центральной власти. В соответствии с этим делилась и собранная дань: бóльшая её часть шла в Каракорум, меньшая оставалась у Батыя. «Партия» Гуюка и Бату, как видим, пока что могла быть

представлена одним человеком. В свою очередь, Батый восстановил в отношении русских земель принятый в Монгольской империи порядок, по которому правители покорённых монголами стран утверждались в своих правах в ставке великого хана. Когда летом или осенью 1247 года к нему прибыл русский князь Андрей Ярославич, сын Ярослава Всеволодовича, просивший себе ярлык на великое княжение, а вслед за ним явился и его старший брат Александр, Батый не стал сам решать возникший между ними спор, но отправил обоих «к Кановичам», то есть в Каракорум²⁸. Это тоже свидетельствовало о его нежелании идти на прямой конфликт с новым великим ханом.

В действительности же в отношениях между Бату и Гуюком назревал острый кризис. Покидая в ноябре 1246 года Монголию, Плано Карпини и его спутники заметили приготовления к новому большому походу на запад, который готовил великий хан. Им казалось, что целью этого похода является христианская Европа. «...Теперь, так как император избран... они начинают снова готовиться к бою», — писал Плано Карпини. Когда члены францисканской миссии возвращались домой, они встретили войско, «набранное у всех татар»; войско это продвигалось к границам Руси. Плано Карпини рисовал пугающую картину: «...в три или четыре года они дойдут до Комании (половецких владений на Дунае и Балканах. — А. К.), из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли (Венгрию и Польшу. — А. К.)». Но не стали секретом для членов посольства и разногласия, существовавшие между Батыем и Гуюком; именно эти разногласия, казалось, давали надежду на то, что нового вторжения удастся избежать. «Между ними возник большой разлад, — доносил о Гуюке и Батые поляк Бенедикт, — и если бы он имел продолжение, то христиане смогли бы получить в течение многих лет передышку от тартар»²⁹. Наблюдение очень тонкое! Однако общий смысл начавшихся передвижений монгольских сил францисканцы понимали не вполне верно. Может быть, Гуюк и имел намерение воевать с Европой («Император собственными устами сказал, что желает послать своё

войско в Ливонию и Пруссию», — сообщал Плано Карпини), но позднее. Пока же его цели были иными.

Во-первых, значительная армия во главе со стариком Субедеем и Чаган-нойоном была послана в Южный Китай. Во-вторых, с конца 1246-го — весны 1247 года начался сбор войск для участия в новом походе на западные страны, но целью этого похода была отнюдь не Европа, а до сих пор не покорившиеся монголам исмаилиты горного Ирака (так называемое государство «Старца Горы», или «орден» ассасинов — «курителей гашиша») и Багдадский халифат. Во главе формирующейся армии Гуюк поставил Илджидай-нойона (Эльчжигидая), одного из наиболее близких и доверенных лиц своего отца Угедея. Ему были даны значительные полномочия: Гуюк «приказал, чтобы из войска, которое находится в Иранской земле... выступило в поход по два человека от каждого десятка», и «препоручил Илджидая всё то войско и народ; в частности, дела Рума, Грузии, Мосула, Халеба и Диярбекра (в Турецком Курдистане. — А. К.) он передал в управление ему, с тем чтобы хакимы тех мест держали бы перед ним ответ за налоги и чтобы никто больше в то дело не вмешивался». В сентябре 1247 года войско двинулось в западном направлении, и тогда же Гуюк-хан издал «высочайший указ, чтобы каждая сотня монгольских кибиток дала по одному человеку на службу батурам»³⁰. Оба похода завершатся ничем — прежде всего из-за скорой смерти Гуюка. Но это были определяющие, стратегические направления монгольской завоевательной политики; не случайно военные действия на обоих направлениях будут продолжены преемником Гуюка великим ханом Менгу.

Назначение Илджидая означало смещение Бачу-нойона, прежнего наместника великого хана в странах Малой Азии и Закавказья, точнее, подчинение его новому правителю этих областей. Бачу-нойон, как мы помним, был недоброжелателем Батыя. Но от произошедшей перемены Батый ничего не выгадывал; более того, его позиции в регионе должны были серьёзно пошатнуться. С Бачу-нойоном он по большей части не слишком считался. Теперь

же в непосредственной близости от его владений появился значительно более влиятельный правитель, человек, всецело преданный Угедееву дому и облечённый Гуюком огромными полномочиями. К тому же Батый с полным основанием мог считать Илджидая своим личным врагом: ведь это сын Илджидая Аргасун грязно оскорблял его во время Западного похода. По некоторым сведениям, Гуюк поручил Илджидая схватить «тамошних наместников Бату» и тот даже приступил к исполнению этого приказа³¹. Всё это таило в себе огромную опасность для правителя Улуса Джучи. Тем более что вслед за Илджидаем на запад намеревался выступить и сам великий хан. Ситуация накалялась с каждым месяцем.

Ещё летом 1247 года на восток, в направлении монгольских владений Гуюка, двинулся и Батый со своей ордой. Об этом узнали монахи-францисканцы, возвращавшиеся в Европу. Самого Батыя они встретили в мае в обычных местах его кочевий, но позднее до них дошли слухи о том, что «из своих владений он уже направляется к Куйюк-хану»³². Правда, продвигался Батый чрезвычайно медленно, не торопясь, так что лишь к весне следующего, 1248 года он достигнет восточных границ Улуса Джучи. Вместе с ним выступили в поход и его братья.

Внешне всё выглядело вполне благопристойно: поддавшись на уговоры родичей и нойонов, Батый, казалось, нашёл в себе силы наконец-то перебороть болезнь и отправиться в Монголию для того, чтобы поклониться новому великому хану, совершить положенные церемонии и, в свою очередь, получить причитающуюся ему долю подарков. Рашид ад-Дин (ошибочно относивший его выступление ко времени, предшествующему избранию Гуюка) так писал об этом: когда эмиры в очередной раз попросили Бату приехать, то, «хотя он и был обижен на них и опасался печальных событий из-за прежних отношений, но всё же тронулся в путь и двигался медленно» — настолько медленно, что ещё до его приезда ханство было утверждено за Гуюк-ханом³³. Но готов ли был Бату и в самом деле совершить всё, что требовал от него обычай? И как

намеревался встретить его Гуюк? Арабский историк XIV века аль-Омари считал, что и Гуюк, и Бату с самого начала готовились к вооружённому столкновению друг с другом³⁴. Впрочем, кто знает, чем могли бы закончиться все эти передвижения громадных масс войск во главе с двумя самыми влиятельными, но ненавидящими друг друга людьми Монгольской империи? Не привело бы столкновение между ними — особенно в случае поражения Батыя — к новому жестокому разорению западных областей, в том числе и Руси? Или к новому походу монгольских армий в Европу? Однако произошло событие, в очередной раз круто изменившее ход монгольской, да и всей мировой истории.

На исходе зимы 1247/48 года Гуюк во главе своего войска двинулся в западном направлении. Он объявил о том, что хочет провести тёплые месяцы года в собственном юрте, располагавшемся в районе реки Имиль (или Эмель) и озера Алаколь — в нынешнем Восточном Казахстане и прилегающих к нему областях Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Великий хан с детства страдал какой-то болезнью и свой отъезд объяснял исключительно состоянием здоровья: «Погода склоняется к теплу, воздух Имиля подходит для моей природы, и тамошняя вода благотворна для моей болезни»³⁵. «Он выступил из тех мест и в полнейшем величии и могуществе направился к западным городам», — рассказывает Рашид ад-Дин. По пути Гуюк щедро раздавал деньги и одежды. Люди проницательные тут же заподозрили недоброе, ибо знали, что Гуюк обижен на Бату за его отказ приехать на курултай «и в душе замышлял козни» против него. Наибольшей же проницательностью в Монгольской державе, как известно, отличалась мать Менгу-хана Соркуктани-беги, «умнейшая из женщин мира», тонко чувствовавшая малейшие изменения политической обстановки. Соркуктани и Бату и прежде могли положиться друг на друга; теперь же помощь ханши оказалась для сына Джучи поистине бесценной. Ханша действовала «на основании той дружбы, которая со времён Чингисхана установилась и укрепилась между Джучи и Тулуй-ханом и родами обеих сторон». Она тайно отправила к

Бату нарочного с известием, «что прибыл Гуюк-хан в те края не без хитрости». Рашид ад-Дин так передаёт содержание её устного послания Бату: «Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идёт в те пределы». К этому времени Бату достиг местности Алакамак³⁶, в семи днях пути от Каялыка — большого города, расположенного в Илийской долине, у предгорий Джунгарского Алатау, на юго-востоке современного Казахстана^[40]. Узнав о приближении Гуюка во главе громадной армии (некоторые авторы, явно преувеличивая, пишут о том, что с Гуюком было до 600 тысяч человек), он остановился, поскольку не знал его намерений, и «стал немного опасаться». Известие же Соркуктани-беги окончательно прояснило ситуацию: «подозрения Бату усилились, и он с предосторожностями и осмотрительностью ожидал прибытия Гуюк-хана». Казалось, всё шло к новой большой войне: «Бату держал наготове границы и вооружился для борьбы с ним». Два войска отделяли друг от друга не более десяти дней пути.

Тут-то и пришло к Батыю известие о внезапной смерти великого хана. Всё случилось в стране уйгуров, на пути к столь любимой Гуюком Имили, воздух и воду которой он так жаждал вкушать. «Когда Гуюк-хан достиг пределов Самарканда, откуда до Бишбалыка неделя пути, его настиг предопределённый смертный час и не дал ему времени ступить шагу дальше того места, и он скончался», — витиевато пишет Рашид ад-Дин. Конечно, речь идёт не о всем известном Самарканде в Средней Азии, а о каком-то одноимённом поселении, возможно, основанном согдийцами, выходцами из «большого» Самарканда³⁸. Древний же Бишбалык, главный город уйгуров, находился в Восточном Туркестане, в полусотне километров западнее современного города Гучен (или Цитай), в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Похожие сведения приводит китайский источник: Гуюк умер в местности Канхан-Ир (предположительно к юго-востоку от современного города Чингиль, на севере того же Синьцзян-Уйгурского автономного района). Произошло это «в третьей

луне года у-шэнь», то есть между 27 марта и 24 апреля 1248 года³⁹.

Итак, Батый мог торжествовать. Не сделав ни одного резкого или ненужного движения, но, напротив, медля и выжидая, он дождался того, что ситуация разрешилась сама собой. После смерти Гуюка в Монголии не осталось ни одного царевича или нойона, который мог бы открыто бросить ему вызов или оспорить его старейшинство. По словам аль-Омари, «хатуни и эмиры», находившиеся рядом с Гуюком в момент его смерти, сначала «смугились», но затем «согласились между собой насчёт того, чтобы написать Бату». Они извещали его о случившемся «и о том, что он, Бату, более других имеет право на престол и чтобы он поступил так, как признает нужным». Возможно, аль-Омари в своём повествовании несколько забегаёт вперёд. Но старейшинство Бату действительно признавалось тогда во всём монгольском обществе. Зная нравы эпохи и особенности монгольской политики того времени, нельзя не задаться естественным вопросом: не приложил ли Бату руку к тому, чтобы ситуация разрешилась именно таким образом? Рашид ад-Дин сообщает, что Гуюк-хан умер своей смертью — «от болезни, которой страдал», — но насколько надёжно его свидетельство?

В Монгольской империи тут же стали распространяться слухи, что Гуюк был отравлен. Слухи эти собрал проезжавший по стране в 1253–1254 годах Гильом Рубрук. Сам он оговаривается, что о смерти великого хана «не мог узнать ничего достоверного». Однако побывавший в Монголии несколько раньше монах Андре Лонжюмо рассказывал ему, что Гуюк будто бы «умер от одного врачебного средства, данного ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату». Слышал Рубрук и другое. Говорили, будто хан «сам позвал Бату, чтобы тот пришёл поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью (мы знаем, что это было действительно так. — А. К.). Однако он сам и его люди сильно опасались (опять истинная правда. — А. К.), и он послал вперёд своего брата, по имени Стикана (Шибана. — А. К.), который, прибыв к

хану, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга»⁴⁰.

Похоже ли это на правду? Трудно сказать. Гуюка никак нельзя назвать беспечным человеком, пренебрегающим опасностью и не думающим о возможном коварстве противника. Может быть, Бату или Шибану удалось каким-то образом усыпить его бдительность? Однако Шибан, будто бы убитый в схватке с Гуюком, упоминается в источниках и позже; в частности, он принимал участие в курултае 1249 года (см. ниже). Да и никаких других подтверждений в источниках эта история не имеет. Доказать причастность Батыя к смерти Гуюка, по-видимому, невозможно. В конце концов слухи такого рода сопровождали смерть почти каждого монгольского хана. Да, действительно, кончина Гуюка была чрезвычайно выгодна Бату, случилась весьма кстати и, по всей вероятности, позволила избежать открытого вооружённого столкновения, чреватого страшными потрясениями для мира. Но это, пожалуй, и всё, что можно сказать по данному поводу. Остальное — не более чем догадки и предположения, которые каждый волен делать сам...

Со смертью Гуюка в Монголии вновь повторилась ситуация бесцарствия и неопределённости. Формально власть перешла в руки вдовы Гуюка ханши Огул-Каймиш, матери двух его старших сыновей. По её повелению гроб с телом Гуюка перенесли в его ставку на Имили. «После смерти великого хана закрыли все дороги, вышел приказ, чтобы каждый остановился там, где его застало [это повеление], будь то населённое место или разорённое», — свидетельствует Рашид ад-Дин. Бату и Соркуктани-беки поспешили подтвердить права Огул-Каймиш и выразили ей сочувствие — так, будто вражды между ними никогда не существовало. «Соркуктани-беги по обычаю послала ей в утешение наставление, одежду и бохтаг (головной убор замужней женщины. — А. К.). И Бату таким же образом обласкал её и выказал дружбу». На правах аки, то есть главы всего рода, Бату посчитал нужным указать, как

именно Огул-Каймиш и всем прочим надлежит поступать в сложившейся ситуации, причём вновь стал ссылаться на свою старость и болезни: «Дела государства пусть правит на прежних основаниях по советам Чинкая и вельмож Огул-Каймиш, и пусть не пренебрегает ими, так как мне невозможно тронуться с места по причине старости, немощи и болезни ног. Вы, младшие родственники, все находитесь там и приступайте к тому, что нужно»⁴¹.

Бату и Соркуктани-беги с самого начала действовали согласованно. Именно это обеспечило им успех в борьбе за власть. При этом цели их различались: Соркуктани стремилась обеспечить ханский престол своим детям; для Бату же главным было устранить от власти враждебную ему партию потомков Угедея и Чагатая. В итоге и тот и другая добились своего — к обоюдной выгоде. Их успеху способствовало и то, что у противной им партии не было единства. И дом Угедея, и дом Чагатая раздирали противоречия, причём противоречия эти во многом были порождены неудачным опытом правления сначала Туракины, а затем Гуюка.

Как и Туракина-хатун, Огул-Каймиш принадлежала к меркитскому роду. Но в отличие от свекрови она не обладала теми чертами характера, которые позволили бы ей удержать власть в своих руках на сколько-нибудь долгое время. Никаким авторитетом в монгольском обществе она не пользовалась (в официальных документах эпохи Менгу-хана её будут именовать «негодной женщиной, более презренной, чем собака»⁴²). Как свидетельствует Рашид ад-Дин, бóльшую часть времени она «проводила наедине с шаманами и была занята их бреднями и небылицами». Воспользовавшись этим, власть попытались забрать в свои руки сыновья Гуюка Ходжа-Огул и Нагу — люди ещё весьма молодые, не обладавшие ни политическим, ни жизненным опытом. Но единства не было и между ними. «У Ходжи и Нагу, — продолжает Рашид ад-Дин, — в противодействие матери появились свои две резиденции, так что в одном месте оказалось три правителя... Царевичи по собственной воле писали грамоты и издавали приказы. Вследствие

разногласий между матерью, сыновьями и другими царевичами и противоречивых мнений и распоряжений дела пришли в беспорядок. Эмир Чинкай не знал, что делать, — никто не слушал его слов и советов. Из их родных Соркуктани-беги посылала наставления и увещевания, а царевичи по ребячеству своевольничали». О своих правах на престол открыто заявил внук Угедая Ширамун, которого великий хан ещё при жизни объявил наследником; его поддерживали некоторые царевичи и эмиры. Ситуацию осложняла начавшаяся засуха, имевшая тяжелейшие последствия для Монголии и сопредельных ей степных районов. «Воды в реках совершенно высохли, травы выгорели, из каждых десяти голов лошадей или скота восемь или девять пали, и люди не имели, чем поддерживать жизнь», — сообщает китайский источник⁴³. Сыновья Гююка рассчитывали главным образом на присягу, данную их отцу и закреплявшую за ними права на престол, а также на помощь правителя Чагатайского улуса Йису-Менгу, который был обязан их отцу властью. Но Йису сам по себе был человеком слабым и безвольным; он по большей части пьянствовал, а всеми делами заправляла его властная и энергичная жена Тогашай. Обладавший же немалым авторитетом в Чагатайском улусе Кара-Хулагу был настроен крайне враждебно и к своему дяде Йису-Менгу, и к представителям Угедеева дома. «В столице и на окраинах были волнения, — читаем в китайской хронике, — все родственники [из «Золотого рода»] единодушно желали получить государя, но при этом много было таких, что жадно домогались неположенного [по рангу]».

Всё это играло на руку Бату и Соркуктани-беги. Свою партию они разыграли, можно сказать, виртуозно. Бату от своего имени объявил о созыве курултая и при этом, ссылаясь опять-таки на болезнь, потребовал, чтобы царевичи явились к нему, Батыю, в его нынешнюю ставку, а не он к ним⁴⁴. Это противоречило традиции, согласно которой выборы хана проходили только в Монголии. Однако для Бату было принципиально важно, чтобы вопрос с избранием хана решался «на его территории». Царевичи и

эмиры из Угедеева дома и сыновья и внуки Чагатая попытались воспротивиться его намерениям. Они сами позвали Бату к себе, а когда тот отказался («У меня болят ноги; будет пристойно, если они ко мне приедут», — передаёт его слова Рашид ад-Дин), начали укорять его: «Коренной юрт и столица Чингисхана здесь; зачем мы туда пойдём?» Иначе повела себя Соркуктани-беги. Как только в Монголии «распространилась молва о болезни Бату», она «отправила к нему своего сына Менгу-каана под предлогом навестить больного»:

— Так как царевичи ослушались старшего брата и к нему не пошли, пойдти ты с братьями и навести его.

Ещё со времён Западного похода Бату и Менгу старались поддерживать друг друга — особенно в противостоянии враждебным им кланам Угедеев и Чагатаев. Вот и теперь, дождавшись приезда Менгу, Бату «обрадовался его прибытию и, поскольку он воочию увидел в нём признаки блеска и разума и будучи кроме того обижен на детей Угедеев-каана», предложил возвести его в достоинство великого хана. «Из всех царевичей один Менгу-каан обладает дарованием и способностями, необходимыми для хана, так как он видел добро и зло в этом мире, во всяком деле отведал горького и сладкого, неоднократно водил войска в разные стороны на войну и отличается от всех других умом и способностями; его значение и почёт в глазах Угедеев-каана, прочих царевичей, эмиров и воинов были и являются самыми полными — так передаёт его слова Рашид ад-Дин. — ...В настоящее время подходящим и достойным царствования является Менгу-каан. Какой другой ещё есть из рода Чингисхана царевич, который смог бы при помощи правильного суждения и ярких мыслей владеть государством и войском?» Или, как передано это в другом месте: «Из царевичей только один Менгу-каан видел своими глазами и слышал своими ушами ясу и ярлык Чингисхана; благо улуса, войска и нас, царевичей, заключается в том, чтобы посадить его на каанство».

Так выбор был сделан — пока что одним Бату. Очевидно, избрание Менгу было результатом его договорённости с

Соркуктани-беги. Теперь предстояло реализовать эту договорённость на практике, преодолевая сопротивление противной им партии. «Передача каанства дому Тулуй-хана» стала возможной лишь «благодаря способностям и проницательности Соркуктани-беги и помощи и содействию Бату, вследствие дружбы с ним», — пишет по этому поводу Рашид ад-Дин. Но ещё более важную роль в избрании Менгу сыграло то обстоятельство, что и он, и Бату пользовались уважением и поддержкой со стороны крупных военачальников — тысячников и темников. Мы уже говорили, что Бату умел находить общий язык с полководцами, прошедшими вместе с ним школу Западного похода, и всегда отдавал должное их военным и иным дарованиям. В нужный момент они оказались на его стороне.

Между тем Бату как старший среди царевичей и сам мог претендовать на место деда и дяди. Более того, его имя сразу же прозвучало как имя наиболее вероятного претендента на престол. «Когда Гуюк переселился из мира сего, — рассказывает ал-Джузджани, — то все старейшины войска монгольского обратились к Бату с таким предложением: “Тебе следует быть царём нашим, так как из рода Чингисхана нет никого старше тебя; престол и корона и владычество прежде всего твои”»⁴⁵. Однако Бату отказался от этого предложения. Почему? Объяснений на этот счёт может быть несколько⁴⁶. Прежде всего, попытка Бату закрепить престол за своим домом — домом Джучи — могла осложнить его отношения с Соркуктани-беги и её сыновьями — а это для Бату было крайне невыгодно. Возможно, Бату опасался и того, что в начавшемся споре за власть сыновья Угедея и Чагатая припомнят ему «меркитское» происхождение его отца Джучи. Когда-то именно из-за этого Джучи не был объявлен наследником своего отца. С тех пор прошло много лет, но история с «нечаянным» рождением первенца

Чингисхана конечно же не была забыта. Тем более должны были помнить о ней сыновья Туракины-хатун: меркитка родом, Туракина приходилась внучкой тому

самому Тохтоа-беки, главе рода меркитов, который завладел женой Чингисхана Борте; наверное, она многое могла рассказать своим детям и внукам о пребывании Борте-учжины в меркитском плену. Для Бату же эта тема была особенно чувствительной.

Но имелась ещё одна, возможно главная, причина нежелания Бату занять ханский престол. Совершив путешествие из волжских степей Дешт-и-Кипчак в Восточный Туркестан, он мог лишний раз убедиться в преимуществах доставшегося ему улуса над коренным юртом его предков. Ал-Джужджани так рассказывает об этом. Когда Бату предложили стать ханом, он отвечал: «Мне и брату моему Берке (его как мусульманина Джужджани выделяет особо. — А. К.) принадлежит уже в этом крае (Дешт-и-Кипчак. — А. К.) столько государств и владений, что распорядиться им, да вместе с тем управлять областями Китая, Туркестана и Ирана невозможно...» Известие это явно тенденциозное, но в нём есть несомненное зерно истины. Бату умел реально оценивать свои силы и понимал подлинную ценность того, чем обладал. Вспомним слова того же ал-Джужджани, сказанные о его отце Джучи: когда тот «увидел воду и воздух Кипчакской земли... он нашёл, что во всём мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих». Так думали многие монголы, пришедшие в Кипчакские степи и на берега Волги; так с завистью думали и многие из тех, кто остался в Монголии. И к самому Бату слова эти могут быть отнесены в гораздо большей степени, нежели к его отцу, так и не успевшему насладиться всей прелестью Кипчакского края. В истории с отказом от ханства, как и в истории с завершением Западного похода, Бату проявил себя прежде всего как реалистически мыслящий политик, стремящийся не к показному величию, не к некой абстрактной, но растекающейся в безграничном пространстве власти «повелителя Вселенной», а к сохранению и приумножению того, чем он обладал в настоящем. Тем более что одним из главных условий его поддержки Менгу было признание последним его

безусловного старейшинства. Отказываясь принять власть над империей монголов, Бату (в изложении всё того же ал-Джувейни) продолжал так: «...Дядя наш Тулуй, младший сын Чингисхана, умер в молодости и не воспользовался царством, так отдадим царство сыну его и посадим на престол царский старшего сына его Менгу-хана. Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкою буду я». Так и случится: недаром современники и позднейшие историки будут говорить о фактическом соправительстве двух старших внуков Чингисхана. Это соправительство продолжится до самой смерти Бату, и Менгу — очевидно, выполняя условия соглашения с ним, — будет оказывать правителю Улуса Джучи все подобающие почести.

Постепенно замысел Бату обрёл вполне реальные очертания. Всё произошло довольно быстро, — конечно, по меркам Монголии, где в таких случаях не принято торопиться. За год с небольшим царевичи успели сослаться друг с другом, и к маю 1249 года многие явились к Бату. Прежде всего это были его братья — Орда, Шибан, Берке «и весь род Джучи», а также многочисленные братья Менгу. Но сюда же прибыли шестой сын Угедея Кадан (напомню, участник Западного похода) и из Чагатаева дома Кара-Хулагу и Мочи (или Муджи), сын или внук Чагатая, а также многие видные нойоны и эмиры, в том числе внук Тэмугэ-Отчигина Тачар и прочие. По некоторым сведениям, явились к Бату и сыновья Гуюка Ходжа-Огул и Нагу, кочевавшие в то время поблизости; однако задерживаться здесь они не стали и, пробыв всего день или два, самовольно отбыли в свою орду, оставив вместо себя представителем Тимурной орды, эмира Каракорума^[41]. Своего представителя прислал и Ширамун: им был некий Кункур-Тогай. Обоим нойонам было поручено «письменно подтвердить то, о чём царевичи согласятся, потому что Бату всем царевичам ака (старший. — А. К.) и приказание его для всех обязательно». «Одобрённого им мы никоим образом не преступим» — так будто бы заявили Ходжа и Нагу; очевидно, они рассчитывали, что решение будет в их пользу, а когда

получилось по-другому, пришли в негодование и стали выговаривать Тимур-нойону за то, что тот согласился с принятым решением, забыв о своём, столь легкомысленно отданном приказе. Прибыл к Бату и представитель от Огул-Каймиш — эмир Бала-яргучи, родом уйгур, один из наиболее влиятельных вельмож при дворе Гуюка. Ещё важнее было присутствие на курултае «великих полководцев» монгольского войска, в числе которых источники называют Урянхатая, сына Субедея (сам Субедей умер в том же 1248 году, что и Гуюк), Менгусара и других.

«Малый» курултай состоялся в мае — июне 1249 года (между 14 мая и 12 июня) поблизости от становища Бату, в местности Алатау-ула — предположительно, к северо-востоку от современного города Талды-Курган в Казахстане, в предгорьях Джунгарского Алатау⁴⁷. «Все собрались и несколько дней пировали, — рассказывает Рашид ад-Дин, — и после этого они заключили соглашение о том, чтобы посадить Менгу-каана на престол». Бату «первым предложил признать Менгу главой над ними», — свидетельствуют авторы официальной китайской хроники «Юань-ши». Однако против этого тут же выступил посол ханши Огул-Каймиш Бала. Он назвал другую кандидатуру — царевича Ширамуна:

— Некогда Тай-цзун (храмовое имя Угедая, употреблявшееся после его смерти. — А. К.) дал повеление о том, что делает наследником престола августейшего внука Ширамуна; все князья и все сановники знают об этом. Ныне Ширамун находится в прежних правах, но при этом собрание желает выбрать другого родича. Какое положение вы собираетесь ему предоставить?

Поначалу воцарилось молчание. Сановники не нашлись что ответить. Но эта тема ещё раньше звучала в рассуждениях Бату. Говоря о том, что Менгу — единственный, кто подходит на роль великого хана, он вспоминал и о Ширамуне, но совсем не в той связи, в какой называл это имя уйгур Бала. Сам факт, что «дети Угедая-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власть Ширамуну» тогда, когда это надлежало сделать, обернулся

теперь против них, свидетельствуя о нарушении ими закона. Эту мысль и озвучил Мука-Огул, младший брат Менгу:

— Повеление Тай-цзуна существует, и кто посмеет его нарушить? Однако ранее, когда курултай возвёл на престол Дин-цзуна (Гююка. — А. К.), то это было сделано государыней Торэгэной (Туракиной-хатун. — А. К.) вместе с вами и вам подобными. Таким образом, это вы были именно теми, кто преступил повеление Тай-цзуна. И ныне вы ещё кого-то обвиняете в преступлении?

Получалось, что избрание Гююка в обход прямого волеизъявления Угедая ставило под сомнение саму легитимность его власти. Представителям Угедеева рода можно было предъявить ещё одно обвинение — в убийстве Чаур-сечен, совершённом без согласия всех представителей «Золотого рода». И Бале, знавшему об этом, пришлось «прикусить язык». Особенно после того, как вслед за Мукой-Огулом взял слово суровый воин Менгусар, бывший полководец Тулуя, участник Западного похода, удостоившийся после его завершения звания судьи («яргучи»). Он тоже вспомнил историю с Ширамуном, но высказался гораздо более решительно.

— Ты говоришь поистине верно, — обратился он к Бале. — Однако когда прежняя вдовствующая государыня возвела на трон Дин-цзуна (Гююка. — А. К.), что ты тогда говорил? А Бату-хан твёрдо и тщательно придерживался последней воли прежнего государя (то есть не участвовал в выборах Гююка! — А. К.). Что касается тех, у кого есть иное толкование закона, я прошу разрешения казнить их.

Против таких слов возражать никто не посмел. Поддержал Бату и самый влиятельный из присутствовавших на курултае военачальников, Урянхатай, сын Субедея:

— Менгу одарён умом, мудростью и глубокими знаниями. Люди везде знают его. Совет Бату поистине хорош.

— Урянхатай говорит правильно, — подвёл итог Бату.

После этого он «немедленно отдал приказ войскам, и все

войска повиновались ему, а курултай вследствие этого утвердил [выбор Менгу кааном]»⁴⁸.

В соответствии с обычаем Менгу долго отказывался, «не давая согласия на облечение себя той огромной властью и не принимая на себя того великого дела». И этот ритуальный, обязательный элемент выборов Бату также сумел обратить в свою пользу. Слово вновь взял Мука-Огул, выражавший на курултае мысли самого Батыя:

— На этом собрании все мы заключили условие и дали подписку, что не выйдем из повиновения Саин-хану Бату; как же Менгу-каан ищет пути уклониться от того, что им признано за благо?

Речь эта понравилась Бату, «и он её одобрил... Менгу-каан был обязан согласиться». Наконец, был совершён и обряд поставления на ханство, но весьма своеобразно — так, что собравшимся пришлось демонстрировать верность не только Менгу, но и Бату: «Бату, как обычно принято среди монголов, поднялся, а все царевичи и нойоны в согласии, распустив пояса и сняв шапки, встали на колени. Бату взял чашу и установил ханское достоинство в своём месте; все присутствующие присягнули [на подданство], и было решено в новом году устроить великий курултай. С этим намерением каждый отправился в свой юрт и стан, и молва об этой благой вести распространилась по окрестным областям».

Но сделана была ещё только половина дела. Надлежало добиться того, чтобы решение об избрании Менгу было утверждено на «великом курултае» в самой Монголии и чтобы его признали остальные представители «Золотого рода». Здесь прежде всего должно было сказаться военное превосходство Джучидов и их сторонников над разобщёнными и впавшими в растерянность противниками. Бату «приказал своим братьям Берке и Тука-Тимуру отправиться вместе с многочисленным войском вместе с Менгу-кааном в Керулен, столицу Чингисхана, и в присутствии всех царевичей, устроив курултай, посадить его на царский трон». Братьям Бату было придано три

тумана войска (30 тысяч человек)^[42]. С самого начала было ясно, что им предстоит не только озаботиться устройством всех связанных с курултаем дел, но и преодолеть «козни детей Угедей-каана, замысливших вероломство».

Сам Бату остался пока что в Алатау — с тем, чтобы позднее вернуться к себе на Волгу. Ни ехать в Монголию, ни присутствовать на курултае он не собирался.

Однако прежде чем курултай состоялся, должно было пройти немало времени. Соркуктани-беги и сам Менгу принялись раздавать подарки и «величайшей учтивостью и обходительностью склонять на свою сторону родственников». Вновь, уже от своего имени, они рассылали гонцов с приглашениями, но родичи Гуюка решительно воспротивились намерению возвести на престол сына Тулуя. В этом их поддерживали Йису-Менгу и Бури из Чагатаева дома и другие. По слухам, дошло до того, что Ходжа и Нагу «сговорились устроить засаду на пути Менгу-каана», но удача оказалась не на их стороне, и Менгу «миновал ловушки и опасности прежде, чем они были осведомлены об этом»⁵⁰. Царевичам оставалось посылать гонцов к Бату, что они многократно и делали, припоминая ему решение предыдущего курултая 1246 года о закреплении ханского престола за домом Угедея:

— Мы далеки от соглашения на это и недовольны этим договором. Царская власть полагается нам, как же ты её отдаёшь кому-то другому?

Бату отвечал туманными рассуждениями о благе всего Монгольского государства:

— Мы с согласия старших и младших братьев задумали это благое дело и кончили разговор об этом, так что отменить это никоим образом невозможно. Если бы это дело не осуществилось в таком смысле и кто-либо другой, кроме Менгу-каана, был бы объявлен государем, дело царской власти потерпело бы изъян, так что поправить его было бы невозможно; а если царевичи об этом тщательно поразмыслят и предусмотрительно подумают о будущем, то им станет ясно, что по отношению к сыновьям и внукам проявлена заботливость, потому что устройство дел такого

обширного государства не осуществится силою и мощью детей.

В этих бесплодных переговорах прошли «весь тот год, который был предназначен для курултая (то есть 1250-й. — А. К.), и следующий год... до половины». Единства среди Чингисидов не было и в помине. Сыновья Гуюка Ходжа-Огул и Нагу «воображали, что без них дело курултая не двинется вперёд», и потому медлили с приездом. Их сторонники готовились к решительным действиям. В ставке Ширамуна собралась «часть эмиров высочайшей особы Гуюк-хана». Образовалось некое подобие оппозиционного центра. Берке, которому были поручены все дела по устройству курултая, торопил старшего брата:

— Прошло два года, как мы хотим посадить на престол Менгу-каана, а потомки Угедей-каана и Гуюк-каана, а также Йису-Менгу, сын Чагатая, не прибыли.

Наконец Бату прислал ответ, позволявший действовать незамедлительно. На этот раз он выражался предельно кратко и ясно.

— Посади его на трон, — велел он брату, а дальше добавил: — Всякий, кто отвратится от ясы (то есть, в данном случае, откажется от принятого сообща решения. — А. К), лишится головы.

«Великий курултай» собрался 1 июля 1251 года на реке Онон, в местности Кодеу-арал, — то есть именно там, где за 22 года до этого произошло избрание великого хана Угедея⁵¹. Выбор конечно же не случайный! Бату, по воле которого в те месяцы совершалось буквально всё, стремился лишней раз подчеркнуть преемственность власти Менгу со временами Чингисхана и Угедей-хана. Правление же Гуюка как бы выводилось за рамки законной передачи власти от одного хана другому. Здесь, в родовом юрте великого основателя Монгольской империи (и, соответственно, его младшего сына Тулуя и его потомков), Менгу-хан был наконец-то поднят на белом войлоке и возведён в достоинство великого хана. Помимо братьев Бату и сыновей Соркуктани-беги на торжествах присутствовали многочисленные и весьма влиятельные племянники

Чингисхана, в том числе Эльчжигидай-старший, сыновья Отчигина, Кулкана и другие; из потомков Чагатая был Кара-Хулагу, а из потомков Угедея — сыновья Кудэна, а также Кадан и Мелик (седьмой сын Угедея), явившиеся, правда, с опозданием, уже после избрания хана (как, впрочем, и Кара-Хулагу). Тем не менее и они «по определённом обычаю... принесли установленные поздравления и вместе с другими занялись удовольствиями и развлечениями». Так ханство Менгу было признано представителями всех четырёх ветвей «Золотого рода». О напряжённости, которая царила во время избрания, свидетельствуют беспрецедентные меры предосторожности, принятые по приказу Берке, распорядившегося всеми делами. Вести собрание должен был Хубилай, причём так, чтобы остальные лишь внимали его словам. Муке-Огулу велено было «стать у дверей, чтобы ему можно было задержать царевичей и эмиров»; Хулагу, ещё один брат Менгу, получил приказание «стать впереди стольников и телохранителей, чтобы никто не говорил и не слушал неподобающих речей. Сообразно с этим установили порядок, — сообщает Рашид ад-Дин, — и только они двое ходили взад и вперёд, пока не закончился курултай». Но всё обошлось — если не считать того, что джалаир Илджидай, человек особенно близкий к семейству Угедея, сумел всё же взять слово и напомнил собравшимся о клятве, данной Гуюку при его вступлении на престол:

— Вы все постановили и сказали, что до тех пор, пока будет от детей Угедей-хана хотя бы один кусок мяса... мы всё же его примем в ханство и кто-либо другой не сядет на престол. Почему же теперь вы поступаете по-другому?

Его тут же прервал Хубилай:

— Такой уговор был, однако вы прежде изменили всё обусловленное, все слова и древнюю ясу... Зачем вы убили Алталун (Чаур-сечен. — А. К.)? Ещё: Угедей-каан сказал, чтобы государем был Ширамун; каким же образом вы со своей сердечностью отдали власть государя Гуюк-хану?

Возразить на это было нечего. Не получив поддержки со стороны других участников курултая, джалаир вынужден был пойти на попятную:

— В таком случае истина на вашей стороне⁵².

И это всё. О каких-либо других эксцессах во время избрания Менгу-хана источники не сообщают. Как всегда, выборы хана завершились пиром, который продолжался неделю. О размахе торжеств свидетельствует тот факт, что в течение недели ежедневно к столу доставлялось по две тысячи повозок с вином и кумысом, триста голов лошадей и быков и три тысячи баранов! Причём Берке настоял на том, чтобы для мусульман, участвующих в празднестве, баранов и прочий скот резали по предписаниям шариата, — никто против этого возражать не посмел.

Историки нередко называют случившееся «государственным переворотом»⁵³. Доля истины в этом определении есть. Однако надо учесть, что все четыре ветви Чингисидов обладали в принципе равными правами на наследование верховной власти в империи и узурпация её родом Угедая не могла считаться легитимной. А потому более верной представляется другая оценка событий 1249–1251 годов, также сформулированная в исследовательской литературе. Имело место столкновение различных противоборствующих кланов, главы которых по-разному толковали ясу Чингисхана и, исходя из своих интересов, по-разному определяли порядок наследования верховной власти: «Бату-хан в своих действиях представлял принцип родового наследования», тогда как его соперники опирались либо на «принцип передачи власти от отца к сыну» (Гуюк-хан и его сыновья), либо на «назначение преемника великим ханом» (Ширамун)⁵⁴. Победила «партия» Бату и Менгу-хана. Но победа эта могла быть обеспечена только военной силой да ещё авторитетом Бату. При этом ни сам Бату, ни впоследствии его потомки не проявляли особого интереса к общемонгольским делам, а вскоре великая империя Чингисхана распалась на отдельные улусы. Достоинство же великого хана и власть над Монголией так и останутся в руках потомков Тулуя. Правда, добиться этого они смогут только в результате разгрома враждебных им кланов Угедая и Чагатая, в том числе и путём физического уничтожения многих их

представителей. И здесь также Менгу и Бату будут действовать заодно: Менгу — очевидно, укрепляя свою власть, а Бату — уничтожая тех, кого он считал своими личными врагами. Собственно, репрессии против родичей начал ещё Гюк. Но тогда это не коснулось членов «Золотого рода». Теперь же число жертв возросло многократно, маховик казней раскрутился, и принадлежность к роду Чингисидов уже не могла служить защитой — напротив, зачастую становилась причиной того, что тот или иной Чингисид — потомок Угедея или Чагатая — безжалостно предавался смерти.

Впрочем, первыми за оружие взялись представители дома Угедея.

Заговор царевичей был раскрыт, можно сказать, случайно. Внуки Угедея Ширамун, Нагу и Кутак (сын Карачара) с многочисленной ордой и обозом направлялись в ставку Менгу — якобы для того, чтобы вместе со всеми принести ему присягу⁵⁵. Когда они находились в нескольких днях пути от Кодеу-арала, их повстречал некий человек из орды Менгу, искавший пропавшего верблюда. В это время одна из повозок сломалась; оказалось, что она полна оружия. Оружие везли и в других повозках. Отыскавший верблюда погонщик поскакал к Менгу и рассказал ему обо всём. Тут же были приняты необходимые меры. Менгу приказал окружить свою ставку четырьмя кольцами вооружённых людей и направил против Ширамуна и его сообщников значительные силы во главе с Менгусаром и царевичами Мукой-Огулом и Хулагу. Заговорщики же действовали беспечно: не подозревая, что их планы раскрыты, они удалились от основных сил, а потому, когда войска Менгусара окружили их, не оказали никакого сопротивления. В ставке великого хана был устроен суд. Царевичи отговорились тем, что ничего не знали ни об оружии, ни о замыслах своих людей. Им, конечно, не слишком поверили, но пока что решили их не трогать. Во всём обвинили нойонов, которые якобы и замыслили измену; их решено было предать казни. По сведениям Рашид ад-Дина, таковых насчитали 77 человек; Гильом Рубрук

называет более внушительную цифру — 300 человек «из более знатных татар». Руководил казнями Менгусар-нойон, возведённый в те месяцы в звание главного судьи всей Монгольской империи. Среди казнённых нойонов оказался и давний враг Батыя Аргасун, сын эмира Илджидая, поставленного Гуюком во главе западных войск. Аргасуна и его братьев «подвергли пыткам», а потом казнили с особой жестокостью — «вбиванием в рот камней». Вскоре на территории современного Афганистана был схвачен и сам Илджидай; его привезли не к Менгу, но к Батыю. Два этих человека испытывали друг к другу взаимную вражду. Армянский хронист Киракос Гандзакеци так рассказывает об этом: «великий начальник» Илджидай находился «на пути к Персии» и «остался там, выжидая, кто же захватит царский престол. Начальники войск, расположенных на востоке, донесли Батыю на него: дескать, тот не хотел, чтобы Батый правил ими, ибо человек он высокомерный, и сказали, что, мол, он не подчиняется также Менгу-хану. Батый приказал привести его к себе; его схватили, закованного привели к хану и безжалостно убили». Иначе передаёт эту историю араб аль-Омари. По его сведениям, Гуюк, начав вражду с Багу и задумав «низложить его», отправил эмира Илджидая (аль-Омари называет его Алджукдаем) «в Арран и другие владения, принадлежавшие Бату, приказав ему схватить тамошних наместников Бату и привести их к нему». Это и было сделано, однако наместники Бату успели сослаться со своим господином и получили от него приказание, в свою очередь, захватить Илджидая. Сторонникам Бату удалось одержать верх; Илджидай был схвачен (по версии аль-Омари, это произошло ещё до смерти Гуюка) и отведён в окопах к Бату. Конец его был ужасен: Бату повелел «сварить его в воде»⁵⁶. Что же касается Ширамуна и других царевичей, то их оставили под присмотром брата Менгу Хубилая. Впоследствии Хубилай возьмёт Ширамуна с собой в поход в Китай, но там «не возымеет к нему доверия» и прикажет «бросить в воду», то есть утопить. Нагу тоже будет казнён, а Кутака вместе с совсем уж маленькими сыновьями Гуюка и

Нагу вышлют в Туркестан⁵⁷. Гильом Рубрук упоминает о том, что «малютка» сын Гуюка (вероятно, младенец Хуку), «который не только не мог быть способен на заговор, но даже и знать о нём, был оставлен в живых, и ему предоставили двор отца со всеми принадлежавшими к нему животными и людьми». Но положение его оставалось плачевным: сопровождавшие Рубрука монголы в страхе не осмелились даже приблизиться к его юрту, хотя и проезжали поблизости от него⁵⁸.

Так был разгромлен Улус Угедея. Позднее выказавшие верность новому великому хану сыновья Кудэна, а также Кадан и Мелик-Огул разделят оставшихся женщин и имущество из орд и домов, некогда принадлежавших Угедею.

Бату лично казнил и другого своего давнего врага — внука Чагатая Бури. Расправа над ним стала звеном в разгроме Чагатаева улуса. Бури вместе с Йису-Менгу, его женой Тогашай и эмирами был доставлен в ставку великого хана. Здесь их всех схватили; эмиров казнили сразу, а Тогашай-хатун отдали на растерзание внуку Чагатая, союзнику Менгу Кара-Хулагу. Последний относился к своей тётке с лютой ненавистью: он «приказал растоптать её ногами» (или, как сказано в другом источнике, «раздробить ей кости»), причём сделать это в присутствии мужа, — и тем, как выразился Рашид ад-Дин, «исцелил свою грудь от давней злобы». Обоих же царевичей выдали на расправу Бату. И тот тоже дал волю давно копившейся злобе. К привезённым в его ставку Чагатаидам Бату отнёсся по-разному. Йису-Менгу не входил в число его личных врагов и потому был пощажён. «С разрешения Бату» он «вскоре вернулся домой», рассказывает Джувейни⁵⁹ (позднее, правда, бывшего правителя Чагатаева улуса всё же казнят, но сделано это будет без всякого участия Бату). Зато Бури ждала страшная участь. «Этот Бури был крайне смел и дерзок, — рассказывает Рашид ад-Дин. — Когда он напивался, он говорил грубости... Однажды... когда он пил вино, то ругал Бату по злобе, которую в душе питал к нему. Когда Бату услышал об этом, он потребовал его к себе».

Менгу поручил выяснение обстоятельств дела Менгусару, и тот, как и следовало ожидать, провёл следствие со всей жёсткостью и решительностью и, исполняя волю великого хана, доставил пленника к Бату. Эту историю слышал и Рубрук, специально наводивший справки о судьбе Бури. Он тоже сообщает о пьяных откровениях внука Чагатая: оказывается, тот «не имел хороших пастбищ и однажды, когда был пьян, стал так рассуждать со своими людьми: “Разве я не из рода Чингисхана, как Бату?.. Почему и мне, как Бату, не идти на берег Этилии (Волги. — А. К.), чтобы там пасти стада?” Эти слова были доложены Бату. Тогда Бату написал его людям, чтобы они привели к нему их господина связанным, что те и сделали... Бату спросил у него, говорил ли он подобные речи, и тот сознался. Однако он извинился тем, что был пьян, так как они обычно прощают пьяных. И Бату ответил: “Как ты смел называть меня в своём опьянении?” И затем приказал отрубить ему голову»⁶⁰.

Как видим, Батый судил Бури вовсе не за участие в заговоре против Менгу. Его вопрос: «Как ты смел называть меня в своём опьянении?» — заставлял обоих участников этой кровавой драмы вспомнить о делах давно минувших, о ссоре в ходе Западного похода, когда Бури грязно оскорблял правителя Улуса Джучи. Спустя двенадцать лет это было предъявлено ему в качестве обвинения! Если Бури действительно был казнён через отсечение головы (а не верить Рубруку у нас нет оснований), то перед нами свидетельство исключительного ожесточения Батыя. Вспомним, что этот вид казни считался у монголов наиболее позорным. В отношении членов «Золотого рода» его вообще не применяли, дабы на землю не пролилась ни одна капля священной крови великого основателя империи. Батый не просто казнил Бури, но сделал это самым унижительным, самым страшным, в глазах монголов, способом, словно отказывая своему врагу в принадлежности к числу потомков Чингисхана.

Вскоре очередь дойдёт и до Йису-Менгу. Когда с основными противниками Менгу будет покончено, великий

хан отпустит Кара-Хулагу «с полным почётом и уважением» и подарит ему «становища его деда (Чагатая. — А. К), которые захватил дядя его Йису-Менгу». Кроме того, Кара-Хулагу получит от великого хана ярлык, дающий ему право на убийство дяди. Однако добраться до кочевий Йису-Менгу ему не удастся: в дороге, вблизи Алтая, Кара-Хулагу умрёт (это случится зимой 1252/53 года), и путь продолжит его жена Ургана-хатун. На основании имевшегося у её мужа ярлыка она и казнит Йису-Менгу и сама станет править улусом мужа от имени своего малолетнего сына Мубарекшаха. Новый великий хан, как и Бату, с крайней неприязнью относился к Чагатаидам. Перс ал-Джужджани писал даже, что в результате его политики «от племени Чагатая не осталось и следов на поверхности земли, кроме одного-двух сыновей Чагатая, которые удалились в Китай». И хотя это несомненное преувеличение, историки подтверждают, что ни один взрослый представитель Чагатаева рода не сохранил своё положение при Менгу: Кара-Хулагу умер своей смертью, а остальные «были или убиты, или сосланы; их малолетние дети были воспитаны в орде великого хана и только впоследствии, при Хубилае, частью вернулись в свои родовые владения»⁶¹. Бóльшая часть Улуса Чагатая была поделена между Менгу и Бату, так что в последние годы жизни Батый распорядился во многих городах Мавераннахра — Ходженте, Бухаре и других. Восстановить разгромленный улус удастся лишь внуку Чагатая Алгу, сыну Байдара. Примечательно, что винить в случившемся он будет не Менгу, а Батю и его брата Берке, бывшего тогда рядом с великим ханом и, вероятно, распорядившегося расправами. Спустя несколько лет, во время междоусобной войны между Золотой Ордой и государством ильханов, Алгу начнёт войну с Берке «за то... что Менгу-хан, подученный им, истребил весь его род»⁶².

Особую ненависть великий хан испытывал и к вдове Гуюка Огул-Каймиш. Сразу после открытия заговора Ширамуна Менгу-хан направил гонцов к ней и её сыну Ходже-Огулу, требуя, чтобы те незамедлительно прибыли к нему:

— Если вы не участвовали в заговоре с теми людьми, то для вас счастье будет в том, что вы поспешите к высочайшей особе каана.

Ходжа хотел было казнить гонца, но вовремя опомнился и, по научению жены, явился к хану. Там он вёл себя уже по-другому: полностью раскаялся, изъявил покорность и был прощён; ему даже назначили юрт на реке Селенге, близ Каракорума. Что же касается Огул-Каймиш, то она проявила строптивость и не захотела признавать избрание Менгу. А потому отослала гонца обратно, выговорив великому хану:

— Вы, царевичи, обещали и дали обязательство в том, что царская власть всегда будет принадлежать дому Угедей-каана и что никто не будет противодействовать его сыновьям, а теперь вы не держите слова!

Это привело Менгу в ярость. Он приказал схватить Огул-Каймиш и привезти, зашив обе её руки в сыромятную кожу. Суд над ней и её невесткой, матью Ширамуна Кадакачхатун, устроили в ставке Соркуктани-беги. Когда Менгусар, обнажив царицу, потащил её на суд, Огул-Каймиш воскликнула:

— Зачем другие смотрят на тело, которое никто, кроме государя, не должен видеть?!

Цариц обвинили в том, что они «совершали чародейские жертвоприношения» и колдовством погубили «всю свою родню». Обеих «бичевали раскалёнными головнями, чтобы они сознались», а затем, признав виновными, утопили, завернув в кошму. Казнены были и многие эмиры из ставки Гуюка и Огул-Каймиш. Репрессии расширялись, захватывая новые области Монгольской державы. «Так как по углам ещё оставались кое-какие смутьяны, а вызов их был затруднителен и долго бы тянулся», Менгу отправлял в войска отряды верных ему нукеров, дабы те производили расследование на местах и «всякого, кто участвовал в заговоре», казнили. Особенно свирепствовал Менгусар-нойон. После его смерти, случившейся зимой 1253/54 года, великому хану пришлось издавать специальный ярлык для его сыновей, дабы защитить их от ненависти и жажды отмщения. «Что касается тех, кому полагалась казнь, то

Менгусар всегда казнил их в соответствии с законами», — утверждал Менгу. Но всеобщее озлобление трудно удержать в рамках закона: казнили и тех, кто действительно был замешан в заговоре, и тех, кто когда-либо высказывал сомнение в справедливости отстранения сыновей и внуков Угедая от власти или просто сочувствовал им. Впоследствии один из активных участников событий, главное действующее лицо курултая 1251 года Хубилай, ставший великим ханом и вступивший в междоусобную войну со своим братом Ариг-Бугой, будет вспоминать о массовых расправах начала царствования Менгу: «В век Менгу-каана тогдашние эмиры ничем не согрешили против него даже в мыслях и не было большой смуты. Людям известно, какая кара и возмездие постигли их только за незначительное сопротивление, которое они замыслили»⁶³. Весьма красноречивое признание!

Репрессиями на западе Монгольской державы руководил Батый. Он не ограничился тем, что отрубил голову Бури и заживо сварил в кипятке Илджидай-нойона. Со стороны вообще казалось, что всё происходящее — дело его рук и проявление его воли. Армянский хронист Киракос Гандзакец так писал об этом: когда Батый, приехав с севера в Монголию, посадил на престол Менгу-хана, то «некоторые из его родственников были недовольны этим, так как надеялись либо воцариться самим, либо посадить на престол сына Гуюк-хана по имени Ходжа-хан (известие не вполне точное, но свидетельствующее о том, что армянский автор хорошо разбирался во внутривосточной ситуации в Монголии. — А. К.), однако не решались открыто высказывать своё недовольство». И только после того, как Батый «вернулся к своему войску, они стали выражать возмущение Менгу-хану и начали крамолу. Батый, услышав об этом, приказал убить многих из сородичей своих и знати...». Правда, в отдельных случаях он, как мы видели, мог проявлять и милость к осуждённым. Случай с Йису-Менгу был не единственным. Когда, например, в Бишбалыке был казнён глава уйгуров, обвинённый в намерении перебить всех мусульман в местной мечети (и будто бы

получивший на то соизволение правительницы Огул-Каймиш), то вместе с ним на казнь были осуждены двое вельмож: один был помилован ради Соркуктани-беги, второй — ради Батыя⁶⁴. В другой раз была сохранена жизнь некоему Тенгиз-гургену, женатому на дочери Гуюка, но бывшему в отдалённом родстве с одной из сестёр Батыя. Когда «род Гуюк-хана и некоторые эмиры замыслили измену, — рассказывает Рашид ад-Дин, — ...Тенгиз-гургена также обвинили и так избili палками, что с его бёдер спадало мясо». Однако дочь Гуюка «попросила пощадить его», и — несомненно, с ведома Бату — «ей подарили его»⁶⁵.

Репрессии в отношении одних сопровождались щедрыми пожалованиями другим. Первыми были одарены братья Бату, а через них — и сам правитель Улуса Джучи. Менгу не забыл, кому он обязан престолом. «Когда августейшее внимание Менгу-каана освободилось от неотложных дел и взволнованное государство успокоилось, а царская власть с согласия всех царевичей была ему вручена, царевичи и эмиры усиленно просили позволения удалиться в свои юрты, — пишет Рашид ад-Дин. — Обласкав каждого разными почестями и всякими милостями, он приказал разъехаться и отправиться по своим становищам. Так как дальность расстояния и время разлуки с Бату у Берке и Тука-Тимура были больше и дольше, чем у других, он отпустил их раньше и пожаловал их бесчисленными наградами, а вместе с ними отправил Бату дары и подношения, достойные такого государя»⁶⁶.

Менгу оказался действительно умелым политиком. Ему удалось навести порядок в расстроенных делах государства, преодолеть анархию и безнаказанность предшествующих лет. Во многих своих начинаниях новый великий хан опирался на поддержку Батыя, с которым, по существу, делил власть. Но в то же время Менгу действовал вполне самостоятельно — и нередко поступал так, как считал нужным. Иные его решения шли вразрез с интересами Батыя. Впрочем, подробнее о его взаимоотношениях с Батыем в период их соправительства мы поговорим чуть позже.

Историкам в точности неизвестно, когда именно Батый вернулся на Волгу. Русские летописи после 1247 года вообще не упоминают его имя, что и неудивительно: в последние годы его жизни князь по большей части имели дело не с ним самим, а с его сыном Сартаком. Судя же по указаниям персидских и армянских авторов, ко времени курултая 1251 года и последующих за ним политических процессов и казней Батый находился уже далеко от Монголии (Киракос Гандзакети, например, впервые упоминает Батыя в связи с событиями на Волге под 1251 годом). Но и в собственных владениях Батыя разворачивались события, имевшие прямое отношение к смене власти в Каракоруме и устранению всего, что было связано с правлением Гуюка и его родни. Эти события — далёкий отзвук политических процессов начала царствования Менту — имели трагические последствия для Русской земли, особенно в условиях продолжавшейся здесь политической нестабильности.

За пять с половиной лет, прошедших со смерти великого князя Ярослава Всеволодовича, великокняжеский престол трижды или даже четырежды переходил из рук в руки. После того как весной 1247 года тело Ярослава привезли на Русь и похоронили во владимирском Успенском соборе, на великое княжение сел его брат Святослав. Однако он очень недолго занимал великокняжеский стол и вскоре был изгнан из Владимира своим племянником: по одной версии, московским князем Михаилом Ярославичем (год спустя погибшим в битве с литовцами на реке Протве), по другой — энергичным и решительным князем Андреем Ярославичем⁶⁷. В том же 1247 году Андрей поехал в Орду, к Батыю, и вслед за ним туда же отправился его старший брат, новгородский князь Александр Невский. Оба претендовали на наследство своего отца. Как мы уже знаем, Батый не стал решать возникший между ними спор и направил братьев к великому хану Гуюку. Их путешествие в Монголию продолжалось более двух лет. За это время великий хан успел умереть, так что мы в точности не знаем, застали ли русские князья

его в живых или нет и от кого получили ярлыки на княжение — всё-таки от Гуюка или, что кажется более вероятным, от регентши престола Огул-Каймиш или кого-то из царевичей^[43]. Во всяком случае, их спор был решён традиционным для монголов способом: владения их отца (а Ярослав, напомню, имел ярлык и на киевское, и на владимирское княжение) были поделены между ними: Александр получил Киев и «всю Русскую землю» (под которой подразумевалась прежде всего Южная Русь), а Андрей — отцовский престол во Владимире, то есть Северо-Восточную Русь. Формально статус Александра был выше, ибо Киев по-прежнему считался главным, стольным городом Руси. Но разорённый татарами и обезлюдевший, он не представлял для князя никакого интереса, и потому Александр едва ли мог быть доволен принятым решением. Андрей же получил то, что желал. К зиме 1249/50 года братья вернулись на Русь. Александр не стал даже заезжать в доставшийся ему Киев и вскоре уехал к себе в Новгород. (Здесь в следующем, 1251 году он тяжело заболел, «но Бог помиловал его» — выздоровел.) Великим князем Владимирским стал Андрей Ярославич. Его власть попытался оспорить изгнанный им с престола дядя, Святослав Всеволодович, но неудачно. Осенью 1250 года Святослав с сыном Дмитрием отправился в Орду, к Сартаку, — очевидно, жалуясь на племянника. Однако добиться желаемого ему не удалось. Показательно, что летописцы, всегда внимательные к такого рода деталям, не пишут ни о его возвращении «из Татар», ни о какой-либо «чести», оказанной ему или его сыну⁶⁸.

Недолгое княжение Андрея Ярославича завершилось катастрофой — не столько даже для него лично, сколько для всей едва оправившейся от недавнего разгрома Северо-Восточной Руси. В 1251 году новый великий хан Менгу подверг жёсткой ревизии все решения, принятые предшествующей властью. С целью упорядочения дел в государстве и преодоления неразберихи и злоупотреблений он издал особый указ, по которому «все пайцзы, печати, высочайшие указы, рескрипты и ярлыки, которые

выдавались без меры двором каана и чжуванами (царевичами. — А. К.) в предшествующие годы», подлежали отмене; кроме того, предписывалось, «чтобы впредь царевичи не давали и не писали приказов о делах, касающихся провинций, без спроса у наместников его величества»⁶⁹. Соответственно, теряли силу и ярлыки, выданные Андрею и Александру Ярославичам. Что касается Александра, то он, очевидно, был крайне заинтересован в пересмотре решений, принятых в Каракоруме. Лично для него это могло означать передачу ему ярлыка на великое княжение Владимирское, на которое он — как старший из Ярославичей — имел больше прав, нежели его младший брат Андрей. Андрей, естественно, считал иначе.

В следующем, 1252 году князь Александр Ярославич вновь отправился «в Татары» — по своей ли воле или будучи вызван туда, неизвестно. «...И отпустили его с честью великой, дав ему старейшинство во всей братии его», — свидетельствует летописец. Андрей же в Орду не поехал. Пересмотр принятых ранее решений был ему невыгоден, и соглашаться с ним он не собирался. Получалось, что в противостоянии великого хана и его противников из дома Угедая он — может быть, и не ведая того — оказывался на стороне последних⁷⁰. Это имело для него самые печальные последствия.

Летописи по-разному описывают то, что произошло на Руси в отсутствие князя Александра Ярославича. Но смысл происходящего в целом ясен. «В то же лето надумал князь Андрей Ярославич со своими боярами бегати, нежели царям служити...» — читаем в Лаврентьевской летописи. «Цари» здесь, по всей вероятности, — Батый и Менгу-хан. Отказ от исполнения их воли был расценен властями Орды как мятеж. Наказание последовало незамедлительно. В июле 1252 года многочисленное войско во главе с ордынскими воеводами Неврюем^[44], Котией и Олабугой «храбрым» вторглось в Суздальскую землю. 23-го числа, в канун дня святого Бориса, татары переправились близ Владимира через Клязьму и скрытно двинулись к Переяславлю, куда отступил со своими полками князь Андрей Ярославич. По

всей вероятности, его поддерживал младший брат, переяславский (а впоследствии тверской) князь Ярослав; здесь, в Переяславле, находились жена и дети Ярослава. Андрей решил дать татарам бой («Господи! Доколе нам меж собою браниться и наводить друг на друга татар?! — передают его слова поздние летописи. — Лучше мне бежать в чужую землю, нежели дружить и служить татарам!»). «На утро же на Борисов день (24 июля. — А. К.) встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились оба войска, и была сеча великая. Гневом же Божиим за умножение грехов наших побеждены были христиане погаными, а князь великий Андрей едва убежал...» Сначала он направился в Новгород, однако новгородцы, верные своему князю Александру, не приняли его, и Андрей бежал в Псков, где стал дожидаться жены — дочери галицкого князя Даниила Романовича, на которой он женился полутора годами раньше, зимой 1250/51 года. (Как считают историки, сближение Андрея Ярославича с князем Даниилом Галицким преследовало, помимо прочего, и политические цели, а именно создание антиордынской коалиции; это должно было сильно не нравиться Батыю, который к тому времени перестал доверять Даниилу.) Затем, уже с женой, Андрей выехал в Колывань (нынешний Таллин), а оттуда — в Швецию, где был принят «с честью». На Русь он вернётся позднее — после смерти Батыя. В Пскове же, но чуть позже, найдёт убежище князь Ярослав Ярославич, принятый псковичами на княжение.

Тем временем, победив Андрея, татары захватили Переяславль и вновь, как во времена Батыева погрома, «рассыпались» по окрестным землям, грабя, убивая, сжигая дома и посевы и уводя население в полон: «...и княгиню Ярославову схватили (жену князя Ярослава Ярославича. — А. К.), и детей поймали, и воеводу Жидослава здесь убили, и княгиню убили, а детей Ярославовых в полон увели, и людей многих в плен захватили, и, много зла сотворив, ушли». Только после этого во Владимир возвратился из Орды получивший ярлык на великое княжение Александр Ярославич: «...и встретили его с крестами у Золотых ворот

митрополит, и все игумены, и горожане, и посадили его на столе отца его Ярослава... и была радость великая в граде Владимире и во всей земле Суздальской»⁷¹. Радость была искренней, ибо вокняжение Александра, правителя сильного и снискавшего огромный авторитет в русском обществе, но вместе с тем умевшего ладить с татарами и пользовавшегося их поддержкой, означало стабильность и спокойствие, столь необходимые измученной Русской земле. Спустя полгода, 3 февраля 1253 года, умер князь Святослав Всеволодович⁷², и с этого времени «старейшинство» Александра и его права на великокняжеский стол уже никем не могли быть оспорены.

Русские летописцы XV–XVI веков упоминают в связи с поездкой Александра Невского в Орду и последующей «Неврюевой ратью» исключительно «царя Сартака»: к нему направлялся князь и от него получил ярлык на великое княжение. Наверное, так оно и было. Но нет сомнений, что за всем происходившим тогда на Руси стоял Батый. О том, что именно он послал на Русь «Неврюеву рать», прямо сообщается в Житии Александра Невского⁷³. В своём улусе Батый был полновластным хозяином, и Сартак мог действовать лишь с его указки. Тем более что «Неврюева рать» оказалась лишь одним из событий 1252 года. Этот год вообще стал заметным рубежом в истории татарского владычества над Русью. Сбросив груз противоборства с центральным монгольским правительством, Батый смог свободнее действовать в своих русских владениях. Во-первых, в том же 1252 году наконец-то был отпущен на Русь рязанский князь Олег Игоревич, проведенный в Орде в качестве пленника долгих 15 лет. Надо полагать, Батый посчитал возможным сделать это лишь после того, как его положение в Монгольской империи окончательно упрочилось, — до этого Олег мог понадобиться ему в качестве своего рода «разменной монеты» в торге с Каракорумом. Во-вторых, одновременно с «Неврюевой ратью» было послано войско против галицкого князя Даниила Романовича, тестя и вероятного союзника мятежного Андрея Ярославича. Правда, Куремса, которому

поручено было привести Даниила в послушание, не сумел проявить себя должным образом («Даниил воевал с Куремсой и никогда не боялся Куремсы», — писал, напомним, галицкий книжник). Тем не менее действия Куремсы ясно показывали, что Батый недоволен Даниилом Галицким и той политикой, которую тот проводил. Тучи над Даниилом сгущались, хотя гром грянет уже после смерти Батыя, при его преемнике Берке.

Но основную ставку в русских делах Батый, несомненно, делал на Александра Невского. Победитель шведов, немцев и литвы, грозный на поле брани, Александр совершенно по-иному вёл себя в отношениях с Ордой, демонстрируя полнейшую покорность власти ордынских «царей». Современные историки по-разному оценивают его восточную политику: одни видят в курсе, избранном князем, лишь проявление присущей ему осторожности, дипломатической гибкости, иногда даже простое угодничество перед жестоким и непобедимым врагом, стремление любыми средствами удержать в своих руках власть над Русью; другие, напротив, ставят в великую заслугу Александру его смирение перед Ордой, спасшее Русь от физического уничтожения татарами (а заодно и от духовного порабощения Западом). Противопоставлять одно другому, по-видимому, не следует: в истории Александра нашлось место и для ратных подвигов, и для искусной дипломатической игры, и для униженного стояния на коленях перед татарскими «царями», и, вероятно, для интриг против брата Андрея. Но многого в его истории мы, увы, не знаем и, очевидно, не узнаем никогда. Не знаем мы, например, какой ценой достался Александру ярлык на великое княжение и на что ему пришлось пойти ради этого. Русский историк XVIII века Василий Никитич Татищев — а вслед за ним и многие другие историки — считал Александра Невского едва ли не инициатором татарского нашествия 1252 года. В «Историю Российскую» Татищев включил рассказ о том, как жалобы Александра на брата Андрея привели к страшной «Неврюевой рати» и жестокому разорению Северо-Восточной Руси: «Иде князь великий

Александр Ярославич во Орду, к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюи салтану идти на Андрея и привести его перед себя...»⁷⁴ Получается, что Александр наговаривал на брата, обвиняя его в тягчайших преступлениях, в том числе неуплате татарской дани и пошлин — «выхода» и «тамги», — с единственной целью: отнять у него великое княжение. Но так ли это? Едва ли можно думать, будто Татищев извлёк процитированный выше текст из какого-то «раннего источника, не попавшего в летописи», как считают некоторые исследователи⁷⁵.

Скорее перед нами естественное стремление историка XVIII века разобраться в сути описываемых им событий, восстановить их внутреннюю логику, исходя из собственных представлений о человеческой природе и опираясь при этом на сходные факты из более поздней нашей истории, когда русские князья и в самом деле нередко приезжали с жалобами на своих родственников в Орду и «наводили» татар на русские земли. Но имело ли это отношение к Александру? Для утвердительного ответа на этот вопрос у нас нет оснований. Историки отмечают, например, что приезжавшие с подобными жалобами в Орду князья, как правило, сами участвовали затем в карательных татарских походах против своих соперников, — но ничего подобного в случае с Александром Невским не было⁷⁶. Да и склонность Татищева к разного рода домыслам и мистификациям, «учёным» реконструкциям событий, при которых текст летописи дополнялся собственными рассуждениями автора, выдаваемыми за подлинный летописный текст, ныне доказана. Всё это не позволяет отнести к приводимой им информации как к достоверной⁷⁷.

Но как бы то ни было, а в последнем в истории переломного XIII века открытом военном столкновении русских князей с татарами князь Александр оказался в

лагере татар — и в буквальном, и в переносном смысле. Добавим к этому, что именно при нём и при его непосредственном участии в 1257-1259 годах в Северо-Восточной Руси будет проведена татарская перепись — первое всеобщее исчисление населения для более полного обложения его данями и поборами. Именно при нём и опять же при его непосредственном участии в орбиту татарского владычества будет вовлечён Новгород, куда явятся татарские чиновники. Это вызовет настоящий мятеж в Новгороде, и мятеж этот будет жестоко подавлен самим Александром, которому придётся казнить зачинщиков тяжкими увечьями — так, как это принято было в Орде: «овому носа урезоша, а иному очи выимаша». Татарские «численники» будут действовать в Новгороде под его личной защитой, и он сделает всё, дабы ни один волос не упал с их голов. Но он же, Александр, будет «отмаливать» русских людей от угрозы новых татарских «ратей», будет ездить к хану Берке, упрашивая того не творить «насилие великое» и не угонять русских людей для участия в новых татарских войнах в чужие страны, — и, кажется, ему удастся склонить хана на милость. Надо признать, что князь Александр Невский, как и его отец Ярослав Всеволодович, стоял у истоков организационного оформления ордынского ига, которое на два столетия придавит своей тяжестью Русь. В отличие от брата Андрея и в отличие от Даниила Галицкого и многих других тогдашних политиков Александр не верил в возможность сопротивления власти татарских «царей». Но ни осуждать, ни превозносить его за это я бы не стал. Его выбор был, по всей вероятности, неизбежен. Александр был прежде всего политиком, способным трезво глядеть на вещи и верно оценивать соотношение сил. Ибо в условиях несомненного, подавляющего военного превосходства Орды альтернативой проводимой им политике покорности и смирения могли стать только непрекращающиеся набеги ордынских войск, дальнейшее разорение Русской земли, истребление жителей, хаос и разруха и такая социальная, экономическая и

демографическая катастрофа, которую Русь просто-напросто могла бы не пережить.

«Саин-хан»

В памяти потомков Батый остался под именем «Саин-хан». Так называют его арабские и персидские историки, армянские хронисты, венецианец Марко Поло, живший при дворе императора Хубилая¹. Это имя сохранилось в татарском эпосе и позднейших хивинских хрониках²; знают его и русские источники — и не только «Казанская история», в которой отразились прежде всего местные казанские предания, но и собственно русские памятники начиная по крайней мере с XV века³. Прозвище «Саин-хан» обычно переводят как «добрый хан»⁴, хотя встречаются и другие толкования: «умный», или «мудрый», «благоразумный», «высокородный» (так у Рашид ад-Дина) или же «царь отличный» (так у египетского историка начала XV века Ибн Халдуна). При жизни Батыя это прозвище, кажется, не употреблялось. Выдающийся английский востоковед Дж. Э. Бойл доказывает, что имя «Саин-хан» является не чем иным, как посмертным титулом Бату, «употреблявшимся с целью избежать упоминания его настоящего имени» (запрет на упоминание имён умерших правителей существовал в древнем Китае и других странах Восточной Азии и строго соблюдался монголами), и означает это имя всего лишь «покойный хан»⁵. Но даже если так, нельзя не отметить, что прозвище «Саин-хан» в средневековой монгольской истории закрепилось за одним лишь Батыем, стало как бы его вторым именем. И каким бы ни было его первоначальное значение, это прозвище воспринималось теми, кто употреблял его, как свидетельство определённых положительных качеств первого правителя Улуса Джучи.

Притом что в русской истории и в истории многих других народов Батый остался несомненным злодеем и разорителем, источники содержат и восторженные оценки его личных качеств. «Он был человек весьма справедливый и друг мусульман», — писал о Батые ал-Джуджани, вообще-то относившийся к монголам крайне враждебно⁶.

«Исчислить дары и щедроты его и измерить великодушие и щедрость его невозможно, — читаем в «Истории завоевателя мира» другого персидского историка XIII века, Джувейни. — Государи соседние, властители разных стран света и другие лица приходили к нему на поклон. Подносящиеся подарки, являвшиеся запасом долгого времени, ещё прежде, чем они могли поступить в казну, он целиком раздавал монголам, мусульманам и всем присутствующим в собрании и не обращал внимания, малы они или велики. Торговцы с разных сторон привозили ему различные товары; всё это, что бы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышающую её стоимость. Султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели»⁷. А вот ещё несколько отзывов о правителе Улуса Джучи: «Бату... отличался проницательностью, правосудием и щедростью... Он был чужд нетерпимости и хвастовства» (Вассаф); «это был царь великий и милостивый» (анонимный автор «Родословия тюрок», сочинения XV века); «он был очень добр, за что народ прозвал его Саин-хан, то есть добрый, хороший хан» (армянский хронист XIII века Григор Акнерци)⁸. Итальянский монах Плано Карпини также отмечал щедрость Бату: он «очень милостив к своим людям»; правда, тут же итальянец пояснял, что Бату «всё же внушает... сильный страх; в бою он весьма жесток; он очень проницателен и даже весьма хитёр на войне, так как сражался уже долгое время»⁹.

Мы уже говорили о «чести», которую Батый оказывал русским князьям (и которая для многих из них была «злее зла»). Надо признать: за исключением тех случаев, когда задевались его личные интересы или нарушался принятый у монголов порядок (как это было с Михаилом Черниговским и Андреем Мстиславичем), князья получали от него то, ради чего приезжали в Орду: ярлыки, подтверждавшие их права на ту или иную землю, и защиту от набегов ордынских войск. Армянские, сельджукские и грузинские хронисты также в один голос говорят о том, что Батый милостиво

относился ко всем правителям, приехавшим к нему, удовлетворял их просьбы и щедро одарял их — разумеется, после того, как те изъявляли покорность и исполняли все положенные в таких случаях обряды. «...Начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы — все, огорчённые тем, что были лишены вотчин своих», — сообщает под 1251 годом Киракос Гандзакеци. И Батый, утвердившись во власти после вступления на ханский престол его ставленника Менгу, спешил навести порядок в подвластных ему западных областях Монгольской державы: он «судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил его, все области, вотчины и владения и снабжал специальными грамотами (ярлыками. — А. К.), и никто не смел противиться приказам его». Киракос приводит сведения о путешествиях к Батыю двух армянских правителей, и в обоих его рассказах Батый предстаёт прежде всего милостивым ханом. Под тем же 1251 годом сообщается о поездке к сыну Батыя Сартаку армянского князя Гасана Джалала, «великого ишхана Хачена и областей Арциха» (нынешний Нагорный Карабах): Сартак «любезно и почтительно принял его и всех, кто был с ним... [и] повёл к своему отцу, [который] оказал ему высокие почести и вернул ему его вотчины... отнятые раньше у него тюрками и грузинами». (Правда, по возвращении в Армению Гасан подвергся нападкам и притеснениям со стороны эмира Аргуна, наместника великого хана в странах Закавказья, и вынужден был отправиться в Монголию, к Менгу. Позднее, в 1261 году, он будет убит по приказу Аргуна, но ещё позже и сам Аргун будет казнён правителем монгольского Ирана ильханом Хулагу.) А в 1254 году к Батыю явился царь Киликийской Армении Гетум I, чьё государство не было завоёвано монголами, но находилось с ними в союзнических отношениях (выплачивая при этом значительную дань и во всём подчиняясь им). «...Когда воцарился Менгу-хан, — рассказывает Киракос, — великий военачальник Батый, носивший титул царского отца (об этом титуле мы поговорим чуть позже. — А. К.), расположившийся и живший с бесчисленным войском в северных областях на берегу

великой и бездонной реки, называемой Етиль (Волга. — А. К.)... послал людей к царю Хетуму с приглашением приехать повидать его и Менгу-хана. И тот, боясь его (Батыя. — А. К.), пустился в путь, но тайком и переодетый из-за страха перед соседями своими тюрками... ибо они издавна таили против него злобу за то, что он протянул руку татарам». (Вражда эта началась ещё в 1242 году, после того как царь Гетум, опасаясь вторжения татар, выдал по их требованию укрывшихся у него мать, жён и дочерей сельджукского султана Гийс ад-Дина.) Добравшись до Карса — города, подвластного татарам, Гетум дождался прибытия своих людей и подвоза богатых подарков для Батыя и великого хана и дальше двигался уже с соответствующей его сану пышностью. Его сопровождал посол самого Батыя, армянский священник Барсег, выполнявший различные дипломатические поручения правителя Улуса Джучи. Через Дербентские ворота Гетум направился к Сартаку, а затем к Батыю, и «там ему был оказан большой почёт и гостеприимство». Это было в начале мая 1254 года, а уже 13-го числа Гетум двинулся дальше — в Монголию, к великому хану Менгу, и преподнес подарки, также «по достоинству был почтён им». На обратном пути он сам или его люди вновь побывали у Батыя — и вновь остались довольны оказанным им приёмом¹⁰. Путешествие Гетума продолжалось около двух лет и стало важной вехой в истории армянской культуры и особенно армянской географии, а сам царь Гетум снискал славу «армянского Марко Поло», ибо по возвращении на родину рассказал «множество удивительных и неведомых историй... о варварских племенах, которые он видел и о которых слышал»; значительную часть этих историй Киракос Гандзакечи опустил в своём повествовании, «ибо кое-кому они могут показаться излишними». Напомню, что и послы сельджукского султана Гийс ад-Дина остались весьма довольны тем, как принимал их Батый, который «оказывал почёт, так что они стали предметом зависти обитателей мира»¹¹.

При этом Батый проявлял известную осторожность, стараясь не допускать общения между собой посланцев из разных стран, которые прибывали в его ставку. Об этом сообщает посол французского короля Гильом Рубрук. Сравнивая порядки, существовавшие при дворах великого хана Менгу и Бату, он пишет, что «при дворе Бату есть один ям (здесь в значении ведомства, занимавшегося приёмом иностранных послов. — А. К.) на западной стороне, который принимает всех прибывающих с запада, также обстоит и касательно других стран мира». Если при дворе Менгу-хана посланцы «все вместе находятся под властью одного яма и могут посещать друг друга и видеться», то «при дворе Бату они не знакомы друг с другом, и один не знает про другого, посол ли он, так как они не знают помещений друг друга и видятся только при дворе. И когда зовут одного, другого, может быть, и не зовут, ибо они ходят ко двору только по зову»¹². В общем-то понятно, чего остерегался Батый: за его спиной не должно было происходить никаких переговоров — подобных тем, например, что вели в ставке Туракины-хатун русский князь Ярослав Всеволодович и папский посланец Плано Карпини. Между прочим, такое отношение к иноземным послам, недопущение их общения как друг с другом, так и, особенно, с местным населением станут нормой ведения посольских дел в Московском государстве. В какой-то степени это можно считать «ноу-хау» Батыя. Впрочем, посланцы других стран едва ли были в обиде на него именно за это: оказываясь в его ставке, каждый думал прежде всего о собственных интересах и о том, как бы выбраться оттуда живым и невредимым, желательно с положительным решением своего вопроса и чаемым ярлыком.

Показательный в этом отношении рассказ о доброте и даже благородстве Батыя приведён в анонимной грузинской хронике XIV века. Отправляясь в первый раз в Орду, правитель Грузинского царства атабек Аваг сильно опасался за свою жизнь и готовился к худшему, ибо он и его спутники двигались «по неведомым путям, никогда прежде не проходимым никем из рода грузин». Когда же они

добрались до Батыя, «который в ту пору был главнейшим из каэнов (ханов. — А. К.) и величайшим и превосходительным по благолепию своему», то слуга Авага Давид, сын Иване Ахалцихского, желая уберечь своего господина от смертельной опасности, предложил ему поменяться ролями: «Потому как подступил ты ко племени чуждому и неведомо тебе, что может произойти с нами, я советую тебе притвориться так, будто я являюсь патроном и предводителем твоим, а ты мой слуга. Ежели он волеизъявит умертвить тебя, пусть убиенным буду я, но не ты. Я не думаю, чтобы вместе с господином они убили и слугу». «И так многократными мольбами и упорством убедили Авага поступить сим образом. Когда же вошли к Бато, Аваг пропустил вперёд Давида, будто главного». Однако опасения грузин оказались напрасными, убивать их Батый не собирался: «Узрел их Бато, возрадовался и оказывал им почести в течение многих дней. И как только познали благодеяния Бато и не стало опасности смерти, то в один из дней Бато призвал Давида, а Аваг выступил и пошёл впереди. Увидя это и изумившись увиденным, каэн говорил Авагу: “Ты что, совершенно невежественный?” Но Давид с улыбкой отвечал: “Великий, великий победоносный государь! Он и есть мой патрон, а я слуга его”. И изумлённый каэн спросил о причине такого обстоятельства, о чём тот говорил ему: “Я потому так поступил, великий каэн, что мы несведущи о благородстве твоём и неведомо было нам, что ты нам уготавливаешь. И ежели бы ты изъявил казнить, то казнённым прежде был бы я, а не господин мой”». Вопиющее нарушение порядка и чинопочитания, столь ценимых монголами, не вызвало гнев Батыя, как можно было бы подумать. Напротив, он «изумился этому весьма» и, похвалив Давида, произнёс слова, которые должны были сильно польстить самолюбию его грузинских гостей и всех читателей грузинской хроники: «Ежели род грузинский таков, повелеваю, чтобы среди всех родов, которые пребывают под властью монголов, да будет он лучшим и знатнейшим и сопричислят их к воинству монгольскому, вотчины и имущества их принадлежат им и

полагаться на них во всём». «Волю сию он повелел начертать и выдать и решение сие отправил великому Менгу-каэну...»¹³

Эта история, несомненно, вымышлена. Но, несмотря на свой легендарный, чисто фольклорный характер, она важна как свидетельство того уважения, которое Батый снискал у подвластных ему народов. И грузинские, и армянские авторы явно противопоставляют «доброе» Батыя «злым» монгольским нойонам, разорителям их родных стран. Справедливости ради отметим, что их собственные страны Батый не разорял — и это, по всей видимости, и объясняет их восприятие Батыя как прежде всего милостивого хана.

В особую заслугу Батыю многие современники ставили его веротерпимость, вообще свойственную монголам. В многоплеменном и многоконфессиональном улусе Батый стремился поддерживать равновесие между различными конфессиями, открыто не оказывая предпочтения ни одной из них. Примечательно, что самого Батыя современники считали то мусульманином, то христианином, хотя на самом деле он был убеждённым язычником, приверженцем культа Неба, почитавшегося монголами. Но многие заблуждались на его счёт. Так, ал-Джувзджани полагал, что «Бату втайне сделался мусульманином, но не обнаруживал этого и оказывал последователям ислама полное доверие». По словам персидского автора, под покровительством Бату «мусульмане проводили жизнь привольно. В лагере и у племён его были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэдзином (скорее здесь всё-таки идёт речь не о Бату, а о его брате-мусульманине Берке. — А. К.). В продолжение его царствования и течение его жизни странам ислама не приключилось ни одной беды ни по его собственной воле, ни от подчинённых его, ни от войска его. Мусульмане туркестанские под сенью его защиты пользовались большим спокойствием и чрезвычайною безопасностью»¹⁴. Мы уже имели возможность заметить, что далеко не все монгольские ханы относились к последователям ислама с подобающей терпимостью. Так что политика Батыя действительно могла восприниматься

как исключение. Ещё один персидский историк, Вассаф, напротив, считал Батыя приверженцем христианства (возможно, путая его с сыном Сартаком), но и он тоже отмечал: «Хотя он был веры христианской... но у него не было склонности и расположения ни к одному из религиозных вероисповеданий и учений и он был чужд нетерпимости...»¹⁵ Точнее других выразился Джувейни: Батый «был государем, который не придерживался никакой веры и секты; он их считал только способом познания божества и не был последователем ни одной из сект и религиозных учений»¹⁶.

При этом Батый, по-видимому, понимал значение мировых религий — во всяком случае, в деле управления отдельными частями своей державы. Равновесие между христианами и мусульманами в Улусе Джучи поддерживалось за счёт того, что тем и другим покровительствовали два ближайших к Батыю родича — его старший сын Сартак и брат Берке. Отчасти мы уже говорили об этом. О том, что Берке был мусульманином, хорошо знали во всём исламском мире; по некоторым сведениям, мусульманином был и его брат Беркечар. Рассказывали, что кормилицей Берке была мусульманка, которую к нему якобы приставил ещё отец; ислам он принял при жизни Батыя, по одной версии, в Ходженте, по другой — в Бухаре от знаменитого шейха Сейф ад-Дина Бахарзи. «Некоторые заслуживающие доверия люди» рассказывали ал-Джузджани, что Берке «дважды или более облачался в почётные одежды, присланные ему от халифа, ещё при жизни брата его Бату. Всё войско его состояло из 30 тысяч мусульман, и в войске его была установлена пятничная молитва». «Ислам его был прекрасный», — сообщают о Берке арабские хронисты. Известно, что одним из проявлений его ревности в вере стало истребление христиан в Самарканде во время вспыхнувших в городе волнений между христианами и мусульманами — но это случилось уже после смерти Батыя. По словам Джузджани, Бату относился к Берке «с большим уважением и утвердил за ним командование армией, свиту и уделы». Впрочем, мы

уже знаем, что доверие Батыя к брату-мусульманину имело вполне определённые границы, и как только Батыю показалось, что пристрастие брата к его мусульманским подданным приносит ему убыток, он тут же поменял улус Берке, переселив того за Волгу.

Не менее известны были христианские предпочтения Сартака. «Он был совершенным христианином», — писал о нём его современник, армянский хронист Вардан Великий; по словам сирийца-христианина Абу-л-Фараджа (Бар-Гебрея), Сартак якобы был даже рукоположен в сан диакона. Он воспитывался христианами несторианского толка, которых вообще было много среди монголов. Христианами ошибочно считали то Гуюка, то Менгу-хана, то Хулагу; послы Илджидай-нойона, прибывшие в конце 1248-го — начале 1249 года к находившемуся на Кипре французскому королю Людовику Святому, заверяли его, будто Гуюк принял христианство с восемнадцатью царевичами и многими вельможами, что сам Илджидай крестился уже много лет назад и что теперь он намеревается идти на Багдад «отомстить за обиду, нанесённую хорезмийцами Господу Иисусу Христу»¹⁷. И хотя всё это было по большей части ложью, в Европе того времени накопилось достаточно свидетельств о широком распространении христианской веры в среде монгольской знати. Собственно, слухами о христианстве Батыева сына Сартака объяснял своё посольство к монголам Гильом Рубрук. Однако пребывание в ставке Сартака в июле — августе 1253 года заставило его взглянуть на положение дел более реалистично. «Что касается до Сартака, то я не знаю, верует ли он во Христа или нет, — писал Рубрук. — Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан»¹⁸. Сартак вёл совершенно тот же образ жизни, что и остальные царевичи; так, Рубрук упоминает шесть его жён, от которых он, естественно, не собирался отказываться. Но, общаясь по большей части с христианами, Сартак, по-видимому, проникся их учением. Это оказалось на руку Батыю, который умело использовал религиозные предпочтения как сына, так

и брата. Действуя когда надо через одного, а когда надо — через другого, он мог с наибольшей выгодой для себя достигать желаемого в общении со своими мусульманскими и христианскими подданными. Впрочем, такое «разделение ролей» имело и оборотную сторону. Противопоставляя брата и сына друг другу, Батый сделал их смертельными врагами. Впоследствии, после смерти Батыя, это приведёт к трагической развязке: борьба за власть над Улусом Джучи, осложнённая ненавистью двух главных её участников на религиозной почве, завершится насильственной смертью Сартака, а затем и его преемника (и, вероятно, также приверженца христианства) Улагчи.

Можно, пожалуй, отметить ещё одну черту характера Батыя. Будучи вообще человеком злопамятным и мстительным, он не проявлял этих своих качеств по отношению к родичам тех, кто считался врагами монголов, — во всяком случае, если они не казались опасными соперниками ему самому. Мы уже говорили о том, что он благоволил сыновьям убитого им ростовского князя Василька Константиновича. Проявил Батый милость и к сыну бывшего эмира Ходжента Тимура-Мелика, одного из главных врагов монголов, долго и успешно воевавшего против них вместе с султаном Джелал ад-Дином. Тимуру-Мелику удалось ускользнуть от татар, а его сын позднее явился к Батыю, и тот разрешил ему вернуться в Ходжент и даже соизволил «вручить земли и движимое имущество отца»¹⁹. Ходжент относился к улусу потомков Чагатая. Здесь, вдали от собственных владений, Батый мог быть особенно щедрым.

Да и вообще, легко быть щедрым и милостивым, добившись всей полноты власти и расправившись со своими главными врагами и конкурентами! В последние годы жизни Батый обладал могуществом, сравнимым разве что с могуществом великого хана Менгу. Но ведь и тот был обязан ему властью! Мы уже упоминали титул «ханский отец», который присвоил Батыю Киракос Гандзакеци. Едва ли это был официальный титул правителя Улуса Джучи. Но в глазах современников Батый действительно представлялся

старшим во всей Монгольской империи, возвышаясь над всеми, в том числе и над самим великим ханом, который тоже признавал его старейшинство. Примечательно, что в последние годы жизни Бату современники-хронисты стали именовать его ханом — хотя, как мы знаем, этим титулом он не владел и даже на него не претендовал²⁰. Остальных Чингисидов Батый превосходил не только возрастом и авторитетом, но и сосредоточенными в его руках богатствами и многочисленностью войска. «Бату... наиболее богат и могуществен после императора», — писал Плано Карпини ещё в 1247 году²¹. После же смерти Гююка экономическая и военная мощь правителя Улуса Джучи возросла многократно.

Вот что пишет, например, Киракос Гандзакечи: «Великий военачальник Батый, находившийся на севере, обосновался на жительство на берегу Каспийского моря и великой реки Атиль, равной которой не найдётся на земле, ибо из-за равнинной местности она растекается подобно морю. Там в великой и обширной долине Кипчакской и расположился он вместе с огромным, неисчислимым войском, ибо обитали они в шатрах, а когда снимались с места, шатры перевозили на повозках, впрягая в повозки множество волов и лошадей. Он (Батый. — А. К.) очень усилился, возвеличился над всеми и покорил всю вселенную, обложил данью все страны. И даже его сородичи почитали его больше всех остальных, и тот, кто царствовал над ними (коего они величают ханом), садился на престол по его приказу». И ещё в другом месте: Батый «властвовал над всеми, так что без его воли даже хан не вступал на престол»²². «Великим властелином севера», «главнейшим и величайшим из ханов» называют Батыя и другие армянские и грузинские хронисты. Он был «в великой чести и в почёте, — пишет о Бату Рашид ад-Дин. — На курултаях никто не противился его словам; напротив, все царевичи повиновались и подчинялись ему»²³.

Своё соправительство с Бату признавал и сам Менгу-хан. «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество моё и Бату», —

говорил он Гильому Рубруку зимой 1253/54 года. Французский монах записал и другое высказывание великого хана: «У головы два глаза, и хотя их два, однако зрение их одно, и куда один направляет взор, туда и другой»²⁴. Сказано это было в связи с тем, что Рубрук прибыл от Бату и потому должен был «вернуться через его владения», но великий хан имел в виду их с Батыем единство во всём — помыслах, действиях и власти над миром. Несомненно, Менгу оставался верховным правителем монголов, что и подчёркивалось в официальных документах. «Так как Менгу-хан есть главный над миром моалов (монголов. — А. К.)», Бату и направил к нему послов французского короля Людовика, говорилось, например, в грамоте, адресованной «королю франков» и переданной ему через его посланника Гильома Рубрука. Но при этом люди Бату в общении с людьми великого хана открыто демонстрировали своё превосходство, и это сходило им с рук. Тот же Рубрук рассказывает, что когда он со своими спутниками въехал во владения Менгу-хана, то встречавшие их «езде пели и рукоплескали пред лицом нашего проводника, так как он был послом Бату. Этот почёт они оказывают друг другу взаимно, так что люди Менгу принимают вышеупомянутым способом послов Бату и равным образом люди Бату — послов Менгу-хана. Однако люди Бату стоят выше и не исполняют этого так тщательно»²⁵. Показательно, что когда Менгу-хан вручил Рубруку упомянутую грамоту «королю франков», то он повелел предъявить её на обратном пути Бату: «так, что если ему угодно что-нибудь прибавить, отнять или изменить, то пусть он это сделает»²⁶. Батый ничего менять или прибавлять не стал; он заставил ещё раз прочитать эту грамоту перед Рубруком, убедился, что тот правильно понимает её, и велел доставить грамоту по назначению. Точно также и армянский царь Гетум на обратном пути от Менгу-хана должен был послать к Батыю священника Барсега с грамотами и приказом великого хана: «дабы и тот (Батый. — А. К.) написал приказ в соответствии с грамотами хана». Historians see here the testimony that for

вступления в силу повелений великого хана в тех областях запада, которые подчинялись Бату, требовалось их подтверждение правителем Улуса Джучи — даже тогда, когда эти повеления касались сферы внешней политики²⁷.

Нечто подобное имело место и в сфере фискальной политики, являвшейся основой основ существования Монгольской империи. Как мы уже говорили, Менгу удалось навести порядок в расстроенных делах государства. Одной из важнейших мер его царствования стала всеобщая перепись населения покорённых монголами стран. В западных провинциях её осуществлял эмир Аргун, наместник великого хана в Иране. Но он действовал от имени не одного только Менгу, но и Батыя. Во всяком случае, так это виделось со стороны. Армянский хронист Киракос Гандзакети сообщал под 1254 годом, что Менгу-хан и «великий военачальник» Батый послали Аргуна и «ещё одного начальника из рода Батыя, которого звали Тора-ага, со множеством сопровождающих их лиц провести перепись всех племён, находившихся под их властью». Как и прежде, часть собранной в провинциях дани поступала в Каракорум, а часть — правителю того улуса, в которую входила данная провинция. И если Аргун представлял в своём лице и Менгу, и Батыя, то второй чиновник, некий Тора-ага, действовал в интересах одного только Бату. Это свидетельствует о несомненном признании за последним особых прав в отношении западных областей, в том числе и Закавказья. Борясь со злоупотреблениями прежних лет, Менгу-хан на словах стремился к облегчению налогового бремени на основное податное население — земледельцев покорённых монголами стран, понимая, что их полное разорение лишит монголов источника постоянного дохода. В соответствии с его указами население провинций освобождалось от уплаты недоимков, «где бы и за кем бы они ни оставались»; были подтверждены установления Чингисхана касательно освобождения от податей и поборов священников всех конфессий, а также «людей очень преклонного возраста и неспособных к труду и занятиям»; сборщикам податей и писцам запрещалось брать взятки, проявлять пристрастие и

потакать кому бы то ни было. Когда Аргун прибыл от великого хана в Иран, он «довёл до всеобщего сведения ясы Менгу-каана» и «приказал, чтобы никто не поступал наперекор распоряжениям и не причинял подданным никакого насилия»; «народ обрадовался», — пишет Рашид ад-Дин²⁸. Но, как это всегда бывает, слова и намерения расходились с делами. О том, что происходило в реальности, мы знаем из сочинений армянских хронистов, с ужасом вспоминая времена жестокого и алчного «всеразрушающего Аргуна»: «Всех, начиная с десяти лет и старше, кроме женщин (а в другом источнике: даже включая женщин, стариков и детей. — А. К.), записали в списки. И со всех жестоко требовали податей, больше, чем люди были в состоянии платить, народ обнищал. Сборщики налогов притесняли их невообразимыми требованиями, пытками и муками. И того, кто прятался, схватив, убивали, а у того, кто не мог выплатить подать, отнимали детей взамен долга...» И ещё: «Бежавших или укрывавшихся ловили, безжалостно связывали им руки назад, секли зелёными прутьями до того, что всё тело обращалось в одну болячку, покрытую кровью. После того они выпускали на истощённых и истерзанных христиан свирепых собак, приученных ими к человеческому мясу»²⁹.

В сферу действий Аргуна попала и собственная территория Улуса Джучи — точнее, те её области, в которых жило оседлое, земледельческое население. По сведениям Рашид ад-Дина, Аргун, исполняя указ великого хана, направился во владения Бату. Прибыв через «Дербент Кипчакский» в столицу Улуса Джучи (Болгар? или, может быть, Сарай?), «он произвёл перепись в этой стране и установил “карари”, определённые налоги», после чего вернулся к себе, в Иран³⁰. В этом иногда видят ущемление прав Бату. Однако надо признать, что действия Аргуна по наведению порядка в сфере налогообложения были выгодны не только великому хану; но и правителю Улуса Джучи. К тому же они полностью соответствовали принятым в Монгольской империи порядкам, которые Бату старался неукоснительно соблюдать. Об интересе великого хана к

русским землям, а также к землям аланов (асов) в Подонье и на Северном Кавказе свидетельствует и запись, внесённая в официальную китайскую хронику «Юань-ши». В чередѣ событий, происходивших весной 1253 года, отмечено следующее: «Битекчи (то есть писец, чиновник. — А. К.) Берке внѣс в реестр количество дворов и населения русских»; или, в другом месте той же хроники: «...внесение в реестр числа дворов и совершеннолетних тяглых у русских и асов»³¹. Упомянутый в китайском источнике «битекчи» Берке (не путать с братом Батыя!) упоминается и в русской летописи. Именно он в 1259 году будет «брать число», то есть проводить перепись всего податного населения, в Новгороде. «Той же зимой приехали окаянные татары, сыроядцы Беркай и Касачик, с жѣнами своими, и иных много», — запишет новгородский летописец³². Это случится уже после смерти Батыя. И здесь во главе татарских «численников» мы увидим двух чиновников: если первый, Берке, представлял великого хана, то второй, Касачик, — очевидно, правителя Улуса Джучи.

Но если в западных провинциях Монгольской державы Менгу-хан согласовывал с Батыем все свои действия и старался полностью учитывать его интересы, то в том, что относилось к прерогативам его власти на востоке, в коренных областях Монголии и в Китае, он поступал по своему усмотрению, не останавливаясь перед тем, что это могло не понравиться Батыю. По крайней мере в одном случае было именно так. Летом 1253 года, сообщается в китайской хронике «Юань-ши», Батый прислал к великому хану своего человека, некоего Тобчака, «просить разрешения приобрести жемчуг и серебро на 10 тысяч *дин* (около 18 с половиной тонн! — А. К.)». Разумеется, в качестве дара, полагающегося ему как *чжувану*, старшему во всѣм «Золотом роде». Однако в этой непомерной просьбе Батыю было отказано. Оказывается, Менгу не хуже его умел считать деньги. Ещё недавно они вместе говорили о необходимости наведения порядка в государственных делах, но Батый, вероятно, не думал, что это может относиться и к нему тоже. Менгу, что называется, поставил

своего старшего родственника на место, сопроводив свой отказ разъяснением, больше похожим на выговор: «Дали ему (Бату. — А. К.) 1000 *дин*. Вследствие этого был издан высочайший указ для него, гласящий: “Богатства Тай-цзу (Чингисхана. — А. К.) и Тай-цзуна (Угедая. — А. К.) подобным образом были израсходованы, как можно одарить чжувана таким пожалованием! Вану следует хорошенько вникнуть в это. Серебро, что ему выдали, это только то количество, которое разрешено к пожалованиям на нынешний и будущий год»³³.

Ещё одно столкновение интересов Батыя и Менгу-хана носило, так сказать, латентный характер и не выплеснулось наружу, хотя касалось вопроса более чем серьёзного, относившегося к сфере завоевательной политики монголов. Упрочив свою власть над империей и уничтожив соперников, Менгу начал две новые войны — точнее сказать, возобновил военные действия на тех двух направлениях, которые были обозначены его предшественником Гуюком. Одна армия во главе с братом великого хана Хубилаем приступила к завоеванию Южного Китая, а другая, во главе с Хулагу, была собрана для похода на область исмаилитов, Багдад и Ближний Восток. В организации похода на Китай Батый никак не участвовал; здесь действовали царевицы левого крыла, к которым он отношения не имел. А вот поход Хулагу на запад напрямую затрагивал его интересы.

Решение великого хана о возобновлении военных действий было принято осенью 1252 года. А летом следующего, 1253 года Менгу-хандал повеление своему брату Хулагу «вместе с Урянхатаем и другими командующими повести войска в поход на Багдад, халифа и другие страны Западного края»³⁴. По свидетельству Рашид ад-Дина, решение это было принято «с согласия всех родичей» — стало быть, и Батыя. Походу предшествовала большая организационная работа — подобная той, что была проведена накануне Западного похода самого Батыя. В распоряжение Хулагу передавались находившиеся в Закавказье войска Бачу-нойона и других монгольских начальников, а сверх того было определено, «чтобы из всех

дружин Чингисхана, которые поделили между сыновьями, братьями и племянниками его, на каждые десять человек выделили бы по два человека, не вошедших в счёт (то есть каждого шестого. — А. К.), и передали... Хулагу-хану, чтобы они отправились вместе с ним и служили бы здесь». На протяжении всего пути «от начала Каракорума до берегов Джейхуна (Амударьи. — А. К.) объявили заповедниками все луговья и пастбища и навели прочные мосты на глубоких протоках и реках». Из Китая для участия в походе — подобно тому, как это было во времена Батыя, — доставили «тысячу китайцев камнемётчиков, огнемётчиков и арбалетчиков» (или, как сказано в другом источнике, «тысячу мастеров военных машин и метателей нефти»), Бачу-нойону и другим начальникам было поручено заготовить продовольствие для армии; по одному тагару муки и бурдюку вина на каждого воина³⁵. (О том, что это означало и чего стоило покорённому населению, свидетельствует армянский хронист: «...Наряду со многими другими повинностями, наложенными Аргуном... пришёл приказ Хулагу о взыскании повинности с каждой души, которую (повинность. — А. К.) называли *тагаром*... В уплату его требовали 100 литров пшеницы, 50 литров вина, два литра очищенного и неочищенного риса, три мешка, две верёвки, одну [серебряную] монету, одну стрелу, одну подкову, не считая иных взяток. С двадцати голов скота — одну голову и 20 монет, а у кого не было скота, отбирали... сыновей и дочерей»³⁶.) На специально созданном курултае было принято решение об участии в походе царевичей из разных улусов, в том числе Улуса Джучи. В соответствии с этим Батый отправил в помощь Хулагу своих племянников: из улуса своего старшего брата Орды — его второго сына Кули, который выступил через Хорезм «с одним туманом войска», а из собственного улуса — Балакана (или, по-другому, Булгая), сына Шибана, и Тутара, ещё одного внука (или даже правнука) Джучи: их путь лежал через «Дербент Кипчакский», то есть через Восточное Закавказье. О продвижении этого «неисчислимого войска», шедшего на соединение с войсками Хулагу, армянские хронисты писали

с нескрываемым ужасом: «Много бедствий причиняли они всем странам своими податями и грабежом, нескончаемыми требованиями пищи и питья и довели все народы до порога смерти» (Киракос); «ничем не насытимые, они грабили монастыри, ели, пили, а священников вешали и били немилосердным образом» (Григор Акнерци).

Однако продвижение самого Хулагу на запад оказалось чрезвычайно медленным. И можно думать, что одной из причин этого стала неотрегулированность его отношений с Батыем в главном вопросе — о том, кому должна принадлежать власть над территориями, которые предстояло завоёвывать монголам. Рашид ад-Дин в своём «Сборнике летописей» приводит очень любопытное свидетельство на этот счёт. Оказывается, Хулагу с самого начала попал в двойственное, не вполне определённое положение, которое хорошо понимал великий хан: «Хотя в мыслях у Менгу-каана и представлялось и закрепилось, что Хулагу-хан с дружинами, которые ему даны, постоянно будет править и властвовать во владениях Иранской земли и царство это будет передано ему и утвердится за ним и его славным родом, как оно и есть (напомню, что Рашид был официальным историографом потомков Хулагу-хана. — А. К.), он всё же для вида сказал: “Когда ты свершишь эти важные дела, возвращайся в своё коренное становище”»³⁷. Конечно, приведённое рассуждение персидского историка тенденциозно; оно имело своей целью лишний раз подчеркнуть незыблемость прав ильханов, потомков Хулагу, на Иран. Едва ли были доступны Рашид ад-Дину и потаённые мысли великого хана. Однако щекотливость ситуации он уловил очень точно. Слова Менгу-хана, произнесённые «для вида», очевидно, были обращены в первую очередь к Бату: именно правитель Улуса Джучи не должен был догадываться о том, что земли Ирана, Закавказья и Ближнего Востока предназначались для передачи в собственность брату великого хана. Но как можно было не догадываться об этом? Батый был не настолько наивен, чтобы не понимать, какую опасность таит для него назначение Хулагу во главе всех военных сил

правого крыла Монгольской державы, А потому его собственная позиция также оказывалась двойственной. С одной стороны, он одобрял саму идею похода и даже согласился направить в помощь Хулагу своих племянников, а с другой — решительно воспрепятствовал тому, чтобы войска Хулагу действительно вступили на земли Ирана — во всяком случае, до того, как будут прояснены все спорные вопросы.

Если Рашид ад-Дин излагал ту версию развития событий, которая была принята в державе ильханов — наследников Хулагу, то арабский историк XIV века аль-Омари описывал всё с противоположных позиций — ибо он находился на службе у египетских султанов, а те в XIII веке являлись союзниками мусульманина Берке и вели войну против врага мусульман Хулагу. По версии аль-Омари, западный поход Хулагу был изначально обращён против исмаилитов горного Ирака, однако Хулагу «стал представлять в заманчивом виде брату своему Менгу-кану захват владений халифа и выступил с этой целью». Это якобы и вызвало недовольство правителей Улуса Джучи — и даже не столько самого Бату, сколько его брата мусульманина Берке: «Дошло это до Берке, сына Джучи, и не понравилось ему, потому что между ним и халифом утвердилась дружба. Он сказал брату своему Бату: “Мы возвели Менгу-кана, и чем он воздаёт нам за это? Тем, что отплачивает злом против наших друзей, нарушает наши договоры... и домогается владений халифа, то есть моего союзника, между которым и мной происходит переписка и существуют узы дружбы. В этом есть нечто гнусное”. Он представил поступок Хулагу брату своему Бату в таком гадком виде, что Бату послал к Хулагу сказать, чтобы он не двигался со своего места. Прибыло к нему (Хулагу. — А. К.) послание Бату, когда он находился за рекой Джейхуном. Он не переправился через неё и с бывшими при нём простоял на своём месте целых два года, до тех пор, пока не умер Бату...»³⁸

Версия событий, изложенная аль-Омари, несомненно, также тенденциозна. Едва ли религиозные мотивы могли заставить Батыя вступить в конфликт с великим ханом и его

братом, назначенным для похода на запад. Но для недовольства у Бату имелись и другие причины. Так или иначе, но Хулагу и в самом деле более двух лет не решался переправляться через Амударью. Выступив в поход из своего юрта поздней осенью 1253 года, он только к сентябрю 1255 года добрался до Самарканда, где расположился на луговьях возле города (здесь его с почётом встречал эмир Масуд-бек, приготовивший для брата великого хана «тканый золотом по золоту шатёр»). Затем войска двинулись к Амударье и стали готовиться к переправе: «согласно указу, остановили все суда и лодки корабельщиков и соорудили мост». Сама переправа началась 1 января 1256 года. Но и после этого Хулагу не слишком торопился: «ту зиму» он «провёл там и всё время предавался забавам, веселью, удовольствиям и пиршествам»³⁹. Собственно военные действия на западном направлении начнутся уже после смерти Батыя. Хулагу будет сопутствовать успех. В декабре 1256 года падёт Аламут, столица государства исмаилитов. В январе 1258 года войска Хулагу подступят к Багдаду, а 10 февраля столица последнего аббасидского халифа будет взята и подвергнута жесточайшему разграблению. Вряд ли медлительность Хулагу на начальной стадии похода можно объяснить одной лишь его нерасторопностью. Напомню, что Амударья была тем самым рубежом, который некогда определил для владений Джучи сам Чингисхан. Все земли к западу от неё считались принадлежащими потомкам Джучи, и Менгу-хан конечно же помнил об этом. Для продвижения к западу от Амударьи, по всей вероятности, требовалось особое разрешение Батыя, которое тот не хотел давать. Авторитет же Батыя был слишком велик, чтобы Менгу-хан мог пренебречь им. «В этой потенциально конфликтной ситуации, — пишет современный исследователь, — верховный хан в течение нескольких лет не вмешивался в ход событий, признавая тем самым законность действий соправителя, его сюзеренитет на всех землях за Джейхуном»⁴⁰. И только смерть Батыя развязала ему руки.

Поход Хулагу на запад и ситуация вокруг него — последнее событие планетарного масштаба в биографии Батыя. После его смерти права на земли к западу от Джейхуна попытается предъявить его младший брат Берке. Поначалу Хулагу, кажется, признает суверенитет правителя Золотой Орды над Ираном и другими завоёванными им западными территориями. Берке досталась часть добычи, захваченной при взятии Багдада. Он «непрестанно слал гонцов к Хулагу-хану и проявлял свою власть, — рассказывает Рашид ад-Дин. — Оттого что Берке был старшим братом, Хулагу-хан терпел». Однако затем «между ними появилась и изо дня в день росла вражда и ненависть», так что в конце концов Хулагу объявил о разрыве всяческих отношений со своим двоюродным братом⁴¹. Так началась война между Золотой Ордой и государством ильханов. Причины её возникновения источники различного происхождения называли по-разному: одни сводили всё к непомерным амбициям Берке или его оскорблённым мусульманским чувствам; другие обвиняли Хулагу в нарушении законов Чингисхана и невыплате положенной доли захваченного имущества «дому Берке» или же видели источник конфликта в желании Берке отомстить за смерть в короткое время всех трёх царевичей из Улуса Джучи, посланных в помощь Хулагу (один из них был заподозрен «в колдовстве и измене» и казнён; двое других скончались своей смертью, однако тут же поползли слухи, что и им «с умыслом дали зелье»); третьи объясняли случившееся происками вдовы Батыя Боракчин⁴². Но как бы там ни было, ясно одно: подлинной причиной войны стали взаимные притязания «дома Берке» и «дома Хулагу» на завоёванные в ходе монгольского нашествия земли «к западу от Джейхуна», а всё остальное могло послужить лишь поводом к открытому конфликту.

Многим казалось, что последние годы жизни Батыя не отмечены вообще никакими значимыми событиями. По возвращении в свой юрт после избрания Менгу-хана Бату «по обычаю предался веселию и забавам», — пишет

Джувейни. «Он правил в счастье и благополучии», — добавляет Утемиш-хад-жи⁴³. Впрочем, счастье и благополучие могли быть лишь относительными. Известно, что Бату страдал болезнью ног: как считается, у него была подагра или ревматический артрит^[45].

Болезнь ног вообще была весьма распространена среди Чингисидов: помимо Батыя ею страдали его брат Берке, великий хан Угедей, сыновья Тулуя Хубилай и Бучек и, наверное, другие (о перечисленных выше мы знаем это определённо). Возможно, болезнь имела наследственный характер и передалась сыновьям и внукам Чингисхана от его жены Борте-учжины, происходившей из унгиратского племени. Во всяком случае, рассказывая об унгиратах, Рашид ад-Дин дважды упомянул «получившую известность болезнь ног», ставшую настоящим бичом этого племени⁴⁵. (Батый же, напомню, был не только внуком, но и сыном унгиратки, Уки-учжины.) Проявления болезни у Батыя, по-видимому, стали заметны довольно рано. По сведениям персидского историка XVI века Ахмеда Ибн Мухаммеда Гаффари, «слабость членов» появилась у сына Джучи ещё в 639 году хиджры (июль 1241 — июнь 1242)⁴⁶; правда, хронологическая сетка биографии Батыя смещена у Гаффари на три-четыре года, так что соответствующая поправка должна быть сделана и здесь. Сам Батый вспоминал о своей болезни довольно часто — но, как правило, лишь тогда, когда ему это было выгодно. Впрочем, проявления болезни, вероятно, были и в самом деле мучительными — особенно ближе к концу жизни.

Именно в последние годы жизни Батыя с ним встречался Гильом Рубрук — единственный современник, оставивший нам хоть какое-то описание его внешности и сообщивший о нём некоторые любопытные подробности. В ставку Батыя Рубрук и его спутник впервые прибыли в августе 1253 года. Уже на следующий день по прибытии их «отвели ко двору, и Бату приказал раскинуть большую палатку, так как дом его не мог вместить столько мужчин и столько женщин, сколько их собралось. Наш проводник внушил нам, — пишет Рубрук, — чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет

Бату, а тогда говорили бы кратко... Затем он отвёл нас к шатру, и мы получили внушение не касаться верёвок палатки, которые они рассматривают как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии босиком, с непокрытыми головами, представляя и в собственных глазах великое зрелище». Когда монахов ввели на середину шатра, «все пребывали в глубочайшем безмолвии». Представители двух миров — западного, латинского, и восточного, монгольского, — пристально вглядывались друг в друга. Сам Батый «сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трём ступеням. Рядом с Бату сидела одна госпожа (очевидно, его старшая и любимая жена Боракчин. — А. К.). Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жёны Бату, заполняли мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак, Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомона, да почиет в мире его душа. Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами»⁴⁷.

Это всё, что источники сообщают о внешнем облике героя нашей книги. Прямо скажем, негусто... Что касается красноватых пятен на лице Батыя, то они могли быть как проявлением болезни, так и следствием его малой подвижности или нездорового питания. Особый же интерес вызывает указание на рост правителя Улуса Джучи. Ясно, что Батый заметно отличался в этом отношении от других присутствовавших (о великом хане Менгу тот же Рубрук написал, например, что он «человек курносый, среднего роста»). Но отличался в какую сторону? Был ли Батый очень высок или, наоборот, очень низок? Увы, но ответить на этот вопрос мы не в состоянии. И это притом что Жан де Бомон, с которым Рубрук сравнил Батыя, — личность известная. Королевский военачальник и камерарий Франции, он командовал флотом и был приближённым короля Людовика IX Святого, с которым вместе участвовал в Седьмом

крестовом походе. Известно, что это был человек весьма несдержанный, резкий, позволявший себе грубые реплики даже в присутствии короля. Но вот какого он был роста? Об этом, кажется, ничего не известно. (Правда, французский рыцарь и хронист Жан де Жуанвиль, тоже участник Седьмого крестового похода и биограф короля Людовика, однажды называет Жана де Бомона в числе нескольких «доблестных рыцарей», которые окружали короля; «все они были добрыми рыцарями», — пишет он⁴⁸, но можно ли расценивать эти трафаретные слова как намёк на статность, телесную «доброту» адмирала? Едва ли.)

Известен ещё средневековый китайский рисунок, на котором, как считается, изображён Бату. Здесь он выглядит человеком весьма молодым, безбородым, пропорционально сложенным — но относительно его роста этот рисунок служить подсказкой не может. Вспомним ещё, что автор анонимной грузинской хроники XIV века называл Батыя «превосходительным» среди всех монгольских ханов «по благолепию своему», — но можно ли понимать слова этого позднего и явно ненадёжного источника как указание на «благолепие» его внешности? Тоже, увы, нет. Имя «Бату», напомним, означает: «сильный», «крепкий». Соответствовало ли оно своему носителю? Известны случаи, когда монгольские царевичи по каким-то причинам меняли имена. Батый этого не сделал — стало быть, имя устраивало его. Но значит ли это, что никакого несоответствия между именем и внешним обликом не было вовсе?

Можно, пожалуй, сделать ещё несколько замечаний относительно предполагаемой внешности Батыя. Так, судя по тем оскорблениям, которые приносил в его адрес Бури (называвший его «бородатой бабой»), борода у Бату всё же была («жидкая борода» имелась, кстати, и у его брата Берке). Наверное, он был рыжеват: этим отличались все внуки Чингисхана, за исключением чернявого Хубилая. Ещё одним наследственным признаком Борджигинов из числа потомков Есугай-Баатура, отца Чингисхана, считали синий цвет глаз. «...Как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугай-Баатура... по

большей части синеоки и рыжи», — писал в начале XIV века Рашид ад-Дин. Сами монголы считали это «знаком» «царской» власти и связывали его с легендой о рождении праматерью Алан-Гоа своих сыновей от некоего небесного света, проникшего в её лоно (об этой легенде мы говорили выше)⁴⁹.

Наверное, Батый выглядел много старше своих лет. Напомню, что стариком его называли ещё лет за десять — двенадцать до смерти. И хотя умер он в возрасте пятидесяти лет или около этого, Рашид ад-Дин однажды выразился так, что Батый «прожил целый век»⁵⁰. Но и это правитель Улуса Джучи умел использовать себе во благо: у монголов признаки преждевременного старения воспринимались как зримые признаки власти.

...Но вернёмся к прерванному рассказу Гильома Рубрука, в котором содержится ещё кое-какой материал для характеристики Батыя. Когда Рубруку наконец было предоставлено слово, проводник приказал ему и его спутнику «преклонить колена». «Я преклонил одно колено, как пред человеком, — рассказывает Рубрук. — Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить...» Речь посла Батый слушал «внимательно». Далее же произошёл показательный эпизод. Рубрук привёл в своей речи известные слова из Евангелия о том, что «кто будет веровать и креститься, спасён будет, а кто не будет веровать, осуждён будет» (Мк. 16: 16). Это было воспринято как недопустимая бестактность, чуть ли не как оскорбление: присутствующие монголы «начали хлопать в ладоши, осмеивая нас, и мой толмач оцепенел, так что надо было ободрить его, чтобы он не боялся». Батый же при этих словах всего лишь «скромно улыбнулся». Расспросив всё подробно, продолжает Рубрук, «он приказал нам сесть и дать нам выпить молока (кумыса. — А. К.); это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьёт с ним кумыс в его доме. И так как я, сидя, смотрел в землю, то он приказал мне поднять лицо, желая ещё больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия...» На этом аудиенция закончилась,

и Рубрук со спутником покинули ставку. То, что Бату «скромно улыбнулся» на слова посла, в то время как другие громко выражали своё возмущение, можно расценивать и как свидетельство его сдержанности, нежелания выставлять напоказ свои чувства, и как проявление определённой мягкости (как ни парадоксально звучит это слово применительно к жестокому завоевателю). Вспомним, что известную мягкость он проявил и в отношении галицкого князя Даниила, прислав ему вино вместо непривычного кумыса, и в отношении грузинского князя Авага, выдавшего себя ради безопасности за слугу. Во всяком случае, то, как он себя вёл, разительно отличалось от поведения, например, великого хана Гуюка, у которого на лице никто и никогда не видел улыбки.

Отметил Рубрук и любознательность Батыя: уже после того, как аудиенция закончилась, он «много расспрашивал» местных христиан про французских монахов и, в частности, интересовался правилами их ордена. «Я видел Бату разъезжавшим со своим отрядом, — продолжает Рубрук, — и все главы семейств ездят с ним. По моему расчёту, их было не менее пятисот человек»⁵¹.

Заслуживает внимания ещё одно наблюдение, сделанное другим собеседником Батыя — итальянцем Плано Карпини. Описывая приём в ставке Бату в апреле 1246 года, итальянский монах рассказал, что по его просьбе был выполнен перевод папской грамоты «на письмена татар»; «этот перевод был предоставлен Бату, и он читал и внимательно отметил его»⁵². Получается, что Батый умел читать и разбирал уйгурскую грамоту (которой, напомним, пользовались монголы). Это явление совсем не типичное: известно, например, что брат Батыя Берке требовал, чтобы посольские грамоты читались ему вслух; не умели читать и другие монгольские ханы. Батый вообще уделял много внимания слову — как письменному, так и устному. В последнем он был как раз верен традиции. Ещё со времён Чингисхана в Монголии установился обычай, согласно которому изо дня в день записывались слова хана, причём хан для этой цели часто говорил рифмованной прозой,

«складно и со скрытым смыслом». Знание «биликов» (речений) хана ценилось очень высоко; известен случай, когда из нескольких претендентов на ханский престол был выбран тот, кто сумел показать лучшее знание «биликов» Чингисхана. При каждом знатном Чингисиде имелся свой *хасс битекчи* (особый писец, секретарь). Упоминается такой писец и при Бату: им был мусульманин Ходжа Надм ад-Дин⁵³. Значит, Бату, как и другие ханы, прикладывал особые усилия для того, чтобы его изречения сохранились в памяти потомков. Правда, ни одного из «биликов» Бату мы не знаем. В источниках упоминается и какое-то «уложение» (*торе*) Бату, имевшее законодательную силу: на него ссылались в Чагатаевом улусе (Средней Азии) в последней четверти XIII века⁵⁴.

Всё это, конечно, разрозненные, обрывочные сведения, не дающие какого-либо цельного представления ни об образе жизни, ни тем более о внутреннем мире правителя Улуса Джучи. Однако они важны в том числе и потому, что позволяют увидеть в нём не просто варвара и дикаря, чуждого всякой цивилизованности, но представителя вполне сформировавшегося высокоорганизованного кочевого общества со своей культурой, вобравшей в себя многие достижения передовых для того времени китайской, уйгурской и среднеазиатской культур.

По сведениям Гильома Рубрука, у Батыя было 26 жён. В их число, несомненно, входили дочери или сёстры правителей завоёванных им стран — в том числе, наверное, и кого-то из русских князей. Но источники о них ничего не сообщают. Из всех жён Батыя известность получила лишь его старшая жена Боракчин, происходившая из рода алчитатар; её имя называют и восточные авторы, и русская летопись. По свидетельству арабских историков, она «обладала обширным умом и умением распоряжаться, но с ней не ладили ни ханы, сыновья Бату-хана, ни остальные эмиры»⁵⁵. В событиях, развернувшихся в Орде после смерти Батыя, Боракчин будет играть весьма заметную роль, но об этом — чуть позже.

В источниках упоминаются три или четыре сына Батыя — Сартак, Тукан (отец Менгу-Темира и Туда-Менгу, которые станут впоследствии ханами Золотой Орды), Абукан и Улагчи. Такой перечень даёт Рашид ад-Дин. Джувейни же называет лишь трёх первых, а Улагчи считает внуком Батыя, сыном Сартака (который, по Рашид ад-Дину, сыновей не имел). Историкам приходится выбирать между двумя этими версиями — и, как правило, они отдают предпочтение Джувейни по той лишь причине, что он писал свой труд раньше. Стоит, однако, привлечь ещё и свидетельство Гильома Рубрука, который, упомянув о шести жёнах Сартака, добавил, что вместе с ним кочует «его первородный сын», у которого также имеются две или три жены⁵⁶. Очевидно, речь идёт именно об Улагчи — ещё очень юном, но уже успевшем обзавестись жёнами. Но точно ли он был сыном Сартака? Или же Рубрук (равно как и информатор Джувейни) принял его за такового из-за слишком большой разницы в возрасте между братьями? Трудно дать ответ на этот вопрос. Так или иначе, но эта ветвь (или ветви?) в потомстве Батыя вскоре пресечётся: Улагчи уйдёт из жизни вслед за Батыем и Сартаком, не оставив потомства.

Смерть Батыя, как ни странно, оказалась не замечена большинством хронистов. Русские летописцы, как уже говорилось, после 1247 года о нём не упоминают. (Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что в поздних летописных сводах под тем же 1247-м или следующим, 1248 годом помещено явно ошибочное известие о смерти Батыя: в одних случаях она просто упомянута⁵⁷; в других в летопись включена легендарная повесть о гибели «злочестивого» Батыя в «Угорской земле», не имеющая к реальному Батыю ровным счётом никакого отношения^[46].) Не упоминают о смерти Бату ни китайская хроника «Юань-ши», ни сириец Абу-л-Фарадж, ни западноевропейские хронисты. В арабских же и персидских источниках содержатся противоречивые сведения на этот счёт. Так, Рашид ад-Дин и целый ряд арабских и персидских авторов XIV–XVI веков (Рукн ад-Дин Бейбарс, ан-Нувейри, Ибн

Халдун, ал-Айни, Гаффари) ошибочно датируют смерть Батыя 650 годом хиджры (14 марта 1252 — 2 марта 1253)⁵⁹ — временем, когда он был, несомненно, жив и когда с ним общались, например, Гильом Рубрук или армянский царь Гетум. Другие хронисты, в частности Джувейни и Вассаф, сообщают о том, что Батый был жив ещё в 653 году хиджры (10 февраля 1255 — 29 января 1256), но вскоре умер (в этом ли году или в следующем, не уточняется)⁶⁰. Наконец, персидский историк XIV века Хамдаллах Казвини и автор XV века Шереф ад-Дин Йезди определённо датируют смерть Батыя 654 годом хиджры (30 января 1256 — 18 января 1257)⁶¹. И только армянские хронисты не противоречат друг другу: почти все они отметили смерть Батыя под 1256 годом (705-м армянской христианской эры). В Армении внимательно следили за тем, что происходило в Улусе Джучи, и такое значимое событие, как смерть «великого властелина севера», не могло остаться незамеченным. Подробнее других осветил ход событий Киракос Гандзакеци. Он, единственный из всех, дал нам более или менее точный хронологический ориентир: по его словам, смерть Батыя случилась «в начале 705 года армянского летосчисления»⁶². 705 год начался в Армении 16 января. Соответственно, смерть Батыя имела место вскоре после этого: во второй половине января или, может быть, в феврале 1256 года. Если попытаться согласовать эти данные с теми, которые приведены Казвини и Йезди, то смерть Батыя следует сдвинуть ко времени после 30 января 1256 года (начало 654 года хиджры), но ненамного — ибо к событиям, например, марта или апреля слова о «начале года» Киракоса Гандзакеци не применимы. Впрочем, оба персидских историка могли и искусственно вывести дату 654 год хиджры — просто следуя логике повествования Джувейни.

К тому времени, когда Батый умер, его старшего сына Сартака в Орде не было. Незадолго до этого он был отправлен отцом к великому хану Менгу для участия в очередном курултае. Какие вопросы должны были там обсуждаться, нам неизвестно. Но именно в дороге Сартак

узнал о том, что «приключилось неизбежное» (или, как образно и цветисто выразился о том же Вассаф, «не успел он ещё вернуться, как Бату к кончику покрывала невесты ханства уже привязал троекратный развод»). В отсутствие старшего сына и фактического соправителя отца всеми делами ханства должна была распоряжаться Боракинхатун. Ей и пришлось совершить обряд погребения мужа. «Похоронили его по обряду монгольскому», — сообщает ал-Джувейни. А далее поясняет: «У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землёй устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану... Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жён и слуг его, да того человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места погребения»⁶³. Именно так всё и происходило в случае с Батыем. Место его захоронения, вытопанное копытами сотен лошадей, навсегда осталось неизвестным. Мы знаем лишь о том, что умер он (и, очевидно, был похоронен) в своём юрте, на берегах Волги. Если учесть, что случилось это зимой, в январе или феврале, то можно предположить, что Батый, как обычно, кочевал тогда где-то в низовьях великой реки, вероятно, ненадолго удалившись от своей ставки в Сарае.

После смерти Батыя в его улусе началась жестокая борьба за власть, унёсшая жизни самых близких к нему людей. Правда, сведения источников на этот счёт весьма противоречивы.

Менгу-хан изначально поддержал сына Бату Сартака. Вероятно, это было следствием их договорённости. «Когда Сартак прибыл к Менгу-каану, — сообщает Джувейни, — тот встретил его с почётом и уважением, отличал его разными милостями над сыновьями и равными по достоинству и отпустил его с такими сокровищами и благами, какие подобают такому царю». За Сартаком был утверждён отцовский престол; ему же были переданы все войска Улуса

Джучи и право распоряжаться всеми завоёванными его отцом странами. Более того, по свидетельству Киракоса Гандзакеци, Менгу назначил его «вторым [во всём государстве]», то есть, по существу, утвердил за ним тот статус, которым обладал в Монгольской империи его отец, и «дал право издавать указы», подобные тем, какие издавал Бату⁶⁴. Однако в источниках есть намёки на то, что в отношениях между Менгу и Сартаком не всё было гладко и великий хан будто бы заметил «на челе» прибывшего к нему сына Батыя «признаки возмущения», что имело для Сартака роковые последствия (свидетельство ал-Джузджани).

Правление Сартака действительно оказалось очень недолгим. Джувейни и Рашид ад-Дин уверяли, что Сартак не успел даже добраться до своей орды и умер в пути; арабские же авторы, напротив, сообщали, что его правление продолжалось год и несколько месяцев или даже два года⁶⁵. Они же — явно путаясь в датах и родственных связях и ошибочно считая Сартака братом Бату, а Берке, наоборот, его сыном, — сообщают о вражде между дядей и племянником. Вражда эта, как мы уже знаем, была облечена в религиозные формы, но объяснялась прежде всего взаимными претензиями обоих на власть. Современник событий, перс ал-Джузджани, явно благоволивший мусульманину Берке и с неодобрением отзывавшийся о Сартаке как о «человеке, чрезвычайно жестоком и несправедливо обращавшемся с мусульманами», так рассказывает об этом. С почётом отпущенный из ставки Менгу, Сартак возвращался домой мимо владений своего дяди, однако не захотел заезжать к нему. Это оскорбило Берке. «Я заступаю тебе место отца; зачем же ты проходишь, точно чужой?» — спросил он его через своих посланцев. «Проклятый» Сартак отвечал ему на это: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское — для меня несчастье». Эти слова дорого обошлись ему. Когда «такая неподобающая весть» дошла до Берке, то он принял меры к тому, чтобы наказать племянника, — но, как утверждает Джузджани, не собственными руками, а рукою Всевышнего. Берке «вошёл

один в шатёр, обмотал шею свою верёвкой, прикрепил цепь к шатру и, стоя, с величайшею покорностью и полнейшим смирением плакал и вздыхал, говоря: “Господи, если вера Мухаммедова и закон мусульманский истинны, то докажи мою правоту относительно Сартака”». Так поступал он три ночи и три дня, а на четвёртый день Сартак умер: «Всевышний наслал на него болезнь желудка, и он отправился в преисподнюю». Впрочем, Джузджани слышал и другую версию внезапной кончины Сартака: Менгу-хан, будто бы «заметив на челе Сартака признаки возмущения... тайком подослал доверенных людей, которые отравили проклятого Сартака»⁶⁶.

Такова мусульманская версия (или версии) событий. Но есть и другая версия, христианская, и надо признать, что она выглядит правдоподобнее и значительно проще объясняет случившееся. Принадлежит эта версия армянским хронистам. Их симпатии были, естественно, на стороне Сартака, от которого они ждали послаблений в отношении христиан. Тем прискорбнее оказалась для них весть о его внезапной гибели. Армянские авторы тоже знали о том, что Сартак был отравлен, но прямо называли отравителями мусульман Берке и его брата Беркечара. Когда Сартак «во всём величии славы» прибыл в свои владения, рассказывает Киракос Гандзакеци, его мусульманские родственники «напоили его смертоносным зельем и лишили его жизни. Это было большим горем для всех христиан...»⁶⁷.

Но путь к власти для Берке ещё не был расчищен. Обойтись одной смертью ему не удалось. Сартаку наследовал Улагчи — по одной версии, напомним, его брат, по другой — сын. Какую-то роль во всём происходящем продолжала играть и вдова Батыя Боракчин-хатун. Вместе с Улагчи она и стала следующей жертвой продолжавшейся междоусобицы. Когда Менгу узнал о преждевременной кончине Сартака, рассказывает перс Джувеини, он отправил в Улус Джучи «эмиров, обласкал жён, сыновей и братьев (Бату? или Сартака? — А. К.) и приказал, чтобы Боракчин-хатун, старшая из жён Бату, отдавала приказы и

воспитывала... Улагчи до тех пор, пока он вырастит и заступит место отца. Но так как судьбе это было неуютно, Улагчи также умер в том же самом году (своей ли смертью или нет, мы не знаем. — А. К.)».

Впрочем, арабские авторы и здесь дают иную версию событий. О правлении Улагчи они не сообщают вовсе; его имя среди сыновей Бату или Сартака у них не значится. По словам египетского историка начала XV века Ибн Халдуна, власть после Сартака должна была перейти к сыну Батыя Тукану, который, оказывается, и «был воспитан для царствования». Однако «сановники не захотели его» (буквально: «отвернулись от него»), желая возвести на престол старшего из Джучидов Берке. Этому-то и воспротивилась Боракчин-хатун^[47]. Борьба с Берке закончилась для неё трагически: она была обвинена в измене и попытке переворота и казнена. Ища опору в борьбе с Берке, Боракчин будто бы обратилась за помощью к правителю Ирана Хулагу и отослала ему «стрелу без перьев и кафтан без пояса», велев передать на словах: «Нет более стрел в колчане, и осталось налучье без лука» — что означало, что царство осталось без правителя и она, Боракчин, готова передать его Хулагу. Об этом стало известно сторонникам Берке; Боракчин пришлось бежать из страны, но её поймали, насильно вернули и утопили «в отмщение за то, что она сделала».

Хронология событий из восточных источников неясна. Лишь отчасти и сугубо предположительно она может быть прояснена благодаря русской летописи. Имя Улагчи впервые упоминается в ней под 1256 годом, когда ростовский князь Борис Василькович «поехал в Татары, а Александр князь (Александр Невский. — А. К.) послал дары». К кому именно отправлялся в Орду Борис, летопись не сообщает, но в Орде он застал Улагчи: «Борис же, быв [у] Улавчия, дары дал и приехал в свою отчину с честью»⁶⁹. Это не значит, конечно, что Сартака к тому времени не было в живых: напротив, мы определённо знаем, что он отправился к Менгу-хану и ещё не успел вернуться. Поскольку Улагчи и прежде пребывал в его ставке (вспомним свидетельство на сей счёт Гильома

Рубрука), то к нему, по всей видимости, и перешло в отсутствие Сартака управление русскими делами; соответственно, он и должен был принимать прибывших в Орду русских князей. Под следующим, 1257 годом летописи сообщают уже о совместной поездке князей к Улагчи: «Поехаша князи в Татары... чтивше Улавчия...» — и это свидетельство надо понимать в том смысле, что князья отправились для принесения присяги и подтверждения ярлыков к новому правителю Улуса Джучи. Значит, вступление Улагчи на престол можно предположительно датировать 1257 годом. Но когда он умер и к какому времени относится вступление на престол Берке? Вот этого мы, к сожалению, не знаем. Под 1258 годом в летописи вновь говорится о поездке князей «в Татары... чтивше Улавчия», — но есть основания полагать, что данное летописное известие продублировано ошибочно и в нём говорится о той же поездке князей, о которой в летописи сообщалось годом ранее⁷⁰.

Так или иначе, в том же 1257-м или следующем, 1258 году власть в Орде перешла к брату Батыя Берке. Он сумел достойно продолжить дело брата, упрочив свою власть и укрепив доставшееся ему государство. Известно, что Берке взял себе одну из жён Батыя. Как у любого монгольского правителя, у него было множество жён, однако ни от одной из них сыновей он не имел, и наследником ещё при жизни был объявлен его племянник, внук Батыя Менгу-Темир. К нему после смерти Берке в 1266 году и перейдёт власть над Улусом Джучи, которым прямые потомки Батыя будут править ещё почти 100 лет, до 1359 года. Последним правителем Орды из династии Батыя считается его потомок в шестом поколении хан Бердибек, известный тем, что он принял участие в убийстве собственного отца, а затем перебил всех своих братьев и ближайших родичей, включая малых детей⁷¹. С его смертью род Батыя прекратил своё существование.

В русскую историю Батый навсегда вошёл «злоименитым» и «нечестивым» «царём», губителем и

разорителем Русской земли и христианской веры, окаянным мучителем, «лютым зверем», «сыроядцем» и «кровпийцем», не могущим до конца насытиться человеческой кровью. Этот образ выступает в повестях и сказаниях о страшном Батыевом нашествии на Русь, о разорении Рязани и других русских градов, в легендарной повести о смерти нечестивого Батыя в «Угорской земле», в публицистических сочинениях более позднего времени, особенно эпохи жестоких битв Московского государства с Ордой, а ещё в русских былинах, где царь *Батыга* — некий собирательный образ зла, которое несёт в себе вражья сила, нападающая на Русскую землю. (Впрочем, имя Батыги — Батыя — легко заменяется в различных вариантах былин именами других враждебных Руси и по большей части мифических злодеев.) В тюркских же, среднеазиатских и поволжских, преданиях Бату, или Бату-хан, — напротив, некий идеальный правитель идеального государства, *Саин-хан*, то есть прежде всего «добрый хан». Таковы два полюса представлений о правителе Улуса Джучи, основателе Золотой Орды, и между этими полюсами — злочестивого *Батыги* и доброго *Саин-хана* — восприятие Батыя остаётся и по сей день.

Время от времени предпринимаются попытки взглянуть на личность Батыя по-новому, непредвзято, создать его, так сказать, объективный (в какой-то степени «усреднённый») образ — образ евразийского правителя, предшественника московских великих князей и царей, создателя первой в русской истории *евразийской* империи. Такой взгляд, вне всяких сомнений, правомерен и даже необходим. Но беда в том, что попытки «очистить» образ Батыя от предвзятости зачастую оказываются также несостоятельными — во всяком случае тогда, когда в основу их кладётся та же предвзятость: отрицание очевидного, отрицание самого факта монгольского завоевания и ордынского ига, представление о мирном и почти бесконфликтном сосуществовании Орды и Руси (сливающихся порой в некий литературно-пародийный симбиоз — этакую «Ордусь»). Этот путь представляется неприемлемым, тупиковым, и вставать

на него мне бы очень не хотелось. Ибо кажется очевидным, что жертвовать одной истиной во имя утверждения другой и бороться с одним заблуждением (или, если угодно, преувеличением) с помощью другого — принципиально неверно. А пытаться «исправить» негативный образ Батыя за счёт заведомого преуменьшения масштабов той трагедии, которая связана с его именем в истории многих народов, в том числе (и в первую очередь!) Руси, — по меньшей мере безнравственно. Как вообще безнравственно подправлять историю — неважно, с какой целью и в каком направлении. О том, что принесло нашествие Батыя народам Восточной и Центральной Европы, мы говорили уже достаточно много на страницах этой книги, чтобы избавиться от каких-либо иллюзий на сей счёт. Но и игнорировать созидательную деятельность Батыя, его роль в складывании новых форм государственности на громадных пространствах Евразии было бы также непростительным упущением. Просто, повторяюсь ещё раз, противопоставлять одно другому не стоит.

Впрочем, едва ли я смог этой книгой изменить чужие, давно сложившиеся представления о первом правителе Золотой Орды. Слишком уж многое зависит здесь от исходных предпосылок, опирающихся, как правило, на этнические, религиозные и иные предпочтения, на силу традиции и исторические мифы, но отнюдь не на знания и исторические факты. Напомню лишь о том, о чём говорил в самом начале: я вовсе не старался *оправдать* или *осудить* героя этого повествования, вынести ему какой-либо приговор — неважно, обвинительный или оправдательный. Как известно, это вообще не в компетенции историка. И войны Батыя, и его государственно-политическая деятельность во главе Золотой Орды — та данность, которая на долгие столетия определила ход истории всей Восточной Европы, и русской истории в частности. От этой данности нам никуда не уйти, а потому — хотим мы того или нет — история Батыя есть неотъемлемая и весьма значимая и существенная часть нашей, очень и очень непростой

истории. Констатацией этой банальной истины я и закончу книгу.

Примечания

Несколько слов в защиту автора

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963 (первое издание: СПб., 1900). С. 526.

² Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Тверь; М... 1997. С. 6–7.

³ Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niruca tobciyan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1: Введение, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941 (далее: Козин).

⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских / Собр. В. Г. Тизенгаузен. СПб., 1884 (далее: Тизенгаузен. Т. 1); Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Собр. В. Г. Тизенгаузен; обработ. А. А. Ромаскевич и С. Л. Волин. М.: Л., 1941 (далее: Тизенгаузен. Т. 2).

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Под ред. И. П. Петрушевского (далее: Рашид ад-Дин). Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952; Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952; Т. 2. М.; Л., 1960; Т. 3. М.; Л., 1946.

⁶ Помимо отрывков, переведённых В. Г. Тизенгаузенем и другими исследователями, имеется полный перевод этого сочинения на английский язык с подробным комментарием: *The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transi, from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Vol. 1–2. Manchester, 1997* (далее: Juvaini). Ныне это издание полностью переведено на русский язык: *Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. М., 2004* (далее: Джувейни).

⁷ Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи), Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р. Г. Храпачевского. М., 2009 (далее: Храпачевский. Т. 3). Ранее фрагменты «Юань-ши» были доступны в переводе выдающегося русского китаиста Н. Я. Бичурина (архим. Иакинфа): Иакинф (Бичурин Н. Я.). История первых четырёх ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

⁸ Прежде всего назову «Чингиз-наме» хивинского историка XVI в. Утемиш-хаджи в переводе В. П. Юдина: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Пер., прим., исслед. В. П. Юдина; коммент. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата, 1992 (далее: Чингиз-наме); и «Родословное древо тюрков» хивинского хана и историка XVII в. Абу-л-Гази: Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906.

⁹ Армянские источники доступны в переводах на русский язык М. Эмина, К. П. Патканова, А. Г. Галстяна, Л. А. Ханларян. Отмечу также издание анонимной грузинской хроники XIV в. в переводе на русский язык Г. В. Цулая (перечень изданий см. ниже).

¹⁰ *Bar Hebraeus' Chronography / Transi, from Syriac by E. A. Wailis Budge. Lnd., 1932* (об этом памятнике, с извлечениями в переводе на русский язык, см.: Гусейнов Р. А. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960).

¹¹ Плано Карпины Дж. дель. История монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957 (далее: Плано Карпина); переиздано в 1997 г.

¹² История тартар брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. / Подг. пер. С. В. Аксёнова и А. Г. Юрченко; экспозиция и исслед. А. Г. Юрченко. СПб., 2002 (далее: Де Бридиа),

¹³ Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука (далее: Рубрук).

¹⁴ См.: Собрание путешествий к татарам и другим восточным народностям в XIII, XIV и XV столетиях / Сост. Д. И. Языков. Т. 1 (далее: Языков). СПб., 1825 (описание миссии Асцелина); Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940 (далее: Аннинский); Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. (тексты, перевод, комментарии). М., 1979 (далее: Матузова); Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита/Пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997 (далее: Фома Сплитский), и другие важные издания. Помимо прочего, я использовал переводы иноязычных текстов, размещённые на сайте «Восточная литература» (<http://www.vostlit.info>). К сожалению, непереведённой остаётся «Жалобная песнь» современника и свидетеля разорения Венгрии варадского диакона Рогерия, а также отдельные местные хроники, содержащие уникальные сведения о вторжении татар в Европу.

¹⁵ Бартольд В. В. Батый // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 496–500.

¹⁶ Чойжилжавын Нойсамба. Завоевательные походы Бату-хана. М., 2006 (см. также критическую рецензию на это издание Р. Ю. Почекаева: Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Декабрь. Сер. 2. Вып. 4. С. 330–337).

¹⁷ Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. 2-е изд. М.; СПб., 2007.

¹⁸ Почекаев Р. Ю. Ханы Золотой Орды. СПб., 2010; он же. Цари Ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010; он же. Мамай: История «антигероя» в истории. СПб., 2010.

¹⁹ См.: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Bruxelles, 1939. С. 54; Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 65.

¹ Козин. § 99 и след., 111.

² Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. С. 97-98; Т. 1. Кн. 2. С. 68-69; Т. 2. С. 65. См. также «Родословие тюрков» (не ранее середины XV в.), автор которого специально обосновывает кровное родство Джучи с Чингисханом: Тизенгаузен. Т. 2. С. 202-203 (пер. С. Л. Волина).

³ Козин. § 254-255.

⁴ Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 219; Т. 2. С. 78-79.

⁵ Тизенгаузен. Т. 2. С. 14-15.

⁶ Правда, в этом позднейшем известии место Джучи ошибочно занял его следующий по старшинству брат Чагатай: «Тот Чагатай задумал против своего отца плохое, и когда он ехал к нему, то навстречу ему отправился Очир Сечен и дал ему яд. Говорят, вдвоём с Очир Сеченом они и умерли» (Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М., 1974. С. 293). Но Чагатай умер позже отца, и приведённые сведения не могут иметь к нему отношения.

⁷ См.: Ундасынов И. Н. Джучи-хан // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 38.

⁸ Здесь необходим подробный комментарий. В литературе, посвящённой Батыю, называются самые разные даты его рождения: от «первых лет XIII в.» (Бартольд В. В. Батый. С. 496) до 1218 г. (так, в октябре 2008 г. в Москве был проведён круглый стол «в честь 790-летия Бату-хана»: <http://irekle-syuz.blogspot.com/2008/10/790.html>). Что же касается источников, то точную дату рождения Бату приводит лишь персидский автор XVI в. Ахмед Ибн Мухаммед Гаффари (Тизенгаузен. Т. 2. С. 210), сообщающий о его рождении в 602 г. эры хиджры (18 августа 1205 — 7 августа 1206). Правда, дата смерти Батыя названа у него ошибочно: 650 г. х. (1252/53), тогда как в действительности Батый умер в 1256 г. н. э.; следовательно, появляются сомнения в истинности и приведённой им даты рождения. Рашид ад-Дин (неверно указывая дату смерти Батыя — всё

тот же 650 г. х.) сообщает, что «жития его было сорок восемь лет» (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 81), хотя в другом месте, противореча самому себе, пишет, что Батый «прожил целый век» (Там же. С. 71; впрочем, это выражение представляется очень неопределённым). Указание на 48-летний возраст, как легко увидеть, сориентировано на тот же 602 г. х. как год рождения Батыя (возможно, именно таким образом, путём нехитрого обратного подсчёта, Гаффари и вычислил эту дату). Если же предположить, что Рашид верно указал продолжительность жизни Батыя, допустив ошибку лишь в дате его смерти, то, в результате соответствующего пересчёта, получится, что рождение Батыя должно быть отнесено к 606 г. х. (между 6 июля 1209-го и 24 июня 1210 г. н. э.; в обоих случаях следует учесть, что мусульманский лунный год по продолжительности короче нашего солнечного). Однако есть ли основания для такого пересчёта? В сочинении Рашид ад-Дина намёков на то, что ему была известна подлинная дата смерти Батыя, нет. К тому же в нашем распоряжении имеются косвенные указания источников, которые исключают «позднюю» дату рождения Батыя. Так, почти во всех восточных (арабских и персидских) сочинениях подчёркивается, что Батый был старше своих двоюродных братьев Гуюка и Менгу. Между тем Гуюк, по китайским источникам, родился в 1206/07 г. (Храпачевский. Т. 3. С. 177), а Менгу — в январе 1209 г. (Там же. С. 180). О «преклонном возрасте» (или даже «старости») Батыя говорится в связи с событиями 1241 г. (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 80; ср.: Тизенгаузен. Т. 2. С. 65); даже со скидкой на то, что Батый сознательно старался изобразить себя излишне старым и больным, трудно представить, что речь может идти о человеке едва за тридцать. Таким образом, названная Гаффари (и, очевидно, подразумеваемая Рашид ад-Дином) дата рождения Батыя получает некоторое косвенное подтверждение; во всяком случае, у нас нет серьёзных оснований отвергать её. В дальнейшем изложении событий я буду исходить из того, что Батый родился около 1205/06 г. (или немного позже), помня, однако, об условности этой даты.

⁹ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М., 1986. Т. 1. С. 135 (со ссылкой на М. Рясянена).

¹⁰ Перевод Г. С. Саблукова: Родословное древо тюрков. С. 149–150. Известие это, правда, совершенно легендарное. Так, Чингисхан, обращаясь к Отчигину, приводит позднее, посмертное прозвище Бату — Саин-хан; упоминаются здесь и более или менее взрослые сыновья Бату, которых в 1227 г. ещё не могло быть. Всё это представляет собой очевидные анахронизмы.

¹¹ См.: Почекаев Р. Ю. Батый. С. 51–52. Автор отождествляет Ильчи-нойона, деда Бату по матери, с Алчуннойоном, сыном Дэй-Сечена и братом Борте, старшей жены Чингисхана.

¹² Чингиз-наме. С. 92, 93. Показательно, что в источниках из Чингисидов «баловнем» именуется также Кучу, сын Угедая (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 11), — и он, так же как и Бату, был объявлен наследником своего отца.

¹³ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 54–55; применительно к Орде: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 40–41 (исследователь, вопреки показаниям источников, действительно считал Орду-Ичена младшим братом Бату); Кляшторный С. Г., Султанов Т. И, Государства и народы евразийских степей: От древности к Новому времени. 3-е изд. СПб., 2009. С. 349–350.

¹⁴ В переводе В. П. Юдина: Чингиз-наме. С. 92–93.

¹⁵ Точная дата смерти Чингисхана приведена в китайской хронике «Юань-ши» (Храпачевский. Т. 3. С. 151, ср. также С. 322). Анонимная монгольская летопись «Алтан Тобчи» (XVII в.) называет другую дату: 5 августа 1227 г. (Там же. С. 315); персидский историк XII в. Джувейни — 18 августа (Джувейни. С. 122). Что касается хронологии «Юань-ши» (составленной по архивам Юаньской династии за очень короткий срок в начале следующей династии Мин в 1368–1369 гг.), то в литературе обычно обращается внимание на её неполноту и неточность, особенно в сравнении с другими китайскими династийными хрониками (см.: Далай Чулууны.

Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983. С. 26–28; Кычанов Е. И. История династии Юань («Юань-ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Африки и Азии. Вып. 19. СПб., 2000. С. 147; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. С. 20, 56–58; и др.). Но всё относительно. На мой взгляд, датировки «Основных записей» «Юань-ши», в сравнении с хронологией Рашид ад-Дина и других восточных хроник, представляются достаточно выдержанными, непротиворечивыми, согласующимися друг с другом и в поддающихся проверке случаях, как правило, обнаруживают большую точность. Поэтому я, как правило, предпочитаю пользоваться ими — разумеется, при обязательном сопоставлении их с датировками других доступных мне хроник.

¹⁶ Тизенгаузен. Т. 2. С. 84–85. По сведениям Рашид ад-Дина, «из войск Джучи-хана одной половиной ведал он (Орда. — А. К.), а другой половиной — Бату» (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 66).

¹⁷ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. С. 459.

¹⁸ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 509; Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 745.

¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 453. Очевидно, это тот самый поход «в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» 30-тысячного войска Субедея и Кугедея (Кокошая), о котором сообщает Рашид ад-Дин (Т. 2. С. 21). О нём же под 627 г. х. (1229/30 г. н. э.) сообщает арабский историк XIII в. Ибн Васил: «В 627 году вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» (Тизенгаузен. Т. 1. С. 73).

²⁰ Родословное древо тюрков... С. 150–151.

²¹ Храпачевский. Т. 3. С. 172.

²² Там же. С. 168.

¹ Цит. по: Тизенгаузен. Т. 2. С. 22-23; ср.: Джувейни. С. 184-185; Арсланова А. А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 41-42.

² Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2002. С. 38.

³ Козин. § 270.

⁴ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 111-112.

⁵ Там же. С. 35-36.

⁶ Ср.: Почекаев Р. Ю. Батый. С. 85.

⁷ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 36; Козин. § 279-280.

⁸ Храпачевский. Т. 3. С. 76.

⁹ Цит. по: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 221, прим. 217.

¹⁰ Храпачевский. Т. 3. С. 211.

¹¹ Там же. С. 57-58. О военной организации монголов, их техническом оснащении и тактической выучке см.: Храпачевский Р. 77. Военная держава Чингисхана.

¹² Аннинский. С. 87; Матузова. С. 136, 154.

¹³ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 110, 21; Плано Карпини. С. 35, 40.

¹⁴ Цит. по: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 117.

¹⁵ Аннинский. С. 87-88.

¹⁶ Перевод Н. Ц. Мункуева: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975 (Памятники письменности Востока. Т. 26). С. 67-68.

¹⁷ Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. М., 1965. С. 76.

¹⁸ Рубрук. С. 116.

¹⁹ См.: Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. С. 160-167, 210-212.

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 460 (Лаврентьевская летопись), 514 (Московско-Академическая); Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950 (далее: НПЛ). С. 74; ПСРЛ. Т. 10: Никоновская летопись. М., 2000. С. 105. О дате затмения см.: Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 20. Кн. 1. Пг., 1915. С. 120-121.

²¹ О том, что монахи-«проповедники» (т. е. доминиканцы) и «братья-минориты» (францисканцы) посылались на Волгу венгерским королём «для разведывания», причём некоторые из них были убиты (предположительно мордвой), прямо сообщал некий венгерский епископ в послании к епископу Парижскому Вильгельму; см.: Матузова. С. 154, 175 (в одном случае письмо датируется 1242 г., в другом — 1239 г.).

²² Аннинский. С. 81.

²³ См. «Жизнеописание Субедея» из китайской хроники «Юань-ши» (Храпачевский. Т. 3. С. 225-233). Как отмечает Р. П. Храпачевский (Там же. С. 287, прим. 609), генеалогия Субедея по этому источнику резко расходится с тем, что нам известно о Субедее, брате Джелме, упомянутом в «Сокровенном сказании». Об одном и том же лице идёт речь в этих двух источниках или о разных людях, сказать трудно.

²⁴ Перевод Б. И. Панкратова (http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/frameotryv1.html). Это слова Чжамухи, врага Чингисхана.

²⁵ Козин. § 209.

²⁶ Цит. по: Тизенгаузен. Т. 2. С. 34-35 (ср.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 37-38, где последних слов нет). Булары и башгирды — здесь: волжские болгары и башкиры (или уральские венгры). Однако точно так же у Рашида (и других восточных авторов) называются поляки и дунайские венгры. В данном случае налицо путаница: далее эти народы описываются как христианские, и затем рассказывается о военных действиях Батув Европе против поляков и венгров (см. ниже).

²⁷ См.: Биляр — столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991; Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар — Киев: Пути

— связи — судьбы. Киев, 1997. С. 34-53.

²⁸ ПСРЛ.Т. 1. Стб. 460.

²⁹ Ср.: Валиулина С. И. Золотоордынский Биляр: начало исследований // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2002. С. 216-231.

³⁰ Тизенгаузен. Т. 1. С. 541.

³¹ Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 27-28, 41; Плетнёва С. А. Половцы. М., 1990. С. 179.

³² Храпачевский. Т. 3. С. 230 («Жизнеописание Субедея» из «Юань-ши»).

³³ Тизенгаузен. Т. 2. С. 24; Джувейни. С. 399-400; см. также: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 38. Многие исследователи относят это событие ко времени после завоевания Руси (напр.: Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. С. 353-354; и др.), однако это, по-видимому, неверно. Дата пленения Бачмана приведена в китайской хронике «Юань-ши» — весна 1237 г.: «Мэнгу ходил походом на кипчаков, разбил их и схватил их главаря Бачмана» (Храпачевский. Т. 3. С. 174). Это согласуется с последовательностью изложения событий у Рашид ад-Дина. У Джувейни о поимке Бачмана рассказывается после рассказа о завоевании Руси, но хронология повествования здесь, очевидно, нарушена (ср.: Джувейни. С. 656, прим. 6: коммент. Дж. Э. Бойла, со ссылкой на П. Пеллио).

³⁴ Храпачевский. Т. 3. С. 181. Е. И. Кычанов иначе трактует текст «Юань-ши» и находит в нём свидетельства того, что Бачман (Бачимань) не был казнён, но перешёл на сторону монголов, участвовал в походе на русских и даже какое-то время управлял русскими и асами (Кычанов Е. П. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань-ши» // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 79-80). В переводе Р. П. Храпачевского в данном случае речь идёт о Менгу, а не о Бачмане, что представляется верным (ср.: Храпачевский. Т. 3. С. 282, прим. 552).

¹ Аннинский. С. 86. С. А. Аннинский, вслед за издателем письма Юлиана Л. Бендефи, перевёл название Ovcheruch (или Orgenhusin) как Воронеж, что ввело в заблуждение многих исследователей, писавших о нападении татар именно на этот город, иногда отождествляемый с современным Воронежем. Между тем современный Воронеж возник только в XVI в.

² Ниже Юлиан упоминает день святого Михаила, «недавно отпразднованный», что позволяет датировать его послание во всяком случае временем после 8 ноября (Там же. С. 89).

³ Аннинский. С. 90, прим. 1. Эти сведения приведены лишь в одном из списков письма Юлиана.

⁴ Вопрос о численности войска, напавшего на Русь, вызвал среди историков бурную дискуссию и решается ими совершенно по-разному. См., напр.: Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 73–75; Чернышевский Д. В. «Приидоша бесчислены, яко пружи» // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 127–132; Кощеев В. Б. Ещё раз о численности монгольского войска в 1237 г. // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 131–135; и др. Наиболее правдоподобными кажутся цифры, названные В. В. Каргаловым: вторгшееся на Русь войско могло насчитывать до 120–140 тысяч человек, включая 40–50 тысяч собственно монголов. Эти цифры близки к тем, которые приводит в своих расчётах Р. П. Храпачевский: Военная держава Чингисхана. С. 176–185.

⁵ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собр. соч. (далее: Татищев). Т. 3. М., 1995. С. 227, 230. Первое из этих известий имеется и в первой редакции труда Татищева (Там же. Т. 4. М., 1995. С. 370); второго здесь нет.

⁶ Аннинский. С. 88–89.

⁷ Матузова. С. 149.

⁸ Там же. С. 150.

⁹ НПЛ. С. 74–75.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] М., 2000: Тверской сборник. Стб. 366; в переводе на современный русский язык: Библиотека литературы Древней Руси (далее: БЛДР). Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 119 (пер. и коммент. Д. М. Буланина). См. также: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 288–289; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 514 (Московско-Академическая летопись, восходящая в этой части к старшему изводу Софийской Первой); и др.

¹¹ Как отметил ещё А. Н. Насонов («Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 212), некий город «Онузе» упомянут в составленном в XV в. летописном списке «градов русских, дальних и ближних». Однако здесь он входит в число городов «литовских» и размещён значительно западнее предполагаемого места вторжения монгольских войск. Название Нузла имеет, по-видимому, мордовское происхождение (см.: Черменский П. И. Два спорных вопроса топонимики древней Рязанщины // Археографический ежегодник. 1959. М., 1960).

¹² Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. 1892. Вып. 33. С. 49. См. также: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 2-е изд. М., 2009. С. 181–183.

¹³ Тропин Н. А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 244–252; Андреев С. И. Юго-восточная граница Рязанского княжества в XII–XIV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 62–71; и др. Развалины «Чур-Михайлова», разрушенного татарами бывшего рязанского городка в верховьях Дона, и других «древле градов красных» описал в 1389 г. Игнатий Смольянин, автор «Хожения в Царьград» московского митрополита Пимена (ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 95, 96).

¹⁴ См.: Почекаев Р. Ю. Батый. С. 116.

¹⁵ См.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С.

139–158.

¹⁶ Родственные связи между рязанскими князьями до конца не прояснены. Юрия Игоревича (Ингваревича) иногда считают не сыном, а братом Игоря Ингваревича.

¹⁷ Татищев. Т. 3. С. 232, 231, 270; Т. 4. С. 373.

¹⁸ Так, за несколько лет до Батыева разгрома Игорь Ингваревич посылал к великому князю Юрию Всеволодовичу и его брату Ярославу, прося у них помощи против половцев (очевидно, приведённых князем-убийцей Глебом); суздальские полки явились в Рязань и вместе с рязанскими участвовали в победоносном походе в Половецкую землю (ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 116). О различных взглядах на характер суздальско-рязанских отношений того времени см.: Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006. С. 175–179.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468. Отмечено, что похвала князю Юрию Всеволодовичу дословно восходит к летописной похвале его прадеду, князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху (Там же. Стб. 294; см. также о других случаях заимствования из предшествующего летописного текста: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР Т. 28. Л., 1974. С. 78–83). Однако известие о мире, предложенном татарами, нельзя признать лишь данью литературному этикету: несомненно, оно имеет под собой какие-то реальные основания.

²⁰ БЛДР. Т. 5. С. 140–144 (подг. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой).

²¹ Там же. С. 138–139 (подг. текста и пер. Д. С. Лихачёва).

²² См.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 87, 173.

²³ В Новгородской Первой летописи эти слова пропущены, но они читаются в Лаврентьевской (ПСРЛ. Т. 1.

Стб. 460), Московско-Академической, Софийской Первой и др.

²⁴ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 38–39. Высказывалось мнение, что название Арпан имеет в виду Пронск, первое крупное укрепление русских, встретившееся на пути татар (Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 167). Действительно, продолжительность осады города у Рашид ад-Дина и в русских летописях не совпадает; кроме того, ниже Рашид ад-Дин говорит о городе «Ике», т. е. «на Оке», под которым как раз и могла бы пониматься Рязань (взятие этого города, по Рашиду, предшествует битве с Романом, в то время как в действительности было наоборот). Однако следует принять во внимание тот факт, что название Рязань зафиксировано в официальной китайской летописи «Юань-ши», имеющей много пересечений со столь же официальным сочинением Рашид ад-Дина (см. след. прим).

²⁵ Храпачевский. Т. 3. С. 181 (здесь, как отмечает переводчик, китайская транскрипция названия города — Е-ле-цзань — полностью соответствует его тюрко-монгольскому названию). В «Юань-ши» о взятии Рязани говорится ещё несколько раз, причём продолжительность осады определена в семь дней (Там же. С. 208, 242).

²⁶ Кычанов Е. И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад... С. 80; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. С. 358–359.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 515.

²⁸ ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 55.

²⁹ См.: Монгайт А. Л. Старая Рязань (Материалы и исследования по археологии СССР № 49). М., 1955; Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–779.

³¹ БЛДР.Т. 5. С. 146–148.

³² Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 175.

³³ В Московско-Академической летописи сообщается об участии в сражении новгородцев («...Поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволожь, и князь Роман и новгородци...»):

ПСРЛ. Т. 1. Сто. 515), но это, конечно, ошибка, результат неправильного понимания первоначального текста: «...и князь Роман Ипъгоровичъ» (в отдельных списках: «Иньвгоровиць», «Иньвгоровичъ», «Иновгорович») (НПЛ. С. 286; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 290).

³⁴ Рашидад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 219.

³⁵ НПЛ. С. 287 (младший извод Новгородской Первой летописи); в Синодальном списке слово «побегоша» выскоблено.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460–461. Следующие дальше слова «... а град и церкви святые огневи предаша и монастыри вси и села пожгоша» представляют собой вставку в более раннюю версию этого рассказа (ср.: Там же. Стб. 516) и дословно заимствованы из рассказа о взятии Рязани. Отмечу также, что имеющиеся у В. Н. Татищева точные даты взятия Коломны и Москвы не внушают доверия, ибо приведены (притом по-разному) лишь в отдельных списках его «Истории»: взятие Коломны датируется 1 февраля (в приписке к Воронцовскому списку второй редакции) или 1 января (в посмертном издании 1774 г.); взятие Москвы — 8 февраля или (позднейшее исправление) 20 января (в том же Воронцовском списке) (Татищев. Т. 3. С. 233, 291).

³⁷ Горский А. Д. К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. См.: ПСРЛ. Т. 27: Никаноровская летопись. М.; Л., 1962. С. 158.

³⁸ Прямо об этом сообщают только поздние источники (не ранее XVI в.): например, Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. 10. С. 119) или явно легендарная «Казанская история» (ПСРЛ. Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. Стб. 4).

³⁹ Летопись содержит ошибку в дате прихода татар к Владимиру: «месяца февраля в 3 [день] на память святого Семеона во вторник преже мясопуста за неделю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461, 516). 3 февраля 1238 г. пришлось на среду, а не на вторник, мясопустной недели. Более вероятным представляется, что ошибка возникла в указании на день недели, так как в том случае, если бы татары подошли к

городу действительно во вторник 2 февраля и летописец захотел бы указать это, он, скорее всего, отметил бы совпадение этого события с днем Сретения (2 февраля); ср.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 109–110.

⁴⁰ Имя упомянуто в Троицкой летописи (Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 316).

⁴¹ Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 218.

⁴² Фома Сплитский. С. 110.

⁴³ НПЛ. С. 75–76. В Новгородской Первой летописи упоминается лишь князь Всеволод, о Мстиславе её автор не знает; соответственно, и в Московско-Академической летописи, знающей об обоих князьях, в данном фрагменте (извлечённом из Новгородской летописи) речь идёт о пострижении одного Всеволода: «Увидев же се князь Всеволод и владыка Митрофан... и остригошася все в ангельский образ», хотя далее вновь сообщается об обоих князьях: «...бежа же Всеволод и Мстислав и все людие в Печерный город» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 517–518).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

⁴⁵ Точная дата взятия Суздаля приведена в Типографской летописи: «взята Суздаль в пяток (мясопустной недели. — А. К)», т. е. 5 февраля 1238 г. (ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 93). Иные сведения приводит архидиакон Фома Сплитский, по словам которого татары «окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили» (Фома Сплитский. С. 104). Однако о происходившем на Руси хорватский хронист знал лишь понаслышке, а потому не всегда верно представлял себе характер и последовательность событий.

⁴⁶ Избранные жития русских святых. X–XV вв. М., 1992. С. 189.

⁴⁷ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988 (репринт изд. 1871 г.). С. 176.

⁴⁸ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 39; Тизенгаузен. Т. 2. С. 36–37.

⁴⁹ Труды Ярославской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1 / Подг. А. А. Титов. М., 1890. С. 92. В другой редакции памятника, напротив, говорится о разгроме города Батыем: Угличский летописец / Подг. А. А. Севастьянова, Я. Е. Смирнов. Ярославль, 1996. С. 30.

⁵⁰ Дата названа в Лаврентьевской и Московско-Академической летописях. Правда, во втором случае её можно понять как дату гибели князя Василька Константиновича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 520), но Академическая летопись соединяет здесь несколько источников, и перестановка в тексте, сделанная её автором (в результате чего дата битвы оказалась сразу после рассказа о гибели Василька), представляется не слишком удачной.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

⁵² См.: Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 107. На чём основано предположение Дж. Феннела о том, что эпизод с отрубленной головой князя Юрия Всеволодовича указывает «на гибель Юрия от рук своих людей (?! — А. К.)» (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 120), остаётся совершенно неясным.

⁵³ Храпачевский. Т. 3. С. 230–231, 242.

⁵⁴ Если не считать сообщения о гибели князя Юрия Всеволодовича «з детми и братаничи (племянниками. — А. К.)» в русской редакции Хронографа 1512 г. и устюжских летописях (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 401; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 30, 69). Прямое указание на гибель Всеволода Константиновича на Сити появляется лишь в поздних родословных книгах XVI–XVII вв. (см.: Кузьмин А. В. Всеволод (Иоанн) Константинович // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 557–558).

⁵⁵ Судя по указанию летописной статьи 1177 г., «Шеренский лес» находился где-то за Переяславлем, если ехать от Владимира (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 382–383). Но название это было распространено на Руси. Так, известна ещё одна река Шерна, приток Клязьмы, протекающая к востоку от

Москвы; здесь также порой ищут место гибели князя Василька Константиновича. Кроме того, Шеренском иногда называли вятчский город Серенек (на реке Серене, притоке Жиздры, в нынешней Калужской области). Этот район также был известен огромными лесными массивами. Между прочим, Серенек находился недалеко от Козельска, возле которого Батый стоял в течение всего марта 1238 г. Может быть, именно сюда, к Батыю, и вели Василька?

⁵⁶ НПЛ. С. 76. Новгородская летопись содержит сразу несколько ошибок в дате взятия Торжка: «месяца марта в 5 [день], на память святого мученика Никона, в среду средохрестъную». «Святого мученика Никона» — это, вероятно, случайная описка вместо «святого мученика Конона» (память которого празднуется 5 марта). Но мало того, 5 марта в 1238 г. пришлось на пятницу 3-й недели Великого поста; среда же средокрестной (4-й) недели — это 10 марта. См.: Бережков Н. Г. Хронология... С. 270–271.

⁵⁷ В Московско-Академической летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 522) и некоторых других он назван Кириллом Александрийским (чья память празднуется 9 июня и 18 января). В младшем изводе Новгородской Первой летописи (в Комиссионном списке: НПЛ. С. 289) добавлено имя св. Афанасия. Но оба эти уточнения, вероятно, принадлежат позднейшим редакторам первоначального текста.

⁵⁸ Храпачевский. Т. 3. С. 59.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. С. 115 (вторая выборка).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780–781; Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 107; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 522 (Московско-Академическая летопись).

⁶¹ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 39; Тизенгаузен. Т. 2. С. 37.

⁶² Храпачевский. Т. 3. С. 231.

⁶³ Родословное древо тюрков. С. 159.

⁶⁴ Чингиз-наме. С. 93–94. И здесь также на Русь, гто всей вероятности, перенесён эпизод, в действительности

имевший место во время похода в Венгрию (см. далее).

⁶⁵ Плано Карпини. С. 71.

«Силою Вечного Неба...»: ссора с царевичами

¹ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 39.

² Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии поданным просопографического лексикона времени Палеологов // Античная древность и средние века. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 65. Под 27 апреля 1249 г. там же читается следующая запись, которую первый её издатель, архим. Антонин (Капустин), понимал так, что в этот день «очищено от татар всё», т. е. татары изгнаны из города (Заметки XII-XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 611), а Г.-В. Байер, напротив, — что население вне города было изгнано татарами.

³ Чингиз-наме. С. 95.

⁴ Рашид ад-Дин датирует поход «кака-ил, годом свиньи, соответствующим 636 г. х. (14 августа 1238 — 2 августа 1239)» (Т. 2. С. 39). Однако датировка здесь приведена по монгольскому летосчислению («год свиньи»), не совпадающему с мусульманским; события осады выходят за рамки 636 г. х. Осада продолжалась до зимы, когда город пат; «они ещё были заняты тем походом, — пишет Рашид о царевичах, участниках осады, — когда наступил год мыши, 637 г. х. (3 августа 1239 — 22 июля 1240)». Речь идёт о зиме 1239/40 г.

⁵ Тизенгаузен. Т. 2. С. 23; Джувейни. С. 185; Тизенгаузен. Т. 2. С. 85, 145.

⁶ См., напр.: Тизенгаузен. Т. 2. С. 21, прим. 6; Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 187; Толочко П. П. Кочевые

народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 170; и др. Однако китайские источники определённо называют этот город «городом асов», т. е. аланов (см. след, прим.), что позволяет отождествить его со столицей аланов Магасом, упомянутым в таковом качестве ещё арабским энциклопедистом X в. ал-Масуди. Эта версия, ставшая ныне общепризнанной, была обоснована В. Ф. Минорским; см.: Minorsky V. The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 14. № 2. 1952. P. 221-238.

⁷ Храпачевский. Т. 3. С. 175, 242.

⁸ Там же. С. 244-249; Плано Карпини. С. 68.

⁹ См.: Шихсаидов А. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239-1240 гг.) // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР Т. 4. Махачкала, 1958. С. 5—11; Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР 1965. № 5. С. 100-101.

¹⁰ Храпачевский. Т. 3. С. 178.

¹¹ Рубрук. С. 187.

¹² Там же. С. 111, 186.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 781-782; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469. Точная дата взятия Переяславля приведена в Псковских Первой и Третьей летописях и западнорусской Летописи Авраамки — 3 марта, в четверг средокрестной (4-й) недели Великого поста (Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 11; Вып. 2. М., 1955. С. 79; ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 51). В тех же летописях приведена и дата взятия Чернигова — 18 октября (см. далее).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 300; ПСРЛ. Т. 42. С. 115; и др. Отметим, что весь этот фрагмент с описанием боя у Чернигова с применением таранов дословно воспроизведён в Ипатьевской летописи в связи с рассказом о совсем другой войне за Чернигов — в 1235 г. между русскими князьями Владимиром Рюриковичем, Даниилом Галицким и Мстиславом Глебовичем, с одной стороны, и Михаилом Черниговским и его союзниками — с другой (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772, под 6742 г.). В Софийской Первой и Новгородской

Карамзинской летописях после сообщения о взятии Чернигова татарами следует фраза: «А оттоле приидоша (татары?! — А. К.) к Киеву с миром и смиришася с Мьстиславом и с Володимером и с Данилом». Но эта фраза, также заимствованная из статьи 6742 г. Ипатьевской летописи, уже безусловно имеет в виду события Черниговской войны 1235 г. В Тверской летописи эпизод с таранами и камнемётами (применительно к осаде Чернигова татарами) дан в иной редакции: «...и бысть брань люта, а из града на них (на татар. — Л. К.) камение с пороков метяху за полтора перестрела, а камение два человека възднимаху, но и тако татарове победита...» (ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 374).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782. К сожалению, это событие не датировано. Обычно считают, что оно последовало за взятием Чернигова (именно такова последовательность событий по Ипатьевской летописи). Однако Чернигов был взят во второй половине октября; между тем уже в ноябре — декабре 1239 г. Менгу начал осаду Магаса, продолжавшуюся до февраля 1240 г. Следовательно, для его действий у Киева остаётся лишь лето и самое начало осени 1239 г. Относить его поход к Киеву к 1240 г тоже нельзя: именно 1239 г. Лаврентьевская летопись датирует поход Ярослава к Каменцу (см. ниже), а этот поход последовал за бегством Михаила из Киева (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782–783). В Лаврентьевской летописи поход Ярослава к Каменцу предшествует взятию татарами Чернигова.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 131; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 374; и др. В летописи XV–XVI вв. это известие вошло из Сказания об убиении князя Михаила Черниговского в Орде (см., напр.: НПЛ. С. 298: младший извод Новгородской Первой летописи; и др.), водной из редакций которого (т. н. Распространённой, или по-другому именуемой Распространением редакции отца Андрея; в составе краткой редакции Русского Пролога, под 23 сентября) читаем: «Михаилу же тъгда держащю Кыев; придоша поели от Батыя, он же, видев словеса льсти их, повеле я избити»

(Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV вв. М., 2009. С. 299). Эта редакция, возникшая не позднее начала XIV в. (старший список 1313 г.), весьма близка к другой, т. н. Редакции отца Андрея, но в последней данного пассажа нет (ср.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Тексты. С. 55). Очень вероятно, что это известие (как и другие дополнительные чтения Распространённой редакции) представляет собой редакторское дополнение или уточнение. Обращает на себя внимание тот факт, что здесь говорится об убийстве «послов от Батыя»; между тем послы именно «от Батыя» могли появиться в Киеве позднее — осенью 1240 г., когда Михаил давно уже покинул Киев.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 115–116.

¹⁸ М. С. Грушевский (Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 28), а вслед за ним и другие исследователи (см., напр.: Галицко-Волынская летопись. С. 252 (коммент. Н. Ф. Котляра); Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 602) категорически отрицают возможность того, что речь идёт о князе Ярославe Всеволодовиче, и видят в упомянутом в данной летописной статье Ярославe кого-то из южнорусских князей, предположительно Ярослава Ингваревича Луцкого (после 1229 г. источниками не упоминаемого). Однако свидетельство на этот счёт Лаврентьевской летописи (см. выше, прим. 15) не оставляет сомнений относительно того, какой Ярослав имеется в виду. О том, что в Каменце находился и сам Михаил, сообщает Владимирский летописец XVI в. (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 90; см. также: Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 139, 164).

¹⁹ См.: БЛДР. Т. 5. С. 164–167 (подг. текста и пер. В. В. Колесова, коммент. Л. А. Дмитриева).

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470. О нападении на Рязань: ПСРЛ. Т. 10. С. 115 (достоверность этого известия, впрочем,

сомнительна).

²¹ Козин. § 275. Датировка этой ссоры остаётся спорной. Р. Ю. Почекаев, например, датирует её весной 1238 г., т. е. временем окончания первой русской кампании (Батый. С. 90); Р. П. Храпачевский — предположительно 1239 г. (Военная держава Чингисхана. С. 377). Однако упоминание в письме Бату о взятии Мегета (Магаса) не позволяет датировать письмо временем раньше февраля 1240 г.

²² Плано Карпини. С. 34.

²³ См.: Лубсан Данзан. Алтан Тобчи; Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 260.

²⁴ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 139.

²⁵ Храпачевский. Т. 3. С. 175.

²⁶ Это имя могло читаться и как Эльжигидай (Илджидай). Не идёт ли здесь речь об отце Аргасуна?

²⁷ Козин. § 276–277.

Завершение Западного похода

¹ Об этом сообщает Рашид ад-Дин (Т. 2. С. 44–45). Здесь, правда, необходим комментарий. Персидский историк датирует поход Бату с братьями, а также Кадана, Бури и Бучека «в страну русских и народа чёрных шапок» «осенью хулугинэ-ил, года мыши, соответствующего месяцам 637 г. х. (3 августа 1239 — 22 июля 1240)», и плюс к тому сообщает, что тогда же «Гуюк-хан и Менгу-каан, согласно повелению каана (Угедея. — А. К.), возвратились из Кипчакской степи» (последняя информация повторена им ещё дважды: Там же. С. 40, 72 — в последнем случае: «весной года мыши»). Однако здесь, как и ранее, основная датировка дана по монгольскому летосчислению, и поход на Киев (Манкер-кан, т. е. Манкерман, как нередко именовался Киев в восточных источниках), равно как и отъезд названных царевичей выходят за рамки 637 г. х. В другом месте своего труда Рашид ад-Дин датирует ярлык великого

хана о возвращении Гуюка и Менгу «годом быка, соответствующим 638 г. х. (23 июля 1240 — 11 июля 1241)» (Там же. С. 129). Точную дату «высочайшего указа Гуюку отозвать войска для отдыха и пополнения» называет китайский источник: декабрь — январь 1240/41 г. (Храпачевский. Т. 3. С. 176). Это согласуется с летописной датой похода на Киев — конец 1240 г.; в этом походе, по летописным датам, определённо участвовали и Гуюк, и Менгу (см. ниже). Таким образом, Гуюк и Мешу покинули Русь уже после того, как был взят Киев.

² Возможно, о взятии Торска, или Торческого града, главного города «чёрных клобуков», говорится в жизнеописании Субедея из «Юань-ши», где город обозначен как «Ту-ли-сы-гэ чэн» (см, Храпачевский Р. Л. Военная держава Чингисхана. С. 381–384; и выше, прим. 62 к главе «Разгром Руси»). Впоследствии, как показывают материалы археологических исследований, «чёрные клобуки» были насильственно переселены монголами на Волгу (Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 150 и след.; он же. Общественный строй Золотой Орды. С. 38–39).

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784–785; Галицко-Волынская летопись. С. 108–109. В переводе на современный русский язык: БЛДР Т. 5. С. 239–241 (пер. О. П. Лихачёвой). Упоминание в тексте Гуюка, «иже... бысть каном», притом что следующее рядом имя Менгу ханским титулом не сопровождается, даёт основания предположить, что данный летописный рассказ сложился не позднее осени 1246 г: (в августе — сентябре этого года был избран Гуюк), но до осени 1251 г., когда на Руси стало известно о возведении на ханский престол Менгу. Замечу, что в читающемся выше рассказе той же Ипатьевской летописи о первом появлении Менгу возле Киева (см. выше) Менгу ханом назван.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470. Та же дата в Московско-Академической летописи (Там же. Стб. 523) и большинстве других.

⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 12; Вып. 2. С. 81; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 51; Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в.

из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 354. Отмечу, что день недели («месяца ноября в 19 день, в понедельник») назван верно. Данные летописи (за исключением Большаковской) — те самые, в которых приведены даты взятия татарами Переяславля-Южного и Чернигова (см. выше). Попытку объяснить происхождение двух различных датировок взятия Киева (впрочем, не слишком убедительную) см.: Ставиский В. Я. О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990. С. 282-290.

⁶ Рубрук. С. 91. О величине фута: Плано Карпины. С. 51.

⁷ См.: Киселёв С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 99; Древнемонгольские города / Отв. ред. С. В. Киселёв. М., 1965. С. 207-209 (авторы раздела: С. В. Киселёв и Н. Я. Мерперт).

⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 116-117. Показательно, что здесь же, перечисляя татарских князей и воевод, участвовавших в осаде, и явно путаясь в именах, летописец добавляет такой комментарий к имени царевича Гююка, который «возвратися вспять, уведев смерть канову»: «...и проплакав о нём царь Батый, зане бысть любим ему зело». Зная о взаимоотношениях Батыя и Гююка, нельзя не улыбнуться при чтении этих строк.

⁹ Мату зова. С. 158.

¹⁰ Киевский Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев. Киев, 1823. См.: Булычёв А. А. Дионисий Суздальский и его время. Ч. 1 // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 18-19.

¹¹ Модест, архиеп. Краткие сказания о жизни и подвигах святых отцев Дальних пещер Киево-Печерской Лавры. Киев, 1910. С. 42, 84, 68-69.

¹² Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 278-279. См. также: Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 510-511.

¹³ Плано Карпины. С. 46-47.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

¹⁵ Там же. Стб. 786.

¹⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 152–153; Галицко-Волынская летопись. С. 255.

¹⁷ «...Его же татары не смогли взять, когда Батый всю землю Русскую захватил», — свидетельствует о Холме галицкий летописец (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 843,789).

¹⁸ Об этом сообщает Рашид ад-Дин (если верно, что упомянутый им город Учогул Уладмур — это Владимир-Волынский); см.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 45.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788.

²⁰ Галицко-Волынская летопись. С. 256 (коммент. Н. Ф. Котляра).

²¹ ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 24: «...и гвозди железны посреди главы въбиваху им». Это описание извлечено из древнерусского перевода греческой Хроники Продолжателя Георгия Амар-тола.

²² Следов массового пожара и гибели города в слоях середины XIII в. не выявлено; см.: Лысенко П. Ф. Открытие Берестья. Минск, 2007. С. 28.

²³ Из недавних работ см., напр.: Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 591.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 792.

²⁵ Точная дата «высочайшего указа Гуюку отозвать войска для отдыха и пополнения» приведена в «Юань-ши» — декабрь-январь 1240/41 г. (см. выше, прим. 1 к настоящей главе; там же о противоречиях в показаниях источников). О том, что в 1241 г. часть монгольских войск была отозвана «на отдых и пополнение», сообщается также в жизнеописании Шири-гамбу в «Юань-ши» (Храпачевский. Т. 3. С. 242).

²⁶ Там же. С. 231.

²⁷ Там же. С. 231–232, прим. DLXXV.

²⁸ Там же. С. 241.

²⁹ Джувейни. С. 165; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 118, 129.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786; Галицко-Волынская летопись. С. 109.

³¹ См.: Голубовский П. В. Половцы в Венгрии // Университетские известия. Киев, 1889. № 12; Плетнёва С. А. Половцы. С. 179–180.

³² Здесь и далее в переводе О. А. Акимовой: Фома Сплитский. С. 105. Другой важнейший источник по истории татарского вторжения в Венгрию — «Жалобная песнь» (или «Горестная песнь») варадского диакона, а впоследствии архиепископа Сплитского Рогерия, очевидца и участника событий, проведенного несколько лет в татарском плену (*Rogerii Carmen Miserabile super destructione regni Hungariae // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadinae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Vol. 2. Budapest, 1938. P. 543–588*).

³³ См.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 60.

³⁴ Цит. по: Хрестоматия по истории средних веков. В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина. Т. 2: X–XV вв. М., 1963. С. 714.

³⁵ См.: Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 215–216 (со ссылкой на: *Labuda G. Wojna z Tatarami w roku 1241 // Przegląd historyczny. Warszawa, 1959. T. 50. № 2. S. 189–224*). Некоторые опорные даты содержатся в кратких польских «рочниках» (хрониках) — в частности, Познанском, Краковском и Шлёнском (Силезском).

³⁶ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. Л. М. Поповой; вступ. ст. и коммент. Н. И. Щавелёвой. М., 1987. С. 154.

³⁷ Де Бридиа. С. 112.

³⁸ Далее ход событий в основном излагается по Яну Длугошу: *Długosz Jan. Roczniki czyli Kroniki S-fawnego Królestwa Polskiego. Ks.VII i VIII* (<http://bluedragon.mordy.pl/pliki/publikacje/dlugosz.pdf>). С. 5–26. Русский перевод отрывка о битве под Легницей см. на сайте «Восточная литература»: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos/fragml241> (пер. С. Легаза). Рассказ Длугоша повторяет польский историк XVI в. Матвей из Мехова (.Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 50–55).

³⁹ Хрестоматия... Т. 2. С. 714 (известие Рогерия). По сведениям же Длугоша и других источников, Вроцлав так и не был взят татарами.

⁴⁰ Матузова. С. 214 (сведения из «Великого сочинения» Роджера Бэкона, XIII в.).

⁴¹ Савченко С. В. Письмо магистра тамплиэров к Людовику Святому о вторжении татар в Западную Европу // Университетские известия. Киев, 1919. № 1-4. С. 3.

⁴² Цит. (с незначительной правкой) по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos/fragml241>. Этот же рассказ попал из польских и в некоторые русские и украинские источники XVII в., напр., «Скифскую историю» А. Лызлова и Киевскую летопись конца первой четверти XVII в. (Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. С. 73).

⁴³ См.: Gazeta Wyborcza. 2006. 10 апреля (<http://www.inosmi.ru/world/20060410/226703.html>; со ссылкой на проф. Ю. Влодарского).

⁴⁴ Матузова. С. 158, 156.

⁴⁵ Де Бридиа. С. 112.

⁴⁶ Матузова. С. 143 (письмо германского императора Фридриха II английскому королю Генриху III).

⁴⁷ Цит. в русском переводе с сайта «Восточная литература»:

http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Koeln_Koengs_Chr/frametext8.htm. (пер. А. Кулакова).

⁴⁸ Согласно Фоме Сплитскому (С. 106), вторжение началось «на исходе Четырехдесятницы, прямо перед Пасхой» (31 марта). См., однако, сведения Рогерия и местной каринтийской Фризахской хроники (*Annales Frisacenses* / Ed. L. Weiland // MGH SS. Т. XXIV. Leipzig, 1925. S. 65), дающих более ранние даты. См. также: Uzelac A. *Mongolski prodor u Evropu. 1237-1242.* С. 26-46 (<http://doleskole.tripod.com/mongolskiprodor.pdf>).

⁴⁹ Имя Бури упомянуто в рассказе о венгерском походе Рашид ад-Ди-на: «Кадан и Бури выступили против народа сасан (немцев-саксонцев, живших в Венгрии. — А. К.) и после троекратного сражения победили этот народ» (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 45).

⁵⁰ Цит. по: Хрестоматия... Т. 2. С. 714–715. В оригинале у Рогерия — *Vochetor*, что можно было бы понять как «Багатур» — почётная приставка к имени прославленных монгольских военачальников. Судя по повествованию Рашид ад-Дина (Т. 2. С. 45), речь могла бы идти о Бучеке, действовавшем в Валахии. Однако то же имя — Бахату — присутствует и в сообщении о венгерском походе в «Жизнеописании Субедая» из «Юань-ши» как имя одного из военачальников Батыя (см. ниже). Р. П. Храпачевский (Военная держава Чингисхана. С. 504; он же. Т. 3. С. 232, прим. DLXXVIII) допускает, что это племянник Батыя, сын его младшего брата Шибана. Но это невозможно: Бахату, сын Шибана, пережил отца и наследовал его улус. Кроме того, в «Юань-ши» нет никаких намёков на принадлежность Бахату к числу Чингисидов.

⁵¹ Матузова. С. 140.

⁵² Там же. С. 154, 175.

⁵³ Там же. С. 159–160. 158.

⁵⁴ Фома Сплитский. С. 107.

⁵⁵ Там же. С. 106–120.

⁵⁶ Плано Карпини. С. 47.

⁵⁷ ДеБридиа. С. 112–113.

⁵⁸ Плано Карпини. С. 44.

⁵⁹ Тизенгаузен. Т. 2. С. 23; Джувейни. С. 185–186.

⁶⁰ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 37. Рассказ о битве при Шайо поставлен Рашидом не на место. Ниже о той же битве с венграми он сообщает кратко: «Багу... сразился с царём Башгирдов, и войско монгольское разбило их» (Там же. С. 45).

⁶¹ Тизенгаузен. Т. 2. С. 85; см. также С. 145 (Йезди).

⁶² Плано Карпини. С. 31. Ср. также: Де Бридиа. С. 118.

⁶³ Козин. § 21. Эта история со слов самих татар была известна и в других странах (см.: Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 12-14; Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер., предисл., коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976 (далее: Киракос Гандзакечи). С. 173).

⁶⁴ См.: Скрынникова Т. Д. Харизма и штасть в эпоху Чингисхана. М., 1997.

⁶⁵ См.: Почекаев Р. Ю. Батый. С. 58-59, 100. (Правда, исследователь ошибочно относит рассказ Рашид ад-Дина о молении Батыя накануне сражения к его войне с волжскими болгарами в 1236 г. Но хронологический сбой персидского историка легко объясним: ср. выше, прим. 26 к главе «Западный поход».)

⁶⁶ Цит. по: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 301 (коммент. А. Г. Юрченко).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 135 (под неверным 1247 г. и в связи с читающимся далее легендарным сказанием о гибели Батыя «во Угрех»).

⁶⁸ Там же. С. 123. В другом месте (под 1247 г.): «...и многи грады разбиваше и пленяше, и никто же можаше противу его стоати, и многих князей и воевод живых поймав, посла к сыну своему Сартаку, и стояше тамо лето всё. воеваше и пленяше, мечю и огню всех предаваше непокаряющихся ему...»

⁶⁹ См. выше, прим. 63 к главе «Разгром Руси».

⁷⁰ Тизенгаузен. Т. 2. С. 145.

⁷¹ Храпачевский. Т. 3. С. 231-233.

⁷² Цит. по: Тизенгаузен. Т. 2. С. 38. (В издании Рашид ад-Дина 1960 г. последнего названия нет.)

⁷³ Матузова. С. 136 (из «Великой хроники»]Матвея Парижского).

⁷⁴ Савченко С. В. Письмо магистра тамплиэров... С. 2.

⁷⁵ Матузова. С. 146-148.

⁷⁶ Там же. С. 137-138.

⁷⁷ Там же. С. 106, 175; Савченко С. В. Письмо магистра тамплиэров... С. 4-5; История монголов инока Магакии, XIII века / Пер. К. П. Патканова. М., 1871. С. 8.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokurnenty/Ungarn/XIII/1240-1260/Bela_IV/brief_heinrich_IV_1241.phtml?id=2198 (перевод по: Goeck-enjan H., Sweeney J. R. Der Mongolensturm // Ungarns Geschichtsschreiber. Bd. IV. Wien, 1985. S. 283–288).

⁷⁹ Матузова. С. 106 (впрочем, в достоверности этого сообщения *Анналов Тьюксберийского монастыря* есть сомнения; см. там же).

⁸⁰ Виллани Джованни. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., вступ. ст., прим. М. А. Юсима. М., 1997. С. 150.

⁸¹ Матузова. С. 148–149.

⁸² Там же. С. 157.

⁸³ Плано Карпины. С. 33.

⁸⁴ Точная дата приведена в «Юань-ши» (Храпачевский. Т. 3. С. 176). По сведениям Джувейни — 11 декабря 1241 г. (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 43).

⁸⁵ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 42.

⁸⁶ Плано Карпини. С. 60, 77; Де Бридыа. С. 113. Впрочем, под «тёткой нынешнего императора» могла пониматься и другая женщина — дочь Чингисхана Алталун (Чаур-Сечен) (см. ниже).

⁸⁷ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 65.

⁸⁸ Обе версии приведены в различных списках «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, где смерть Чагатая датирована либо 638 (23 июля 1240 — 11 июля 1241), либо 640 г. х. (1 июля 1242 — 20 июня 1243) (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 96, прим. 83–84). Ясность в версию Рашид ад-Дина вносит его рассказ о судьбе уйгура Куркуза, правителя Хорасана, из которого видно, что Чагатай определён скончался раньше брата (Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. С. 142–143; Т. 2. С. 48; см. также ниже). О том, что Чагатай умер позже брата, сообщают Джувейни и следующие за ним Абу-л-Фарадж и Вассаф (Джувейни. С. 166, 176; *Var Hebraeus' Chronography*. P. 480; ср. также версию Джувейни рассказа о Куркузе: Джувейни. С. 359).

⁸⁹ Матузова. С. 146.

⁹⁰ Путешествия в восточные страны... С. 220–221, прим. 217.

⁹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6 т. М., 1936. Т. 6. С. 228 (статья «О ничтожестве литературы русской»).

⁹² Фома Сплитский. С. 104.

⁹³ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950. С. 217.

⁹⁴ Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 159–160, 171–172; он же. Монгольский поход в глубь Европы. С. 222–223.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 793 (под 6749 г.), 794 (под 6751 г.).

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470, 523. В таком случае гибель Мстислава следовало бы датировать 1242-м, а не 1241 г.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 125, 130.

⁹⁸ Тизенгаузен. Т. 2. С. 38–39; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 46.

Золотая Орда

¹ Храпачевский. Т. 3. С. 33–34; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 41. Похоже описал золотой шатёр хана Гукжа Джиованни дель Плано Карлини, причём и у него шатёр этот назван «Сыра-Орда» — «Золотой ордой»: «Шатёр... был поставлен на столбах, покрытых золотыми листами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани» (Плано Карпины. С. 75, 76).

² Тизенгаузен. Т. 1. С. 290. Упомянутый здесь позолоченный трон хана Узбека к наследию Чингисхана или Батыя не относился; он происходил из Персии и считался даром персидского царя (Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 280).

³ Тизенгаузен. Т. 1. С. 64, 93.

⁴ Чингиз-наме. С. 92, 26. Такова была версия правивших в Хиве потомков Шибана, которые таким образом утверждали первенство над своими противниками, потомками 13-го сына Джучи Тука-Тимура. «...В трёх отношениях огланы (царевичи. — А. К.) Шайбан-хана гордятся и похваляются перед огланами Тохтамыш-хана (хана Золотой Орды. — А. К.), Тимур-Кутлы (основателя династии астраханских ханов. — А. К.) и Урус-хана (основателя династии казахских ханов; все названные ханы — потомки Тука-Тимура. — А. К.), говоря: “Мы превосходим вас”, — продолжает Утемиш-хаджи. — Во-первых, это юрта. Они говорят: “Когда после смерти нашего отца Йочи-хана (Джучи. — А. К) наши отцы отправились к нашему великому деду Чингисхану, то он после Иджана и Саина (Орды и Бату. — А. К) поставил юрту и для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего же отца он не поставил даже и крытой телеги».

⁵ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Там же. С. 24–32 (то же в: Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVII вв. Алма-Ата, 1983).

⁶ Чингиз-наме. С. 1 И, 33. Более ранними и надёжными источниками эта история не подтверждается. Хызр-хан был правителем Золотой Орды в 1360–1361 гг.

⁷ Присёлков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Текст подг. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина; под ред. В. И. Буганова. Вып. 3. М., 1987. С. 588–589. В ярлыке имеется ссылка на аналогичные пожалования «последних царей (после Чингисхана. — А. К.)». В литературе было высказано предположение, что речь идёт о ярлыке, выданном Русской церкви самим Батыем (Плигузов А. П., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 89–90). Однако упоминание о «царях» говорит против такого предположения; скорее

предшествующие ярлыки могли выдаваться от имени великих ханов, преемников Чингисхана.

⁸ Вопрос о границах Золотой Орды и входящих в неё улусов нашёл решение в работах Г. А. Фёдорова-Давыдова, В. Л. Егорова и др. См.: Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 55-62; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды... С. 27—147, 160-166; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. С. 244-249.

⁹ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 66.

¹⁰ Чингиз-наме. С. 94. Дата смерти Орды устанавливается относительно точно. Он был жив ещё летом 1249 г. (ср.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 130), однако в 1251 г. его уделом правил его сын Кунг-Кыран (ср.: Султанов Т. И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 18). Ко времени около 1248-1250/51 гг. относится пребывание Батыя во владениях старшего брата (см. ниже); именно тогда он и имел возможность расправиться с убийцами брата.

¹¹ Тизенгаузен. Т. 1. С. 175, 239, 197 (в последнем случае соответственно шесть и четыре месяцев пути).

¹² Родословное древо тюрков. С. 159-160. Сведения, приводимые Абу-л-Гази, подтверждает Плано Карпини: во время его путешествия в Монголию Шибан кочевал к северу от земли кара-китаев и к западу от владений Орды (Плано Карпини. С. 73). Впрочем, принадлежность Шибана к правому или левому крылу Улуса Джучи остаётся спорной. См., напр.: Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 91-94; Ускенбай К Уаусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.

По сведениям балхского историка XVII в. Махмуда Ибн Вали, Батый выделил улус ещё одному своему брату Тука-Тимуру (13-му сыну Джучи); его улус включал в себя область асов (аланов?) и Мангышлак (полуостров на восточном

побережье Каспийского моря); кроме того, «согласно воле Бату», потомки Тука-Тимура будто бы получили власть над Хаджи-Тарханом — будущей Астраханью и вилайетами Каффы (Феодосии) и Крыма (Солхата, Старого Крыма) (Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. С. 245; Султанов Т. И. Род Шибана, сына Джучи... С. 17–18). Однако это известие едва ли можно признать достоверным. Рашид ад-Дин определённо размещает Тука-Тимура среди царевичей левого крыла, подчинённых Орде (см. выше), так что наделять его улусом Бату вряд ли мог. Надо учесть также, что сведения о «завещании Бату» впервые были записаны в Бухаре, где правили потомки Тука-Тимура; кроме бухарских ханов из Астраханской династии к Тука-Тимури-дам принадлежали также собственно астраханские и крымские ханы. Вероятно, известие о получении Тука-Тимуром улуса от Бату должно было обосновать легитимность власти его потомков над указанными территориями.

¹³ Чингиз-наме. С. 94–95. Те же вилайеты Крыма и Каффы, а также Кырк-Йер (Чуфут-Кале). Возможно, эти сведения также недостоверны.

¹⁴ Тизенгаузен. Т. 2. С. 69; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 83.

¹⁵ См., напр.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 42. Это предположение основано на отождествлении деда Ногая Бувала, или Мовала, с неким Мауци, о владениях которого близ Днепра пишет Плано Карпини (см. далее). Однако достаточных оснований для такого отождествления, как представляется, нет.

¹⁶ Рубрук. С. 90–91.

¹⁷ Там же. С. 103–104.

¹⁸ Плано Карпини. С. 69, 45. Предположение о том, что речь идёт о третьем сыне Орды Курумиши (Хурумши) (там же. С. 208, прим. 88), основано исключительно на созвучии имён. Едва ли один из старших сыновей Орды мог быть назван «самым младшим» среди всех татарских «вождей».

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846.

²⁰ Предположение о том, что речь идёт об одном из сыновей Чагатая, Мочи, или Муджи (см., напр.: Джувейни, С.

657, прим. 12; коммент. Дж. Э. Бойла), также не выглядит достаточно убедительным.

²¹ Рубрук. С. 117.

²² Там же. С. 118, 185.

²³ Джувейни. С. 403.

²⁴ Рубрук. С. 119, 92, 97, 98.

²⁵ Плано Карпины. С. 71.

²⁶ Тизенгаузен. Т. 2. С. 155.

²¹ Рубрук. С. 186.

²⁸ Храпачевский. Т. 3. С. 246–247.

²⁹ Тизенгаузен. Т. 1. С. 239, 244; Т. 2. С. 15, 81–82.

³⁰ Рубрук. С. 184, 185; Тизенгаузен. Т. 2. С. 85; Т. 1. С. 229, 241–242, 306.

³¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды... С. 114–117. В последнее время локализация обоих Сараев и само существование двух одноимённых городов ставятся под сомнение. По мнению И. В. Евстратова (О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей. Ч. 2. Саратов, 1997), в Золотой Орде имелась только одна столица, находившаяся на месте Селитренного городища. А. В. Пачкалов предположил, что это именно Сарай ал-Джедид, а первая столица Орды, Сарай-Бату, располагалась южнее, в одном дне пути от Хаджи-Тархана (Астрахани) (о чём прямо сообщается в «Торговой практике» флорентийца Ф. Бальдуччи Пеголотти и т. н. «Тосканском Анониме»), возможно, на месте Красноярского городища на юге Астраханской области (Пачкалов А. В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды). Тезисы доклада // Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. Т. 3. Одеса, 2002; см.: <http://saray-batu.narod.ru/pubiic/pachkalov/saray.htm>).

³² ПСРЛ. Т. 19. Стб. 10–13. См. также текст «Казанской истории» в переводе на современный русский язык: БЛДР. Т.

10: XVI век. СПб., 2000 (подг. текста и пер. Т. Ф. Волковой; коммент. Т. Ф. Волковой, И. А. Лобаковой). «Раздвоение» личности исторического хана Батыя и представление о том, что его преемником на престоле Золотой Орды был некий хан Саин, присуще большинству поздних мусульманских сочинений XV–XVI вв. В одном из изводов «Казанской истории» в данный рассказ позднейшим редактором была вставлена дата: 6680 (1172) г. (в одном из списков механически трансформировавшаяся в дату 6685 (1177) г.), имеющая отношение к известному из русских летописей походу на Волжскую Болгарию, организованному владими́ро-суздальским князем Андреем Юрьевичем Боголюбским. Эта дата привела в замешательство многих историков, пытавшихся увидеть в ней дату основания Казани, однако, как показали изыскания В. А. Кучкина и И. Е. Добродомова, она не имеет никакого отношения к описываемым в «Казанской истории» событиям; её появление (как и эпитет «Саин Болгарский», вставленный тем же редактором) связано с «распространившимися в Русском государстве с 30-х гг. XVI в. представлениями о тождественности Булгарского и Казанского ханств», что позволяло обосновать историческими прецедентами наметившиеся претензии Руси на обладание Казанью (Добродомов И. Г., Кучкин В. А. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI–XVI вв. М., 1989. С. 430–479). В казанских преданиях, бытовавших ещё в XVIII в., основание Старой Казани относилось ко временам Тимура (1370–1405) (Там же. С. 436–437). Старая Казань (Иске-Казань), по-видимому, возникла ещё в домонгольское время, но когда именно, сказать сложно; что же касается Новой Казани, то наиболее вероятным временем возникновения города считают вторую половину XIV в. (Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды... С. 96, 97–105). (В 2005 г. на государственном уровне отмечалось 1000-летие Казани, однако среди большинства историков и археологов этот юбилей вызвал явное недоумение.)

³³ Рубрук. С. 109–110, 118, 185.

³⁴ См.: Гёкепьян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 95, 98.

³⁵ См.: Крадип // Н. Империя Чингисхана в новых западных исследованиях // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 19.

³⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 158 (из летописной повести о нашествии Едигея).

³⁷ Перевод П. К. Жузе: Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира. Баку, 1940. С. 175–176, 134–136, 138, 140. Ср.: Тизенгаузен. Т. 1. С. 1–45.

³⁸ Киракос Гандзакечи. С. 156.

³⁹ Фома Сплитский. С. 118.

⁴⁰ Там же. С. 112; Киракос Гандзакечи. С. 166, 170; Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., предисл. и прим. А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 65; Плано Карпини. С. 47, 72; Де Бридиа. С. 112; Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Изд. подг. Г. Ф. Цыбулько. Ю. П. Малинин, А. Ю. Карачинский. СПб., 2007 (далее: Жуанвиль). С. 112. Ср. также: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 295–297 (коммент. А. Г. Юрченко).

⁴¹ См.: Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 274–275 (где говорится о четырёх тысячах, приданных Джучи). Как показывают разыскания Р. П. Храпачевского, Рашид ад-Дин приводит здесь неверные цифры и не учитывает население собственно удела Джучи и его потомков. По собственным подсчётам исследователя, общее первоначальное число монголов, вошедших в Джучиев улус, составляло около 70 тысяч человек (Храпачевский Р. П. К вопросу о первоначальной численности монголов в Улусе Джучи // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.». М., 2008 (http://rutenica.narod.ru/Chislo_Juci.html#il1)).

⁴² См.: Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов; он же. Общественный строй Золотой Орды.

⁴³ Тизенгаузен. Т. 1. С. 235.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470, 523.

⁴⁵ Ср.: Почекаев Р. Ю. Батый. С. 188.

⁴⁶ Храпачевский. Т. 3. С. 203, 281, прим. 544.

⁴⁷ См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды... С. 36–43.

⁴⁸ Матузова, С. 153, 182. О личности этого «архиепископа Петра» трудно сказать что-либо определённое. В литературе широкое распространение получила гипотеза, согласно которой это бывший игумен киевского Спасского монастыря Пётр Акерович (упоминаемый в летописи под 1230–1231 гг.) (см.: Томашевський С. Предтеча Ісідора Петро Акеровіч, незнаний мітрополіт руський (1241–1245) // *Analecta Ordinas sancti Basilii Magni. Roma, 1927. Т. 2. Ф. 3–4. Р. 221–313*). Однако прочных оснований эта гипотеза не имеет.

⁴⁹ Повесть о Петре, царевиче Ордынском / Подг. текста Р. П. Дмитриевой; пер. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 20–27.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 37. С. 30, 70.

⁵¹ Выражение из Жития князя Фёдора Ростиславича Чёрного, Смоленского и Ярославского: Великие mineи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием (Памятники славяно-русской письменности) / Изд. Археографической комиссии. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869. Стб. 1265.

⁵² БЛДР Т. 5. С. 157 (пер. Л. А. Дмитриева). В более поздних редакциях Сказания под «ханом» уже понимали самого Батыя (ср., напр.: Великие mineи четьи... Сентябрь. Дни 14–24. Стб. 1299–1300).

⁵³ Плано Карпины. С. 55, 34.

⁵⁴ Киракос Гандзакечи. С. 168–169.

⁵⁵ Герберштейн С. Записки о Московии/Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 68.

⁵⁶ «Жидовин должник» (в значении «откупщик») упоминается в летописи под 1321 г., когда он вместе с татаринном Гаянчаром (Таянчаром) приехал из Орды в Кашин, и «многу тягость учиниша Кашину» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 41; ПСРЛ. Т. 10. С. 187).

⁵⁷ Плано Карпины. С. 55–56, 47; Рубрук. С. 108.

⁵⁸ См.: Насонов Л. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М., 1940.

⁵⁹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подг. текста, ст., коммент. С. К. Шамбинаго. М., 1938. С. 21–24. В основе песни — события тверского восстания 1326 г. против татарина Шевкала; отметим, однако, что в его песенном отчестве отразилось имя другого разорителя Руси — царевича Дюдены (Тудена), совершившего карательный поход в Северо-Восточную Русь в 1293 г.

⁶⁰ Так, в приписке к договорной грамоте новгородцев с князем Ярославом Ярославичем 1270 г. упоминается о прибытии послов от «цесаря» Менгу-Темира — неких Чевгу и Баиши: «сажать Ярослава с грамотою» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 11).

⁶¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 79–81; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481–482. О местоположении упомянутых в этом рассказе городов и местностей см.: Зайцев Л. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: Избранные труды. М., 2009. С. 206–216.

⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 828–829; Галицко-Волынская летопись. С. 128. В Ипатьевском списке Милей назван баскаком: «...изъехавше, яша Милея баскака»; в Хлебниковском текст читается иначе (и, вероятно, точнее): «...изъехавше, яша Милея и баскака». В переводе О. П. Лихачёвой (БЛДР. Т. 5. С. 273) текст понят так, что грамота Батыя была не у Андрея, а у баскака Милея. Иначе понимал этот рассказ В. Т. Пашуто: по его мнению, Андрей, заявив, что у него имеется «Батыева грамота», обманул татар; на самом деле грамоты у него не

было (он лишь знал, что такая грамота была выдана «болоховским боярам»), почему татары и убили его (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 282). Мне кажется, объяснение может быть и иным.

⁶³ См., напр.: Селезнёв Ю. В. Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV вв. Справочник. М., 2010. С. 36–63.

⁶⁴ В переводе В. В. Колесова: БЛДР. Т. 5. С. 375, 383–385.

«Глухое царство»: русские в ставке Батыя

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–475; НПЛ. С. 78–80, 83; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807–808; ПСРЛ. Т. 42. С. 117; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 52. Отдельные летописи, преимущественно новгородского и псковского происхождения (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская Четвёртая летопись. М., 2000. С. 228–229; ПСРЛ. Т. 42. С. 117; Псковские летописи. Вып. 2. С. 82 (Псковская Третья); ПСРЛ. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 27 (Никифоровская), 45 (Супрасльская)), сообщают также о поездках князя Александра Ярославича в Орду к Батыю под 1242-м и, «другое», под 1246 гг. — но эти сведения надо признать ошибочными: его поездка 1247 г. была, очевидно, первой. О поездках в Орду и положении там русских см.: Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

² ПСРЛ. Т. 18. С. 46; Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 335.

³ Великие минеи четьи... Сентябрь. Дни 14–24. Стб. 1265–1267.

⁴ Плано Карпини. С. 66–81 (описание пути), 81–82 (перечень свидетелей).

⁵ Там же. С. 58–59.

⁶ Там же. С. 78; Рубрук. С. 143.

⁷ Плано Карпини. С. 41, 48, 78 (о «русских клириках»), 71, 79 (о «русской грамоте»).

⁸ БЛДР Т. 5. С. 156.

⁹ Цит. по: Юрченко А. Г. «Ты уже наш, татарин!»: Даниил Галицкий у Батыя // Родина. 2003. № 11. С. 79.

¹⁰ Де Бридиа. С. 118–119, 120; Плано Карпини. С. 33, 30, 70; Рубрук. С. 176; Тизенгаузен. Т. 1. С. 360.

¹¹ См.: Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингис-хана (Русские и латинские известия) // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 250.

¹² Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Сб. ст. в честь В. К. Зиборова. СПб., 1997. С. 115–116; он же. Золотая статуя Чингис-хана... С. 245–247. Описания обряда коленопреклонения имеются во многих источниках, как восточных, так и западных; см.: Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. С. 72; Плано Карпини. С. 69, 76; Языков. С. 229–231 (миссия Асцелина), 257 (присяга родственников султана Алеппского и султана Мосульского: «...поднесши многие дары, поклонились... три раза с коленопреклонением и ударяя челом в землю»); Киракос Гандза-кеци. С. 159; Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 111, 113; и др.

¹³ Цит. по: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 198. См. также: он же. О составе Великой Ясы Чингис-хана. С. 40–41; Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан... Прил. I. С. 125–129.

¹⁴ Цит. по: Русский феодальный архив... Вып. 3. С. 588–589.

¹⁵ См.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 49 и др.; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 556–557 (сведения ал-Джувзджани); История монголов инока Магакии... С. 34–35 (как было установлено позднее, это сочинение в действительности написано армянским хронистом Григором Акнерци).

¹⁶ Де Бридиа. С. 118; Плано Карпини. С. 29.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783–784, 789, 795.

¹⁸ Древнейшие русские летописи сохранили два совершенно не зависимых друг от друга известия о мученической гибели Михаила и Фёдора — в Лаврентьевской (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471) и Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795). В остальные, более поздние летописи, как правило, включена та или иная версия княжеского Жития. Что же касается собственно Жития, или Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и боярина его Фёдора, то оно дошло до нас в различных вариантах, по крайней мере два из которых относятся к весьма раннему времени и также почти не зависимы друг от друга. Это, во-первых, т. н. Ростовская редакция, созданная в Ростове при внуках Михаила князьях Борисе и Глебе Васильковичах (т. е. до 1277 г., когда умер старший, Борис) (читается в составе пространной редакции Пролога под 20 сентября; изд.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 50–51; Лосева О. В. Жития русских святых... С. 294–297), а во-вторых, т. н. Распространённая редакция (или, по классификации Н. И. Серебрянского, Распространение редакции отца Андрея), старший список которой датируется 1313 г. (читается в составе краткой редакции Пролога, под 23 сентября; изд.: Серебрянский И. И. Указ. соч. С. 63–68; Лосева О. В. Указ. соч. С. 298–309); эти два сочинения уместнее назвать не двумя редакциями княжеского Жития, а двумя отдельными Житиями князя Михаила. Кроме того, сохранилось несколько кратких проложных записей об этом событии (см. те же издания). Ещё две редакции, время создания которых не определено, очень близки к той редакции, которая получила наименование Распространённой, и отличаются лишь тем, что по-разному называют в заголовке имена предполагаемых авторов — отца Андрея (изд.: Серебрянский И. И. Указ. соч. С. 55–58; с параллельным переводом на современный русский язык: БЛДР. Т. 5. С. 156–163; подг. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева) и епископа Иоанна (Серебрянский Н. И. Указ. соч. С. 59–63). Первая из них, Редакция отца Андрея, хотя и сохранилась в рукописях не старше XV в., вероятнее всего, предшествует

по времени Распространённой редакции, которую в таком случае следует признать её распространением (как и считал Н. И. Серебрянский). Рассказ Плано Карпини см.: Плано Карпини. С. 29, 55 (пер. А. И. Малеина); новый, исправленный перевод данного фрагмента: Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан... С. 119–120 (пер. А. Н. Анфертьева). Свидетельство Бенедикта Поляка: Де Бридиа. С. 116–117.

¹⁹ Впрочем, у Бенедикта Поляка немного иначе: князю «перерезали горло ножом, а воину, который поощрял (Фёдору. — А. К.), отсекали голову». Думаю, что это нюансы передачи одного и того же факта.

²⁰ По предположению А. В. Лаушкина (К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1999. № 6. С. 3—25), церковное прославление князя Михаила и боярина Фёдора в Ростове состоялось в 1262 г.

²¹ Плано Карпини. С. 56.

²² Именно такой перевод принят в указанных выше статьях А. Г. Юрченко (Князь Михаил Черниговский и Бату-хан... С. 120; Золотая статуя Чингис-хана... С. 252 и прим. 2), где он воспроизведён в следующем виде: «И тогда он (Батый) послал одного приближённого [Ярослава], который вопреки [своему] желанию долго бил его пяткой в живот...» Имени Ярослава здесь нет, а потому данное понимание текста (противоречащее старому переводу А. И. Малеина; см. выше, прим. 18) нельзя признать бесспорным.

²³ Летописи не сообщают о новом браке Ярослава Всеволодовича. Однако Плано Карпини, возвращавшийся из Каракорума в ставку Батыя на Волге зимой 1246/47 г., встретил в «земле бесерменов» (в долине Сыр-дарьи) некоего Угнея, «который по приказу жены Ярослава и Бату ехал к вышеупомянутому Ярославу», к тому времени уже покойному (Плано Карпини. С. 82).

²⁴ Юрченко Л. Г. Золотая статуя Чингис-хана... С. 253. В более ранней работе позиция автора выглядит противоречивой: с одной стороны, нежелание Михаила

«кланяться изображению Чингис-хана... не могло повлечь за собой мученическую смерть князя»; с другой: «Причиной убийства князя вполне мог послужить его отказ от преклонения колен перед идолом Чингис-хана» (он же. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан... С. 118, 119).

²⁵ Гумилёв Л. Я. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 527-528. В источниках об этом нет ни слова. Предположение базируется исключительно на допущении, что известный из западных хроник русский «архиепископ» Пётр, выступавший на Лионском соборе 1245 г. (см. прим. 48 к главе «Золотая Орда»), был отправлен на Запад князем Михаилом Черниговским с определёнными политическими целями.

²⁶ Об этом, напомним, сообщают лишь поздние или же вторичные источники. См. прим. 16 к главе «Силою Вечного Неба...».

²⁷ См.: Юрченко А. Г. Указ. статьи. Ср. также: Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224-1246. Toronto, 1981; Пак Н. И. Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // Литература Древней Руси / Отв. ред. Н. И. Прокофьев. М., 1981. С. 58-59; и др. Р. Ю. Почекаев предположил, что убийство Михаила могло объясняться нежеланием монголов возвращать князю Чернигов, находившийся будто бы под их непосредственной властью (Почекаев Р. Ю. Батый... С. 185, 195). Но последнее положение ошибочно: оно опирается на текст подложной грамоты рязанского князя Олега Игоревича некоему Ивану Шаину, будто бы посаженному «от Батыя на Чернигов владетелем». Этот Иван Шаин считается родоначальником целого ряда рязанских дворянских фамилий, однако его выезд в Рязань относят к XIV в., а саму грамоту признают очевидным фальсификатом (что убедительно показал ещё Н. М. Карамзин: История государства Российского. Т. 4. М.: Наука, 1992. С. 201-202, прим. 90). (Благодарю А. В. Кузьмина за консультацию по данному вопросу.)

²⁸ Языков. С. 229-231. Новый перевод данного фрагмента: Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и

Бату-хан... С. 116–117; он же. Золотая статуя Чингис-хана... С. 254–255 (пер. Н. Б. Срединской). Рассказ Симона де Сен-Квентина дошёл до нас в составе «Исторического зеркала» Винсента из Бове. Издание латинского текста: Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartar / Publ. par J. Richard. Paris, 1965.

²⁹ Матузова. С. 153, 182.

³⁰ А потому слова А. Г. Юрченко о «посольском церемониале» применительно к Михаилу (см. выше, прим. 24) представляются неправомерными.

³¹ Рубрук. С. 149.

³² Плано Карпини. С. 29–30. Поляк Бенедикт полагал, что Андрей был убит «по ложному обвинению» (Де Бридиа. С. 118).

³³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 31; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 52; Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова. С. 355 (в последних двух под 6753/1245 г., но тем же годом датировано здесь и убийство Михаила Черниговского, причём об убийстве князя Андрея Мстиславича говорится раньше). Этого Андрея нередко считают сыном князя Мстислава Рыльского, убитого татарами в 1241 или 1242 г. Однако достаточных оснований для такого предположения нет.

³⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 150.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 843. Ср.: БЛДР Т. 5. С. 284–285.

³⁶ Рассказ о поездке Даниила Романовича к Батыю: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805–808; Галицко-Волынская летопись. С. 118–119. Ср.: БЛДР. Т. 5. С. 254–257. В Ипатьевской летописи это известие помещено под 6758 (1250) г., однако хронология этой части летописи неверна. Точная дата устанавливается благодаря свидетельству Плано Карпини, который сообщает о пребывании Даниила у Батыя в конце 1245 г, а весной 1246 г. встретил его возвращающимся от Батыя в ставке Картана (Плано Карпини. С. 67, 81–82).

³⁷ Плано Карпини. С. 66.

³⁸ Там же. С. 57. Ср. об этом: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 235; Котляр Н. Ф.

Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб.; Киев, 2008. С. 280; и др.

³⁹ Киракос Гандзакети. С. 164–165.

⁴⁰ Рубрук. С. 120, 96–97; Храпачевский. Т. 3. С. 64–65.

⁴¹ Рубрук. С. 188, 105–107.

⁴² Там же. С. 120, 95; Плано Карпини. С. 30–31, 69.

⁴³ Плано Карпини. С. 45–46; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 72.

⁴⁴ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 237–238.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809, 814; Галицко-Волынская летопись. С. 119, 121–122.

⁴⁶ Матузова В. И Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 358–359 (послание папы Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому, 1248 г.); Ледерер Э. Венгерско-русские отношения и татарское нашествие // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 191–193.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846–850; БЛДР Т. 5. С. 347–351 (пер. О. П. Лихачёвой).

⁴⁸ Цит. в переводе гю: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.: Л., 1965. С. 192 (реконструкция первоначального текста Жития Александра Невского по спискам Первой редакции памятника); см. также: БЛДР. Т. 5. С. 366–367 (подг. текста, пер., коммент. В. И. Охотниковой).

⁴⁹ НПЛ. С. 468.

⁵⁰ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2: Славяно-русский Пролог. Ч. 1: Сентябрь — декабрь / Изд. А. И. Пономарёв. СПб., 1896. С. 55–59 (проложная редакция XVI в., восходящая к редакции псковского книжника Василия-Варлаама); см. также: Карпов А. Ю. Великий князь Александр Невский. М., 2010 («ЖЗЛ: Малая серия»), С. 15–16, 257–259.

¹ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 114-115 и след.; Джувейни. С. 166-168.

² Рашид ад-Дин, Т. 2. С. 80.

³ Храпачевский. Т. 3. С. 233.

⁴ См.: Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256-1353 гг.) //Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 232.

⁵ Об этом сообщает египетский историк XV в. ал-Айни: Бачу-нойон, «один из великих людей их», действовал «со стороны Бату-хана» (Тизенгаузен. Т. 1. С. 504); ср. то же у ан-Нувейри (Там же. С. 153).

⁶ Киракос Гандзакечи. С. 155, 168-169, 180-181, 194-196; Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. Г. В. Цулая. Вып. 1: Текст. М., 2005. С. 26, 48-55, 65, 70. Ср.: Бабаян Л. О. Социально-экономическая и политическая история Армении XIII-XIV вв. М., 1969. С. 129; Романив В. Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 89.

⁷ Плано Карпини. С. 56-57.

⁸ Анонимный грузинский «Хронограф»... С. 73-74, 77, 48, 66.

⁹ Тизенгаузен. Т. 2. С. 25-26; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 120.

¹⁰ Шукуров Р. М. Великие Комнины и «Синопский вопрос» в 1254-1277 гг. // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М.; СПб., 2000. Вып. 4. С. 180-181 (сведения Ибн Биби).

¹¹ Хатиби С. Из истории Туркменистана и некоторых сопредельных стран в первой половине XIII столетия // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад, 1961. № 3. С. 24-30. См.: Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. С. 142-143; Т. 2. С. 46-48, 123; Джувейни. С. 342-361.

¹² Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 118 и след. Рашид ад-Дин ошибочно датирует избрание Гуюка августом — сентябрём

1245 г. Правильный год, 1246-й, указан Плано Карпини, присутствовавшим на курултае.

¹³ См., напр.: Гумилёв Л. Я. В поисках вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». СПб., 1994. С. 172.

¹⁴ См.: Романив В. Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»... С. 91-92; Почекаев Р. Ю. Батый. С. 223.

¹⁵ Плано Карпини. С. 74-76 и след.

¹⁶ Там же. С. 25-26 («более 160 человек утонуло»). В другом варианте этого известия говорится о десяти погибших (Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 303; коммент. А. Г. Юрченко).

¹⁷ Козин. § 255.

¹⁸ Плано Карпини. С. 43-44; Де Бридиа. С. 117. «...Из-за этого, — пишет Плано Карпини, — был убит один из князей... ибо он хотел царствовать без избрания». Правда, Плано Карпини называет убитого «внуком Чингисхана», а Бенедикт Поляк — «племянником», в то время как Отчи-гин приходился Чингисхану братом. По-видимому, здесь оказались смешаны казнь Отчигина и смерть внука Чингисхана Кудэна, случившаяся ещё «до избрания настоящего Куйюк-кана».

¹⁹ Плано Карпини. С. 77.

²⁰ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 80; ср. Т. 1. Кн. 1. С. 164.

²¹ Там же. Т. 2. С. 96-97, 119.

²² Плано Карпини. С. 77-78.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 523 (Московско-Академическая летопись); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808 (Ипатьевская); ПСРЛ. Т. 25. С. 139 (Московский летописный свод конца XV в.).

²⁴ Матузова В. Я., Пашуто В. Т. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia histórica in honorem Hans Kruus*. Tallinn, 1971. S. 133-138 (вданном варианте перевода: «...с ведома одного военного советчика»); ср.: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Рvci».. С.264.

²⁵ Армянские источники о монголах... С. 48. По-другому пишет ал-Айни, по сведениям которого Гийс ад-Дин, человек «слабого ума», за бавлявшийся «собаками и зверями, которых он натравливал на людей», умер от того, что один из этих зверей укусил его самого (Тизенгаузен. Т. 1. С. 534, прим.).

²⁶ Армянские источники о монголах... С. 66; История монголов инока Магакии... С. 18 (здесь определённо сообщается о поездке к «Саин-хану», т. е. Батыю, хотя далее приводятся сведения, очевидно, имеющие отношение к приёму Смбата великим ханом Гуюком).

²⁷ Плано Карпины. С. 55.

²⁸ ПСРЛ.Т. 1. Стб. 471.

²⁹ Плано Карпины. С. 60; Де Бридыа. С. 113.

³⁰ Рашыд ад-Дин. Т. 2. С. 120; Храпачевский. Т. 3. С. 178-179.

³¹ Тизенгаузен. Т. 1. С. 244 (сведения аль-Омари).

³² Де Бридиа. С. 113.

³³ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 80.

³⁴ Тизенгаузен. Т. 1. С. 245.

³⁵ У Рашид ад-Дина рассказ об этих событиях приводится в разных местах; см.: Т. 2. С. 80, 112, 121. В одном случае речь идёт о желании хана отправиться на Итиль, т. е. на Волгу («Прохладная погода на Итиле благотворна для моей болезни»); но это, очевидно, опечатка издания или ошибка переписчика.

³⁶ Об этом сообщает Джувейни: Тизенгаузен. Т. 2. С. 22; Джувейни. С. 181, 403.

³⁷ См.: Байдаков К. Каялык: Казахстанский Вавилон // Tengri. 2008. № 5 (<http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=1440>).

³⁸ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 557-558. Лама Лубсан Данзан называет местность, в которой умер Гукж, Сэмшигитэ; по мнению французского историка П. Пеллио, она находилась в верхнем течении реки Урунгу (на границе современной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района

Китая) (Лубсан Данзан. С. 247, 375, прим. 19; Джувейни. С. 599, коммент. Дж. Э. Бойла).

³⁹ Храпачевский. Т. 3. С. 179.

⁴⁰ Рубрук. С. 135.

⁴¹ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 121-122.

⁴² Рубрук. С. 180.

⁴³ Храпачевский. Т. 3. С. 179 и след.

⁴⁴ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 129-130 и след., 112-113; Джувейни. С. ISO-183, 403-406 и след.; Ваг Hebraeus' Chronography. P. 487.

⁴⁵ Тизенгаузен. Т. 2. С. 15-16, прим. 4.

⁴⁶ По мнению В. В. Трепавлова, Бату как глава западной части Монгольской державы имел статус соправителя великого хана и формально не мог претендовать на то, чтобы самому сделаться ханом (Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи... С. 76-84). Как мне представляется, процитированные выше слова ал-Джузджани, а также Рашид ад-Дина и других авторов свидетельствуют об обратном, а именно о принципиальной возможности для Бату занять ханский престол. Соправительство Бату и Менгу, несомненно, имело место — но оно определялось исключительными обстоятельствами прихода Менгу к власти (см. далее). Что же касается предполагаемого соправительства Бату и Гуюка, то оно источниками не подтверждается. Так, исследователь опирается на свидетельство Никоновской летописи о том, что Батый якобы считался «первым и великим воеводой» великого хана (Там же. С. 78), но в данном случае перед нами явно вторичное и ошибочное чтение поздней летописи XVI в., в которой искажён смысл рассказа Ипатьевской летописи, где ни о чём подобном не говорится. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785; ПСРЛ. Т. 10. С. 116; см. также прим. 8 к главе «Завершение Западного похода».

⁴⁷ Дата курултая приведена в жизнеописании Урянхата в «Юань-ши»: Храпачевский. Т. 3. С. 241. О местоположении Алатау-ула: Там же. С. 182, прим. СССХХХ.

⁴⁸ Там же. С. 181-183, 235-236, 241.

⁴⁹ Киракос Гандзакечи. С. 218. Ср.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 80–81.

⁵⁰ Джувейни. С. 182.

⁵¹ Точную дату называют Джувейни и вслед за ним Абул-Фарадж (Бар-Гебрей): 9-й день месяца раби II 649 г. х. (Джувейни. С. 410; Ваг Hebraeus' Chronography. P. 488; у В. В. Бартольда (Батый. С. 498) эта дата ошибочно переведена как 30 июля 1249 г.). В китайской хронике: «летом в 6-й луне года синь-хай» (между 21 июня и 20 июля); здесь же точно указано место проведения курултая (Храпачевский. Т. 3. С. 183–184 и след.; см. также: Лубсан Данзан. С. 247). У Рашид ад-Дина: зимой указанного года: между 25 января и 23 февраля, непосредственно в Каракоруме (Рашид ад-Дин. 7.2. С. 131–133).

⁵² Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. С. 95–96.

⁵³ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 74; Почекаев Р. Ю. Батый. С. 231.

⁵⁴ Романив В. Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»... С. 99.

⁵⁵ Подробный рассказ об этих событиях читается в разных источниках: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 133–139; Джувейни. С. 422–425; Ваг Hebraeus' Chronography. P. 488–489; Рубрук. С. 135; Храпачевский. Т. 3. С. 183–184, 186, 188, 236–239.

⁵⁰ Киракос Гандзакечи. С. 218; Тизенгаузен. Т. 1. С. 244–245. Нередко считается, что речь идёт о Эльжигидае (Илджиде), племяннике Чингисхана (см., напр.: Почекаев Р. Ю. Батый. С. 244–245; и др.). Но это не так. По словам Рашид ад-Дина, Илджидай, сын Качиуна, «пользовался большим значением» не только при Угедее и Менгу, но и при следующем великом хане Хубилае; все трое «всегда им дорожили и уважали его и советовались с ним в важных делах» (Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 54–55). Его юрт находился на востоке Монголии, у Великой Китайской стены; во всех событиях царствования Гуюка и Менгу он упоминается среди царевичей левой руки и прибывает на курултай с востока. В то же время в известии об аресте и казни Илджидая у Рашид ад-Дина — явное противоречие:

сначала Илджидай назван в числе первых же схваченных и казнённых нойонов, а чуть ниже сообщается, что его захватили «в Бадгисе» и «привели к Бату» (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 136, 137). Об одном ли и том же человеке идёт речь? По-видимому, нет. Схваченный сразу же Илджидай — это, очевидно, джалаир, приближённый к Угедю; он упоминается в рассказе о курултае 1251 г. (см. выше). Полководцем же, посланным Гуюком в поход на запад, был, вероятно, другой носитель этого распространённого в Монголии имени. Китайские источники также различают Алчжидая, казнённого вместе с другими эмирами, и Элчжигидэя, казнённого позднее, зимой 1251/52 г. (Храпачевский. Т. 3. С. 186, 187; ср.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 167).

⁵⁷ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 12, 140, 167. О казни Нагу («старшего сына» Гуюка?) сообщает Рубрук (правда, здесь же он сообщает и о казни Ширамуна ещё во время своего пребывания в Монголии, что неверно).

⁵⁸ Рубрук. С. 135–136.

⁵⁹ Джувейни. С. 188, 425. В рассказе об этих событиях Рашид ад-Диин Йи су-Менгу смешан с внуком Чагатая Йисун-Букой (Рашид ад-Дин Т. 2. С. 137)

⁶⁰ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 90; Рубрук. С. 125; Храпачевский. Т. 3. С. 188

⁶¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 565; ср.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 96–97.

⁶² Киракос Гандзакети. С. 236.

⁶³ Рашид ад-Дин, Т. 2. С. 166.

⁶⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 562.

⁶⁵ Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. С. 120.

⁶⁶ Там же. Т. 2. С. 140 и след.

⁶⁷ Об изгнании князя Святослава Всеволодовича Андреем Ярославичем сообщают наиболее ранние летописи, в том числе русские дополнения к т. н. «Летописцу вскоре» патриарха Никифора, а также Новгородская Четвёртая и Новгородская Карамзинская летописи (Пиотровская Е. К.

Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) // Православный палестинский сборник. Вып. 97 (34). СПб., 1998. С. 132; ПСРЛ.Т.4. Ч. 1.С. 631-632, 229; ПСРЛ. Т. 42. С. 118). В других летописях изгнание дяди приписывается князю Михаилу Ярославичу (см., напр.; ПСРЛ. Т. 39: Софийская Первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994. С. 86). О том, что Михаил Ярославич занимал великокняжеский престол — вероятно, в отсутствие Александра и Андрея на Руси, — может свидетельствовать его погребение в 1248/49 г. во владимирском Успенском соборе, усыпальнице великих князей.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472; ПСРЛ. Т. 25. С. 141; и др.

⁶⁹ Храпачевский. Т. 3. С. 186-187; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 141.

⁷⁰ Ср.: Романив В. Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»... С. 98-99. В то же время полагать, будто Андрей Ярославич согласовывал свои действия с Угедеидами в Монголии и даже рассчитывал на их помощь в борьбе с Батыем (Почекаев Р. Ю. Батый. С. 246-248), по-видимому, излишне: никаких намёков на это источники не содержат.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473; ПСРЛ. Т. 25. С. 141-142; ПСРЛ. Т. 10. С. 138-139.

⁷² ПСРЛ. Т. 25. С. 142. Учитывая, что о возвращении князя Святослава Всеволодовича «из Татар» в летописях не сообщается, можно предположить даже, что Святослав умер в Орде.

⁷³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 192.

⁷⁴ Татищев. Т. 5. С. 40.

⁷⁵ См., напр.: Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 51-52; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 148; и др.

⁷⁶ Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский в истории России. Новгород, 1996. С. 70-71.

⁷⁷ См.: Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. Здесь же следует сказать ещё о нескольких распространённых мифах в биографии Александра Невского и истории его взаимоотношений с Батыем. Так, например, нередко пишут об участии татарских отрядов, якобы посланных Батыем, в битве Александра с рыцарями Ливонского ордена на Чудском озере в апреле 1242 г. Эти сведения восходят к сочинению польского историографа Рейнгольда Гейденштейна, опубликованному в 1584 или 1585 г. и посвящённому заключительному этапу Ливонской войны, в частности походу польского короля Стефана Батория на Псков (см.: Гейденштейн Рейнгольд. Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 195); но они основаны на неверном толковании польским историком русских летописей, где ни о чём подобном не сообщается (см.: Карпов А. Ю. Великий князь Александр Невский. С. 115). С лёгкой руки Л. Н. Гумилёва в историографии получила распространение странная мысль о том, что Александр Невский в 1252 г. будто бы побратался с сыном Батыя Сартаком (Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. С. 361; и др.). Между тем это чистой воды домысел, не имеющий никаких подтверждений в источниках.

«Саин-хан»

¹ Тизенгаузен. Т. 1. С. 98 (египетский историк первой четверти XIV в. Рукн ад-Дин Бейбарс), 150 (ан-Нувейри), 378 (Ибн Халдун), 503, 505 (ал-Айни); Т. 2. С. 25–26 (Ибн Биби); Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 71; История монголов инока Магакии... С. 18, 32; Книга Марко Поло. С. 227 (правда, преемником «царя Саина» у Марко Поло назван «Пату», т. е. тот же Батый; подобную ошибку часто совершали и восточные авторы, считавшие Бату и Саин-хана разными людьми).

² См.: Идигей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990. С. 56; Чингиз-наме; Родословное древо тюрков (см. выше) и др.

³ Русский феодальный архив... Вып. 3. С. 594 (послесловие составителя краткого собрания ярлыков; не позднее 50—70-х гг. XV в.: «Саин, иже бе попленил Русскую землю»); ПСРЛ. Т. 7. С. 241 (Воскресенская летопись, перечень царей «Большой Орды», начинающийся с «Батыя Сеина»; возможно, это два имени, а не одно).

⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 526; он же. Батый. С. 499; см. также: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 147-148.

⁵ Бойадж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 28-31 (первая публикация статьи: Boyle J. A. The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Naples, 1970. P. 67-70). Посведениям Рашид ад-Дина, Мука-Огул на «малом» курултае 1249 г. уже называл Бату «Саин-ханом» (Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 130). Впрочем, передавая слова царевича, Рашид ад-Дин мог, наверное, и сам добавить известное ему прозвище Бату. О прозвище «Саин-хан» см. также: Понекаев Р. Ю. Батый. С. 26 (автор отмечает, что в поздней монгольской историографии под именем «Саин-хан» известны и некоторые другие правители XVI-XVII вв.).

⁶ Тизенгаузен. Т. 2. С. 15.

⁷ Там же. С. 21-22; Джувейни. С. 183-184.

⁸ Тизенгаузен. Т. 2. С. 84-85, 205; История монголов инока Магакии... С. 18 (в последнем случае автор, возможно, путает Батыя с Гуюк-ханом, но и прозвище, и характеристика явно относятся к Батыю).

⁹ Плано Карпини. С. 71.

¹⁰ Киракос Гандзакети. С. 218, 219, 222-224; Армянские источники о монголах... С. 104-105; и др. Изложение договора, заключённого между царём Гетумом и великим ханом Менгу, см.: Армянские источники о монголах... С. 67-

70 (в тексте стоит 1253 г.: очевидно, это год отъезда царя Гетума из своей страны).

¹¹ Тизенгаузен. Т. 2. С. 25.

¹² Там же. С. 143-144.

¹³ В переводе Г. В. Цулая: Анонимный грузинский «Хронограф»... С. 48-49.

¹⁴ Тизенгаузен. Т. 2. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 85.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Цит. по: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 569; о посольстве см. также: Жуанвиль. С. 112. Рубрук. С. 117.

¹⁹ Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 202. Ср.: Джувейни. С. 62.

²⁰ «Бату-кааном», по словам Джувейни, именовали правителя Улуса Джучи на курултае 1249 г. (Джувейни. С. 405; это та самая речь Муки-Огу-ла, в которой Бату, в передаче Рашид ад-Дина, назван «Саин-ханом» — см. выше). Издатель Джувейни Дж. Э. Бойл посчитал это вероятной опиской (Там же. С. 657; ср.: Уиуо/ш. Р. 561, п.), с чем, однако, справедливо не соглашается Р. Ю. Почекаев (Батый. С. 251).

²¹ Плано Карпини. С. 44.

²² Киракос Гандзакечи. С. 217-218, 195.

²¹ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 71.

²⁴ Рубрук. С. 141, 174-175.

²⁵ Там же. С. 126.

²⁶ Там же. С. 184.

²⁷ Киракос Гандзакечи. С. 225. Ср.: Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи... С. 80-81.

²⁸ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 140-142, 149.

²⁹ Киракос Гандзакечи. С. 221; История монголов инок Магакии... С. 23-24. Ср.: Армянские источники о монголах... С. 26, 35; Анонимный грузинский «Хронограф»... С. 77-78 (впрочем, в последнем Аргун назван «правотворцем и праворечивым»).

³⁰ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 149-150.

³¹ Храпачевский. Т. 3. С. 190, 208.

³² НПЛ. С. 82.

³³ Храпачевский. Т. 3. С. 191.

³⁴ Там же. С. 189, 191. По другим источникам, Урянхатай с самого начала командовал войсками Хубилая, направленными в Китай (Храпачевский Р. Ю. Военная держава Чингисхана. С. 506).

³⁵ Рашид ад-Дин. Т. 3. С. 23; Т. 2. С. 69, 81; Джувейни. С. 440 и след.; Bar Hebraeus' Chronography. P. 491.

³⁶ Киракос Гандзакечи. С. 227.

³⁷ Рашид ад-Дин. Т. 3. С. 24.

³⁸ Тизенгаузен. Т. 1. С. 246.

³⁹ Рашид ад-Дин. Т. 3. С. 24-26; Джувейни. С. 443-444; Киракос Гандзакечи. С. 226. Киракос датирует выступление Хулагу 1256 г., сообщая о нем уже после известия о смерти Батыя. Другие армянские хронисты датируют выступление Хулагу 1255 г. (Всеобщая история Вардана Великого/ Предисл., пер., коммент. М. Эмина. М., 1861. С. 182-183; Армянские источники о монголах... С. 26, 35).

⁴⁰ Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи... С. 81.

⁴¹ Рашид ад-Дин. Т. 3. С. 58-59; ср.: Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи... С. 82-83.

⁴² Тизенгаузен. Т. 1. С. 73, 150; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 81-82; Т. 3. С. 54. О мятеже царевичей из Утуса Джучи против Хулагу и жестокой казни двоих из них, а также массовых расправах над их сторонниками рассказывают армянские хронисты (Киракос Гандзакечи. С. 236; История монголов инока Магакии... С. 32).

⁴³ Тизенгаузен. Т. 2. С. 22; Джувейни. С. 184; Чингизнаме. С. 96.

⁴⁴ Тизенгаузен. Т. 2. С. 65. Ср.: Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 80.

⁴⁵ Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. С. 154, 160. Ср.: Почекаев Р. Ю. Батый. С. 275.

⁴⁶ Тизенгаузен. Т. 2. С. 210.

⁴⁷ Рубрук. С. 119-120.

⁴⁸ Жуанвиль. С. 46, 102.

⁴⁹ Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. С. 48.

⁵⁰ Там же. Т. 2. С. 71 (хотя в другом месте Рашид ад-Дин сообщает, что «жития его было 48 лет»: Там же. С. 81; ср. также прим. 8 к главе «Наследие Чингисхана»).

⁵¹ Рубрук. С. 122.

⁵² Плано Карпины. С. 71.

⁵³ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей... С. 219.

⁵⁴ Почекаев Р. Ю. Батый. С. 252; он же. Особенности формирования правовых воззрений кочевников Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / Отв. ред. П. К. Дашковский. Вып. 3. Барнаул, 2009. С. 298–309 (со ссылкой на сочинение персоязычного автора XV в. Муин ад-Дина Натанзи).

⁵⁵ Тизенгаузен. Т. 1. С. 506 (ал-Айни), 150 (ан-Нувейри).

⁵⁶ Рубрук. С. 111.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 31. Отметим и исключение: в позднем Устюжском летописном своде Батый (по инерии?) упоминается ещё и под 1257–1258 гг. (ПСРЛ. Т. 37. С. 30, 70).

⁵⁸ Об этом памятнике см.: Розанов С. П. «Повесть о убиении Батыя» // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пг., 1916. Т. 21. Кн. 1; Горский А. А. «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х гг. XV в. // Средневековая Русь. Ч. 3. М., 2001. С. 191–221; и др. Издание старшего списка летописной редакции: Горский А. А. Ук. соч. С. 218–221; редакции Великих миней четых митрополита Макария (где данная повесть присоединена к Сказанию об убиении Михаила Черниговского и боярина его Феодора): Великие миней четьи... Сентябрь. Дни 14–24. Стб. 1305–1308; в переводе на современный русский язык: БЛДР Т. 12: XVI век. СПб., 2003. С. 46–51 (подг. текста, пер., коммент. Н. Ф. Дробленковой).

⁵⁹ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 81; Тизенгаузен. Т. 1. С. 121, 150, 378, 505; Т. 2. С. 210. О различных версиях смерти Батыя в восточных и русских источниках см.: Фёдоров-Давыдов Г. А. Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников

(источниковедческие заметки) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21: Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 72–82.

⁶⁰ Тизенгаузен. Т. 2. С. 22, 85; Джувейни. С. 184.

⁶¹ Тизенгаузен. Т. 2. С. 91, 146.

⁶² Киракос Гандзакечи. С. 226. См. также: Всеобщая история Вардана Великого. С. 183; Армянские источники о монголах... С. 27 (из «Летописи» Себастаци, неизвестного автора XIII в., предположительно жившего в Себастии), 35 (Степанос епископ), 90 (Мхитар Айриванеци; без даты, в ряду других событий года), 105 (Давид Багишеци).

⁶³ Тизенгаузен. Т. 2. С. 16.

⁶⁴ Там же. С. 22; Джувейни. С. 184; Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 81; Киракос Гандзакечи. С. 226.

⁶⁵ Тизенгаузен. Т. 1. С. 150 (ан-Нувейри), 378 (Ибн Халдун), 506 (ал-Айни).

⁶⁶ Тизенгаузен. Т. 2. С. 18–19.

⁶⁷ См. также: Армянские источники о монголах... С. 27 (Себастаци), 105 (Давид Багишеци). По сведениям ещё одного армянского хрониста, Вардана Великого, Сартак «был отравлен своими братьями, возбуждёнными завистью, ибо Сартаку передал отец власть свою с присовокуплением к тому же владений Менгу-хана» (Всеобщая история Вардана Великого. С. 183).

⁶⁸ См., напр.: Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003. С. 63–64.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474–475; Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 325, 326; и др.

⁷⁰ Составной характер статьи 6766 г Лаврентьевской летописи отмечал Н. Г. Бережков: здесь, в одной статье, объединены события 6766 (1258/59) и следующего, 6767 (1259/60) гг. (Хронология русского летописания. С. 113–114). Но, может быть, ещё и предшествующего, 6765 (1257/58) г.? Во всяком случае, три из пяти известий статьи 6766 г. (о поездке князей в Орду, о возвращении князя Глеба Васильковича с женой-татаркой в Ростов и о приезде «численников» в Северо-Восточную Русь) являются, по

существо, общими для статей 6766 и 6765 гг., а одно (о поездке князей в Новгород) относится уже к 6767 г. Отмечу также, что в Рогожском летописце прямо сообщается о смерти Улагчи в 6767 (1259/60) г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 32). Но это известие, несомненно, надо признать ошибочным, ибо оно поставлено в связь с восшествием на престол (но не в Золотой Орде, а во всей Монгольской империи) «царя Кутлубея», т. е. хана Хубилая (ср.: Фёдоров-Давыдов Г. А. Смерть хана Бату... С. 80). Умер же в 1259 г. не Улагчи, а правитель Монгольской империи Менгу-хан.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66; Тизенгаузен. Т. 2. С. 129; ср.: Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 181–182.

Основные даты жизни Бату (Батыя)

Около 1205/06 (предположительно) — рождение Бату, второго сына Джучи, сына Чингисхана.

1227, февраль — март — смерть Джучи. Бату по воле Чингисхана становится наследником отца, главой его улуса.

9 сентября — смерть Чингисхана.

1229, август — сентябрь — участие Бату в курултае, на котором Угедей возведён на ханский престол. Первое упоминание Бату в источниках.

1230-1234 — вероятное участие Бату в войне с Китаем.

1235 — великий хан Угедей отправляет Бату и других царевичей в поход на западные страны.

1236 — начало Западного похода.

Осень — разгром Волжской Болгарии.

1236-1237 — армии Бату завоёвывают земли мордвы, буртасов, других поволжских народов.

Завоевание Половецкой степи.

1237, поздняя осень — вторжение войск Бату в пределы Рязанского княжества.

21 декабря — взятие Рязани.

1237/38, декабрь — январь — сражение у Коломны.

1238, 7 февраля — взятие Владимира на Клязьме.

4 марта — битва на Сити.

Март — осада Козельска.

1239, 3 марта — взятие Переяславля Южного.

18 октября — взятие Чернигова.

1240, февраль — взятие Магаса, столицы Алании.

Ссора Бату с царевичами во время победного пира, обмен посланиями по этому поводу с ханом Угедеем.

19 ноября или 6 декабря — взятие Киева.

1240/41, зима — завоевание Галицко-Волынской земли.

Декабрь — январь — великий хан отзывает Менгу и Гуюка на восток; ротация войск, участвующих в Западном походе.

1241 — вторжение в Польшу, Венгрию и другие страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

9 апреля — битва при Легнице правого крыла монгольского войска во главе с Байдаром и Ордой. Завоевание Польши.

11 апреля — битва на реке Шайо основных сил монгольского войска во главе с Бату и Субедеем. Завоевание Венгрии.

31 декабря — смерть Угедея.

1242, весна — завершение Западного похода.

Бату остаётся на Волге, где создаёт государство, получившее впоследствии название Золотая Орда.

1243 — Бату принимает русского князя Ярослава Всеволодовича и вручает ему «старейшинство» над остальными русскими князьями

1245/46, зима — пребывание у Бату князя Даниила Романовича Галицкого.

1246, 4-8 апреля — пребывание и ставке Бату Плано Карпини и членов его посольства. Убийство в ставке Бату русского князя Андрея Мстиславича.

24 августа — избрание Гуюка великим ханом.

20 сентября — убийство в ставке Багу князя Михаила Всеволодовича Черниговского и боярина Фёдора.

30 сентября — смерть в ставке Гуюка, близ Каракорума, великого князя Ярослава Всеволодовича.

1247 — выступление Бату на восток для встречи с ханом Гуюком.

1247-1249 — поездка к Бату и далее в Монголию князей Александра и Андрея Ярославичей.

1248, конец марта — апрель — смерть Гуюка.

1249, между 14 мая и 12 июня — курултай в местности Алатау-ула, вблизи становища Бату (в предгорьях Джунгарского Алатау): по повелению Бату, великим ханом избран Менгу.

Между 1249 и 1251 — смерть Орды, старшего брата Бату.

Не позднее 1251 — Бату возвращается в свой юрт на Волгу.

1251, 1 июля — великий курултай в Монголии: Менгу-хан возведён на ханский престол.

Начало репрессий Бату и Менгу против своих родичей и эмиров.

1252 — ярлык на великое княжение Владимирское получает князь Александр Ярославич Невский.

Июль — «Неврюева рать» — поход ордынских войск против князя Андрея Ярославича, разорение Переяславля-Залесского и окрестных территорий.

1253, август — пребывание в ставке Бату Гильома Рубрука и членов его посольства.

Поздняя осень — выступление Хулагу в поход на запад. Из-за вероятного противодействия Бату в течение двух с лишним лет Хулагу остаётся в пределах Средней Азии, не решаясь переправиться через Амударью.

1254, май — Бату принимает в своей ставке царя Киликийской Армении Гетума I.

1256, вторая половина января — февраль — смерть Бату.

Краткая библиография: источники и литература

Источники

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 71–112.

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. Г. В. Цулая. Вып. 1: Текст. М., 2005.

Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., предисл. и прим. А. Г. Галстяна. М., 1962.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 2005.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10: XVI век. СПб., 2000.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 16: XVI век. СПб., 2003.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. Л. М. Поповой; вступ. ст. и коммент. Н. И. Щавелевой. М., 1987.

Великие минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием (Памятники славяно-русской письменности) / Изд. Археографической комиссии. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869.

Всеобщая история Вардана Великого / Предисл., пер., коммент. М. Эмина. М., 1861.

Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005.

Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Изд. подг.

Г. Ф. Цыбулько, Ю. П. Малинин, А. Ю. Карачинский. СПб., 2007.

Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 1: Арабские и персидские сочинения / Сост., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.

Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.

Иакинф (Бичурин Н. Я.). История первых четырёх ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

Идигей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990.

История монголов инока Магакии, XIII века / Пер. К. И. Патканова. М., 1871.

Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер., предисл., коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976 (Памятники письменности Востока. Вып. 53).

Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева; ред. вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Мошольскан хроника 1240 г. под названием Mongol-un mγusa iohiigan Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1: Введение, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.

Лосева О. В. Житии русских сщм мх и составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV некой. М., 2009.

Лубсан Данзан. Алтай Тобчи («Золотое сказание») / Пер., коммент., прилож. Н. П. Шастиной. М., 1973 (Письменные памятники Востока. Вып. 10).

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. (тексты, перевод, комментарии). М., 1979.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / Сост., вступ. ст., коммент., указатели М. С. Гатина, Л. Ф. Абзалова, А. Г. Юрченко. Казань, 2008.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1873; Вып. 2. СПб., 1874.

Плано Карпины Дж. дель. История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / Сост., вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М., 1997.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репринт изд. 1926–1928 гг.).

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репринт изд. 1908 г.).

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская Четвёртая летопись. М., 2000 (репринт изд. 1915–1929 гг.).

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1: Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 7: Воскресенская летопись. 4.1. М., 2000 (репринт изд. 1856 г.).

Полное собрание русских летописей. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М., 2000 (репринт изд. 1885 г.).

Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М., 2000 (репринт изд. 1922 г.).

Полное собрание русских летописей. Т. 15. [Вып. 2]: Тверской сборник. М., 2000 (репринт изд. 1863 г.).

Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000 (репринт изд. 1889 г.).

Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.

Полное собрание русских летописей. Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.

Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

Полное собрание русских летописей. Т. 27: Никаноровская летопись. М.; Л., 1962.

Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л., 1982.

Полное собрание русских летописей. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

Присёлков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Псковские летописи. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941.

Псковские летописи. Вып. 2/ Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Под ред. И. П. Петрушевского. Т. 1. Кн. 1 / Пер. Л. А. Хетагурова; прим. А. А. Семёнова. М.; Л., 1952; Т. 1. Кн. 2 / Пер. О. И. Смирновой; прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. М.; Л., 1952; Т. 2 / Пер. Ю. П. Верховского; прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. М.; Л., 1960; Т. 3 / Пер. А. К. Арендса; под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.

Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906 (Известия Общества истории, археологии и этнографии при Имп. Казанском университете. 1905. Т. 21. Вып. 5-6).

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Текст подг. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина; под ред. В. И. Буганова. Вып. 3. М., 1987.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских / Собр. В. Г. Тизенгаузен. СПб., 1884.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Собр. В. Г. Тизенгаузен; обработ. А. А. Ромаскевич и С. Л. Волин. М.; Л., 1941.

Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Пер. А. Г. Кузьмина. Арзамас, 1993.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

Смбат Спарамет. Летопись / Пер. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974.

Собрание путешествий к татарам и другим восточным народностям в XIII, XIV и XV столетиях / Сост. Д. И. Языков. Т. 1. СПб., 1825.

Татищев В. Н. История Российская // Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 2–3. М., 1995; Т. 4. М., 1995; Т. 5. М., 1996.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Пер., прим., исслед. В. П. Юдина; коммент. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата, 1992.

Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита / Пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997.

Хрестоматия по истории средних веков. В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина. Т. 2: X–XV вв. М., 1963.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. / Поди, пер. С. В. Аксёнова и А. Г. Юрченко; экспозиция и исслед. А. Г. Юрченко. СПб., 2002.

Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Алад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. Е. А. Харитоновой (перевод издания Дж. Э. Бойла). М., 2004.

Bar Hebraeus' Chronography / Transl. from Syriac by E. A. Wallis Budge. Lnd., 1932.

Długosz Jan. Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. Ks. VII–VIII. Warszawa, 1975.

Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadinae gestarum/ Ed. E. Szentpétery. Vol. 2. Budapest, 1938.

Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartar / Publ. par J. Richard. Paris, 1965.

The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini/Transi, from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Vol. 1-2. Manchester, 1997.

Литература

Бартольд В. В. Батый (статья из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 496-500.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.

Березин И. Н. Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Ч. 86. № 5. Отд. 2.

Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1864 (Труды Восточного отделения Русского археологического общества. 1864. Ч. 8).

Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 28-31.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Тверь; М., 1997.

Горский А. А. «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х гг. XV в. // Средневековая Русь. Ч. 3. М., 2001. С. 191-221.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950.

Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

Гумилёв Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. 2-е изд. М., 2009.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей: От древности к Новому времени. 3-е изд. СПб., 2009.

Насонов А. Н. Монголы и Русь (История монгольской политики на Руси). М., 1940.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007.

Почекаев Р. Ю. Цари Ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

Почекаев Р. Ю. [Рецензия на:] Чойсамба Чойжилжавын. Завоевательные походы Бату-хана // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Декабрь. Сер. 2. Вып. 4. С. 330–337.

Розанов С. П. «Повесть о убиении Батыя» // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пг., 1916. Т. 21. Кн. 1.

Романив В. Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 84—100.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Ульянов О. М. Смерть Батыя (к вопросу о достоверности летописного сообщения о гибели в Венгрии золотоордынского хана Батыя) // Сборник Русского исторического общества. Т. 1. М., 1999. С. 157–170.

Ундасынов И. Н. Джучи-хан // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 29–39.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21: Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 72–82.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.

Чойсамба Чойжилжавын. Завоевательные походы Бату-хана. М., 2006.

Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Сб. ст. в честь В. К. Зиборова. СПб., 1997. С. 110–135.

Юрченко А. Г. Францисканская миссия 1247 г. во владениях Бату-хана // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 110–129.

Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингис-хана (Русские и латинские известия) // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 245–260.

Языков Д. И. Сартак. Батый. Мангу-хан // Труды Российской Академии. 1840. Ч. 3.

Boyle J. A. The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Naples, 1970. P. 67–70 (см. перевод: Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 28–31).

Chambers J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. Lnd., 1979.

Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde: The Mongol impact on Russian history. Lnd., 1987.

Halperin Ch. J. The Defeat and Death of Batu // Russian History. Irvine (Cal.). 1983. Vol. 10. № 1.

Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Pt. 2: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Lnd., 1880.

Справочные издания и пособия

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971.

Климишин И. А. Календарь и хронология. 2-е изд. М., 1985.

Лен-Пуль С. Мусульманские династии / С прим. В. В. Бартольда. СПб., 1899.

Орбели И. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.; Л., 1961.

Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.

Buell P. D. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. Lanham, Maryland; Oxford, 2003.

Указатель имён

- Абага, ильхан, сын Хулагу 184
Абд-ар-Рахман, хорезмиец 217, 230
Абзалова Л. Ф. 332
Абикэ-беги, сестра Соркуктани-беги 136, 230
Абукан, сын Бату 285
Абу-л-Гази, хивин. 17, 24, 26, 79, 125, 149, 294, 313, 333
Абу-л-Фарадж (Мар Григорий, Бар-Гебрей), сирий. 9, 270, 286, 294, 311, 322, 323, 326, 333
Абусеитова М. Х. 294, 333
Аваг Мхардзели, атабек 166, 167, 205, 207, 219, 220, 268, 284
Агафья Всеволодовна, жена кн. Юрия Всеволодовича 64, 68
ал-Айни, араб 286, 290, 320, 321, 325, 327
Акимова О. А. 295, 308, 333
Аксёнов С. В. 295, 333
Актай, половец 142
Актачи, сын Ханхуса 84
Ала ад-Дин, сын Гийс ад-Дина 222
Алан-Гоа, праматерь Чингисхана 121, 283
Алгу, сын Байдара 254
Алджукдай — см. Илджидай, эмир
Александр Македонский 5, 17, 130
Александр Ярославич Невский, вел. кн., св. 65, 75, 88, 90, 164, 175, 196, 199, 212–214, 232–234, 257–263, 290, 317, 321, 324, 325, 330
Александр, брат кн. Святослава липовичского 171
Алексей, митр., св. 145
Алталун — см. Чаур-сечен
Алчидай-нойон 96, 323. См. также Илджидай
Алчу-нойон — см. Ильчи-нойон
Андре Лонжюмо, посол 184, 185, 238
Андреев С. И. 300
Андрей, кор. венгер. 105

Андрей Мстиславич, кн. черниговский 180, 200, 201, 265, 319, 329
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн., св. 314
Андрей Ярославич, вел. кн. 175, 214, 234, 257–262, 324, 330
Андрей, агиограф 306, 318
Андрей, наместник кременецкий 172, 316
Аннинский С. А. 295, 298–300, 309, 331
Антонин (Капустин), архим. 304
Анфертьев А. Н. 318
Апоница, «пестун» кн. Фёдора Юрьевича 58
Аргасун, сын Эльчжигидая (Илджидая) 91, 92, 95–97, 236, 251
Аргун, эмир 225, 266, 273–275, 277, 326
Арджумак, половец 81
Арендс А. К 333
Ариг-Буга, хан 146, 147, 255
Аристальд, граф 115
Арслан, кн. аланский 84
Арсланова А. А. 298
Асцелин, посол 196, 197, 219, 295, 317
Аттила, завоеватель 109
Ахмат, баскак 169— 171

Бабаян Л. О. 321
Баимур, татарин 211
Баиши, татарин 316
Байдар, сын Чагатая 26, 27, 100, 110, 113–115, 138, 329
Байер Г.-В. 304 Байлаков К 322
Бала-яргучи 244, 245
Балай «богатырь» 142
Балакан (Булгай), сын Шибана 277
Бар-Гебрей — см. Абу-л-Фарадж
Барсег (Василий), посол Бату, армян. 266, 273
Бартольд В. В. 7, 9, 22, 294–297, 317, 322–325, 334, 335
Батур, ас (алан) 85
Бахату, сын Шибана 19, 310
Бахату, полководец 116, 123, 127, 310

Бачман, кн. половец. 45–47, 133, 299
Бачу (Байджу) — нойон 196, 197, 218–223, 235, 276, 277,
320
Баян, кн. болгар. 43
Бегунов Ю. К. 320, 324, 331
Бейбарс Рукн ад-Дин, араб 286, 325
Бела IV, кор. венгер. 51–53, 88, 89, 107–109, 117–119, 124,
128, 129, 131–133, 135, 142, 188, 202, 209, 210
Бендефи Л. 299
Бенедикт Поляк, монах 9, 110, 114, 119, 123, 136, 161,
183–185, 187, 189, 193, 234, 318, 319, 321
Бердибек, хан 145, 291
Бердибек (Бердебек), воевода (вымышл.?) 123
Бережков Н. Г. 302, 304, 328, 335
Березин И. Н. 334
Берке, брат Бату 20, 27, 81, 86, 143, 144, 150–152, 155,
165, 167, 175, 225, 243, 244, 246–249, 254, 256, 261, 262, 269–
271, 278, 280, 281, 283, 284, 288—291
Берке (Беркай), битегчи 275
Беркечар, брат Бату 20, 270, 289
Беркути (Меркути), кн. половец. 81
Бертельс Е. Э. 333
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 294, 331
Бодончар, предок Чингисхана 121
Бойл Дж. Э. — см. Boyle J. A.
Болеслав Стыдливый, кн. сандомирский 110
Болеслав Щепёлка, кузен Генриха II Благочестивого 111,
112
Бомон Жан де, адмирал 282
Боорчи-нойон 41, 93
Боракчин, жена Бату 208, 280, 281, 285, 287, 289, 290
Борис Василькович, кн. ростовский 75, 163, 175, 188, 191,
192, 290, 318
Борис Владимирович, кн., св. 192
Борисевич Г. В. 301
Борте-Чино, предок Чингисхана 12
Борте-учжина, жена Чингисхана 13, 14, 18, 243, 281, 297
Босворт К. Э. 335

Бридиа де — см. Ц. де Бридиа
Брячислав, кн. полоцкий 90
Бувал (Мовал), брат Бату 149, 313
Буга (Багуй) — богатырь (Иван), «ясащик» 165
Буганов В. И. 312, 333
Букдай, полководец 83
Буланин Д. М. 300
Булычёв А. А. 308
Бунятова З. М. 303
Буралдай — см. Бурундай
Бури, сын Мутугэна 22, 26–28, 59, 78, 81, 83, 91–95, 97, 100, 106, 110, 115, 138, 247, 252, 253, 255, 283, 306, 310
Бурундай (Буралдай), полководец 41, 73, 93, 100, 118, 125, 150, 151, 172, 211
Бучек (Буджак), сын Тулуя 26, 27, 47, 81, 93, 96, 100, 110, 129, 281, 306, 310
Бэкон Роджер, англ. 309

Ваймас, жена Ханхуса 84
Валиулина С. И. 299
Ван-хан (Тогрул-хан), кереит 13, 136, 143
Вардан Великий, армян. 270, 326–328, 331
Василий III Иванович, вел. кн. 209
Василий, кн. козельский 77
Василий Всеволодович, кн. ярославский, св. 71, 163, 175
Василий (Василько) Константинович, кн. ростовский, св. 64, 73–75, 163, 174, 178, 271, 303
Василий (Василько) Романович, кн. галицко-волинский 105, 141, 142, 202, 203, 209, 211
Василий-Варлаам, агиограф 320
Вассаф (Вассаф-и-хазрет, Ибн Фазлаллах), перс 21, 83, 121, 125, 155, 265, 269, 286, 287, 311
Вацлав, кор. чешский 111, 114, 132
Верещагин В. В., художник 160, 161
Вернадский Г. В. 7, 136, 137, 294, 295, 298, 309, 311, 317, 323, 325, 334
Верховский Ю. П. 280, 333
Виллани Джованни, флорентиец 131, 311

Вильгельм (Гильом) III, еп. Парижский 116, 298
Винсент Бове, хронист 122, 319
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. 67, 301
Владимир Константинович, кн. угличский 64, 73, 74, 163,
175
Владимир Рюрикович, кн. киевский 65, 305
Владимир Святославич, кн., св. 7, 101
Владимир Юрьевич, сын Юрия Всеволодовича 50, 63—66
Владимир (Влодзимеж), воевода краковский 110, 111
Владимирцов Б. Я. 297
Владислав, кор. венгер. (?) 286
Влодарский Ю. 309
Волин С. Л. 294, 295, 333
Волкова Т. Ф. 314
Всеволод Константинович, кн. ярославский 64, 73, 74,
163, 303
Всеволод Мстиславич, кн. смоленский 90
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. 56, 59, 67,
72
Всеволод Юрьевич, сын Юрия Всеволодовича 62, 64, 66,
69, 70, 302

Галстян А. Г. 294, 315, 331, 333
Гасан Джалал, ишхан 266
Гатина М. С. 332
Гаффари Ахмед Ибн Мухаммед, перс 281, 286, 296
Гаянчар (Таянчар), откупщик 316
Гвихард Кремонский, посол 196
Гейденштейн Рейнгольд 324
Гёкеньян Х. — см. Goeskenjan H.
Генрих III, кор. англ. 139, 309
Генрих I Бородатый, кн. силезский 188
Генрих II Благочестивый, кн. силезский 111–114, 117,
161, 188
Генрих, граф тюрингский 116
Георгий IV Лаша, царь грузин. 219
Герберштейн Сигизмунд 167, 209, 316, 320
Гетум I, царь армян. 233, 266, 267, 273, 286, 325, 330

Гийс ад-Дин Кай-Хосров II, султан 219, 222, 232, 266, 267, 321

Гиральд, архиеп. Бордоский 132

Глеб Василькович, кн. ростовский 75, 163, 175, 178, 192, 318, 328

Глеб Владимирович, кн. рязанский 55, 301

Гоа-Марал, праматерь Чингисхана 12

Голубовский П. В. 308

Горнунг М. Б. 332

Горский А. А. 324, 327, 334

Горский А. Д. 302

Греков Б. Д. 311, 334

Григор Акнерци, армян. 187, 265, 277, 317. См. также

Магакия, инок

Григорий, еп. Дьёрский 124

Григорьев А. П. 312

Грушевский М. С. 306

Гумилёв Л. Н. 319, 321, 324, 325, 334

Гусейнов Р. А. 294

Гуюк-хан 26-29, 32, 44, 59, 81, 83, 85, 91-97, 100, 106, 107, 136-139, 166, 168, 180-182, 185, 187, 193, 194, 199, 214-216, 220-222, 225-242, 244-251, 254-257, 270, 272, 276, 280, 284, 296, 307, 308, 312, 321-323, 325, 329, 330

Давид VI Нарин, царь грузин. 219-221, 227, 233

Давид VII Улу, царь грузин. 219-221, 227, 233

Давид Багишеци, армян. 327

Давид, слуга Авага Мхардзели 268

Давыд Фёдорович, кн. ярославский, св. 179

Далай Чулууны 297

Даниил Романович, кн. галицкий 88, 89, 103-106, 141, 142, 150, 164, 166, 172, 175, 179, 180, 183, 187-189, 194, 196, 202-211, 213, 259-262, 284, 305, 319, 320, 329

Даниил, иг. владимирский 68

Даркевич В. П. 301

Дашковский П. К. 327

Джанибек, хан 145

Джебе, полководец 22, 23, 40, 44, 142

Джелал ад-Дин, султан 22, 159, 271
Джелме, полководец 298
Джику, кн. болгар. 43
Джодж-Буга, татарин 166
Джувейни Ала ад-Дин Ата-Мелик, перс 9, 26, 27, 39, 42, 45, 46, 83, 100, 107, 120, 121, 125, 152, 186, 223, 225, 244, 252, 265, 269, 280, 285-289, 294, 295, 297-299, 304, 308, 310, 311, 314, 320-323, 325-327, 333
ал-Джузджани Минхадж ад-Дин, перс 16, 17, 154, 242, 243, 253, 264, 269, 270, 287-289, 317, 322
Джучи, отец Бату 13-20, 22, 27, 28, 71, 92-94, 134, 136, 145, 147, 162, 218, 223, 237, 242, 243, 279, 295, 297, 312, 315, 329
Де Бридиа — см. Ц. де Бридиа
Дионисий, венгер. 108
Дипольд, маркграф моравский 111
Длугош Ян, польск. 111-114, 309, 333
Дмитр, тысяцкий кн. Даниила Галицкого 88, 101, 103, 104, 107, 117
Дмитр Ейкович, боярин кн. Ярослава Всеволодовича 164, 204
Дмитриев Л. А. 306, 315, 316, 318
Дмитриева Р. П. 315
Дмитрий, сын кн. Святослава Всеволодовича 175, 258
Добродомов И. Г. 314
Доман, убийца кн. Михаила Черниговского 191, 193—195
Дорож, разведчик 73
Дробленкова Н. Ф. 327
Дэй-Сечен, тесть Чингисхана 13, 297
Дюдень (Туден), царевич 316

Евпатий Коловрат, богатырь 60—61
Евпраксия, жена кн. Фёдора Юрьевича 58
Евстратов И. В. 314
Евфросинья, игуменья суздальская 71
Егоров В. Л. 300, 312, 314, 315, 324, 328, 334
Елдега (Ельдеке), «управляющий» Бату 190-192, 194,

Елюй Чуцай, кит. 38, 298
Емер 232. См. также Темир
Еремей Глебович, воевода 62
Есугай-Баатур, отец Чингисхана 12, 13, 38, 283
Есунге, царевич 20

Жидослав, воевода переяславский 260
Жирослав Михайлович, воевода 73
Жуанвиль Жан де, фр. 282, 315, 325, 327, 331
Жузе П. К. 315

Зайцев А. К. 316
Зиборов В. К. 317

Иакинф — см. Бичурин Н. Я.
Ибн ал-Асир, араб 159, 160, 315
Ибн Баттута, путешественник 144-146, 155
Ибн Биби, сельджук 222, 321, 325
Ибн Вали Махмуд, афган. 313
Ибн Васил, араб 297
Ибн Халдун, араб 264, 286, 290, 325, 327
Ибн Шадцад, посол 184
Иван III Васильевич, вел. кн. 167
Иван IV Васильевич Грозный, царь 5
Иван Всеволодович, кн. стародубский 88, 163, 175
Иван, сын кн. Фёдора Юрьевича 58
Иван Шаин, рязанец 319
Иване Мхардзели, атабек 219
Ивон Нарбоннский 131, 132
Игнатий Смольянин 300
Игорь Ингваревич (Игоревич), кн. рязанский 55, 61, 301
Изз ад-Дин Кай Кавус II, султан 222, 223
Измаил, библия. 130
Изяслав Владимирович, кн. рязанский 55
Иландур (?) 142
Илджидай (Эльчжигидай), эмир 91, 235, 236, 251, 255,
270, 306, 323
Илджидай, лжалаир 136, 249, 323

Илджидай — см. Эльчжигидай
Ильчи-нойон, унгират, дед Бату 18, 297
Иннокентий IV, папа 9, 179, 182, 210, 232, 233, 320, 321
Иннокентий Гизель, архим. 102
Иоанн Богослов, апостол 122, 130
Иоанн, «пресвитер», легенд. 13, 136
Иоанн, еп. (?), духовник кн. Михаила Черниговского 189,
318

Йезди Шериф ад-Дин Али, перс 125, 126, 287, 310
Йису-Менгу, сын Чагатая 230, 231, 241, 247, 248, 252,
253, 255, 323
Йисун-Бука, внук Чагатая 323

Кадакач-хатун, мать Ширамуна 254
Кадан (Кадаган), сын Угедея 26, 27, 43, 59, 78, 81, 83,
100, 110, 115, 118, 126, 132-134, 138, 244, 248, 252, 306, 310
Казвини Хамдаллах, перс 287
Калаладин, зять Чингисхана (?) 165
ал-Калкашанди 312
Капаран, половец 81
Кара-Хулагу, сын Мутугэна 19, 230, 231, 241, 244, 248,
252, 253
Карамзин Н. М. 319
Карачар, сын Угедея 250
Карачинский А. Ю. 315, 331
Каргалов В. В. 300
Каргер М. К 308
Карл XII, швед. 5
Карпов А. Ю. 320, 324
Карпов С. П. 321
Картан, зять Бату 151, 209, 320
Касачик, татарин 275
Качир-укулэ, ас 47
Качиун (Хачиун), брат Чингисхана 91
Киракос Гандзакечи, армян. 160, 161, 166, 207, 219, 220,
251, 255, 256, 265-267, 272, 273, 277, 287-289, 310, 315-317,
320, 323-327, 331

Кирилл Иерусалимский (?), св. 76, 304
Кирилл, еп. Ростовский 75, 212, 213
Кирша Данилов 316
Киселёв С. В. 307
Климишин И. А. 335
Ключевский В. О. 303
Кляшторный С. Г. 297, 298, 312, 313, 327, 334
Козин С. А. 9, 294, 295, 298, 299, 306, 310, 321, 331
Колесов В. В. 306, 316
Коломан (Кальман), брат Белы IV 52, 109, 123, 124, 128
Конрад IV, кор. германский, имп. 129, 131
Конрад I, кн. мазовецкий 89, 187, 188
Константин Владимирович, кн. рязанский 55
Константин Всеволодович, вел. кн. 64
Константин (?) Всеволодович, кн. ярославский, св. 71
Константин Фёдорович, кн. ярославский, св. 179
Константин Ярославин, сын Ярослава Всеволодовича
163, 175, 180, 193, 194, 198, 213
Конявская Е. Л. 307, 319
Косьма, русский 181
Котия, воевода Бату 259
Котляр Н. Ф. 304, 306, 308, 320, 331
Котян, кн. половец. 44, 45, 52, 53, 108
Кощеев В. Б. 300
Крадин Н.Н. 315
Кривошеев Ю. В. 300
Ксения, тёща кн. Фёдора Ростиславича Чёрного 178
Кугедей (Кокошай), полководец 297
Кудэн, сын Угедея 29, 216, 217, 228, 229, 248, 252, 321
Кузнецов А. А. 301
Кузьмин А. В. 303, 319
Кузьмин А. Г. 301, 302, 333
Кузьмина Л. Ф. 312, 333
Кул-Пулад, помощник Чин-Тимура 224
Кулаков А. 309
Кулан-хатун, жена Чингисхана 27
Кули, сын Орды 277
Кулкан (Кулькан), сын Чингисхана 26, 27, 43, 59, 63, 100

Кунг-Кыран, сын Орды 313
Кункур-Тогай, нойон 244
Куран-бас, половец 81
Куремса (Коренца), улусник 150, 151, 172, 204, 260
Куркуз, уйгур 223–225, 311
Курумиши (Хурумши), сын Орды 313
Кутак, сын Карачара 250, 251
Кутан, полководец 134
Кутлубей, «царь» 328. См. также Хубилай
Кучкин В. А. 314
Кучу, сын Угедая 18, 137, 297
Кычанов Е. И. 297–299, 301
Кяхтей-нойон, муж Абикэ-беги 136

Лавров Л. И. 305
Лаушкин А. В. 318
Лев Данилович, кн. галицкий 209, 211
Легаз С. 309
Ледерер Э. 320
Лен-Пуль С. 335
Липкин С. И. 325, 331
Лихачёв Д. С. 301
Лихачёва О. П. 307, 316, 320
Лобакова И. А. 301, 314
Лосева О. В. 306, 318, 331
Лубсан Данзан, лама 16, 295, 306, 322, 323, 332
Лукиан, священномученик 102—103
Лызлов Андрей 309
Лысенко П. Ф. 308
Людовик IX Святой, кор. фр. 9, 112, 184, 270, 273, 282

Магакия, инок 311, 317, 322, 325, 326, 331. См. также
Григор Акнерци
Магидович И. П. 317, 331
Майоров А. В. 306, 308
Макарий, митр., св. 316, 327, 331
ал-Макризи, араб 186
Малеин А. И. 294, 295, 316, 318
Малинин Ю. П. 315, 331

Манаман «богатырь» 142
Мангай, царевич 96
Мансикка В. 332
Мария Михайловна, жена кн. Василька Константиновича
75, 188, 192
Марко Поло 56, 264, 267, 317, 325, 331, 332
Масуд-бек, сын Махмуда Ялавача 217, 218, 230, 279
ал-Масуди, араб 304
Матарша, ас (алан) 85
Матвей, еп. Эстергомский 124
Матвей Меховский, польск. 309
Матвей Парижский, англ. 132, 311
Матузова В. И. 295, 298, 300, 308–311, 315, 319–321, 332
Мауци (Могучей), улусник 151, 180, 203, 313
Махмуд Ялавач, хорезмиец 217, 230
Мелик (Мелик-Огул), сын Угедая 248, 252
Менгу (Мунке), хан 10, 11, 22, 26–30, 44–47, 59, 80, 81,
83, 84, 87, 88, 93, 100, 106, 107, 136–138, 146, 147, 154, 175,
181, 198, 215, 216, 225, 230, 231, 235, 240–259, 265–268, 270–
280, 282, 287–290, 296, 299, 305, 307, 322, 323, 325, 328–330
Менгу-Темир, внук Бату 147, 178, 186, 201, 285, 291, 316
Менгусар, яргучи 244, 245, 250–252, 254, 255
Меркурий Смоленский, св. 90
Мерперт Н. Я. 307
Мешко (Мечислав), кн. опольский 111, 112
Милей, наместник в Бакоте 172, 316
Минаев И. П. 317, 331
Минорский В. Ф. 295, 305
Минуш, королевич венгер. 124
Митрофан, еп. Владимирский 50, 68, 69, 302
Михаил Всеволодович, кн. черниговский, св. 61, 74, 75,
87–89, 103, 141, 164–166, 175, 180, 183, 187–201, 213, 265,
305, 306, 317–319, 329
Михаил (Кир) Всеволодович, кн. пронский 61, 62
Михаил Фёдорович, кн. ярославский 178
Михаил Ярославич (Хоробрит?), кн. московский 257, 324
Михей, алан 84, 169
Могучей — см. Мауци

Модест, архиеп. 308
Монгайт А. Л. 301
Моця А. П. 299
Мочи (Муджи), сын (или внук) Чагатая 244, 314
Мстислав, кн. рыльский 142, 201, 311, 319
Мстислав Глебович, кн. черниговский 86, 305
Мстислав Романович, кн. киевский 22
Мстислав Святославич, кн. черниговский 22
Мстислав Юрьевич, сын Юрия Всеволодовича 50, 64, 66,
69, 70, 302
Мубарек-шах, сын Кара-Хулагу 253
Мука-Огул, сын Тулуя 245, 246, 249, 250, 325, 326
Мука-хатун, жена Угедея 215
Мунке — см. Менгу-хан
Мункуев Н. Ц, 298,317
Мутугэн, сын Чагатая 18, 19, 27, 63
Мухаммед Ала ад-Дин, хорезмшах 16, 22, 74, 133
Мхитар Айриванеци, армян. 327
Мыськов Е. П. 328

Нагу, сын Гююка 240, 244, 247, 248, 250, 251, 323
Надм ад-Дин Ходжа, писец Бату 285
Назаренко А. В. 316
Назарова Е. Л. 320, 321, 332
Наполеон, имп. 5
ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад 303
Насонов А. Н 300, 316, 332—334
Натанзи Муин ад-Дин, перс 327
Не Юнь-ти, воин 84
Невруй, воевода Бату 259—261
Никифор, патр. Константинопольский, св.324
Ногай, внук Бувала 149, 150, 170, 286, 313
ан-Нувейри, араб 32, 45, 286, 290, 320, 325, 327

Огул-Каймиш, жена Гююка 239, 240, 244, 245, 254, 255,
257
Олабуга, воевода Бату 259
Олег, кн. рыльский 170—172

Олег Игоревич Красный, кн. рязанский 61, 62, 175, 180, 260, 319

Ольга, княг., св. 7

аль-Омари, араб 155, 162, 231, 236, 238, 251, 278, 279, 322

Онгу-Тимур, сын Чин-Тимура 223, 224

Орбели И. А. 335

Орда, брат Бату 17-21, 26, 27, 39, 59, 100, 110, 113-115, 145, 147, 148, 218, 230, 244, 297, 312, 313, 329, 330

Оттон II Баварский, герцог 131

Отчигин — см. Тэмугэ-Отчигин

Охотникова В. И. 320

Очир Сечен 295

Оэлун-учжина, мать Чингисхана 13, 94

Пак Н. Я. 319

Пакослав, воевода сандомирский 110

Памва, затворник, св. 103

Панкратов Б. И. 299, 333

Патканов К. П. 294, 311, 331, 332

Паузе И. В. 63

Пахомий, архим. владимирский 68

Пахомий Логофет, агиограф 286

Пачкалов А. В. 314

Пашуто В. Т. 309, 311, 316, 320, 321

Пеголотти Франческо Бальдуччи, флорентиец 158, 314

Пеллио П. 299, 322

Пётр I, имп. 5

Пётр, архиеп. русский 165, 197, 315, 319

Пётр, «царевич Ордынский», св. 165, 315

Пётр Ослядюкович, воевода 64, 66

Петрушевский И. П. 294, 320, 333

Пимен, митр. Московский 300

Пиотровская Е. К. 324

Плано Карпини Джиованни дель, посол 9, 34, 35, 56, 80, 92, 100, 103, 110, 119, 121, 135, 136, 139, 147, 150-153, 161, 166-170, 179-182, 184, 187, 189, 190, 192-196, 200, 201, 204,

207, 209, 210, 221, 227, 228, 230–235, 265, 267, 272, 284, 294, 295, 298, 304–308, 310–322, 325–327, 329, 332, 333

Плахонин А. Г. 304, 331

Плетнёва С. А. 299, 308

Плигузов А. И. 312, 333

Поло, братья 158

Полубояринова М. Д. 317

Пономарёв А. И. 320

Понс де Обон, магистр 112, 131

Попова Л. М. 309, 331

Поппо, магистр 111

Порфирий, еп. Черниговский 86, 87

Почекаев Р Ю. 10, 295, 297, 298, 300, 306, 310, 315, 319, 321, 323–327, 334

Присёлков М. Д. 302, 312, 317, 328, 332, 333

Прокофьев Н. И. 319

Прохоров Г. М. 301

Пургас, кн. мордовский 43, 90

Пуреш, кн. мордовский 43, 44, 112

Пушкин А. С. 140, 311

Пэн Да-я, кит. 33, 44, 144

Рашид ад-Дин, Фазлаллах Ибн Абу-л-Хейр, перс 9, 14, 15, 19–21, 29, 35, 39, 42, 43, 45, 47, 48, 59, 63, 64, 69, 72, 74, 78, 81, 83, 84, 100, 105, 107, 120, 121, 125, 126, 129, 134, 142, 144, 148, 149, 162, 215–218, 223, 225–229, 236–242, 244, 245, 247, 249, 251, 252, 256, 264, 272, 274–278, 280, 283, 285, 286, 288, 294–299, 301–304, 306–308, 310–313, 315, 320–327, 333

Рогерий, диакон варадский 115, 116, 295, 309, 310

Розанов С. П. 327, 334

Роман Данилович, кн. галицкий 209, 210

Роман Игоревич, кн. рязанский 62, 63, 301, 302

Роман Ольгович, кн. рязанский 62, 74, 180, 201

Романив В. Я. 321, 323, 324, 334

Ромаскевич А. А. 294, 333

Ростислав Михайлович, сын Михаила Черниговского 88, 89, 141, 142, 188, 202, 203

Ростислав Мстиславич, кн. киевский 88

Рубрук Гильом (Вильгельм), посол 9, 39, 56, 99, 150–155, 157, 168, 169, 181, 185, 198, 206, 237–239, 251–253, 267, 271–273, 281–286, 290, 294, 295, 298, 305, 307, 313–317, 319, 320, 322, 323, 326, 327, 330, 332, 333

Рукн ад-Дин Кылыч Арслан IV, султан 222, 223, 227, 233

Русудан, царица грузин. 219–221, 232

Рясянен М. 296

Саблуков Г. С. 294, 296, 333

Савва, архиеп. Сербский, св. 286

Савченко С. В. 309, 311

Сартак, жена Джучи 18

Сартак, сын Бату 125, 143, 150–152, 157, 175, 182, 192, 247, 256, 258, 260, 261, 266, 269–271, 285–290, 310, 325, 328

Сафаргалиев М. Г. 297, 313

Святополк, кн. (?) 180

Святослав, кн. липовичский 170, 171

Святослав Всеволодович, вел. кн. 65, 73, 74, 88, 163, 175, 180, 257, 258, 260, 324

Святослав Игоревич, кн. 5, 120

Святский Д. О. 298

Себастиаци, армян. 327

Севастьянова А. А. 303

Сейф ад-Дин Бахарзи, шейх 270

Селезнёв Ю. В. 316

Семёнов А. А. 333

Семенченко Г. В. 312, 333

Серапион, еп. Владимирский 173

Серебрянский Н. И. 306, 318, 333

Сили Цяньбу, тангут 59

Симеон, еп. Переяславский, св. 86

Симон де Сент-Квентин, посол 196, 197, 319, 333

Сказкин С. Д. 309, 333

Скатай, родич Бату 150

Скрынникова Т. Д. 310

Смбат Спарпет, армян 161, 233, 234, 322, 333

Смирнов Я. Е. 303

Смирнова О. И. 333

Сонгур, половец 183, 194, 205
Сонкур, брат Бату 134, 147
Соркуктани-беги, жена Тулуя 28–30, 136, 137, 216, 237, 239–242, 247, 248, 254, 255
Софья Палеолог, жена Ивана III 167
Срединская Н. Б. 319
Ставиский В. И307
Степанос епископ, армян. 327
Субедей, полководец 22–26, 38, 40, 41, 43–45, 73, 74, 78, 79, 81, 93, 96, 100, 106, 107, 118, 126–128, 134, 142, 218, 235, 244, 297, 298, 307, 329
Суку-Мулчитай, человек Бату 30
Сулислав, брат Владимира, воеводы краковского 111
Султанов Т. И. 297, 298, 312, 313, 327, 334
Суй Тин, кит. 31, 76, 144, 206

Тайдула, жена Узбека 145, 146
Тамара (Тамар), царица грузин. 219
Тангут, брат Бату 20, 26, 27, 39, 100, 224
Татищев В. Н. 49, 50, 55, 56, 261, 262, 300–302, 324, 333
Тачар, внук Тэмугэ-Отчигина 244
Телебуга, хан 170, 286
Темир, воин кн. Ярослава Всеволодовича 231, 232
Темучжин — см. Чингисхан
Тенгиз-гурген, зять Гуюка 255, 256
Терэл, найман 154
Тизенгаузен В. Г. 9, 280, 294–299, 303, 304, 310–315, 317, 320–323, 325–328, 333
Тимур (Тамерлан), завоеватель 5, 146, 161, 314
Тимур-Кутлы, хан 312
Тимур-Мелик, эмир Ходжента 271
Тимур-нойон 244
Титов А. А. 303
Тобчак, человек Бату 275
Товрул, татарин 100
Тогашай, жена Йису-Менгу 241, 252
Токта, хан 149, 150
Томашевський С. 315

Толочко А. П. 324
Толочко П. П. 304, 308
Тора-ага, человек Бату 274
Тохтамыш, хан 148, 312
Тохтоа-беки, меркит 13, 243
Трепавлов В. В. 295, 313, 322, 326, 334
Тропин Н. А. 300
Туда-Менгу, внук Бату 179, 285, 290
Тук-Буга, темник 150
Тука-Тимур, брат Бату 20, 147, 246, 256, 312, 313
Тукан, сын Бату 285, 290
Тукар (Букар, Тукан), кн. черкесский 81
Тулуй, сын Чингисхана 14, 15, 19, 20, 27-30, 35, 93, 216, 237, 243, 245, 248
Тумегань, жена Субедея 41
Туракина-хатун, жена Угедея 136, 137, 199, 215-217, 225-233, 240, 243, 245, 267
Тутар, внук Джучи 277
Тэмугэ-Отчигин, брат Чингисхана 17, 19, 20, 137, 216, 230, 244, 248, 296, 321

Угедей, хан 10, 14, 15, 18, 20, 22, 24, 26-31, 41, 45, 51, 90-97, 106, 107, 135-138, 144, 163, 166, 206, 215-218, 223-225, 229-231, 235, 245, 248-250, 252, 255, 276, 281, 307, 323, 329
Угней, половец 194, 232, 318
Удур, брат Бату 147
Узбек, хан 144, 145, 156, 312
Ука-учжина, мать Бату 18, 281
Улагчи, сын или внук Бату 175, 271, 285, 286, 289-291, 328
Ульянов О. М. 334
Ундасынов И. Н. 296, 334
Урагана-хатун, жена Кара-Хулагу 253
Урус-хан 312
Урянхатай, сын Субедея, полководец 107, 128, 244, 246, 276, 322, 326
Ускенбай К. 313

Утемиш-хаджи, хивин. 19, 79, 82, 145, 148, 280, 294, 312, 333

Уцзорбуган, ас (алан) 85

Фасмер М. 296

Фатима, рабыня Туракины-хатун 217, 229, 230

Фёдор Иванович, царь 156

Фёдор Ростиславич Чёрный, кн. ярославский, св. 178, 179, 316

Фёдор Юрьевич, сын кн. Юрия Игоревича 57, 58

Фёдор, боярин кн. Михаила Черниговского, св. 74, 189-194, 197, 199, 317, 318, 329

Фёдор Ярунович, боярин кн. Ярослава Всеволодовича 231

Фёдоров-Давыдов Г. А. 299, 307, 312, 315, 327, 328, 334

Феннел Дж. 303, 306, 324

Феодосий, иг. владимирский 68

Феодосия (Евфросиния), жена кн. Ярослава Всеволодовича 194

Филипп Нянька, воевода 63, 64

Фильний, бан, венгер. 202, 203

Флориан Войцехович, польск. 203

Фома Сплитский, архидиакон 69, 74, 109, 115, 117-119, 123-125, 128, 132, 134, 140, 160, 161, 295, 302, 303, 308-311, 315, 333

Франчук В. Ю. 304, 331

Фридрих II Гогенштауфен, имп. 129, 139, 210, 309

Фридрих II Бабенберг, герцог австрийский 124, 131, 132, 210

Фролова О. Б. 312

Халиков А. Х. 299

Ханларян Л. А. 294, 310, 331

Ханхус, кн. аланский 84

Хара-Даван Э. 36

Харитоновна Е. А. 333

Хатиби С. 321

Хетагуров Л. А. 333

Ходжа-Огул, сын Гуюка 240, 244, 247, 248, 254, 255
Хорду — см. Орда
Хорошкевин А. Л. 312, 316
Храпачевский Р. П. 9, 294, 296–301, 303–308, 310–312, 314, 315, 320, 322–324, 326, 331, 334
Хубилай, хан 18, 146, 147, 154, 249, 251, 253, 255, 264, 276, 281, 283, 323, 326, 328
Хугрин, еп. Калочский 123, 124
Хуку, сын Гуюка 251
Хулагу, ильхан 18, 26, 106, 126, 138, 187, 226, 249, 250, 266, 270, 276–280, 290, 326, 330
Хызр-хан 145, 146, 312

Ц. де Бридиа, монах 9, 295, 309–311, 315, 317–319, 321, 322
Цулая Г. В. 294, 320, 325, 331
Цыбулько Г. Ф. 315, 331

Чаган-нойон 235
Чагатай, сын Чингисхана 14–16, 18, 20, 22, 27, 28, 30, 31, 93, 95, 97, 137, 154, 217, 224, 225, 230, 248, 250, 253, 271, 295, 311
Чармагун, полководец 155, 205–207, 218
Чаур-сечен (Алталун), дочь Чингисхана 230, 245, 249, 311
Чевгу, татарин 316
Черепнин Л. В. 304, 335
Черменский П. Н. 300
Чернышевский Д. В. 300
Чжамуха, гурхан 299
Чжао Хун, кит. 37
Чильгир-Боко, меркит 13, 14
Чин-Тимур, онгут 223, 224
Чингисхан 5, 10–24, 27, 30–32, 35, 36, 38, 39, 41, 53, 63, 90, 93, 94, 96, 119, 121, 134, 136, 143–146, 154, 162, 165, 185, 186, 190, 215–218, 226, 229, 230, 242, 243, 248, 250, 253, 274, 276, 279–281, 283, 284, 296, 297, 299, 312, 321, 329
Чинкай, визирь 217, 223–225, 230, 240

Чойжилжавын Чойсамба 10, 295, 334, 335
Чэнлинь, имп. 25

Шамбинаго С. К. 316
Шамс ад-Дин, наиб 222
Шараф ад-Дин, хорезмиец 223—225
Шастина Н. П. 294, 298, 332, 333
Шевкал, татарин 169, 316
Шибан, брат Бату 10, 19, 20, 24, 27, 39, 41, 79, 81, 82,
118, 120, 125, 126, 145, 148, 149, 239, 244, 310, 312, 313
Шингкур, брат Бату 147
Ширамун, сын Кучу 18, 95, 137, 216, 228, 231, 240, 244,
245, 248-251, 254, 323
Шири-гамбу, тангут 84, 308
Шихсаидов А. 305
Шукуров Р. М. 321

Щавелёва Н. И. 309, 331
Щелкан Дудентьевич — см. Шевкал

Эке-Чиледу, меркит 12, 13
Эльчжигидай, сын Качиуна (Хачиуна), племянник
Чингисхана 91, 248, 323
Эльчжигидай — см. Илджидай
Эмин М. 294, 326, 331

Юдин В. П. 145, 294, 297, 312, 333
Юлиан, венгр 37, 38, 40, 42-44, 48-53, 299, 300
Юрий Всеволодович, вел. кн. 40, 43, 49-53, 55-57, 62-66,
70-75, 88, 114, 133, 301, 303
Юрий Игоревич (Ингваревич), кн. рязанский 55-61, 301
Юрченко А. Г. 195, 295, 310, 315, 317-319, 321, 332, 333,
335
Юсим М.А. 311

Языков Д. И. 295, 317, 319, 333, 335
Якубовский А. Ю. 311, 333, 334
Ян (Янчевецкий) В. Г., писатель 9, 18, 138

Ярослав Владимирович Мудрый, кн., св. 101
Ярослав Всеволодович, вел. кн. 65, 72, 75, 88–90, 163,
164, 175, 180, 182, 183, 188, 193–196, 199, 204, 205, 213, 214,
227, 231–233, 257, 260, 262, 267, 301, 305, 306, 318, 329, 330
Ярослав Ингваревич, кн. луцкий 306
Ярослав Ярославич, кн. тверской 175, 259, 316

Aloha 180. См. также Олег Игоревич, кн.
Bar Hebraeus — см. Абу-л-Фарадж
Boyle J. A. (Бойл Дж. Э.) 264, 294, 299, 314, 322, 325, 326,
333—335
Buell P. D. 335
Chambers J. 335
Dimnik M. 319
Dlugosz J. — см. Длугош Ян
Goeckenjan H. (Гёкеньян Х.) 311, 315
Halperin Ch. J. 335
Howorth H. H. 335
Labuda G. 309
Minorsky V. — см. Минорский В. Ф.
Pelliot P. — см. Пеллио П.
Richard J. 319, 333
Santopolicus — см. Святополк, кн. (?)
Sweeney J. R. 311
Szentpétery E. 309, 333
Uzelac A. 309
Wallis Budge E. A. 294, 333
Weiland L. 309

notes

Примечания

1

В соответствии с принятым в Монголии 12-летним «животным» циклом это 1228 год. Однако в китайской официальной хронике «Юань-ши» курултай датируется более поздним временем — августом — сентябрём 1229 года.

Как писал в конце 1920-х годов биограф Чингисхана калмык Э. Хара-Даван, даже в его время «монгол или киргиз замечает человека, пытающегося спрятаться за кустом, на расстоянии пяти или шести верст от того места, где он находится. Он способен издали уловить дым костра на стоянке или пар кипящей воды. На восходе солнца, когда воздух прозрачен, он в состоянии различить фигуры людей и животных на расстоянии двадцати пяти вёрст»¹⁴.

Говоря о тогдашних соседях и союзниках болгар — уральских венграх (уграх), венгерский монах-доминиканец Юлиан сообщает: татары «нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими». Если отсчет идёт от 1223 года — первого столкновения болгар с монголо-татарами, то цифры названы верно: завоевание Волжской Болгарии и соседних поволжских народов относится к 1236–1237 годам.

Исключение представляют известия, помещённые в «Истории Российской» русского историка XVIII века Василия Никитича Татищева: под 1232 годом он сообщает, что «болгары... прислали к великому князю Юрию объявить, что пришёл народ неведомый... вельми сильный (татары. — А. К.), и просили, чтоб послал к ним помочь, обещая все его убытки заплатить. Князь великий, собрав братьев и сыновцев, советовал. И слыша, что татар сила велика, а болгаров обезсилеть не желея, отказали им в помочи»; под 1236 годом: «Того же году от пленения татарского многие болгары, избегши, пришли в Русь и просили, чтоб им дать место. Князь же великий Юрий вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие. Тогда многие советовали ему, чтоб города крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татара придут на земли его, но он, надеясь на силу свою, яко и прежде, оное презрил»⁵. Однако нет оснований считать, что эти известия извлечены Татищевым из какой-то древней, не дошедшей до нас рукописи. Скорее перед нами реконструкция событий, основанная на собственных представлениях историка XVIII века.

По сведениям В. Н. Татищева, рязанские князья посылали за помощью также к князьям северским и черниговским, но те отказались помочь, ссылаясь на то, что «резанские с ними на Калк[у] не пошли, когда их просили, то и они помогать им и паки в страх вдаваться не хотят». У Татищева же приведена речь татарских послов, обратившихся от имени Батыя к рязанским князьям: «Прислал нас Батый, великий князь... сын и внук ханский, обвестить вам, всем князем руским, еже бог богов поручил ему всю вселенную обладать, всеми цари и князи, и никто же может противиться и дани давать отресчися. И как он ныне по повелению ханскому приблизился землям вашим, того ради повелевает вам у него явиться и дань принести. И ежели оное исполните, то явит вам милость, если же возпротивитесь, то разорит и погубит мечем и огнем все пределы ваша, как то со многими учинил»¹⁷. Судя по ссылке Татищева, эта речь могла быть реконструирована им на основании известий Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло о «гордом и самохвальном высокомнении ханов татарских».

Некоторые дополнительные подробности о взятии татарами Москвы приведены в выписках из какой-то неизвестной нам летописи, сделанных в первой трети XVIII века немецким историком И. В. Паузе: по его версии, воевода Филипп «всяде на конь свои и всё воинство его с ним, и тако прекрепи лице свое знаменьем крестным, отвориша у града Москвы врата и воскрича вси единогласно на татар. Татарове же, мняще велику силу, убояшася, нача бежати и много у них побито. Царь же Батый паче того с великою силою наступи на воеводу и жива его взяша, разсече его по частем и расбросаша по полю, град же Москву созже и весь до конца разорил, людей же всех и до младенец посекоша»³⁷. Источник и степень достоверности этого рассказа остаются невыясненными.

Согласно преданию, из всех суздальских монастырей во время нашествия уцелел один женский Ризоположенский. Об этом рассказывается в написанном в середине XVI века Житии преподобной Евфросинии, игуменьи Суздальской, чья молитва будто бы и защитила обитель⁴⁶. Согласно Житию, на Суздаль напал сам Батый, расположившийся близ города, на берегу реки Каменки (на Яроновой, или Яруновой, горе). Но это, конечно, всего лишь легенда — одна из многих местных легенд, порождённых страшным завоеванием.

Ещё одна местная легенда гласит, что при взятии Ярославля Батыем погибли князья Василий и Константин Всеволодовичи (притом что о первом достоверно известно, что он умер своей смертью во Владимире в феврале 1250 года, а второй в летописях не упоминается). В одном из списков их Жития, составленного в Ярославле в XVI веке, к этому добавлено совершенно фантастическое известие, будто Батый стоял под Ярославлем два с половиной года, отыскивая... своего отца: «бьаше бо той окаянный царь Батый родом града Ярославля, от веси Череможския» (нынешний Рыбинск)⁴⁷.

Так, после взятия Хорезма татары обезглавили взятых в плен сыновей хорезмшаха Мухаммеда, чьи головы, насаженные на копья, ещё долго возили по городу⁵². Позднее такую же, особо позорную в глазах монголов смерть примут князь-мученик Михаил Черниговский с боярином Фёдором и князь Роман Рязанский.

Как считают, этот лес находился между Кашином и Калязином; впоследствии здесь, на речке Шеринке, был основан Шеринский монастырь. Впрочем, это не единственная возможная локализация места гибели князя⁵⁵.

О нападении армий Батыя на Смоленск летописи не сообщают. Единственный же источник, повествующий об этом, — Слово о Меркурии Смоленском (некоем юноше, ценой собственной жизни избавившем город от татар)¹⁹, — носит поздний и явно легендарный характер.

Имя Эльжигидай (Илджидай) носили в Монголии несколько человек, в том числе племянник Чингисхана, сын его младшего брата Хачиуна (Качиуна). Обычно считается, что речь идёт именно о его сыне, однако на этот счёт имеются сомнения (см. ниже, прим. 56 к главе «На вершине могущества»).

По версии поздней Никоновской летописи, Батый накануне штурма обратился к киевлянам с таким предложением: «Аще покорите ми ся, будет вам милость; аще ли противитесь, много пострадаете, зле погибнете». Жители, однако, «никакоже послушающим его, но и злословящим и проклинаящим его. Батый же разгневался зело и повеле с великою яростию приступати ко граду»⁸. Но это, вероятно, домысел летописца XVI века.

По сведениям персидских историков Джувейни и Рашид ад-Дина, царевичи прибыли в Монголию уже после того, как великий хан скончался²⁹, то есть после декабря 1241 года. Ко времени отцовской смерти Гуюка в Монголии действительно не было. Однако в «Сокровенном сказании», как мы помним, сообщается, что Гуюк встречался с отцом и, следовательно, застал его в живых. Остаётся предположить, что после встречи с сыном Угедей вновь отослал его от себя (напомню, что дело о ссоре царевичей во время пира было передано на рассмотрение Батыея), и весть о смерти отца застала Гуюка в пути — но не из Восточной Европы в Монголию, а, наоборот, из Монголии на запад.

По другим источникам, 31 марта, в самый день Пасхи.

Магистр ордена тамплиеров во Франции Понс де Обон сообщал в донесении королю Франции Людовику IX Святому о гибели в сражении «шестерых из наших братьев, трёх рыцарей, двух служителей и пятисот наших людей»; при этом лишь трём братьям удалось спастись⁴¹.

С событиями в городе Варад оказалась связана легенда о гибели Батыя во время венгерского похода, помещённая в поздних русских летописях под 1247 годом (она вошла также в некоторые русские агиографические сочинения). Однако в этой легенде, возникшей на Руси очень поздно, не раньше 70-х годов XV века, оказались соединены самые разные сюжеты из разных исторических эпох, не имеющие никакого отношения ни к реальному Батыю, ни к реальным событиям его похода в Венгрию. (Подробно см. об этом прим. на с. 286.)

О гибели «во Угрех» одного из воевод Батыя сообщает и русская Никоновская летопись XVI века; здесь этот «великий князь Батыев» назван Бердебеком (имя, вероятно, вымышленное; его носил один из правителей Золотой Орды в XIV веке)⁶⁷.

По сведениям Никоновской летописи, в числе взятых в плен оказался некий королевич Минуш, или Менуш: «...и королевича Минута руками изымаша и приведоша к Батыю, и множество воевод великих приведоша»⁶⁸.

По всей вероятности, именно об этом сражении сохранилась память в хивинских преданиях, записанных в XVII веке хивинским ханом и историком Абу-л-Гази, потомком Шибана: напомним, что в этих преданиях тоже рассказывалось о том, как брат Бату перерубал железные цепи и деревянные телеги, которыми был оцеплен неприятельский стан, только местом битвы названа столица России Москва (явный анахронизм)⁶⁹. Вассаф, следующий в основном за Джувейни, называет вместо Шибана — явно по ошибке — сына Бату Сартака: последний «с одним туманом ринулся навстречу врагу; этот отряд спустился по склону горы в точности как горный поток. Подобно обрушивающейся на людей predetermined судьбою беде, которую никто не в состоянии отразить, они устремились на лагерь врага и мечами разрубили канаты шатровых оград...».

Между прочим, впервые почти за шесть столетий до Пушкина её высказал архидиакон Фома Сплитский. «... Благодаря сильному сопротивлению рутенов (русских. — А. К.), — писал он о монголах, — они не смогли продвинуться дальше; действительно, у них было множество сражений с народами рутенов и много крови было пролито с той и другой стороны, но они были далеко отогнаны рутенами». Правда, здесь сплитский хронист ошибочно и с очевидной хронологической неувязкой оценивал действия монголов после их первого нашествия на Восточную Европу в 1223 году. «Поэтому, свернув в сторону, — продолжал он, — они с боями прошли по всем северным землям и оставались там двадцать лет, если не дольше»⁹².

Первым документальным подтверждением «царского» титула Менгу-Темира в русских источниках является выданный им ярлык русскому духовенству, датированный августом 1267 года⁷.

23

Л ь е (л ь ё) — старинная французская мера длины, 4445 метров ($\frac{1}{25}^\circ$ меридиана).

Название «Кановичи» применительно к Каракоруму и Монголии утвердилось на Руси после смерти Угедея, в период междуцарствия и отсутствия великого хана. По весьма вероятному предположению историков, «Кановичами» (от «кан», или «хан») первоначально называли сыновей умершего Угедея⁴⁵.

Еще об одном случае такого рода сообщает поздняя Устюжская летопись. Но содержащиеся в ней сведения, по-видимому, носят легендарный характер. Летопись рассказывает о некоем «ясащике» Буге-богатыре (или Багуй-богатыре), жившем при хане Берке в Великом Устюге и собиравшем здесь дань: он «взял у некоего крестьянина (христианина. — А. Х.) дочь девицу насилием за ясак на постелю». Во время известного восстания 1262 года Буга едва не был убит; он обещал креститься, «а с девицею венчаться. И наречено бысть имя ему Иван». Этот Буга-Иван, по легенде, считался основателем устюжской церкви Рождества Иоанна Предтечи «на Соколье горе»⁵⁰.

Где именно находился главный город его княжества, неизвестно. Во всяком случае, это не нынешний Липецк (как иногда считают), а некий неизвестный нам древнерусский город, находившийся вблизи Курска и Рыльска.

Ярослав Всеволодович, его сын Константин (не назван Плато Карпини по имени), Даниил Галицкий, Михаил Черниговский (убитый в Орде), предположительно рязанский князь Олег Игоревич (у Плато Карпини — Алоха, без указания на город) и, возможно, князь Святослав Всеволодович (см. след. прим.).

Это Роман (скорее всего, сын Олега Рязанского), который «въезжал в землю татар» со своими товарищами; «некто из Руси по имени Святополк» (Santopolicus; может быть, Святослав Всеволодович?), встретившийся со спутниками Плано Карпини у Мауци (Могучея); казнённый татарами черниговский князь Андрей (вероятно, Андрей Мстиславич, о убиении которого «от Батыя» сообщают и некоторые русские летописи — но без указания на его путешествие в Орду) и его не названный по имени младший брат.

По всей вероятности, под словом «куст» летописцы имели в виду шест, ставившийся вблизи ритуальных костров и украшенный кусками ткани (см. ниже).

Б у к е р а н, или б у к а р а н — вид ткани.

Особенно тяжело при первых монгольских ханах приходилось мусульманам. Так, например, в подвластных монголам областях под страхом смерти запрещалось совершать омовения в проточной воде, резать баранов в соответствии с предписаниями шариата и т. д. Это делало жизнь мусульман во многих отношениях невыносимой. Крайне неприязненно относился к мусульманам великий хан Гуюк: ходили даже слухи (очевидно, неправдоподобные), будто он намеревался оскопить всех последователей ислама в своих владениях. Вопиющие примеры насилия над религиозными чувствами мусульман приводил армянский историк XIII века Григор Акнерци, рассказывая о правлении Хулагу, основателя династии ильханов в Иране. По его словам, Хулагу «отправил во все города мусульманские по две тысячи свиней, приказав назначить к ним пастухов из магометан, мыть их каждую субботу мылом и кроме травы кормить их миндалём и финиками. Сверх того, он приказал казнить всякого таджика (здесь: мусульманина. — А. К.), без различия состояния, если тот отказывался есть свинину»¹⁵. Это также всего лишь слухи, распространявшиеся среди армян, но, как и в предыдущем примере, слухи весьма симптоматичные.

Речь идёт о последней, третьей или четвёртой по счёту, супруге князя, на которой он женился после того, как в мае 1244 года в Новгороде умерла княгиня Феодосия (в постриге Евфросиния), мать всех его сыновей. Кем была эта женщина, русской или татаркой, неизвестно.

Это было хорошо известно в Европе, в том числе и от русских. «Послов они благосклонно принимают, расспрашивают и отпускают», — рассказывал русский архиепископ Пётр участникам Лионского собора 1245 года²⁹. По всей вероятности, доминиканцы были знакомы с его рассказом, что, между прочим, отчасти объясняет их стойкость.

Слова, которыми Батый встретил Даниила, сходны с теми, которыми монгольский военачальник Чармагун, завоеватель Закавказья, встретил явившегося к нему грузинского правителя Авага Мхардзели: «Почему ты не пришёл ко мне, как только я вступил в пределы твоей страны?» А когда Аваг сказал что-то в своё оправдание, Чармагун назидательно продолжил: «В пословице говорится: подошёл я к ердику, ты не вышел ко мне; подошёл я к двери — тогда ты только вышел ко мне»³⁹.

Рассказ о пребывании Авага в ставке Чармагуна даёт немало материала для правильного понимания поведения Даниила в ставке Батыя. Так, когда Чармагун устроил пир и позвал на него своего гостя, рассказывает армянский хронист Киракос Гандзакеци, «принесли и подали очень много кусков разделанного и сваренного мяса как чистых, так и нечистых тварей и, как принято у них, много бурдюков кумыса из кобыльего молока и начали есть и пить. А Аваг и его спутники не ели и не пили»; они объяснили это тем, что христианам не пристало вкушать такую пищу. «И Чармагун приказал подать им то, что они просили». Даниил же, в отличие от Авага, не посчитал возможным отказаться от угощения.

Напомню, что отец Кудэна Угедей передал ему две тысячи воинов из числа тех, которые раньше принадлежали Тулую. Вдова Тулуя Соркуктани-беги не стала возражать против этого — и, как выяснилось впоследствии, поступила весьма дальновидно. С этого времени и сам Кудэн, и его сыновья поддерживали хорошие отношения с сыновьями Соркуктани.

Такова версия Рашид ад-Дина. По версии же Джувейни, ко времени стычки Куркуза с эмиром Чагатая умер и Угедей, о чём Куркуз будто бы узнал в дороге от встретившегося ему гонца.

8 А. Карпов

В данном случае слово «пурпур», очевидно, является не обозначением цвета, а синонимом драгоценной («царственной») ткани, которая может быть разных цветов.

Так в некоторых рукописях Рашид ад-Дина. В других иначе: «Так как Кудэн... скончался». По всей вероятности, Кудэн умер во время курултая или же сразу после его завершения.

Этот город на пути в Каракорум посетил Гильом Рубрук. Развалины города, как считается, обнаружены археологами на окраине села Антоновка Саркандского района Талды-Курганской области Казахстана на небольшой речке Ащибулак³⁷.

Такова версия Джувейни. Согласно Рашид ад-Дину, царевици не приезжали в ставку Бату, ограничившись присылкой своих представителей.

В другом месте своего труда Рашид ад-Дин пишет, что эти войска Бату доверил брату Берке и сыну Сартаку. Однако это, очевидно, ошибка: по свидетельству армянских источников, Сартак оставался на Волге, где замещал отца⁴⁹.

Учитывая, что в том же 1247 году на восток двинулся и сам Батый со своей ордой, можно было бы предположить, что Андрей и Александр сопровождали его в поездке. Но до Монголии Батый так и не добрался; русские же князья, судя по указанию летописи, в «Кановичах» побывали. Если исходить из времени их возвращения на Русь (зима 1249/50 года), то вполне можно допустить и их участие в курултае, устроенном Батьгем в Алатау-уле. Однако ярлыки на княжение они, вероятно, получили раньше, ибо едва ли Менгу, ещё не утвердившийся в качестве великого хана и не признанный таковым в Монголии, мог заниматься второстепенными для него русскими делами.

Автор поздней Никоновской летописи называет Неврюя «царевичем». Если это слово не домысел летописца XVI века, то оно свидетельствует о том, что Неврюй был Чингисидом. Однако среди потомков Чингисхана царевич с таким (или похожим) именем не значится. В Житии Александра Невского Неврюй именуется «воеводой» Батыя — и это больше похоже на правду.

В. Г. Тизенгаузен писал даже о параличе, будто бы разбившем Бату, предлагая такой перевод известного рассказа Рашид ад-Дина об отказе Батыя поехать в Монголию для избрания Гуюка: «...Бату, по старости лет, приключилась болезнь паралича, и когда его потребовали на курултай, то он под этим предлогом уклонился»⁴⁴. В переводе Ю. П. Верховского (см. выше): «...Бату, вследствие преклонного возраста, почувствовал упадок сил...»

Согласно этой легендарной повести, «злочестивый и злоименитый мучитель» устремился на «западных угров», к «вечерним странам, их же прежде не доходил». Разорив и опустошив многие «места и грады», он дошёл до великого города Варадина, где правил король Власлов, или Владислав, обращённый в лоно Православной церкви (из католичества) святым Саввой, архиепископом Сербским. (В образе этого короля Владислава соединились черты двух исторических личностей: Владислава (Ласло) I Святого, жившего в XI веке, и Владислава IV Кумана, правившего в 1272–1290 годах и бывшего современником нашествия на Венгрию татарских войск во главе с правнуком Батыя Телебугой и всесильным темником Ногаем в 1285 году.) С Божьей помощью Владислав нанёс поражение татарам. Батый бежал к «Угорским планинам» (Карпатским горам); вместе с ним бежала и сестра короля Владислава, взятая татарами в плен и принявшая сторону Батыя. Король настиг Батыя и собственноручно убил его; вместе с ним он убил и свою сестру. Автор повести (а им признают знаменитого агиографа XV века Пахомия Логофета, серба по происхождению) ссылаясь и на некие мемориальные подтверждения своего рассказа: «Сотворён же был медным литьём король, на коне сидящий и секиру в руке держащий, которой Батыя убил; и водружён на том столпе на обозрение и память родам и до сего дня»⁵⁸. Как уже отмечалось выше, «Повесть об убиении злочестивого Батыя» была составлена на Руси не ранее 70-х годов XV века, в период подготовки к решительному военному столкновению Московского государства с Большой Ордой, преемницей Золотой Орды.

Ибн Халдун, говоря о матери Тукана, не называет её имени. Зато имя Боракчин называют другие арабские хронисты — ан-Нувейри и ал-Айни, которые, правда, считали её женой не Батыя, но его сына Тукана; по версии этих авторов — вероятно, ошибочной — Боракчин действовала в интересах своего сына (от Тукана) Туда-Менгу. Можно, конечно, вслед за некоторыми историками предположить, что после смерти Батыя, в соответствии с монгольским обычаем, Тукан взял себе в жёны вдову отца⁶⁸. Но едва ли старшая из Батыевых жён могла родить ему сына. Скорее ан-Нувейри и ал-Айни ошибаются, и прав Ибн Халдун, у которого речь идёт о матери, а не жене Тукана.